

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 8 2018 (АВГУСТ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Л. Степанов — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
П.В. Акулишин — д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
Э.Н. Алиева — д.филол.н., доцент, независимый эксперт
А.Ю. Ватлин — д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Г.И. Воронина — д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
Е.Е. Вяземский — д.п.н., проф., МПГУ
Н.А. Герасименко — д.филол.н., проф., МГОУ
Е.Б. Евладова — д.п.н., г.н.с., ИИДЦВ РАО
А.Э. Котов — д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
С.К. Лебедев — д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
П.В. Лизунов — д.и.н., проф., Сев. [Арктический] Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
А.П. Миньяр-Белоручева — д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
М.В. Михайлова — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Я.М. Нейматов — д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова — д. филол.н., проф., Московский гум. университет
В.В. Петрусинский — д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
Т.А. Печенёва — д.п.н., Белорусский ГУ
Н.Л. Пушкарева — д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
А.Н. Рыжов — д.п.н., проф., МПГУ
А.И. Савостьянов — д.п.н., проф., МПГУ
А.С. Сенявский — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
М.Ю. Сидорова — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
А.М. Сморгчов — д.и.н., проф., РГГУ
О.Ю. Стрелова — д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
В.И. Тюпа — д. филол.н., проф., Институт филоп. и истории РГГУ
Н.М. Щедрина — д. филол.н., проф., МГОУ
С.Н. Ханбалаева — д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
Н.В. Юдина — д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью

«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

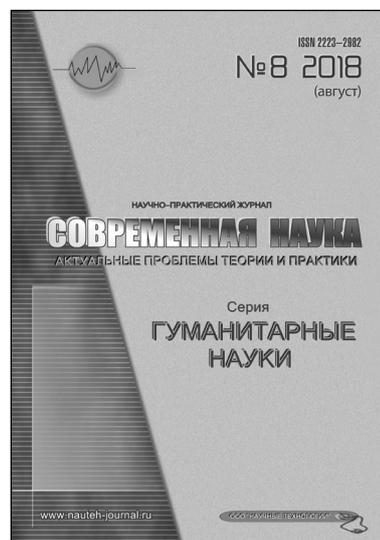
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 8 август 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.08.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Жэнь Яньянь — Ситуация выдвижения и коннотация инициативы «Один пояс, один путь»
Ren Yanyan — The Proposing Situation and the Concept of the Initiative «One belt, One Way» 5

Се Ипин — Деятельность КНР в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)
XieYiping — The activities of the PRC in the organization of the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) 9

Педагогика

Белова Л. А., Быстрой Е. Б., Заседателева М. Г. — Применение методического проекта «классная комната как мастерская текстов» в средней школе
Belova L., Bystray E., Zasedateleva M. — Application of the methodical project «class room as a workshop texts» in the medium school 15

Глоткина А. А. — О психологическом портрете будущих менеджеров в авиастроении и обучении их иностранным языкам
Glotkina A. — About psychological portrait of future managers in aerospace industry and teaching them foreign languages 20

Глоткина А. А. — Эклектизм в преподавании английского языка в неязыковых вузах
Glotkina A. — Eclecticism while teaching the English language at non-philological programs 24

Ивинская М. С. — Акмеологическая концепция формирования образовательной среды в рамках обучения иностранному языку
Ivinskaya M. — Akmeological concept of formation of the educational environment within the framework of foreign language teaching 28

Меклеева В. М., Хазыкова Т. С. — Студенческое самоуправление как форма организации внеучебной деятельности студентов вуза
Mekleeva V., Khazykova T. — Student self-government as a form of organization of extracurricular activities of University students 33

Основина Т. Ю. — Портфолио как метод повышения учебной активности и профессиональной социализации студента
Osnovina T. — Portfolio as a method of increase of educational activity and professional socialization of the student 36

Панькин А. Б., Шагаева Н. А., Тлеккабылова Д. Ж. — Психолого-педагогические основы формирования информационной культуры личности
Pan'kin A., Shagaeva N., Tlekkabylova D. — Psychological and pedagogical bases of formation of information culture of the person 41

Пушкина А. В. — Интеграция переводческих тренингов в процесс обучения переводу
Pushkina A. — Introduction of trainings when teaching translation 45

Рудомётова Л. Т., Шлангман М. К. — Система формирования исследовательской деятельности студентов в неязыковом вузе на принципе системного подхода на примере дисциплины иностранный язык
Rudometova L., Shlangman M. — The theory and methods of professional education the system for the formation of research activities of students in a non-linguistic university on the principle of a system approach on the example of the discipline of a foreign language 48

Рычкова Т. А., Бурцева А. В. — Проблемы русского языка в системе школьного образования на Кольском полуострове 1920–30-х годов
Rychkova T., Burceva A. — Problems of the Russian language in the school system on the Kola Peninsula in the 1920–30s 53

Рязанцев А. А. — Динамика адаптационных возможностей студентов-иностранцев к обучению в вузе
Ryazantsev A. — The dynamics of the adaptation possibilities of students to study at the university 59

Самородова Е. А., Иноземцева Е. С., Брагина Т. В. — Особенности формирования иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции у юристов-международников в процессе обучения языку специальности
Samorodova E., Inozemtseva E., Bragina T. — Formation of the foreign-language communicative professional competence of foreign lawyers in the process of teaching the language for professional purposes..... 62

Сентебова Е. Л., Козубовская Л. А. — О важности фоновых знаний при обучении студентов переводу научно-технических текстов
Sentebova E., Kozubovskaja L. — Background knowledge in teaching students technical translation.....69

Сичинский Е. П., Сташкевич И. Р., Федосеева З. А. — О системе непрерывного повышения квалификации работников среднего профессионального образования Челябинской области
Sichinsky E., Stashkevich I., Fedoseeva Z. — About the system of continuous increase of qualification of workers of secondary professional education of Chelyabinsk region..... 72

УЦзинь — Претворение стилевых черт традиционного вокала в национальной опере Китая
Wu Jin — The implementation of the style features of traditional vocals in the Chinese National Opera..... 76

Чернова Н. М., Поляков В. М., Лабаева Т. А. — Особенности обучения переводу на занятиях по иностранному языку в не языковом вузе (из опыта работы в не языковом вузе)
Chernova N., Polyakov V., Labaeva T. — Features of translation teaching in the classroom for foreign language in not language high school (from experience in not language high school)..... 84

Янь Цзе — Цель и задачи музыкального воспитания в общеобразовательной школе Китая
Yan Jie — The purpose and tasks of musical education in Comprehensive School of China..... 88

ФИЛОЛОГИЯ

Баматгиреева М. В. — Роль экстралингвистических и лингвистических факторов в образовании терминосистемы
Bamatgireeva M. — The role of extralinguistic and linguistic factors in the formation of the term system..... 93

Белоус Л. В. — Новая концепция войны: современная проза о чеченских войнах в зеркале литературной критики
Belous L. — New conception of war: literary criticism about modern battle prose devoted to Chechen wars..... 96

Ван Цянь — Семантические трансформации имён прилагательных в современном русском языке (на материале новостных лент)
Wang Qian — Semantic transformations of adjective in the present Russian language (on the material of newsletters)..... 101

Волобуева О. Н. — Об особенностях фразеологической семантики (на примере фразеологии интеллектуальной сферы)
Volobueva O. — The distinctive features of phraseological semantics (by the example of idioms of intellectual field)..... 105

Горушкина А. В. — Языковая игра как доминирующий прием в творчестве Али Кудряшевой
Gorushkina A. — Language game as the dominant device in creativity Ali Kudryasheva..... 109

Иващенко Н. А. — Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности фразеологизированных частиц с компонентом *что*
Ivashchenko N. — Structural-semantic and functionally pragmatic peculiarities of phraseologized particles with the component *that*.... 113

Казакова А. А. — Особенности агональной коммуникации в судебно-юридическом дискурсе
Kazakova A. — Peculiarities of agonal communication in law discourse..... 116

Килабова М. А. — Авторская характеристика собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности чеченского писателя Мусы Эльмурзаевича Бексултанова	Садуов Р. Т. — Стилизация в современных российских супергеройских комиксах (на примере комикса «Инок»)
<i>Kilabova M.</i> — The author's characteristic of the Chechen writer Musa Elmurzaevich Beksultanov's literary and esthetic concept and creative identity. 120	<i>Saduov R.</i> — Stylization of contemporary Russian superhero comics (case study of friar). 157
Королев И. О. — Компьютерно-игровой дискурс как разновидность компьютерной коммуникации	Самосюк Н. Л. — Полисемиотический текст «романа-фильма» Б. Акунина «Смерть на брудершафт» и его роль в смене коннотаций исторического дискурса
<i>Korolev I.</i> — Computer games discourse as an aspect of computer communication 124	<i>Samosyuk N.</i> — The principal role of the poly semiotic text of «novel-film» by Boris Acunin «death on druderschuft drink for the forming a sense of historical discourse 163
Левицкая Н. Е. — Временная сфера картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего	Хазуева Б. А. — Философская концепция любви и времени в лирике Шайхи Арсанукаева
<i>Levitsky N.</i> — The temporal sphere of the author's world picture in the landscape discourse of the lyrics of Boris the Red 129	<i>Hazuyeva B.</i> — The philosophical concepts of love and time in Shaykhi Arsanukayev's lyrics. 168
Минец Д. В., Горющенко Д. О. — Фразеосхемы в интернет-коммуникации (по материалам платформы «Твиттер»)	Хомяков С. А. — Типология форм художественного времени и пространства в литературном произведении (на примере романа «Над кукушкиным гнездом» К. Кизи)
<i>Minets D., Goryuschenko D.</i> — Frazeoskhema in Internet communication (for content platform «Twitter»). 137	<i>Khomyakov S.</i> — Typology of forms of artistic time and space in a literary work (by the example of the novel «One flew over the cuckoo's nest» by Ken Kesey) 174
Паймакова Е. А., Максимова О. Б. — Древнеанглийские прилагательные-синонимы: некоторые особенности их семантики и употребления (на примере прилагательных <i>hefig</i> и <i>swær</i>)	Хомяков С. А. — «Время во времени» в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой
<i>Paymakova E., Maximova O.</i> — Old English synonymous adjectives: some features of their semantics and use (as exemplified by adjectives <i>hefig</i> and <i>swær</i>) 143	<i>Khomyakov S.</i> — «Time in time» in the «Poem without a hero» A. A. Akhmatova 179
Попова Т. П. — Автор в книге «Столицы мира» П. Д. Боборыкина	Ху Ешун — Перевод культурем в составе морфем (на примере морфем со значением локализации)
<i>Popova T.</i> — Author in the book «Capitals of the world» by P. D. Boborykin 148	<i>Hu Yeshuang</i> — Translation of cultureme in the morpheme (on the example of morpheme with the meaning of localization) 184
Пудикова Г. Н., Муртазина Д. А. — Особенности современного делового оборота и языка документов на примере русского и португальского гарантийного письма	Чалова Л. В. — Удовольствие и радость как составляющие языка эмоций
<i>Pudikova G., Murtazina D.</i> — Features of modern workflow and document language on example of Russian and Portuguese guaranty letters 152	<i>Chalova L.</i> — Pleasure and joy as units of emotive language 189
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 193
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 195

СИТУАЦИЯ ВЫДВИЖЕНИЯ И КОННОТАЦИЯ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Жэнь Яньянь

Шанхайский университет иностранных языков

(Шанхай)

1938792893@qq.com

THE PROPOSING SITUATION AND THE CONCEPT OF THE INITIATIVE “ONE BELT, ONE WAY”

Ren Yanyan

Summary. The concept «One belt, one way» was first put forward by the PRC chairman in 2013 during his visit to Kazakhstan. In this concept, two projects are united: the «Economic belt of the Silk Road» and the «Marine Silk Road of the XXI century». This is an initiative of the Chinese government and the Chinese mind, which is a completely open and exclusively commercial project, and not having any political interests. The objectives of this international initiative are to improve existing and create new trade routes, transport and economic corridors, as well as make economic ties maintained between Euro-Asian countries closer.

The initiative “One belt, One Way” will fully rely on the existing bilateral and multilateral mechanisms of China and the countries concerned, focusing on existing and effective regional cooperation platforms. China will actively develop economic cooperation with countries on the way to joint building of a community of interests, destinies and responsibilities with political mutual trust, economic integration and cultural inclusion within the framework of the One-Belt, One-Way Initiative. to use the historical symbol of the road of one belt in order to borrow the ancient Silk Road, keep the banner of peaceful development and actively develop and the economic partnerships of countries along the route will jointly create a community of interests, a community of destiny and a community of responsibility for political mutual trust, economic integration and cultural integration.

Keywords: initiative “One belt, One Way”; background initiating; connotation; significance

Аннотация. Концепция «Один пояс, один путь» впервые была выдвинута председателем КНР в 2013 году во время его визита в Казахстан. В данной концепции объединяется два проекта - «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Это инициатива Китайского правительства и китайской мысли, которая является полностью открытым и исключительно коммерческим проектом, не имеющим политических интересов. Цели этой международной инициативы заключаются в том, чтобы совершенствовать уже существующие и создавать новые торговые пути, транспортные и экономические коридоры, а также сделать поддерживаемые между евро-азиатскими странами экономические связи более тесными.

Инициатива «Один пояс, один путь» будет в полной мере опираться на существующие двусторонние и многосторонние механизмы в Китае и задействованных странах, ориентируясь на существующие эффективные платформы регионального сотрудничества. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» и на основании общности интересов, судеб и ответственности, с политическим курсом взаимного доверия, Китай будет развивать экономическую интеграцию и культурное многообразие. Используя заимствованный у древности исторический символ Шелкового пути как дороги одного пояса, будет поднято знамя мирного и активного развития экономические партнерства стран по этому маршруту, будет совместно создаваться сообщество интересов, судеб и ответственности за политическое взаимное доверие, экономическую и культурную интеграцию.

Ключевые слова: Инициатива «Один пояс, один путь»; ситуация выдвижения; коннотация; значение.

1. Ситуация выдвижения инициативы «Один пояс, один путь»

Мы будем в основном описывать ситуацию выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» Китаем с трёх точек зрения: исторического контекста, обстановки эпохи и обстановки в Китае.

1.1 Исторический контекст выдвижения Инициативы

Шелковый путь был древним коммерческим торговым маршрутом, который начинался в Древнем Китае и связывал Азию, Африку и Европу. Его первоначальная

роль заключалась в транспортировке шелковых, фарфоровых и других товаров, произведенных в древнем Китае, а затем он стала главным экономическим и политическим трактом между Востоком и Западом, по которому шел обмена во многих аспектах, таких как культура и искусство.

В 877 году немецкий географ Рихтгофен в своей книге «Китай» назвал «существовавшее в период от 114 г. до н.э. по 127 г. н.э. средство шёлковой торговли между Китаем и Центральной Азией, Китаем и Индией» как «Шелковый путь». Этот термин был быстро принят учеными и общественностью, и вошел в широкое официальное использование. Позже немецкий историк Ха-

усманн в своей книге «Древний шелковый путь между Китаем и Сирией», опубликованной в начале 20-го века, на основе вновь обнаруженных культурных реликвий и археологических данных, распространил протяженность Шелкового пути на до западного побережья Средиземного моря и Малой Азии, тем самым определив основную коннотацию Шелкового пути, то есть он является воротами для торговли на суше между Китаем и Южной Азией, Западной Азией, Европой и Северной Африкой через Центральную Азию.

По типу транспортировки Шелковый путь был разделен на Шелковый Путь и Морской Шелковый Путь.

Шелковый путь, проходящий по суше, брал начало в столице Чанъань (ныне Сиань), через города Лянчжоу, Цзюцюань, Гуачжоу, Дуньхуан и страны Центральной Азии, Афганистан, Иран, Ирак, Сирию и т.д., достигал Средиземного моря и завершался в Риме, его общая протяженность составляла 6440 километров. Эта дорога считается пересечением древних восточных и западных цивилизаций, а шелк являлся наиболее широко представленным товаром [《是谁发现了丝绸之路》, 2017]

Морской шелковый путь относится к морскому маршруту для экономического и культурного обмена между Древним Китаем и другими странами мира. Самое раннее открытие морского шелкового пути также началось при династиях Цинь и Хань. Он брал начало в прибрежных городах Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Нинбо и Янчжоу, от Южного моря до Аравийского моря и даже до восточного побережья Африки. С развитием времени Шелковый путь стал коллективным названием для всех путей политического, экономического и культурного обмена между Древним Китаем и Западом. В дополнение к «Шелковому пути на суше» и «Морскому шелковому пути» существует еще и «Прейри Шелковый путь» по Монгольской степи, а затем на север от Тянь-Шаня.

1.2 Ситуация эпохи выдвижения инициативы

В мире сегодня происходят сложные и глубокие изменения. Продолжает проявляться глубокое влияние международного финансового кризиса. Мировая экономика медленно восстанавливается, а развитие идет неоднородно. Международные правила инвестиций и торговли, а также правила многосторонней инвестиционной торговли подвергаются коренному пересмотру, а проблемы развития, с которыми сталкиваются различные страны, по-прежнему являются серьезными. Инициатива «Один пояс и одна дорога» согласована с тенденцией многополярности, экономической глобализации, культурной диверсификации и социальной информатизации. В духе открытого регионального сотрудниче-

ства она привержена поддержанию глобальной системы свободной торговли и открытой мировой экономики.

Инициатива «Один пояс и одна дорога» направлена на поощрение упорядоченного и свободного потока экономических элементов, эффективное распределение ресурсов и глубокую интеграцию на рынке, а также содействие координации экономической политики между странами на этом пути и развитие регионального сотрудничества в более широких масштабах, на более высоком и более глубоких уровнях для совместного создания открытого, всеобъемлющего, сбалансированного и всеобъемлющего регионального механизма экономического сотрудничества. Построение «единого пояса и одной дороги» отвечает коренным интересам международного сообщества, подчеркивая общие идеалы и добрую волю человеческого общества. Это активное исследование новой модели международного сотрудничества и глобального управления добавит новую позитивную энергию в мирное развитие всего мира. [《推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动》, 2015]

Инициатива «Один пояс и одна дорога» посвящена взаимосвязи и взаимодействию Азии, Европы и Африки и окружающих океанов. Она будет устанавливать и укреплять партнерские отношения между странами вдоль маршрута и создавать комплексную, многоуровневую и всеобъемлющую сеть взаимосвязей и взаимодействия, что обеспечить разнообразное, автономное, сбалансированное и устойчивое развитие стран, расположенных вдоль маршрута. Проект «Один пояс, один путь» будет способствовать согласованию стратегий развития стран вдоль маршрута, задействовать потенциал регионального рынка, стимулировать инвестиции и потребление, создавать спрос и занятость, а также поощрять культурный обмен и взаимное приятие между народами стран вдоль маршрута, позволить людям встречаться друг с другом, поддерживать взаимное доверие и взаимное уважение и разделить гармоничную, мирную и процветающую жизнь.

За последние 30 лет благодаря своим реформам и политике открытости Китай добился огромных успехов. В то же время существуют и такие проблемы, как отсутствие на высшем уровне, отсутствие определенных целей и внимания к улучшению международной среды развития. Настоятельно необходимо укрепить системную интеграцию во всех аспектах реформ и политики открытости.

Продвижение реформ через открытость — это основной опыт реформ и политики открытости Китая. Секрет его успеха заключается во внедрении внешнего контроля за корпоративным и государственным управлением

посредством активной интеграции в мировой рынок для повышения эффективности управления. Однако за последние 30 лет внешний надзор за макроэкономическими и микроэкономическими реформами не являлся внешним контролем в полном смысле этого слова. Объектом контроля является только деятельность губернатора, а не настоящий внешний субъект. Проблема неэффективности остается острой. Чтобы коренным образом решить эту проблему, необходимо всесторонне углублять реформы. Инициатива «Один пояс и одна дорога» является общей программой открытия Китая для внешнего мира, а также ключом к всестороннему углублению реформ. Благодаря интеграции международного управления и реализации сотрудничества транснациональных прав собственности государственными предприятиями, реализация инициативы «Один пояс и один путь» позволит эффективно избежать ограничений «западного опыта» и не позволит самому управлению ограничиться «ближним» рынком. Инициатива «Один пояс и один путь» придерживается «четырех основных принципов», а также вовлекает новые подконтрольные субъекты в экономическое, национальное и социальное управление для Китая из-за пределов системы управления. Дополнительно внедрены надзорные темы из-за пределов системы управления, создан сильный и более эффективный внешний надзор и коренным образом разрешена проблема эффективности управления. Тем самым создан сильный, более эффективный внешний надзор и коренным образом решить проблему эффективности управления. В настоящее время, в условиях новой нормальной экономики и реформ «холодного хода», необходимо укреплять строительство новой открытой экономической системы с помощью инициативы «Один пояс и один путь» и всесторонне содействовать реформе и развитию во всех областях жизни страны, особенно в области реформы снабжения» — [《一带一路》应加强基础理论研究》, 2016]

В настоящее время экономика Китая и мировая экономика тесно связаны между собой. Китай будет последовательно придерживаться базовой национальной политики открытости по отношению к внешнему миру, строить новую модель открытости во всех направлениях и глубоко интегрироваться в мировую экономическую систему. Продвижение строительства «один пояс и один путь» — это не только необходимость расширения и углубления своей открытости к миру, но и необходимость укрепления взаимовыгодного сотрудничества с Азией, Европой и Африкой и всеми странами мира. Китай готов взять на себя больше обязанностей и обязательств в рамках своих возможностей и вносить больший вклад в мирное развитие человечества.

О важности этого проекта для Китая свидетельствует то, что планы по развитию практически всех мини-

стерств и ведомств республики были скорректированы с учетом необходимых шагов в рамках проекта «Один пояс — один путь». [Китайская инициатива «Один пояс — один путь»: какие возможности она открывает для России, 2017]

Китайский статистический отдел будет активно проводить статистику и мониторинг по соответствующим показателям устойчивого развития и энергично продвигать строительство современных статистических систем, он будет прилагать все усилия, чтобы предоставить авторитетные статистические данные об экономическом и социальном развитии Китая и активно собирать статистические данные стран на пути в целях дальнейшего улучшения международной сопоставимости статистических данных Китая, и обмениваться опытом практики статистической реформы и развития с другими странами. Также он будет работать совместно с государственными статистическими агентствами в странах вдоль «одного пояса и одного пути» для укрепления обмена статистическими данными, а также сотрудничества в исследовании и создания механизма обмена статистическими данными. [《«一带一路»国家统计局发展会议召开》, 2015]; [《全球工业巨头期望切入«一带一路»市场》, 2016]; [《共谋«一带一路»新机遇 2016中国EPC峰会在北京召开》, 2017]; [《边境合作助力«一带一路»建设》, 2015]

1.3 Ситуация в Китае

Обстановку в Китае можно обобщить в следующих 4 позициях:

1. Избыток производственных мощностей и валютных активов.
2. Высокая зависимость Китая от иностранных нефтегазовых ресурсов и минеральных ресурсов [《投行详解«一带一路»国策影响的区域、行业》, 2015]
3. Промышленность и инфраструктура Китая сосредоточены в прибрежных районах, поэтому легко потерять основные объекты при столкновении с внешними ударами.
4. Общая ситуация в приграничных районах Китая находится на лучшем уровне в истории, а готовность соседних стран укреплять сотрудничество с Китаем в целом повысилась. [《边境合作助力«一带一路»建设》, 2015]

2. Основная коннотация инициативы «Один пояс — один путь»

Инициатива «Один пояс — один путь» с момента ее создания постоянно расширяет области и отрасли сотрудничества, в целях их обогащения, развития и со-

вершенствования испытываются и исследуются новые способы сотрудничества, но их первоначальные намерения и принципы непременно согласуются. Это основа и ключ к пониманию инициативы «Один пояс — один путь».

Коннотацию инициативы «Один пояс — один путь» можно обобщить следующим образом:

1. Инициатива «Один пояс — один путь» является открытой и всеобъемлющей инициативой регионального сотрудничества, а не эксклюзивным закрытым китайским «малым кругом».
2. Инициатива «Один пояс — один путь» — это прагматичная платформа сотрудничества, а не геополитический инструмент Китая. «Шелковый дух» — «мирное сотрудничество, открытость, инклюзивность, взаимное обучение, и взаимная выгода» уже стал общим историческим богатством для человечества.
3. Инициатива «Один пояс — один путь» является важной инициативой нынешней эпохи, основанной на ее духе и принципах.

4. Инициатива «Один пояс — один путь» — это совместная инициатива в области развития совместного согласования, совместного строительства и совместного использования, а не программа внешней помощи другим странам Китая.
5. Инициатива «Один пояс — один путь» — это стыковка и дополнение к существующим механизмам, а не их замена.
6. Строительство «Один пояс — один путь» является мостом для содействия культурному обмену, а не спусковым механизмом для цивилизованных конфликтов.

3. Значение Инициативы

Масштаб и область сотрудничества «Один пояс и одна дорога» постоянно расширяется. Это не только приносит реальные и практические дивиденды участвующим сторонам, но также придает миру мудрость и силы в решении проблем, создании возможностей и укреплении доверия.

ЛИТЕРАТУРА

1. 第一章：是谁发现了丝绸之路．中国社会科学院 [引用日期2017-05-16]
2. 授权发布:推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动．新华社 [引用日期2015-06-27]
3. «一带一路»应加强基础理论研究．中国干部学习网 [引用日期2016-12-01]
4. https://www.newsru.com/russia/15may2017/onebelt_oneroad.html
5. «一带一路»国家统计发展会议召开．中国经济网．2015-10-20 [引用日期2015-10-20]
6. 全球工业巨头期望切入«一带一路»市场．网易 [引用日期2016-12-16]
7. EPC企业走出国门 迎历史新机遇．第一财经网 [引用日期2017-05-12]
8. 共谋«一带一路»新机遇 2016中国EPC峰会在北京召开．人民网 [引用日期2017-05-12]
9. 投行详解«一带一路»国策影响的区域、行业．环球视野 [引用日期2015-06-27]
10. 边境合作助力«一带一路»建设 (国际论坛)．人民日报．2015-02-12 [引用日期2015-06-27]

© Жэнь Яньян (1938792893@qq.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Шанхай, Китай

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНР В ФОРУМЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (АТЭС)

THE ACTIVITIES OF THE PRC IN THE ORGANIZATION OF THE ASIA-PACIFIC ECONOMIC COOPERATION (APEC)

Xie Yiping

Summary. PRC's participation in APEC is currently being considered not only as an enhancement of the regional and global economic role of the country, but also as an internal challenge for China itself. Deeper integration through the project automatically enhances the liberal economic sentiment in the country, creating political pressure on the leadership. The article reveals that the deepening of the APEC format exacerbates the geopolitical and trade-economic contradictions of China with the United States, Japan and their allies, the project partners, to the extreme. China places particular emphasis on APEC, seeing it as the main counterbalance to the US Chamber of Commerce and Industry. Moreover, the Chinese believe that one of the goals of the US is to create trade isolation for the PRC and liquidate China's national enterprises.

Keywords: APEC, China, USA, Russia, cooperation, integration, economic development, integration, Asia-Pacific region.

Се Ипин

Соискатель, Российский университет дружбы народов
msu1755@vip.qq.com

Аннотация. участие КНР в АТЭС в настоящее время рассматривается не только как усиления региональной и глобальной экономической роли страны, но и как определенный внутренний вызов для самого Китая. Углубление внешней интеграции проекта автоматически усиливает либерально-экономические настроения в стране, порождая политическое давление на руководство. В статье показано, что углубление формата АТЭС до крайности обостряет геополитические и торгово-экономические противоречия Китая с США, Японией и их союзниками — партнерами по организации. Китай делает особую ставку на АТЭС, видя в нем основной противовес американскому ТПП. Более того, китайцы считают, что одна из целей США — создание для КНР и ликвидация его национальных предприятий.

Ключевые слова: АТЭС, КНР, США, РФ, сотрудничество, интеграция, экономическое развитие, интеграция, Азиатско-Тихоокеанский регион.

В ноябре 1989 года была создана Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В июле 1990 года на втором министерском совещании АТЭС в Сингапуре было принято Совместное заявление, в котором выражалось приветствие скорейшему одновременному присоединению к организации Китая и китайских Тайбэя и Сянган. В ноябре 1991 года на основе принципов «одного Китая» и «дифференциации суверенных государств и региональных экономических субъектов» Китай в качестве суверенного государства, а также китайские Тайбэй и Сянган в качестве региональных экономических субъектов официально вступили в АТЭС.

После вступления Китая в организацию АТЭС стала важной ареной для страны в налаживании взаимовыгодного сотрудничества и многосторонней дипломатии с другими экономическими субъектами региона. Путем участия в сотрудничестве в рамках АТЭС Китай содействовал собственному развитию и в то же время внес важный вклад в развитие региональной и мировой экономики [1].

Именно поэтому АТЭС не является официальной региональной организацией международной экономической интеграции. И это только коренная причина органи-

зации экономического сотрудничества. Замечательное разнообразие среди членов делает невозможным, чтобы АТЭС способствовала «системной» экономической интеграции и даже политической интеграции. Это может быть ограничено только масштабом добровольного экономического сотрудничества. «На основе открытого диалога участники должны уважать взгляды друг друга и проводить равные консультации». США пытается участвовать в «Новой тихоокеанской организации». Институциональная и институциональная перестройка АТЭС неизбежно будет противостоять большинству членов.

На многостороннем уровне в начале 2000-х гг. Китай выступал за продвижение интеграции в рамках 13 государств Азии в формате АСЕАН+3, которому должно было предшествовать укрепление позиций страны в формате АСЕАН+1. Дальнейшее развитие интеграции в рамках Восточноазиатского саммита при участии 16 государств, главным сторонником которого на момент начала и середины 2000-х гг. выступала Япония, гораздо в меньшей степени отвечало интересам Китая.

В результате, поскольку Китай официально стал членом АТЭС в 1991 году, он всегда проявлял большой инте-

рес к экономическому сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай активно и искренне участвует в АТЭС и полностью учитывает национальные условия и доступность Китая. На основе широкого развития различных отношений сотрудничества Китай принял новое обязательство снизить тариф на промышленные товары до 10% в 2005 году и выразил свое позитивное отношение к укреплению регионального финансового сотрудничества в Азии. Китай получит возможности от АТЭС, а также внесет большой вклад в АТЭС. Однако региональное экономическое сотрудничество Китая следует двум условиям: оно соответствует основным принципам международных отношений и соответствует национальным интересам Китая. Китай придерживается принципов своевременности и целесообразности, добиваясь общих оснований при сохранении различий и добровольной автономии для АТЭС. Поэтому Китай должен принять соответствующие контрмеры для адаптации к тенденциям Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и содействовать его собственному экономическому развитию:

Современное китайское руководство настроено на развитие долгосрочных отношений со странами АСЕАН, основанных на принципах взаимного доверия, гармонии и обоюдной выгоды. К 2020 г. правительство Китая планирует довести объем двусторонней торговли между КНР и АСЕАН до 1 трлн. долл. [4] Особое внимание китайские политики намерены уделить улучшению транспортно-коммуникационных возможностей государств АСЕАН и развивающихся стран региона, что позволит ослабить контроль США над морскими коммуникациями в АТР.

Важнейшим событием в отношениях между Китаем и странами АСЕАН, которое ускорило интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии, стало создание в 2010 г. зоны свободной торговли (далее — ЗСТ). ЗСТ Китай — АСЕАН содействует не только подъему экономики, но и развитию сотрудничества в таких областях, как политика, культура, безопасность, энергетика, сфера транспорта и коммуникаций.

С 2 по 8 октября 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил с государственным визитом Индонезию и Малайзию, а также принял участие в 21-й неформальной встрече лидеров членов АТЭС. Председатель КНР провел переговоры с представителями политического руководства обеих стран и подписал соглашения о реализации пятилетних программ двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Перспективной целью должно стать увеличение двустороннего товарооборота. Предполагается, что объемы китайско-индонезийской торговли к 2015 г. должны достичь уровня в 80 млрд. долл., а китайско-малазийской — до 160 млрд. долл.

к 2017 г. [5]. Стороны заявили о своем намерении довести отношения до уровня стратегического партнерства, осуществляемого во всех направлениях китайско-индонезийско и китайско-малазийского взаимодействия.

Несмотря на разногласия Китая с Вьетнамом вокруг Парсельских островов и противоборство с Вьетнамом и Филиппинами из-за архипелага Спратли, Вьетнам и Филиппины входят в число ведущих торгово-экономических партнеров КНР среди стран АСЕАН.

Объем китайского экспорта во Вьетнам к октябрю 2013 г. составил 39,36 млрд. долл., предполагается, что к 2017 г. объемы двусторонней торговли должны достичь отметки в 100 млрд. долл. [6].

На основе взаимовыгодного экономического сотрудничества развиваются отношения и между КНР и Филиппинами, чему способствует в том числе и заключенное между сторонами в ноябре 2004 г. соглашение о совместной разведке нефтегазовых залежей в недрах спорных участков островной зоны. В октябре 2009 г. страны подписали двусторонний «План совместных действий по стратегическому сотрудничеству».

Значимым для развития китайско-филиппинских отношений стал визит в КНР президента Филиппин Бенигно Акино III в 2011 г., в ходе которого стороны договорились укреплять сотрудничество двух стран в области торговли, экономики и техники, туризма, морских коммуникаций, журналистики, спорта, культуры и информации. К 2016 г. стороны довели объемы двустороннего товарооборота до 60 млрд. долл. [7].

Взаимодействуя с Китаем, страны Юго-Восточной Азии активно участвуют в процессах глобализации и одновременно получают возможность для собственного экономического роста, сокращая зависимость от США и Японии

Однако существует опасение, что усиление экономики Китая приведет к поглощению им ближайших к нему районов Юго-Восточной Азии. Противовесом китайскому влиянию в АСЕАН является Индия. Экономическая мощь Индии возрастает, и страны АСЕАН склонны рассматривать ее в качестве партнера. С целью ограничения влияния Китая в АСЕАН, достижения паритетных отношений с ним и расширения сфер делового сотрудничества реализуется механизм «10 + 3» (10 стран АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам) плюс Китай, Япония, Южная Корея).

В качестве члена большой семьи АТР Китай уделяет и уделяет особое внимание взаимодействию в АТЭС

в разных направлениях, принимая активное участие в данном процессе. Председатель КНР принимал участие во всех неформальных встречах лидеров АТЭС, излагая активные, сбалансированные и рациональные политические предложения и инициативы.

Два крупных экономических гиганта США и Япония яростно оспаривают интересы друг друга в отношении доминирования азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. В экономических и торговых отношениях между Соединенными Штатами и Японией существует много противоречий, и существуют постоянные трения. Китай должен в полной мере использовать экономические противоречия и торговые трения между Соединенными Штатами и Японией, гибко использовать «китайскую карточку» и стремиться к расширению торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Соединенными Штатами, Китаем и Японией и эффективно использовать передовые технологии и фонды Соединенных Штатов и Японии для обогащения и улучшения всеобъемлющей экономики Китая. сила.

Поскольку Китай присоединился к АТЭС, он участвовал в различных мероприятиях с позитивным и конструктивным отношением. В то же время АТЭС стала важным этапом региональной и международной политической дипломатии. Китай должен твердо использовать и использовать эту историческую возможность, полагаться на внутренний крупный рынок, развивать и развивать экономическую зону Китая и активно участвовать в экономическом сотрудничестве в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Только таким образом Китай может играть важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а затем играть важную роль в развитии мировой экономики. эффект.

Первый раунд переговоров по созданию одной из крупнейших в мире зон свободной торговли состоялся в Брунее в мае 2013 г. В ходе переговоров были конкретизированы первоначальные этапы создания Регионального всеобъемлющего экономического партнерства. Создание зоны свободной торговли планируется завершить к 2015 г.

Таким образом, современное китайское правительство понимает важность укрепления сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и предпринимает усилия для расширения участия КНР в интеграционных процессах в АТР.

Азиатско-тихоокеанский регион является важной опорой для внешней экономики и торговли Китая. Около 70% внешнего товарооборота Китая и свыше 70% привлеченных им прямых иностранных инвестиций приходятся на члены АТЭС. Развитие Китая в большой мере

осуществляется благодаря региональной экономике. С другой стороны, Китай играет крайне конструктивную роль внутри АТЭС. Принимая участие в мероприятиях организации, страна содействует развитию международного порядка в более справедливом и рациональном направлении [2].

В целях преодоления международного финансового кризиса китайское правительство своевременно скорректировало макроэкономическую политику и решительно реализовало пакет мер по расширению внутреннего спроса и содействию экономическому росту, активно сотрудничая с мировым сообществом, включая региональную организацию АТЭС

Роль Китая в последние годы значительно возрастает как в мире, так и в АТЭС. Китай является очень важным стратегическим партнером многих стран, а также много инвестирует в другие страны. Так, например, взаимодействие России и Китая успешно развивается, потому что идея однополярного мира становится неосуществима.

Интеграционную активность на двустороннем уровне Китай начал проявлять с начала 2000-х гг. Первыми интеграционными партнерами Китая на двусторонней основе стали Гонконг и Макао, соглашения с которыми были подписаны еще в 2003 г. и сразу характеризовались довольно высоким качеством — они охватывали торговлю и товарами, и услугами. Это вполне объяснимо, учитывая степень экономической взаимосвязанности и взаимодополняемости рынков этих районов и материкового Китая.

Вторая волна двусторонней интеграционной активности Китая началась в 2008–2009 гг., которая подогревалась уже не только экономическими, но и, частично, политическими факторами. С одной стороны, Китай исходил из соображений, что усиление интеграционных взаимосвязей способно смягчить негативные последствия глобального финансового кризиса, с другой — это могло стать ответной реакцией на присоединение США в 2008 г. к Транстихоокеанскому стратегическому экономическому партнерству (Р4) и формирование концепции Транстихоокеанского партнерства с последующим включением новых членов. Еще на момент присоединения к блоку, включавшему в 2008 г. только Сингапур, Новую Зеландию, Чили и Бруней, США открыто заявляли о необходимости формирования нового торгового объединения до расширения активности со стороны Китая и ЕС [4].

В подобных условиях было закономерно, что уже в 2009 г. Китай подписал два двусторонних соглашения о свободной торговле с участницами нового формата — Сингапуром и Новой Зеландией, а в 2010 г. вступило в силу подписанное ранее соглашение с Чили.

В практическую плоскость перешла и идея формирования общерегиональной ЗСТ в рамках Транстихоокеанского партнерства, что способствовало смещению акцентов Китая именно в направлении формирования интеграционного объединения в рамках ВРЭП. По мере того как Китай стал наращивать не только торговый, но и инвестиционный потенциал и догонять Японию по объемам прямых инвестиций, направляемых за рубеж, возможный тандем Японии и Австралии в рамках единого интеграционного объединения, который еще в 2000-е гг. мог ослабить экономическое влияние Китая в регионе, стал представлять сравнительно меньшую угрозу [5].

В конце 2015 г. были подписаны соглашения о свободной торговле с Австралией и Республикой Корея, идут переговоры о формировании трехсторонней зоны свободной торговли Китай — Япония — Республика Корея. Таким образом, интеграционная повестка Китая стала сводиться к формированию сети двусторонних соглашений о свободной торговле в рамках Регионального всестороннего экономического партнерства, стимулированию переговоров в трехстороннем формате Северо-Восточноазиатской зоны свободной торговли, а также продвижению идеи создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли.

Основными инвесторами среди стран-участниц объединения являются страны АСЕАН+3: Япония, Республика Корея и КНР. Крупнейшими реципиентами — страны, входящие в АСЕАН + Китай. Япония за 2012–2014 гг. инвестировала в страны АСЕАН более 60% своих прямых зарубежных инвестиций: 20% — в Китай и менее 10% — в Индию. Республика Корея за 2012–2014 гг. направила 13,4 млрд. долл. в качестве инвестиций в страны АСЕАН: около 7 млрд. долл. — в Китай и более 3 млрд. долл. — в Индию [5].

Интеграционная позиция Китая в АТР — катализатор трансформирующихся стратегических приоритетов, внутриэкономической и внешнеторговой политики страны. В определении интеграционной повестки Китай будет исходить из ключевых тенденций, характеризующих развитие и приоритеты страны на современном этапе. Одной из них для Китая является повышение стоимости рабочей силы и как следствием повышение цены и снижение конкурентоспособности китайских товаров.

В качестве стратегической задачи выделяется стремительная переориентация национального выпуска с производства промышленных товаров в направлении расширения сектора услуг, повышения их доли в ВВП страны. Это находит отражение и в переориентации притока иностранных инвестиций с промышленного сектора с целью ускоренной индустриализации в сек-

тор услуг. Китай постепенно открывает сферу услуг с целью повышения конкуренции, качества производимых услуг и бизнес среды. Постепенно облегчается доступ иностранных инвесторов даже на сравнительно более защищенные рынки страховых, медицинских и телекоммуникационных услуг [6].

Китай наращивает расходы на исследования и научные разработки (доля страны к 2016 г. в общемировых расходах на исследования и разработки выросла до 20,4%, и ожидается, что к 2026 г. по соответствующему показателю Китай опередит США, на которые сегодня приходится 26,4% общемировых расходов на R&D), делает акцент на привлечении иностранных инвестиций в высокотехнологичные производства, высококвалифицированной рабочей силы и повышении уровня квалификации национальной рабочей силы [7].

В результате проводимой политики стимулирования внутреннего спроса посредством инструментов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, растущей численности населения и ожидаемого ускоренного роста в долгосрочной перспективе вследствие отмены политики одного ребенка, а также смещения акцентов в структуре производства и привлечения иностранных инвестиций в средне- и долгосрочной перспективе будет происходить постепенная трансформация отраслевой структуры внутреннего спроса. По оценкам экспертов Банка Финляндии, рост расходов на потребление будет увеличивать внутренний и импортный спрос на сельскохозяйственные и продовольственные товары, а также многие виды услуг [8].

При формировании интеграционной стратегии Китая будет придерживаться поэтапного, многоуровневого, географически диверсифицированного подхода, направленного на интенсификацию отношений со стратегическими партнерами и повышение «качества» интеграционных процессов.

Исходя из наметившихся тенденций экономического развития Китая, заявленных стратегических ориентиров в трансформации структуры экономики и экономической политики, в ближайшее время можно ожидать активизации интеграционных процессов и тенденций, инициированных Китаем.

Представляется, что при формировании интеграционной стратегии Китая будет придерживаться поэтапного, многоуровневого, географически диверсифицированного подхода, направленного на интенсификацию отношений со стратегическими партнерами и повышение «качества» интеграционных процессов (расширение числа вопросов торговой повестки, повышение охвата товарных позиций, достижение прогресса в области

устранения нетарифных ограничений, регулирование перемещения капиталов и рабочей силы и проч.). Эти принципы станут определяющими в формировании интеграционной повестки.

Китай будет стремиться развивать интеграционную повестку, как на многостороннем, так и на двустороннем уровнях. В первую очередь интерес на двустороннем уровне могут представлять страны-участницы масштабных общерегиональных инфраструктурных проектов, идущие по пути масштабной индустриализации и урбанизации. К их числу можно отнести Индию, Индонезию, Таиланд и Филиппины. Во-вторых, аграрные страны, богато наделенные земельными ресурсами для производства сельскохозяйственных культур. В долгосрочной перспективе Китай может инициировать заключение соглашений о свободной торговле со странами Африки к югу от Сахары.

При этом Китай будет исходить из принципа поэтапности. При участии КНР могут формироваться отраслевые ассоциации (энергетические альянсы, транспортные, телекоммуникационные, технологические союзы). Китай будет придерживаться осторожного сбалансированного подхода в отношении высокоразвитых стран, взаимодействие с которыми может обеспечить доступ к рынкам технологий и приток капитала в высокотехнологичные сектора экономики.

Соответственно, Китай будет придерживаться географически диверсифицированной интеграционной стратегии, расширяя сеть узких соглашений о сотрудничестве, а впоследствии — двусторонних соглашений о свободной торговле с партнерами из разных регионов и характеризующимися различными уровнями экономического развития и структурами экономик.

Амбициозные планы Китая по переориентации структуры экономики определяют заинтересованность страны в создании «высококачественных» интеграционных объединений с более широким охватом товарных позиций и более интенсивным графиком либерализации, проводимой как Китаем, так и партнерами по интеграционным объединениям. Ранее Китай в большей степени был нацелен на сохранение протекционистских тенденций в отношении продукции так называемых «чувствительных секторов», технических барьеров в торговле и использовании инструментов экспортного контроля.

Соглашения охватывали сравнительно узкий круг вопросов (в частности, соглашения с Гонконгом и Макао), не затрагивали, например, вопросы защиты прав интеллектуальной собственности и охраны окружающей среды, механизмы разрешения споров, либерализацию торговли «чувствительными» товарами и прочее.

Однако сейчас именно Китай в силу меняющейся стратегии развития нацелен на повышение качества двусторонних и многосторонних интеграционных соглашений с его участием, поскольку взаимная либерализация может, с одной стороны, способствовать реализации новых стратегических приоритетов, а с другой — нарастить экспорт в страны-партнеры традиционных низкотехнологичных товаров — текстиля, обуви, изделий из пластмасс и картона, продукции сельского хозяйства.

Даже продвигаемая Китаем концепция Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), предложенную Си Цзинпинь, предполагает формирование «не просто объединения, основная цель которого — торговая либерализация, а создание всеобъемлющего, высококачественного объединения, охватывающего вопросы торговли и инвестиций «нового поколения» [8].

Тем не менее заявленная цель практически сводит к нулю реалистичность создания АТЗСТ. Осознавая все существующие экономические и политические противоречия, которые будут препятствовать ее формированию как по-настоящему «высококачественного» и «всеобъемлющего» объединения, становится очевидным, что Китай будет направлять усилия в первую очередь на подписание трехстороннего соглашения о свободной торговле между Китаем, Японией и Республикой Корея, а также на перевод в практическую плоскость многостороннего диалога в рамках Всестороннего регионально-экономического партнерства [11].

Высказанная идея, несмотря на всю ее эфемерность и неоформленность в четкую концепцию, может оказаться как минимум на руку китайской стороне, а как максимум перуанский президент в подтверждение солидарности и союзнического отношения просто озвучил китайский сценарий интеграционной архитектуры в АТР.

Новые интеграционные идеи могут концентрироваться вокруг китайской инициативы «Один пояс-один путь» (трех сухопутных и двух морских маршрутов). Весьма показательно, что цели многостороннего проекта выходят далеко за рамки сотрудничества в транспортной сфере, включая не только повышение «транспортной связанности», но и координацию политики, свободную торговлю и финансовую интеграцию, а многие исследователи по отношению к данному многостороннему проекту сотрудничества активно применяют термин «интеграция» [10].

Выход США из соглашения о ТТП может предопределить кардинальный пересмотр региональной интеграционной архитектуры и роли Китая в общерегиональ-

ных интеграционных процессах. И ратифицировавшая соглашение Япония, и продвигающая ратификацию соглашения Австралия активно пытаются найти альтернативу Соединенным Штатам. Министр торговли Австралии Стив Чобо заявил, что будущее ТТП может предопределяться включением других азиатских государств — Китая и Индонезии [6].

Даже Япония, которая исторически настороженно относилась к растущему экономическому влиянию Китая в регионе и при реализации общерегиональных сценариев стремилась к формированию противовеса в форме тандемов с Австралией (в рамках ВРЭП) или США (в формате ТТП), видит возможное спасение соглашения в присоединении Китая, хотя при этом продвигает идею включения в состав ТТП и стран Европейского союза [13].

Что касается зарубежных политических интересов, Китай выдвинул целенаправленные инициативы, основанные на сложности Азиатско-Тихоокеанского региона с институционального уровня — «подход АТЭС» для содействия региональному сотрудничеству и содействия долгосрочному процветанию азиатско-тихоокеанской

экономики, одновременно защищая интересы Китая за рубежом. Продолжайте развивать. АТЭС является основанной на форумах региональной организацией экономического сотрудничества, состоящей из многих стран и регионов Азиатско-Тихоокеанского региона. Она принципиально отличается от принципов переговоров, принудительных и юридических ограничений, принятых ВТО и другими многосторонними торговыми группами. У АТЭС есть свое уникальное поведение. Принцип «метод АПЕС» [12].

Если еще до недавнего времени Китай выдвигал «альтернативные» сценарии общерегиональной интеграции, шансы на реализацию которых в краткой и среднесрочной перспективе представлялись весьма туманными, сейчас у страны появилась реальная возможность выступить локомотивом уже, по сути, созданного «высококачественного» общерегионального интеграционного объединения. Интеграционная мотивация Китая потенциально очень высока, хотя в случае перехода инициативы о присоединении к соглашению в практическую плоскость условия вступления могут стать предметом длительных и напряженных переговоров.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Арапова Е. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе. М.: Проспект, 2015.
2. WorldInvestmentReport 2016. UNCTAD
3. Арапова Е. Восточная Азия: Диверсификация источников экономического роста // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2014. № 3–4. С. 47–57.
4. Арапова Е. Инвестиционный вектор сотрудничества Китая и Великобритании // Российский совет по международным делам, 20 сентября 2016.
5. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности: пер. с англ. / под ред. Акад. А.А. Дынкина, д-ра М. Барроуза / ИМЭМО РАН. — М.: Магистр, 2016. С. 142.
6. Агентство Синхуа. Роль Китая в АТЭС значительно возрастает — эксперт. URL: <http://russian.cri.cn/3060/2016/11/09/1s591910.htm>
7. Екатерина Арапова. Сайт РСМД. Китай в АТР: трансформация сотрудничества. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-v-atr-transformatsiya-integratsionnoy-povestki/>
8. Лузянин С. Г. китайский фактор в АТЭС: стимулятор или ограничитель? URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/21/503>
9. Взаимодействие КНР с БРИКС и АТЭС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3761621>
10. Сайт Euronews.com Китай предлагает АТЭС свою зону свободной торговли в противовес американской. URL: <http://ru.euronews.com/2014/11/11/china-urges-faster-progress-on-asia-pacific-free-trade-area>
11. Юй ФэйФэй. Об отношениях между Китаем и АТЭС. «Цзинька гунчэн». — № 10, 2010.
12. Цюань И. Проблемы АТЭС и ответственность Китая. «Хэпин хэ фачжэнь». — № 4, 2013.
13. Сяо Лимей, Ли Баоцзюнь. Политика Китая в рамках деятельности АТЭС. «Цзяосюе юй яньцзю». — № 7, 2017.

© Се Ипин (msu1755@vip.qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПРОЕКТА «КЛАССНАЯ КОМНАТА КАК МАСТЕРСКАЯ ТЕКСТОВ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

APPLICATION OF THE METHODOLOGICAL PROJECT «CLASS ROOM AS A WORKSHOP TEXTS» IN THE MEDIUM SCHOOL

**L. Belova
E. Bystray
M. Zasedateleva**

Summary. The article is devoted to the analysis of methodological principles of the system-activity approach in education. Social interaction in foreign language classes, orientation to activities, application of various social forms are considered as factors contributing to the development of the motivation of learning. The article describes the methodical project «Recipes in a classroom or a classroom as a workshop of texts», conducted using the technology of critical thinking development, the structure of which is presented in three stages: preparatory, text and post-text phases.

Keywords: interaction; competence approach; the principle of revitalization; activity-oriented approach; motivation for learning; pair work; group work.

Белова Лариса Александровна

*К.филол.н., доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
telems74@rambler.ru*

Быстрая Елена Борисовна

*Д.п.н., профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
bistraieb@cspu.ru*

Заседателева Марина Геннадьевна

*К.филол.н., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
zasedateleva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу методических принципов системно-деятельностного подхода в образовании. Социальная интеракция на занятиях по иностранному языку, ориентация на деятельность, применение различных социальных форм рассматриваются как факторы, способствующие развитию мотивации учения. В статье описывается методический проект «Рецепты в классе или классная комната как мастерская текстов», проведённый с применением технологии развития критического мышления, структура которой представлена в виде трёх этапов: подготовительная, текстовая и послетекстовая фазы.

Ключевые слова: интеракция; компетентностный подход; принцип активизации деятельности; деятельностно-ориентированный подход; мотивация учения; парная работа; групповая работа.

Методика преподавания иностранного языка претерпевает в данный период времени коренные изменения. В процессе обучения язык выступает не как цель, а как средство полноценной коммуникации с представителями иных народов и культур [3, с. 27]. Постоянно изменяясь, наша жизнь запускает разные процессы, порождает инновационные технологии, предъявляя новые требования к образованию. Изменяющиеся условия требуют реализации современных методов, порождающих иной тип коммуникации в учебном процессе. Коммуникативное обучение определяет для учителя иностранного языка следующие цели: он должен уметь установить контакт с обучающимися, передать информацию, вовлечь учащихся в процесс познания, сделать их речевыми партнерами, уметь извлекать и перерабатывать учебную информацию с учетом коммуникативных потребностей учащихся, выбирать коммуникативную целеустановку, наиболее эффективные приемы и способы организации совместной деятельности [7, с. 118]. А самое главное — это то, что коммуникативное обучение иностранному языку предполагает

развитие способности правильно и уместно использовать изучаемый язык.

Для развития иноязычной коммуникативной компетенции необходимо непосредственное общение, развивающее способность обучающихся к интеракции, под которой понимается «устный и/или письменный обмен информацией между двумя или более людьми» [6, с. 13]. Интеракция подразумевает все процессы взаимодействия, коммуникации на уроке. Для интеракционизма характерно рассмотрение развития и жизнедеятельности личности в контексте социального взаимодействия. В современной педагогике появился новый вид обучения — интерактивное обучение, построенное на взаимодействии обучающегося с учебным окружением, учебной средой. В интерактивном обучении педагог не даёт готовых знаний, он побуждает участников к самостоятельному поиску. Задачей педагога является создание условий для проявления инициативы обучающихся [1, с. 152]. Активное участие в уроке ведет к более глубокому пониманию изучаемого материала и способ-

ствуется его лучшему запоминанию. А применение на занятии различных социальных форм (парной, групповой, индивидуальной работы), их смена оказывают положительное влияние не только на способность к коммуникации, но и укрепляет социальные контакты в группе обучающихся. Совместная работа способствует повышению мотивации и концентрации внимания на изучаемом материале урока [8, с. 49].

Компетентностный подход в образовании подразумевает следующие методические принципы: ориентация на развитие компетенций, ориентация на деятельность, ориентация на ученика, активизация деятельности ученика, ориентация на интерактивные формы обучения, автономное обучение, ориентация на межкультурный аспект обучения и ориентация на формулирование задач [9, с. 26]. В «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» указывается, что «пользователи и изучающие язык рассматриваются как субъекты социальной деятельности, то есть как члены социума, решающие задачи в определенных условиях, в определенной ситуации, в определенной сфере деятельности» [6, с. 8]. Вследствие этого во многих программах обучения иностранному языку в средней и высшей школе на первый план ставится принцип ориентации на деятельность. Тем не менее, нельзя недооценивать и другие перечисленные выше принципы, в том числе и принцип активизации деятельности ученика.

Рассмотрим толкование данного принципа: «Активизация деятельности ученика как принцип обучения исходит из того, что учащиеся, которые принимают участие в планировании и проведении самого урока, активны на уроках, глубоко и основательно занимаются предметом изучения, глубже перерабатывают материал, достигают лучших результатов. Активные учащиеся работают над выполнением определенных задач мотивированнее и более сконцентрированно. Тем самым развивают у себя понимание того, как можно и нужно изучать иностранный язык» [9, с. 29]. Применение принципа активизации деятельности ученика предполагает то, что учащиеся, которые активно участвуют в учебном процессе, достигают лучших результатов обучения. Вследствие этого повышается мотивация учащихся к овладению того или иного предмета.

Заметим, что в педагогике мотивация выступает как общее название для процессов, методов и средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования. Особенное место занимает учебная мотивация. Под учебной мотивацией понимается проявляемая учащимися мотивированная активность при достижении целей учения. Своеобразие учебной мотивации состоит

в том, что в процессе деятельности по ее осуществлению ученик усваивает знания и формируется как личность. Таким образом, одним из главных условий успешного обучения является мотивация учения. Повышению мотивации учения будут способствовать следующие факторы: совместный с учащимися выбор средств по достижению цели, использование парных и групповых форм работы, использование проблемных ситуаций, использование игровых технологий, создание ситуации успеха, формирование адекватной самооценки у учащихся, нестандартная форма проведения уроков [4, с. 30]. Процесс формирования мотивации должен стать, на наш взгляд, значительной частью работы учителя. Повысить мотивацию к изучаемому предмету — значит добиться высокого уровня обученности учащихся и хороших результатов обучения.

Из сказанного можно сделать вывод, что развитию мотивации учения, лучшему запоминанию изучаемого материала будут способствовать социальная интеракция на занятиях по иностранному языку, ориентация на деятельность и применение различных социальных форм работы.

Данный вывод был принят нами за гипотезу методического проекта «Рецепты в классе или классная комната как мастерская текстов» — «Rezepte im Klassenzimmer oder das Klassenzimmer als die Textwerkstatt», проведенного на занятии по немецкому языку в 9 классе общеобразовательной школы.

Проектная методика в настоящее время является очень популярной формой работы. Метод проектов предполагает совокупность разных приёмов учебно-познавательной деятельности, которые выявляют определённую проблему в результате самостоятельного поиска и позволяют решить её, используя свои знания, умения и фантазию. В заключительной фазе проводится презентация результатов такой творческой деятельности, даётся оценка, подводятся итоги [2, с. 17].

Наш методический проект был осуществлен в рамках серии занятий по теме «Мой рабочий день». Целью проекта стало превращение классной комнаты в мастерскую текстов, в которой обучающиеся создают по рецепту стихотворения и презентуют их, что способствует повышению мотивации к изучению немецкого языка в ходе реализации системно-деятельностного подхода. Мы решили провести данные занятия с применением технологии развития критического мышления, структура которой представлена в виде трёх этапов: вызов, осмысление, рефлексия [5, с. 83].

При переносе на урок иностранного языка, а именно на наше занятие, эти этапы будут звучать следующим

Задание 7 (индивидуальная работа)

Рецепт 1 (цифры соответствуют словам)	Пример
1 _____	Aufstehen
1 _____	Aufstehen
1 und 2 _____	Aufstehen und sich duschen
2 _____	Sich duschen
2 und 3 _____	Sich duschen und frühstücken
1 _____	Aufstehen
1 und 3 _____	Aufstehen und frühstücken
1 und 2 und 3 und _____	Aufstehen und sich duschen und frühstücken
ein/eine 4 _____.	Ein Morgen

Задание 8 (индивидуальная работа)

Рецепт 2 (Elfchen — стих на 5 строк из 11 слов)	Пример
1. Цвет (1 слово)	Blau
2. Предмет этого цвета (2 слова)	Blaues Lehrbuch
3. Где этот предмет (3 слова)	In der Schultasche
4. Подробнее о предмете (4 слова)	Morgen habe ich Mathe
5. Заключение (1 слово)	Schule

образом: подготовительная, текстовая и послетекстовая фазы. Подготовительная фаза (Vor-Phase) — это фаза перед созданием текста, а именно стихотворения, написанного по рецепту, которая включает задания, целью которых является пробуждение и стимулирование мотивации к работе с текстами; актуализация личного опыта учащихся; активизация интеллектуальной деятельности и познавательных потребностей учащихся. В рамках этой фазы учитель вводит тематическую лексику, закрепляет и отрабатывает её, используя разные социальные формы работы.

Под текстовой фазой (Während-Phase) понимается непосредственное создание текстов (стихов по рецепту) в «мастерской», их творческую обработку, иллюстрирование.

Послетекстовая фаза (Nach-Phase) является заключительным этапом, включающим презентацию своих результатов с активным использованием нового лексического материала в письменной форме и в естественном общении.

На первом этапе (Vor-Phase) работа была направлена на введение и активизацию лексики по теме «Мой рабочий день». Нами были предложены задания, пробуждающие интерес обучающихся к теме: составление *ассоциограммы* — задание 1 (ассоциограмма является стратегией, с помощью которой слова группируются тематически), игра «*Domino*» — задание 2 (игра, где нужно выстраивать цепочку из слов), разгадыва-

ние *кроссворда* — задание 3, игра «*Bingo*» — задание 4 (Игра, в которой учитель называет слова по теме на русском языке, а игроки должны находить соответствующие слова на немецком языке на своих карточках и вычёркивать их. Первый игрок, заполнивший карточку, побеждает.), составление *Mind-Map* — задание 5 (майндмэппинг — графическое представление информации, которое излагается в виде древовидной схемы, т.е. выделение в тематической группе слов отдельных подгрупп по определённому признаку), игра «*Fliegeklatsche*» — задание 6 (Игра проводится в форме соревнования между двумя командами. Участники выстраиваются в две линии друг против друга и получают номера. Учитель называет слово по-русски и номер. Участники с этими номерами бегут к доске, берут мухобойку и ударяют ей по правильному слову.) Все задания были проведены с применением разных социальных форм: индивидуальной (задания 1, 4), парной (задание 3), фронтальной (задание 6) и групповой (задания 2, 5).

Остановимся подробнее на данных заданиях:

При помощи ассоциограмм обучающиеся проводят отбор необходимых для навыков понимания и говорения лексических структур, что облегчает работу в дальнейшем, т.к. лексика представлена наглядно и логично. В нашем случае это были слова и словосочетания по теме «Мой рабочий день. Распорядок дня». Активизации данной лексики способствовали игры «домино» и «бинго», разгадывание кроссворда. Чтобы

сконцентрироваться на языковом материале, обучающимся было предложено поработать с индивидуальными ассоциограммами в группе, составив ассоциативную карту — Mind-Map. Основные идеи майндмэппинга отрицают формальности. Кто-то рисует карты мыслей влево и вправо, кто-то сверху вниз, кто-то «солнышком». Таким образом, лексика по теме стала выглядеть структурировано, представляя отдельно занятия утром, днём, вечером. А обучающиеся смогли обменяться опытом и пополнить свой запас слов. В завершение данной фазы проводилась игра с мухобойками «Fliegeklatsche», в которой участвовал весь класс. Данная игра помогает проконтролировать и скорректировать знания лексики, требует быстрой реакции и позволяет обучающимся подвигаться и отдохнуть.

Во время второй фазы (Während-Phase) мы обустроили классную комнату как мастерскую по производству текстов. Самостоятельное создание текстов — процесс творческий и очень ответственный, он является экспериментом в использовании языка. Поэтому такая метафора как «мастерская по производству текстов» будет вызывать интерес к процессу, стимулировать деятельность. Для создания соответствующей атмосферы можно расставить по-другому столы, приготовить орудие труда: карандаши, фломастеры, бумагу... Далее обучающимся предлагается выполнить индивидуальное задание, т.е. написать стихи по предложенному им рецепту. См. таблицы.

Стихи оформляются на отдельном листе бумаги, иллюстрируются и развешиваются в «мастерской» на доске или крепятся прищепками к верёвке, протянутой через всё помещение.

На последнем этапе (Nach-Phase) обучающиеся представляют свои работы, читают стихи, написанные по рецептам, обсуждают результаты, делятся впечатлениями.

На данное занятие был приглашен учитель, наблюдавший социальные формы и то, насколько активно и мотивированно работали ученики. Им было замечено, что при выполнении шести заданий ученики были очень активны и мотивированны (74%). При выполнении двух заданий (игра «домино», Mind-Map) — достаточно активны и мотивированны (26%). Учителем был сделан вывод, что во время подготовительной фазы активизация работы на занятии состояла в использовании разных заданий, ориентированных на деятельность, в смене социальных форм работы, которые вызывали интерес учащихся и способствовали развитию лексической компетенции. Парная и групповая формы работы на занятии давала возможность больше говорить, обсуждать задания вместе. «Поскольку обсуждение и решение проблем происходит в процессе управляемого группового обще-

ния, то у участников вырабатывается умение действовать в интересах группы, появляется заинтересованное уважение к собеседникам и ведет к формированию коллектива [3, с. 30]. Разные виды заданий повышали мотивацию к изучению иностранного языка, т.к. дети узнали, как можно запоминать новые слова в процессе игр и почувствовали, что вместе учить слова веселее и интереснее. Превращение классной комнаты в мастерскую стало неким таинством, превратившим обычных детей в поэтов и художников, иллюстрировавших свои произведения. Выставка работ стала гордостью маленьких мастеров. Урок прошёл в тёплой атмосфере с настроением на работу, все были заинтересованы в результате, мотивированны и активны.

По окончании занятия ученикам было предложено также ответить на вопросы анкеты. При ответе на первый вопрос, понравились ли уроки немецкого языка, посвящённые работе над проектом, все ученики ответили положительно. В качестве причин были названы следующие: на уроке было интересно и увлекательно, нам нравится немецкий язык, мы выучили новые слова и научились писать стихи по рецепту.

При ответе на второй вопрос, какие задания понравились больше всего и почему, большинство учеников отметили игру «бинго» (70%) и разгадывание кроссворда (60%), т.к. задания были интересными и несложными. На третьем месте оказались одновременно игра «домино», составление ассоциограмм, игра с мухобойками, набравшие по 40%.

Далее ученикам предлагались следующие вопросы: Тебе понравилось сочинять стихи по рецепту? Как ты считаешь, получилось ли это у тебя? Какой рецепт тебе понравился больше и почему? Всем ученикам (100%) понравилось сочинять стихи по рецепту, потому что это получилось у всех, хотя в начале работы некоторые ученики сомневались в своих способностях. Выставка работ показала, что все могут быть успешными и творческими. При выборе предпочтений в пользу какого-то конкретного рецепта, голоса разделились поровну: оба рецепта получили по 50% голосов.

Ученики ответили и на вопрос: как ты считаешь, способствовало ли сегодняшнее занятие повышению мотивации к изучению немецкого языка и почему. Все участники проекта однозначно ответили, что данное занятие способствовало повышению мотивации к изучению немецкого языка. В качестве причин были названы следующие: на уроке многократно повторялись новые слова в игровой форме, что способствовало их лучшему запоминанию; на занятии были использованы интересные задания, ученики узнали, как можно писать стихи по рецепту.

Анализ анкеты учителя, посетившего занятие, и анализ анкет учеников подтвердили верность гипотезы, выдвинутой в начале методического проекта: социальная интеракция на занятиях по иностранному языку, ориентация на деятельность и применение различных социальных форм работы будут способствовать развитию мотивации учения, лучшему запоминанию изучаемого материала. Проведенный методический проект позволил нам сделать следующие выводы. Мотивация

учеников будет повышаться, если на уроках иностранного языка использовать задания, направленные на активизацию деятельности обучающихся, применять такие социальные формы взаимодействия, как парную и групповую работу. Проведенное занятие показало, что обучающиеся будут активны и сконцентрированы, если задания будут интересными, если при их выполнении они многое будут делать самостоятельно и видеть материальный результат своей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрой Е. Б. Создание интерактивной дидактико-коммуникативной среды как одного из педагогических условий формирования аксиологической направленности будущего учителя [Текст] / Е. Б. Быстрой, Ю. А. Райсвих // Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках Года Германии в России 2012–2013 «Современные тенденции развития образования и культуры в общеевропейском контексте». — 2013. — С. 149–155.
2. Бароненко Е. А. Повышение роли самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка [Текст] / Е. А. Бароненко, Л. А. Белова, А. В. Слабышева, И. А. Орлова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета — 2017. — № 3. — С. 14–20.
3. Белова Л. А. Творческие задания для формирования иноязычной коммуникативной компетенции [Текст] / Л. А. Белова, А. В. Слабышева // Иностранные языки в школе — 2017. — № 8. — С. 27–30
4. Заседателева М. Г. Роль парной и групповой форм работы в повышении мотивации студентов к изучению иностранного языка [Текст] / М. Г. Заседателева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета — 2017. — № 8. — С. 29–35.
5. Мишланова С. Л. Технология критического мышления как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов [Текст] / С. Л. Мишланова, А. А. Филиппова, М. Г. Заседателева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета — 2016. — № 5. — С. 82–89.
6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка [Текст] — М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003. 256 с.
7. Штыкова Т. В. Коммуникативно-дидактическая деятельность учителя иностранного языка [Текст] / Т. В. Штыкова // Вестник научных конференций — 2016. — № 6–2 (10). — С. 118–119.
8. Hermann Funk, Christina Kuhn, Dirk Skiba, Dorothea Spaniel-Weise, Rainer E. Wicke Aufgaben, Übungen, Interaktion. Deutsch lehren lernen 4 [Текст] / Hermann Funk, Christina Kuhn, Dirk Skiba, Dorothea Spaniel-Weise, Rainer E. Wicke. — München: Klett-Langenscheidt, 2014. 184 S.
9. Karin Ende, Rüdiger Grotjan, Karin Kleppin, Imke Mohr Curriculare Vorgaben und Unterrichtsplanung. Deutsch lehren lernen 6 [Текст] / Karin Ende, Rüdiger Grotjan, Karin Kleppin, Imke Mohr. — München: Langenscheidt, 2013. 152 S.

© Белова Лариса Александровна (telems74@rambler.ru),

Быстрой Елена Борисовна (bistraieb@cspu.ru), Заседателева Марина Геннадьевна (zassedateleva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТЕ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ В АВИАСТРОЕНИИ И ОБУЧЕНИИ ИХ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ABOUT PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF FUTURE MANAGERS IN AEROSPACE INDUSTRY AND TEACHING THEM FOREIGN LANGUAGES

A. Glotkina

Summary. The question of foreign language teaching still remains non-trivial. Despite all possible resources the key aspect is efficiency of studying. The studying style of a student has transformed dramatically. To improve the approaches of foreign language teaching and learning for future managers in aerospace industry it is vital to define their psychological peculiarities, expectations and needs. The article focuses on the psychological portrait of the modern student, more than that, there is an analysis of their character features. The conclusions based on the analysed features enable to provide recommendations in terms of work with students while teaching a foreign language.

Keywords: foreign language teaching and learning, psychological portrait, generational theory, generation Z.

Глоткина Антонина Александровна

Старший преподаватель,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
glotkina@gmail.com

Аннотация. Вопрос обучения иностранным языкам в современных реалиях является нетривиальным. При наличии всех необходимых ресурсов эффективность обучения остается ключевым показателем. Учебная деятельность современного студента претерпела значительные изменения. Для совершенствования подходов обучения иностранному языку будущим менеджеров в авиастроении необходимо определить их психологические особенности, ожидания и потребности. В статье рассматривается психологический портрет современного студента, проводится анализ его психологических качеств. Выводы по проанализированным характеристикам помогают сформулировать рекомендации для работы со студентами при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, психологический портрет, теория поколений, поколение Z.

Что делает особенным современное обучение новых поколений управленцев в авиастроении? Какие особенности студенты привнесли в процесс образования в пост-информационную эпоху? Сколько потребуется времени на адаптацию и определение главных потребностей будущих сотрудников корпораций, фирм, КБ одной из самых развитых и требовательных сфер промышленности? Многие вопросы на данный момент остаются без ответа.

Трудно охарактеризовать современную эпоху — время поддельных новостей, гонки за новыми технологиями и в то же время развенчания успешности технологий, процветания социальных сетей, влияющих на сознание молодых людей с такой силой, что вряд ли это поддается научному описанию.

Ясно лишь одно — обучать традиционными методами уже неэффективно. По утверждению Джона Дьюи мы лишаем детей будущего, если продолжаем учить сегодня так, как учили этому вчера.

В работе В. Г. Горохова [2, с. 68] новый тип социальной реальности предложено назвать «пост-информационным обществом» или «обществом не-знания». Целесообразность введения этого обозначения обосновывается избытком информации, циркулирующей сегодня

в социальном пространстве. Пост-информационная эра характерна тем, что ценно не само наличие информации на бескрайних просторах информационной сети, но своим особым отношением к качеству информации, её подлинности, достоверности. Ключевые показатели успешности — не гигабайты страниц с текстом, а скорость получения той необходимой информации, в которой пользователь нуждается. Информация перестала быть драгоценным ресурсом, когда качественная и достоверная информация, которая прошла оценку аудитории — то основное, что требуется современному человеку и студенту в частности.

Недальновидно отрицать влияние социальных сетей на процесс образования. Среда социальных сетей поглощает и преобразует информацию в одном случае сжимая её до 144 символов, в другом до «поста» с фотографией с ироничным или саркастическим замечанием, а может, сообщение будет содержать гиперссылку на одну интересную статью. Дело в том, что молодой человек легко тратит многие часы своего времени в социальных сетях, что плохо и хорошо одновременно. Компании Google и Ipsos провели совместное исследование в 2016 году, согласно этому исследованию ежедневно Интернетом пользуются 60% россиян, но цифра возрастает до 98%, если речь идёт о молодом поколении. Более того в центре внимания молодых людей находятся сайты и при-

ложения социальных сетей, и 27% россиян в возрасте от 13 до 24 лет в социальных сетях по оценкам вышеупомянутых компаний проводят более 5 часов, четверть из них готовы проверять обновления каждые 30 минут [4]. В то время как известно, что язык познаётся в постоянной работе от 30 минут каждый день, если студентов задействовать в знакомой им среде для изучения полезного ресурса, который не вызывает у них отторжения и протеста, то, конечно же, это повысит эффективность обучения, так как сам процесс будет вплетен в повседневную их деятельность.

Кто же находится перед преподавателем сейчас? Каковы ценности и ожидания этого поколения?

1991 год ознаменовал рождение новой теории — теории поколений, разработанной американскими учеными Нейлом Хоувом и Уильямом Штраусом [9]. Три науки, а именно экономика, демография и история позволили заключить, что рождение в определенный исторический промежуток времени в значительной мере влияет на картину мира человека, его ментальность. В последнее время сопоставительному анализу подвергаются представители поколения бэби-бумеров, поколения X, Y и Z [10].

Поколение Z — дети поколения цифровых иммигрантов. Самым старшим представителям этого поколения на данный момент 17 лет. Человек поколения Z — цифровой человек, для которого то, что было для его родителей будущим в технологическом и цифровом плане, для него самого стало настоящим, обыденным. Ключевое понятие для этого поколения — мобильность, открытый доступ к сети не только в пределах дома, но и за его стенами, при этом скорость работы устройства позволяет совершать довольно сложные манипуляции. Мотивационная основа деятельности поколения Z — интерес, захватывающие вопросы и задания, в то время как скучная подача материала может на корню загубить весь интерес молодого человека к предмету. Мультимедийные технологии — неотъемлемая часть их жизни с самого детства. К объединяющим платформам представителей поколения Z относят уже не Живой Журнал, но такие платформы как YouTube, Instagram, Telegram, Snapchat, Whatsapp, Viber, Facebook, Twitter, VK... Когда для их родителей телевидение выступало альтернативой книге или печатным средствам массовой информации. Поколение Z — поколение поклонников командных видеосигналов. Неудивительно, что при ответе на вопрос, где вы выучили иностранный язык, они зачастую отвечают, что получили достойную языковую практику в онлайн игре. Поколение Z адаптивно, с легкостью берет на вооружение все новые технологии, но быстро теряет интерес к ним, если технология не подогревает к себе интерес, не стимулирует использовать себя чаще и дольше, если

она откровенно недоработанная, представители поколения Z перейдут в таком случае на другую более совершенную технологию.

В отличие от своих родителей также, это то поколение, которое не жаждет успеха, их амбициозность умеренна, но при этом они всё же нетерпеливы, краткосрочность их целей порой настораживает. Однако специалисты подчеркивают, что поколение Z легко взаимодействует с информацией, и учится много быстрее, чем дети 15–17 лет назад.

Когнитивная деятельность поколения Z имеет ряд особенностей. В первую очередь стоит обратить на так называемый синдром дефицита внимания, представители поколения Z заинтересованы в кратком, ярком, информативном сообщении обычно в формате видео, но притом затянутость сообщения увеличивает его неэффективность. Однако стоит отметить, что данное поколение с легкостью переключает и распределяет внимание, так они предпочитают динамичный формат занятий.

Выше упоминалось об лёгкости восприятия этим поколением информации, поколение Z быстро схватывает факты, их неотъемлемое качество — быстрый поиск информации, но обработка и глубокий анализ пока остаются в стороне. Интернет — мир ответов на правильно поставленные вопросы для поколения Z. Во многом это влияет на проектную деятельность студентов, требующую долгосрочного анализа и вдумчивой работы.

Помимо психологических аспектов стоит учесть и личностные качества поколения Z, они гиперактивны, склонны к аутизации, интроверты, но всё же в меньшей степени, чем их родители. Эмоциональная бедность — ещё одна нелестная характеристика поколения Z. Она спровоцирована перегрузкой цифровой информацией и слабыми эмоциональными контактами в семье. Склонность к аутизации выступает формой защиты организма от внешней враждебной среды, взаимодействие с людьми всё же проще осуществляется через экраны устройств, но не при живом общении. Однако общение в сети приобретает неблагоприятный характер, к которому молодые люди слабо подготовлены и не могут противостоять, и безнаказанное поведение в сети поражает своими масштабами. Вдобавок инфантильность и потребительское отношение — неизменные спутники поколения Z. Устойчиво убеждение в том, что счастливым и успешным можно быть без специальных знаний, а комфортные условия будут созданы внешними силами.

Всё это формирует портрет будущего специалиста. Перед нами менее ответственный, менее исполни-

тельный будущий сотрудник, перекладывающий ответственность за неудачи на третьих лиц. Его желание получить похвалу за самое незначительное выполненное задание будет велико, и огорчение об её отсутствии будет столь же большим. Добиться выполнения поручения качественно и адекватно — задача непростая. Усугубляется ситуация и тем, что речь идёт о будущих менеджерах в авиастроении. Их удовлетворение малым может оказаться разрушительным для целой отрасли. Управленцы соединяют в себе исполнительские и лидерские качества, чем представители поколения Z похвастаться не могут. Авиастроение — область невероятно требовательная, где высокий уровень профессионализма является необходимым условием успеха. Напряженный ритм, плотный график, обязательность и ответственность — это то малое, что требуется и с чем сталкивается специалист в этой отрасли. Ожидания в отношении будущих менеджеров авиастроения условно велики, но смогут ли специалисты удовлетворить эти ожидания, в данном случае вероятен отрицательный ответ.

Портрет современного среднестатистического студента первокурсника управленческой специальности в авиастроении оставляет желать лучшего. Исследования психологических особенностей студентов-первокурсников были предприняты неоднократно [3]. Собираемый образ и общегрупповой портрет отличается следующими индивидуально-психологическими особенностями:

1. ярко выраженная тревожность вкупе с низкой стрессоустойчивостью сопровождается чувством беспомощности;
2. довольство собой, принятие себя, при этом неумение подходить к проблеме системно, отсутствуют навыки разрешения проблем;
3. эгоцентризм, отсутствие эмпатии, концентрация на собственных индивидуальных интересах и их отстаивание, пренебрежение интересами группы или коллектива;
4. гиперактивность, студент не обладает должным упорством в деле;
5. импульсивность, непоследовательность, необдуманность своих поступков, неумение организовать себя и свое время, отсутствие планирования своей работы;
6. иллюзорное представление о своем будущем, оптимистичное отношение к своим достижениям.

К причинам возникновения трудностей обучения иностранному языку можно отнести:

- ◆ «клиповость» мышления [6], неумение сосредоточиться на продолжительное время на материале [5];

- ◆ сложный материал вызывает непреодолимое желание отложить его в сторону, в то время как объемный материал вызывает панику;
- ◆ коммуникативные навыки не развиты, наблюдается неумение сформулировать свою мысль, мышление слишком предметное;
- ◆ характерно нежелание развернуто составить свою монологическую речь, требуется постоянно стимулировать к порождению речевого акта;
- ◆ отсутствуют навыки организации и распределения как временных, так и психологических ресурсов.

Тогда сталкиваемся со следующими методологическими вопросами, требующими незамедлительного решения, для повышения эффективности обучения иностранному языку.

1. Каков должен быть объем предоставляемой информации на занятии по иностранному языку для продуктивной работы?
2. Какой наиболее результативный способ подачи информации на занятии?
3. Какой объем помощи и контроля требуется?

Отсюда общедидактические задачи [8, с. 151–158] для преподавателя иностранного языка следующие:

1. необходимо повысить сознательность студентов, так как осмысление способствует более скорому формированию навыков и умений;
2. увеличить объем реализации принципа активности при организации занятий;
3. ещё большее внимание уделять принципу наглядности и прибегать к применению большего объема качественных зрительно-слуховых образцов (звукозаписей, видеофильмов, компьютерных программ);
4. при реализации принципа прочности усвоения учебного материала особо обратить внимание на эмоциональную составляющую для решения коммуникативных задач;
5. необходимо тщательно планировать объем предоставляемого для изучения материала, его посильность и доступность, чтобы избежать формального подхода к изучению со стороны студентов.

Из вышесказанного следует необходимость в пересмотре содержательной составляющей учебного материала. Учебная деятельность студента должна быть пошагово спроектирована так, чтобы он двигался по намеченному графику с соблюдением сроков отчетности и качества выполнения проектных заданий. Роль психолого-педагогического сопровождения процесса обучения иностранным языкам неуклонно растёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиренок Ф. И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки.— Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности.— М.: ИФ РАН, 2002. С. 415–420.
2. Горохов В. Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания. // Вопросы философии.— 2007.— № 12. С. 68
3. Исаева Е. Р. Новое поколение студентов: психологические особенности, учебная мотивация и трудности в процессе обучения первого курса [Электронный ресурс]// Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.— 2012.— № 4 — URL: medpsy.ru (дата обращения 14.01.2018)
4. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн [Электронный ресурс]// электрон. науч. журн.— 2017 — URL: www.thinkwithgoogle.com (дата обращения 14.01.2018)
5. Пудалов А. Д. Клиповое мышление — современный подход к познанию // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2011. Т. 1. № 1. С. 36.
6. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер. с англ.— М.: АСТ, 2002.— 557 с.
7. Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс]. // Топос: литературно-философский ж-л. 2010. № 9. <http://www.topos.ru/article/7371> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. Рус.
8. Щукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов.— М.: ВК, 2012 — с. 151–158.
9. Howe, Neil; Strauss, William. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069., 1991
10. Howe, Neil; Strauss, William. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. 1997

© Глоткина Антонина Александровна (glotkina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт

ЭКЛЕКТИЗМ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

ECLECTICISM WHILE TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE AT NON-PHILOLOGICAL PROGRAMS

A. Glotkina

Summary. The article deals with the peculiarities of foreign language teaching and learning at nonlinguistic universities. Several opinions are illustrated in terms of the quality of basic textbooks for students learning the English language at university. The author focuses on the issue of efficiency of foreign language teaching and learning at non-philological programs. Some difficulties that teachers face on a daily basis are analysed. To overcome these difficulties the approaches to improve the work are described.

Keywords: foreign language teaching and learning, non-philological programs, eclecticism, BYOD approach, metadisciplinary approach, skills and abilities.

*Ты эклектик.
Ты выдираешь отовсюду
по цветному перу
и всё влетаешь в свой хвост.
Солженицын А. И.
(«В круге первом»)*

В России на настоящий момент процент изучающих английский язык остается стабильно высоким, при этом процент говорящих на языке не превышает 15% по данным Левада-центра. Страна находится на 39 месте по показателю владения английским языком, ситуация усугубляется тем, что Россия занимает позицию между Эквадором и Мексикой, демонстрируя низкий индекс владения языком равный 51,59. Лидирующими странами являются Швеция, Нидерланды, Дания, Норвегия и Финляндия, из европейских стран сопоставимый с Россией низкий показатель владения английским языком демонстрирует Франция. [5] На ряду с этим необходимость вступить в коммуникацию на английском языке в среде научного сообщества совершенно однозначно существует и не отрицается ни молодыми учёными, ни студентами технических вузов. В работе профессора Ли Джайлс (Lee Giles) из колледжа информационных технологий при университете штата Пенсильвания опубликованы данные о количестве научных документов доступных на английском языке, их число составляет 114 млн. [2] Английский язык — средство, объединяющее ученых. 2/3 научных изданий в мире и 28% издава-

Глоткина Антонина Александровна
Старший преподаватель,
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
glotkina@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены особенности обучения английскому языку студентов неязыковых высших учебных заведений. Приводятся различные точки зрения по вопросу качества учебно-методических пособий, лежащих в основе курсов. Автором рассматривается проблема эффективности преподавания иностранного языка в неязыковых вузах. Проведен анализ трудностей, с которыми сталкивается преподаватель иностранного языка при обучении студентов на нефилологическом профиле. Освещаются некоторые подходы по оптимизации работы преподавателя в данных условиях.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, нефилологический профиль, эклектика, подход BYOD, метапредметность, навыки и умения.

емых в мире книг выходят в свет на английском языке, на этом языке выполняется $\frac{3}{4}$ мировой корреспонденции. [4, с. 6]

Однако насущность проблемы состоит в достижении эффективности преподавания иностранного языка в жёстких рамках нефилологического профиля и программы неязыкового вуза. Требования к студенту-выпускнику неуклонно растут: рынок труда совершенно явным образом демонстрирует потребность в специалистах различных профилей и специальностей со знанием иностранного языка. В 80% вакансий среди основных требований указано владение английским языком, что является необходимым фильтром для поиска специалистов высокого уровня, утверждается, что впоследствии язык может и не использоваться вовсе. [5]

В то же время на занятии в высшем учебном заведении студент сталкивается с двумя типами учебников, которые не приближают его к заветной цели. Первый тип в основу свою берет базу разработанную в 70–80х годах и без значительной переработки в методическом и языковом планах переиздается многократно. Второй тип создаётся авторами без должной апробации, с завышенными требованиями к студентам, — такую оценку учебным пособиям дает Гусевская Н. Ю. [1, с. 29] Для удовлетворения спроса кардинальным образом необходимо пересмотреть содержание и методику преподавания. Учебные комплексы и пособия, вышедшие в середи-

не 90х годов и прошедшие неоднократное переиздание, не отвечают современным потребностям студентов и преподавателей.

Прежде всего учебные пособия, стоящие на службе в неязыковых вузах не обладают практической направленностью. В работе Павловой И.П. находим: *«В настоящее время учебники по иностранным языкам для неязыковых вузов создаются и издаются (или переиздаются) в огромном количестве и с большой скоростью, причем авторы или авторские коллективы, как правило, лингвисты, не интересуются результатами методических исследований и не всегда осознают, что создание нового, современного учебника (или совершенствование ранее изданного) не должно ограничиваться лишь подбором новых, аутентичных текстов, а требует нового методического сопровождения этих текстов, новых способов проверки понимания их при чтении или при слушании, новых приемов обучения студентов общению на изучаемом иностранном языке — и все это в соответствии с новыми целями обучения иностранному языку»*. [3, с. 45] Занятия без учета таких принципов оторваны от современных реалий. Вводно-коррективный курс затянут, лексические темы не носят специализированного характера, лишая студентов возможности приступить к изучению тем, непосредственно связанных с их будущей профессиональной деятельностью. Вместо включения текстов общенаучного, общетехнического и научно-популярного характера, преподаватели продолжают работать с темами, хорошо освещенными в рамках общеобразовательной школы, а именно: образование, экология, транспорт, средства массовой информации и прочие. Таким образом не реализуется принцип преемственности обучения, когда вузовская программа строится на знаниях, навыках и умениях приобретенных в школе, в результате возникает цикличность обучения, сводящая на нет всю мотивацию студентов в изучении дисциплины. Малое количество аудиторных часов, выделяемое на изучение предмета, ставит преподавателя в обескураживающее положение. По этой причине основное внимание на занятиях уделяется письменной коммуникации: чтению текстов, реферированию, конспектированию и другим формам письменной коммуникации. [9, с. 88]

Среди прочих аспектов, усложняющих обучение английскому языку в стенах неязыкового вуза — большие группы, а также их неоднородность. Совершенно определено то, что гарантировать качественное обучение для более чем 20 человек, невозможно, в то время как в этой группе могут находиться студенты с уровнем А1, В1+, С1 (по градации пороговых уровней владения языком, разработанных Советом Европы). Стандартное следование программе учебника неэффективно. В связи

с этим преподаватель находится в постоянном поиске литературы и материалов, необходимых для обучения.

Требование следовать определенному курсу не является целесообразным, так как не способствует достижению цели. Новые поколения преподавателей иностранного языка сталкиваются с кризисом методологий. В течение нескольких десятилетий не было создано революционного подхода в изучении языка. Во многом рождение сбалансированного метода зависит от умения синтезировать подходы в преподавании. Более того, предмет «иностранное языки», и в частности английский язык, обладает «полифункциональностью», «беспредметностью» (межпредметностью), «беспредельностью» и «неоднородностью» [7, с. 2], а значит лишь палитра подходов, методов и практик позволит создать рабочий вариант методики, приносящий положительные результаты в обучении студентов иностранному языку.

Эклектизм (происходит от др.-греч. *ἐκλεκτικός* «эклектик», из *ἐκλεκτός* «выбранный, избранный», русск. *электика, эклектизм* заимств. через франц.) [8] в обучении английскому языку, не боясь экспериментировать с материалами и технологиями являются значимыми элементами в работе преподавателя английского языка.

Стандартные подходы требуют стандартных условий для своей реализации, чего нет в современных реалиях. В редком случае преподаватель работает в комфортных условиях, а именно с однородной и малочисленной группой. Каждое конкретное занятие — вызов, выход из зоны комфорта. Абсолютно точно описывается ситуация с изучением иностранного языка в неязыковом вузе в статье Ременниковой И.А.: *«В настоящее время базовый уровень владения иностранным языком при поступлении в технический вуз не учитывается. Нет вступительного экзамена по иностранному языку, а зачастую даже собеседования, что приводит к неоднородности учебных групп. На первом курсе технических факультетов наблюдается изначальная пассивность студентов, к активной работе на занятии иностранного языка их привлекает преподаватель»*. [6, с.3]

Сбалансировать занятие, выбрать подходящий материал и удовлетворить потребности группы в целом и выстроить урок интересно для каждого конкретного студента — те задачи, с которыми сталкивается современный преподаватель. Эклектизм в преподавании не должен восприниматься как разрушительная сила. Это именно тот способ, который помогает видоизменять и приспособлять имеющиеся у преподавателя ресурсы в действенный метод, приносящий результаты.

Таблица 1. Характеристика трудностей преподавания английского языка в неязыковом вузе и подходы к их разрешению

Трудности	Дополнительная информация	Подход к решению
Человеческий фактор		
Неоднородность и многочисленность групп	Набор без предварительного собеседования, отсутствие деления на подгруппы по уровням владения языком	Использование подхода обучения в сотрудничестве, метод проектов
Отсутствие мотивации в изучении английского языка	Неуверенность в своих силах. Убежденность в своем бессилии выучить язык	Подбор материалов, посильных в изучении. Позитивный настрой со стороны преподавателя
Особенность восприятия информации	По статистике современные студенты — визуалы	Поддержание динамики занятия. Увеличить объем использования мультимедиа средств.
Условия обучения		
Быстрое устаревание учебных пособий, технологического обеспечения вуза	Скорость подготовки учебного пособия хорошего качества отстает от темпа развития технологий.	Увеличить работу с мобильными устройствами, подключенными к сети Интернет для поиска нужной информации и выполнения заданий.
Малое количество часов, выделяемых на изучение иностранного языка при обучении на нефилологическом профиле	2 академических часа в неделю	Мотивировать к выполнению большего объема самостоятельной работы

Речь не идёт об отрицании необходимости наличия учебника или учебно-методического комплекса, но создании их более вариативными и отвечающими потребностям будущих специалистов. Эклектизм в преподавании по умолчанию не может быть чрезмерным, так как чрезмерность не может вылиться в гибкую методику, необходимую для студента при изучении дисциплины. При большом объеме комбинирования и работы с авторскими методиками видоизменяется подход преподавателей к подаче материала своим студентам. Каждая конкретная группа будет отличаться своим набором потребностей и входными данными, и выбрать интересующий ход методической мысли непросто. От преподавателя требуется взвешенный подход к выбору ресурсов и средств для обучения иностранному языку. Исходя из вышесказанного можно вывести некоторые рекомендации и отобразить их в таблице (см табл. 1).

На трудности, определяющиеся человеческим фактором, преподаватель может влиять непосредственно, такая возможность отсутствует в случае со сложными условиями обучения, где преподаватель имеет лишь косвенное влияние. Степень заинтересованности преподавателя в использовании различных методов, технологий, приёмов зависит от уровня компетенции и готовности отступить от шаблонного подхода.

Однако эклектизм требует наличия большего количества ресурсов для преподавателя. При условии работы в 2 академических часа в неделю, динамика занятия в 90 минут должна быть очень высокой. Требуется разработать специализированные сборники текстов, упражне-

ний, подобрать видео- и аудиоматериал практического характера, составить темы для дискуссий и выступлений, приближенные к будущим реальным рабочим ситуациям. Командная работа при многочисленности групп — тот вариант, который требуется использовать всё больше при работе со студентами неязыковых вузов. Хотя этот вид работы требует значительного вклада со стороны обучающихся, их адаптации к такому методу. Но ценность подхода состоит в его практичности и метапредметности, когда студенты получают неоценимый опыт командной ответственности за собственный проект.

Склонность студентов отвлекаться на занятия на проверку почты и уведомлений в социальных сетях необходимо использовать для повышения эффективности занятия. Подход BYOD (bring your own device) как нельзя лучше включается в картину современного урока по иностранному языку. Мобильные телефоны, планшеты, ноутбуки могут быть отличным ресурсом для обогащения занятия. Проектная работа, включающая поиск значимой информации и представления её перед аудиторией, представляет собой тренировку навыков, так необходимых в будущей работе. Подключенные к сети Интернет мобильные устройства превращаются в источник полезной информации и ресурс для коллаборативной работы. Таким образом представляется возможным распределить внимание студентов, сделать занятие интерактивным, позволить обучающимся пользоваться своими «гаджетами» с неотъемлемой пользой для них самих.

Коллаборативность при выполнении проекта среди студентов с разным уровнем знаний и владением язы-

ком позволит выигрышно показать способности каждого из участников. Условием успеха для этого вида будет правильное распределение ролей, грамотное руководство процессом и творческий подход самих студентов. Позитивный настрой преподавателя, его отзывчивость и способность к менторским действиям поддержит уверенность студентов, позволит правильно организовать свою деятельность.

При необходимости стимулировать к выполнению большого объема самостоятельной работы преподавателю необходимо подбирать лексический и грамматический материал, ориентированный на практическое применение его в современных реалиях. Наука может и должна быть интересной, что можно показать в формате научно-практических конференций на иностранном языке. Это именно та ситуация, когда студент может пред-

ставить на иностранном языке результаты своей научной деятельности в высшем учебном заведении, что является первым шагом в работе в научной сфере, демонстрация своих возможностей. Научные стендапы, круглые столы, печатки — форматы, способствующие развитию навыков публичного выступления, невероятно важных для профессиональной деятельности в будущем.

Формулирование своей речи кратко, ярко, образно требует больших умственных затрат. Учиться думать, излагать и обстоятельно отстаивать свою точку зрения на иностранном языке — значительные элементы успешной карьеры. Иностраный язык, в частности английский, предоставляет уникальную возможность взглянуть на проблему под другим углом и быть услышанным не только своими соотечественниками, но и международным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусевская Н. Ю. Проблема и опыт создания учебного пособия по английскому языку. Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология 2011, с. 29–32
2. Ли Джайлс (Lee Giles) «The Number of Scholarly Documents on the Public Web» [Электронный ресурс] URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0093949> (дата обращения 02.02.2018)
3. Павлова И. П. Современный учебник иностранного языка для неязыкового вуза: проблемы и перспективы. Журнал Вестник Московского государственного лингвистического университета 2011. — с. 45
4. Прошина Зоя Григорьевна Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические, социально-культурные проблемы. Материалы VI международной научно-практической конференции 12 декабря 2008. / Отв. ред. И.С.Трусова. — Владивосток: Мор. Гос. ун-т им. Адм. Г. И. Невельского, 2009. — С. 6–10
5. РБК [Электронный ресурс] // Россия стала 39-й из 70 стран по показателю владения английским языком URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/11/2015/563866969a79474acfd69663> (дата обращения 02.02.2018)
6. Ременникова И. А. Возможности использования компьютерных технологий в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе. Труды МАИ, 2007. — с. 3
7. Сомова С. В. Личность учителя иностранного языка // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1–2.; [Электронный ресурс] URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20192> (дата обращения: 30.01.2018).
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Шведова. — М.: Азбуковник, 2007.
9. Щукин А. Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). Учебное пособие для преподавателей и студентов языковых вузов. — М.: ВК, 2012, 326с.

© Глоткина Антонина Александровна (glotkina@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт

АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В РАМКАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

ACMEOLOGICAL CONCEPT OF FORMATION OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

M. Ivinskaya

Summary. This work is devoted to the problem of formation of educational environment in teaching foreign languages on the basis of the acmeological approach. To develop a multilingual and multicultural personality in the globalizing world community, in the situation of information and innovation cultures it is necessary to introduce the principle of continuous linguistic education in professional based on the self-development of linguistic personality, his/her self-improvement, self-control, self-correction, as well as self-reorganization under the influence of new requirements, both internal related to the implementation of personal interests and external caused by professional activities and social changes. Continuous linguistic education takes into account the andragogical principles focused on the involvement of the adult learner in the organisation of his/her own learning process. Among the basic components of continuous linguistic education we consider linguistic competence, intercultural competence, language culture of personality, creative language personality, acmeological culture of a language personality.

Keywords: acmeological approach, linguistic personality, communicative personality, multilingual and multicultural personality, continuous linguistic education, andragogical principle.

Ивинская Марина Сергеевна
К.п.н., старший преподаватель,
Одинцовский гуманитарный институт
Marina.obolenskaya@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме формирования образовательной среды при обучении иностранному языку на основе акмеологического подхода. В связи с необходимостью формирования мультиязыковой и мультикультурной личности в условиях глобализации мирового сообщества, развития информационной и инновационной культур актуализируется необходимость внедрения в образовательный процесс принципа непрерывного лингвистического образования, в основе которого лежит саморазвитие языковой личности, ее самосовершенствование, самоконтроль, самокоррекция, а также самореорганизация деятельности под влиянием новых требований, как внутренних, связанных с реализацией личностных интересов, так и внешних, детерминированных профессиональной деятельностью и социальными изменениями. Непрерывное лингвистическое образование строится с учетом андрагогических принципов, ориентированных на вовлечение взрослого обучающегося в организацию процесса своего обучения. Среди базовых компонентов непрерывного лингвистического образования рассматриваются лингвистическая компетентность, межкультурная компетентность, языковая культура личности, творческая языковая личность, акмеологическая культура языковой личности.

Ключевые слова: акмеологический подход, языковая личность, коммуникативная личность, мультиязыковая и мультикультурная личность, непрерывное лингвистическое образование, андрагогический принцип.

Акмеология рассматривается как наука о человеке и образовании, которая исследует закономерности, механизмы и способы развития человека на стадии зрелости, превращения его в личность через самоуправление, самообразование, саморазвитие. Личность — самый важный социальный признак человека и его основное свойство. Стремление к самозиданию и самосовершенствованию формируется в духовном мире личности, под которым понимается субъективное, сигнальное, социально обусловленное отражение окружающего мира в идеальных образах, служащее основой для осуществления активного взаимодействия человека с окружающим его миром [7, с. 5]. Все психические составляющие зрелой личности, включая ум, волю, характер, направлены на успешное решение жизненных задач, творческую реализацию своих возможностей, что является мощной силой, которая противостоит инволюционным процессам (по Б. Г. Ананьеву).

В условиях современного глобального, нестабильного, быстро развивающегося общества возрастает необходимость поиска новых возможностей достижения личностью продуктивной созидательной деятельности во всех сферах общественной жизни, включая профессиональную. Профессиональное развитие личности — это непрерывный процесс, включающий подготовку будущего специалиста, его профессиональное становление, накопление и развитие профессионального и социального опыта, креативного содержания, что необходимо для формирования и функционирования конкурентоспособной личности. Как отмечает С. А. Хазова, конкурентоспособность специалиста, которая обеспечивает ему более высокий профессиональный статус, устойчиво высокий спрос на его услуги, обладает не только общественной, но и личной значимостью, создавая благоприятные условия для успешной и длительной профессиональной деятельности [13, с. 167–168].

С.Н. Бегидова выявляет основные акмеологические детерминанты, обеспечивающие профессиональное формирование личности и достижение ею высокого уровня профессионализма: личностные профессионально значимые качества, гуманизм, положительную установку на профессиональную деятельность, профессиональную ментальность, профессиональную компетентность, профессиональное честолюбие, ориентацию личности на творческое саморазвитие. Для достижения высокой эффективности профессионального развития личности, превращения ее в социально зрелую личность, способную к творческому саморазвитию в течение всей жизни, в образовательном процессе необходимо сочетать акмеологический подход с андрагогическим подходом [6].

В основе андрагогического подхода к образованию лежит вовлечение взрослого обучающегося в организацию процесса собственного обучения, что обусловлено его специфическими физиологическими и социально-психологическими характеристиками. С.И. Змеёв выделяет ряд особенностей, отличающих взрослого обучающегося от незрелого:

1. осознание себя более самостоятельной и самоуправляемой личностью;
2. наличие богатого жизненного опыта, что создает более благоприятную образовательную среду;
3. стремление с помощью образования решать важные жизненные проблемы, достигать конкретных целей, что является мощным катализатором к обучению;
4. готовность к безотлагательной, а не отложенной реализации сформированных компетенций;
5. обусловленность учебной деятельности пространственными, временными, бытовыми, социальными и профессиональными условиями [8, с. 94–101].

Наличие этих характеристик позволяет взрослому человеку сохранять статус активного участника образовательного процесса, а роль педагога сводится к опоре на эти преимущества и к нейтрализации проблем, свойственных человеку на различных этапах взрослости. Разумное сочетание акмеологического и андрагогического подходов превращает взрослую личность в такого субъекта образовательного процесса, который стремится к самореализации природного потенциала, самосовершенствованию, соуправлению и самоуправлению, саморегуляции созидательной деятельности.

Внедрение акмеологических принципов в образование во многом способствует повышению его качества. Будучи наукой о качестве человека и качестве его жизни, по выражению А.А. Деркача [2], акмеология образования выявляет и анализирует условия достижения вы-

сокого качества образовательной системы и развития основных субъектов образовательного процесса. Высокое качество достигается в образовательном учреждении, способном на создании необходимых условий для формирования и развития у всех субъектов образования представления о высоких достижениях, необходимых для развития личности и социума. В такой образовательной среде человек развивается как самобытная и уникальная личность, раскрываются его творческие способности, умение строить отношения в коллективе и социуме, формируются духовные и нравственные ценности личности. Педагог в таком образовательном учреждении выступает как исследователь, который обладает аналитическими способностями, умением определять цели и задачи своей деятельности, планировать методическую работу, прогнозировать результаты учебной деятельности и корректировать ее на основе данных педагогического мониторинга [4, с. 179–182].

Создатели «Атласа новых профессий», в контексте обеспечения «акме-развития» будущих специалистов, размышляют и о необходимости надпрофессионального развития личности, представляя перспективный взгляд на то, какие отрасли будут активно развиваться, какие в них будут рождаться новые технологии, товары, способы управления и какие новые специалисты потребуются работодателям в ближайшие 15–20 лет. Предложенная авторами типология надпрофессиональных компетенций поможет специалисту быстро адаптироваться к изменяющейся экономической ситуации, повысить эффективность своей профессиональной деятельности, сохраняя свою востребованность и конкурентоспособность. Среди таких компетенций — системное и экологическое мышление; клиентоориентированность; способность управлять проектами и процессами, работать с коллективами/группами/отдельными людьми; готовность к профессиональной деятельности в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач; умение программировать ИТ-решения обеспечивать бережливое производство; навыки межотраслевой коммуникации; мультиязычность и мультикультурность; наличие развитого эстетического вкуса [3].

Отсюда следует, что в ближайшей перспективе, в условиях все более нарастающей глобализации и интеграции мирового сообщества, актуализируется проблема непрерывного лингвистического образования, основанного на сочетании акмеологического и андрагогического принципов обучения, нацеленного на подготовку мультиязычной и мультикультурной личности, владеющей навыками речевого взаимодействия в деловой среде, способной к целостному восприятию предметов и явлений, ориентированной на удовлетворение запросов потребителей, готовой в условиях современного инновационного и информационного общества к проектной

работе и управлению искусственным интеллектом, действиям в условиях неопределенности и т.д.

По мнению В. Н. Максимовой, значимость и актуальность такой проблематики усиливается наличием ряда негативных тенденций, приводящим к существенному кадровому дефициту в российской экономике, нацеленной на инновационное развитие, внедрение в экономику высоких и наукоемких технологий:

1. отток молодых специалистов, уезжающих на работу в зарубежные страны;
2. отсутствие у молодежи настроенности на напряженный труд;
3. снижение способности на долговременную умственную деятельность;
4. отсутствие мотивации к профессиональному совершенствованию у молодых специалистов;
5. отток в бизнес и промышленность наиболее способной и активной части преподавателей-уче-ных;
6. влияние Интернета на психическое состояние и развитие молодежи [10, с. 529–530].

Таким образом, современное лингвистическое образование должно строиться с учетом не только профессиональных, но и надпрофессиональных требований к современному специалисту, а также учитывать конкретные условия, сложившиеся в российском социуме на рынке труда.

Понятие «лингвистическое образование» включает владение совокупностью знаний о языке; умение понимать тексты и строить собственные речевые высказывания в устной и письменной формах; способность оперировать усвоенными и переработанными текстами разных стилей и жанров; владение нормами культуры речи и речевого этикета как необходимого компонента профессиональной культуры; умение адаптироваться к меняющимся условиям языковой среды, с одной стороны, и активно воздействовать на эту среду — с другой.

А. В. Смирнов подчеркивает, что для успешного решения сложных и многообразных задач стратегия непрерывного лингвистического образования как неотъемлемой части непрерывного профессионального образования современных специалистов должна ориентироваться на приоритет личностных ценностей участников образовательной и профессиональной деятельности, их саморазвитие и самореализацию. Такой подход включает последовательное формирование следующих составляющих:

- ◆ лингвистической компетентности;
- ◆ межкультурной компетентности;
- ◆ языковой культуры личности;
- ◆ творческой языковой личности;

- ◆ акмеологической культуры языковой личности [12, с. 109–114].

Остановимся подробнее на этих факторах. В центре лингвистического образования находится *языковая личность*, полноценно представляющая всю личность, основные компоненты которой — социальный, психический, этический, культурный и другие — преломляются через ее язык, охватывая ключевые этапы речемыслительной деятельности. Формирование и развитие языковой личности происходит в процессе восприятия, переработки и продуцирования устных и письменных текстов. По мнению В. А. Козырева и В. Д. Черняка, из всей совокупности слышимых, произносимых, читаемых, воспринимаемых текстов постепенно складывается языковое сознание личности, которое постоянно развивается по мере накопления речевого опыта и может выступать как предмет воспитания [9, с. 30–36].

В связи с появлением и развитием функционально-коммуникативного подхода к изучению иностранных языков актуализируется понятие *коммуникативной личности*, которое представляется более широким понятием, так как предполагает характеристики, связанные с выбором не только вербального, но и невербального кода коммуникации с использованием искусственных и смешанных коммуникативных кодов, обеспечивающих взаимодействие человека и машины. В отличие от языковой личности, коммуникативной личности свойственная соотнесенность с личностью партнера по коммуникации, что объясняется особенностями природы самой коммуникации, которая с необходимостью включает партнера или его образ, с которым согласуются коммуникативные усилия говорящего.

Лингвистическая компетентность подразумевает знание языка; умения и навыки речевого общения, опыт творческо-практической деятельности в сфере иноязычной коммуникации. Она формирует основу для успешного участия языковой личности в межкультурном взаимодействии. Только достигнув высокого уровня лингвистической компетентности, языковая личность обучающегося в состоянии решать задания проблемного и проектного уровней, творчески относиться к изучению иностранного языка, осознанно и мотивированно участвовать в образовательном процессе, что является одним из важнейших условий достижения конкурентоспособности будущим специалистом.

Сущность *межкультурной компетентности* составляют такие характеристики, как открытость к познанию другой культуры; способность к восприятию и осмыслению межкультурных различий; готовность к взаимодействию с представителями другой культуры; способность преодолевать различные стереотипы; ов-

ладение необходимыми коммуникативными средствами и их правильный выбор в зависимости от коммуникативной ситуации; соблюдение этикетных норм и правил в процессе иноязычной коммуникации.

По определению Т. А. Акатовой, *языковая культура личности* — это качество использования средств и возможностей языка, что обуславливает успешную деятельность человека в обществе, его личностное и профессиональное развитие. Эффективность развития языковой культуры специалиста как профессионально-личностного качества обеспечивается с использованием методики формирования компонентов языковой культуры, включающего культуру речи, культуру работы с текстом, культуру чтения, информационную культуру [1].

Стоит различать творческую моноязыковую и монокультурную личность и творческую мультязыковую и мультикультурную личность. Отличительной особенностью первого вида личности является овладение несколькими формами национального языка, каждый из которых связан с тем или иным вариантом национальной языковой картины мира. В дискурсивной практике такой личности эти когнитивные миры могут сосуществовать. Как отмечает И. В. Башкова, знание разных форм национального языка дает возможность языковой личности использовать разнообразные интерпретационные семантические стратегии [5, с. 112–116].

Следовательно, именно языковая картина мира определяет и направляет коммуникацию языковой личности, является основой ее личностной самоидентификации и во многом зависит от того, каким образом лингвокультура систематизирует объекты окружающего мира. Усвоение основ новой культуры в процессе изучения иностранного языка вовсе не означает подмену сложившейся картины мира двуязычного говорящего, но означает совмещение двух картин мира и таким образом расширение горизонтов сознания. Э. Хауген

тонко заметил, что «двуязычный носитель располагает двумя сосуществующими системами... он, по-видимому, располагает менее чем двумя, но более чем одной системой» [14, с. 62]. Логично предположить возможность объединения в сознании носителя языка обеих культур — родной и изучаемого иностранного языка, а билингва, реализующего синергетически выстроенную систему, носителем особой культуры — информационного резервуара контактирующих систем коммуникации [11, с. 89–94].

Акмеологическая культура языковой личности специалиста включает следующие компоненты: духовно-нравственное совершенство, гуманистическое мировоззрение, инновационность, творческое саморазвитие, профессиональный менталитет, профессиональную компетентность, профессиональное честолюбие. Акмеологическая культура личности рассматривается как важнейшая предпосылка профессионального становления будущего специалиста, поскольку, только овладев этой культурой, специалист сможет творить себя как активного субъекта общественной и профессиональной деятельности [6].

Таким образом, формирование и развитие мультязычной и мультикультурной зрелой личности, способной к успешной и долговременной профессиональной деятельности, возможно только в условиях организации непрерывного лингвистического образования с использованием акмеологического подхода с опорой на андрагогический принцип обучения. Концепция такого обучения строится на обязательном учете личностных потребностей субъектов образовательной и профессиональной деятельности, развития способности к самосовершенствованию средствами самоорганизации, самообразования, самокоррекции и самореорганизации. Основными компонентами непрерывного лингвистического образования выступают лингвистическая и межкультурная компетентность, языковая культура личности, творческая языковая личность и акмеологическая культура языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акатова, Т. А. Языковая культура личности как социокультурный феномен [Электронный ресурс] / Т. А. Акатова // Педагогическое образование в России, 2012. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/yazykovaya-kultura-lichnosti-kak-sotsiokulturnyy-fenomen>. — [Дата обращения: 28.11.2017]
2. Акмеология: учебник. 2-е изд., перераб. [Текст] // Под ред. А. А. Деркача. — М.: РАГС, 2006. — 424 с.
3. Атлас новых профессий [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив и Московская школа управления «Сколково», 2015. — Режим доступа: <http://atlas100.ru>. — [Дата обращения: 26.11.2017]
4. Балданова, Л. М. Акмеологический подход в повышении качества образования [Текст] / Л. М. Балданова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2010. — № 1 (33). — С. 179–182
5. Башкова, И. В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира [Текст] / И. В. Башкова // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2015. — № 4 (157). — С. 112–116

6. Бегидова, С. Н. Акмеологические детерминанты профессионального становления личности [Электронный ресурс] / С. Н. Бегидова // Вестник Адыгейского государственного университета, 2012. — № 1. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/akmeologicheskie-determinanty-professionalnogo-stanovleniya-lichnosti>. — [Дата обращения: 26.11.2017]
7. Еникеев, М. И. Общая и социальная психология [Текст] / М. И. Еникеев. — М.: Норма, Инфра-М, 2010. — 640 с.
8. Змеёв, С. И. Образование взрослых и андрагогика в реализации концепции непрерывного образования в России [Текст] / С. И. Змеёв // Отечественная и зарубежная педагогика, 2015. — № 3 (24). — С. 94–101
9. Козырев, В. А., Черняк, В. Д. Языковое образование и языковая личность [Текст] / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Universum: Вестник Герценовского университета, 2008. — № 12. — С. 30–36
10. Максимова, В. Н. Направления глобализации образования в культурно-образовательном пространстве [Текст] / В. Н. Максимова // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Межд. Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. — СПб: СПбГУП, 2010. — С. 529–530
11. Свердлова, Н. А. Лингвокультурная интерференция в коммуникативном поведении билингов [Текст] / Н. А. Свердлова // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. — № 3 (332). — Вып. 87. — С. 89–94.
12. Смирнов, А. В. Развитие непрерывного лингвистического образования взрослых в университете [Текст] / А. В. Смирнов // Человек и образование, 2011. — № 4 (29). — С. 109–114
13. Хазова, С. А. Развитие конкурентоспособности будущих специалистов по физической культуре и спорту как фактор усиления действенности физической культуры в современном обществе [Текст] / С. А. Хазова // Вестник Адыгейского государственного университета, 2010. — Вып. 3. — С. 167–178
14. Хауген, Э. Языковой контакт [Текст] / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. — М., 1971. — С. 62

© Ивинская Марина Сергеевна (Marina.obolenskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Одинцовский гуманитарный институт

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

STUDENT SELF-GOVERNMENT AS A FORM OF ORGANIZATION OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF UNIVERSITY STUDENTS

*V. Mekleeva
T. Khazykova*

Summary. The article is devoted to the problem of student self-government in the University. The questions of formation of student self-government in the national higher school are revealed. The essential characteristics of student self-government from the position of different approaches are identified. The description of student self-government at the present stage of development of domestic higher education is given.

Keywords: student youth, self-government, student self-government.

Меклеева Валентина Михайловна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
mekleeva-vm@mail.ru

Хазыкова Тамара Саранговна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
tschazikova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме студенческого самоуправления в вузе. Раскрыты вопросы становления института студенческого самоуправления в отечественной высшей школе. Выделены сущностные характеристики студенческого самоуправления с позиции разных подходов. Дано описание студенческого самоуправления на современном этапе развития отечественного высшего образования.

Ключевые слова: студенческая молодежь, самоуправление, студенческое самоуправление.

В настоящее время приоритетной целью отечественного высшего образования в соответствии с требованиями ФГОС ВПО является формирование у студенческой молодежи в процессе профессионального обучения социально значимых качеств, обуславливающих способность проявлять инициативу, самостоятельность, конкурентоспособность, умения вносить личный вклад в общественно-политическую жизнь общества.

Студенческая молодежь является специфической социальной группой, для которой характерны интенсивное профессионально-личностное развитие в процессе обучения в вузе, интеллектуальная и социальная активность. Данный возрастной этап развития молодых людей сопровождается «критическим осмыслением опыта предшествующих поколений, переоценкой ценностей. В процессе социализации студенты вырабатывают свое отношение к окружающему миру, оценивают позитивные и негативные процессы в обществе, в котором они живут, что, в свою очередь, способствует развитию собственных жизненных ориентаций, идеалов, норм» [8, с. 291].

Студенческое самоуправление как форма организации внеучебной деятельности студентов вуза является «формой инициативной, самостоятельной, ответственной общественной деятельности студентов, которая направлена на решение важных вопросов жизнедеятельности студенческой молодежи, на развитие ее социальной активности и поддержку социальных инициатив»

[3, с. 3]. Для понимания его сущностных характеристик необходимым является рассмотрение истории становления данного института в отечественной высшей школе.

Становление студенческого самоуправления в дореволюционной России до 1863 года характеризовалось зарождением отдельных студенческих организаций, которые были легальными, поддерживались администрацией и профессорско-преподавательским составом вузов, однако они носили несистемный характер и охватывали только отдельные сферы жизни студенческой молодежи. С 1863 по 1882 год проводилось закрытие легальных студенческих объединений и преобразование их в нелегальные объединения, в рамках полномочий которых охватывались все сферы жизни студенчества. Данные студенческие объединения характеризовались вариативными формами студенческого самоуправления. С 1882 по 1917 год в вузах разрешалось создание организаций студенческого самоуправления, происходило оформление их нормативно-правовой базы, содержательно изменялись деятельность и формы работы, студенческие организации оформлялись в стройную систему [6, с. 8–9].

В советские времена идеология воспитания студенческой молодежи строилась исходя из общественного долга, который ставился выше личных интересов, что нашло свое отражение в работах Н. К. Крупской, А. С. Макаренки и др. В советской России появилось множество различных общественных молодежных организаций,

функции которых охватывали весь спектр вопросов жизнедеятельности студенческой молодежи. К середине 30-х годов XX века студенческие организации были ограничены в полномочиях вопросами общественно-политического воспитания студенческой молодежи, было сокращено представительство студенчества в органах руководства вузами, что способствовало передачи всех полномочий администрации вузов. В начале 60-х годов XX века студенческое самоуправление получило новое развитие, получили распространение студенческие строительные отряды, студенческие театры эстрадных миниатюр (СТЭМы), студенческие КВНы и т.д. Студенческое самоуправление в советский период, на всём протяжении его существования, представляло собой часть учебно-воспитательного процесса, средство целенаправленного формирования у студентов активности, ответственности перед обществом и государством за последствия профессиональной деятельности [3, с. 8].

В постсоветский период вопросы поиска наиболее эффективных моделей студенческого самоуправления в рамках модернизации российского высшего профессионального образования вновь стали предметом пристального внимания научного сообщества. В большинстве вузов повысилась роль студенческих профсоюзов, однако они не могли полностью обеспечить реализацию всех инициатив студенчества, в том числе, из-за специфики своей деятельности [5, с. 55].

Развитие студенческого самоуправления на современном этапе связано с I Всероссийским студенческим форумом, который был проведен в 2001 году в рамках реализации государственной программы «Молодежь России (на 2001–2005 годы)», после которого начинается стремительно развиваться институционализация студенческого самоуправления. Стали создаваться студенческие советы при вузах, региональные студенческие советы, стало традицией проведение студенческих форумов, съездов, конференций, получили развитие школы студенческого актива, миссией которых является подготовка молодых лидеров, создание площадок для обмена опытом и развития студенческого самоуправления. Таким образом, в постсоветский период получили развитие предпосылки для становления студенческого самоуправления как самостоятельного социального института, обладающего признаком некоторой реальной автономии: была создана нормативная база и организационные формы, сформировались неформальные традиции, регулирующие отношения в данной сфере [5, с. 55–56].

Современное понимание студенческого самоуправления определяется учеными с позиции акцентирования внимания на различных сущностных характеристиках данной формы организации внеучебной деятельности

студентов. Студенческое самоуправление, по мнению В.В. Овчинникова, представляет частный случай самоуправления. Самоуправление трактуется автором как «разновидность социального управления, особую форму инициативной, активной, самостоятельной относительно автономной деятельности социального субъекта... характер самоуправления проявляется в том, как социальный субъект, активно участвуя в управленческой деятельности самореализуется сам и реализует свои потребности и интересы» [3, с. 7–8].

С точки зрения Е.А. Беловой, С.В. Горячевой, студенческое самоуправление понимается как «целенаправленная деятельность студентов, которая зарождается внутри студенчества и по его инициативе» [1, с. 65]. По мнению других авторов, студенческое самоуправление является формой воспитательной работы в вузе. С этих позиций целью деятельности студенческого самоуправления является социальное и личностное развитие студенческой молодежи в процессе обучения в вузе [7, с. 179]. С психологической точки зрения студенческое самоуправление раскрывается как специфический вид деятельности, как метод формирования и организации коллектива, как принцип деятельности общественных организаций и как средство воспитания общественников, как способ организации жизнедеятельности студенческих коллективов [9, с. 186]. Е.Н. Гребенюк говорит о влиянии института студенческого самоуправления на развитие социально-значимых качеств студентов, например, социальной ответственности, лидерства, инициативности, коллегиальности [2, с. 43].

Согласимся с точкой зрения С.М. Павловой, согласно которой студенческое самоуправление понимается как «самостоятельная, независимая (автономная), инициативная и проводимая под свою ответственность специфическая управленческая деятельность студенчества по решению социальных, экономических, политических, культурных проблем своей жизни, а также в целях создания условий для самореализации студентов, включающую также и представительные функции» [4, с. 43–44]. Специфической чертой студенческого самоуправления, по мнению автора, является то, что субъектом и объектом управления являются студенты, при этом субъект управления выполняет все функции управления — организацию, координацию, планирование, прогнозирование, контроль и мотивацию, имеет управляющие органы, нормы регулирования деятельности, разграничение сферы влияния с органами воспитательной работы вуза [4, с. 44].

Студенческое самоуправление на современном этапе развития учреждений высшего профессионального образования становится действенным фактором организации вузовской жизни, оказывающим существенное

влияние на студенческую молодежь. Организационными формами студенческого самоуправления являются студенческий совет и профсоюзный комитет студентов. Их деятельности основывается на принципах самоорганизации и самореализации самих студентов. В качестве организационно-педагогических условий, направленных на формирование студенческого актива, выступают обучение студенческого актива в «Школе студенческого самоуправления», участие студенческого актива в социально-значимых мероприятиях вузов, в которых участники студенческого актива показывают социальную активность и эрудицию, осуществляют функции наставников и кураторов. К психолого-педагогическим условиям развития студенческого самоуправления на современном этапе относятся сотрудничество участников студенческого самоуправления на основе субъект-субъектных отношений, фасилитативная позиция преподавателей вузов.

Однако в развитии данного социального института имеют место ряд проблем. Так, после реализации Федеральной целевой программы «Молодежь России» (2001–2005 годы), разработки и реализации новой программы не последовало. Целевая программа «Студенчество

России (2006–2010)» осталась на стадии разработки. «Программа развития студенческого самоуправления», реализуемая по заказу Рособразования «Российским союзом молодежи» в 2006 году, оказалась недостаточно эффективной. В настоящее время не разработана типовая модель организации студенческого самоуправления, нет показателей состояния и развития данного института в вузах страны. Это не позволяет сформировать и реализовать научно-обоснованную систему эффективных мер со стороны государственных структур вузов и общественных институтов по развитию студенческого самоуправления.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что студенческое самоуправление как форма организации внеучебной деятельности студентов вуза, с одной стороны является компонентом воспитательной системы вуза, представляющей особую форму инициативной, самостоятельной, общественно полезной деятельности студентов, с другой стороны — выступает в качестве формы самоуправления, самостоятельной общественной деятельности студентов по осуществлению функций управления жизнью студенческого коллектива в образовательной среде вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е.А., Горячева С. В. Опыт студенческого самоуправления в педуниверситете // Высшее образование в России. — 2011. — № 7. — С. 65–69.
2. Гребенюк Е. Н. Студенческое самоуправление как механизм развития лидерских качеств современного студента вуза // Педагогический журнал. — 2014. — № 1–2. — С. 42–47.
3. Овчинников В. В. Студенческое самоуправление в России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социологических наук. -Москва, 2007. — 23 с.
4. Павлова С.М. К вопросу о сущности и социальных функциях института студенческого самоуправления. // Известия Саратовского университета. — 2016. Т. 16, № 1. — С. 42–44.
5. Павлова С. М. Участие в студенческом самоуправлении как фактор развития гражданской активности молодежи: автореферат дис. ... кандидата социологических наук. — Пенза, 2018. — 173 с.
6. Петрова С. С. Социально-воспитательная деятельность студенческого самоуправления в вузах России в пореформенный период (1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Тюмень, 2010. — 26 с.
7. Рогалева Г. И. Студенческое самоуправление — характеристика воспитательного пространства вуза // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — С. 178–181.
8. Толубаева Л. Т. Формирование патриотизма как социокультурной ценности студенческой молодежи // Сборник XIX Международной научно-практической конференции «Университетское образование», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной Войне — Пенза, Издательство ПГУ. — 2015. — С. 290–293.
9. Цветкова М.А. К проблеме понимания сущности студенческого самоуправления // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2017. — № 2. — С. 185–194.

© Меклеева Валентина Михайловна (mekleeva-vm@mail.ru), Хазыкова Тамара Саранговна (tschazikova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОРТФОЛИО КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТА

PORTFOLIO AS A METHOD OF INCREASE OF EDUCATIONAL ACTIVITY AND PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF THE STUDENT

T. Osnovina

Summary. The main form of oecania promoting the development of students ' ability to analyze and evaluate their own professional activities is a portfolio. Portfolio as a component practical-learning body allows you to see RES specific educational results that are the subject of individual student progress in the educational context and its ability to apply the priority of knowledge and skills in professional activities, thereby socializing in the professional community. Portfolio technology can be used as a tool to increase learning activity and Professional socialization of the student.

Keywords: Portfolio, evaluation method, professional activity, competences, educational activity, professional socialization.

Основина Татьяна Юрьевна

К.п.н., доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГФОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» podakatr@yandex.ru

Аннотация. Основной формой оценивания способствующей развитию у студентов способности анализировать и оценивать собственную профессиональную деятельность является портфолио. Портфолио как компонент практико-ориентированного обучения позволяет увидеть срез конкретных образовательных результатов, являющихся итогом индивидуального прогресса студента в образовательном контексте и его возможности применять приобретенные знания и умения в профессиональной деятельности, тем самым социализируясь в профессиональном сообществе. Технология портфолио, может использоваться как инструмент повышения учебной активности и профессиональной социализации студента.

Ключевые слова: портфолио, оценочный метод, профессиональная деятельность, компетенция, учебная активность, профессиональная социализация.

Модернизация системы высшего образования предъявляет новые требования к качеству образования в целом и в частности при обучении студентов вузов педагогического профиля непедagogических направлений подготовки. Требования выраженные в федеральном государственном образовательном стандарте третьего поколения по направлению подготовки 38.03.03 «Управление персоналом» [1, с. 15–21], вытекающие из базовых компетенций профессионального стандарта специалиста по управлению персоналом [2, с. 3–18], предполагают необходимость изменения в организации, содержании и технологиях подготовки данных специалистов.

В рамках модернизации образования для повышения качества подготовки управленческих кадров были усовершенствованы программы дисциплин профильной подготовки. В частности, созданы и апробированы более 70 современных учебных модулей усиленной практической (профессиональной) направленности по организационно-управленческим видам деятельности на основе сетевого взаимодействия университета с государственными и не государственными организациями, реализующими производственную деятельность.

При разработке программ обучения профиля подготовки «Управление персоналом организации» по требованиям ФГОС 3+ были сформулированы основные

образовательные результаты, соотнесенные с целями и формируемыми компетенциями [2, с. 10–18]. Предполагается, что в результате реализации программ достигаются образовательные результаты (освоение, преобразование и применение знаний на основе имеющихся знаний и познавательных учебных действий), личностные (личностное самоопределение, социальные компетенции, способность к саморазвитию) и профессиональные (профопределение, профкомпетентность, саморазвитие в профессиональной деятельности).

Данные образовательные результаты зафиксированы ФГОС 3+ по направлению подготовки «Управление персоналом организации» в форме общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций [2, с. 10–18]. Формирование данных компетенций возможно на основе стратегии практико-ориентированного обучения, базирующегося на деятельностном и личностном подходе, целью которого является формирование профессионального мировоззрения, профессионального мышления, позволяющих принять эффективное управленческое решение. Для повышения заинтересованности и ответственности студента за образовательные результаты, необходимо использовать соответствующие инструменты оценки профкомпетентности, которые должны способствовать развитию у студентов способности анализировать и оценивать собственную профессиональную деятель-

ность. Основной формой такого оценивания является портфолио.

Портфолио (от франц. *porter* — излагать, формулировать, нести и *folio* — лист, страница) — досье, собрание достижений [3, с. 4]. Применительно к учебной деятельности и профессиональной социализации студента портфолио необходимо рассматривать как метод констатации, накопления и оценки индивидуальных достижений студента за весь период его обучения. В данном контексте портфолио это целенаправленное собрание работ или удостоверяющих документов, которые показывают усилия студента, его достижения по освоению учебного плана, формирование его как будущего квалифицированного специалиста. Эта форма работы помогает решать важные педагогические и профессиональные задачи — поддержание мотивации к высокому уровню знаний в области выбранной специализации, формирование у студентов адекватной самооценки результатов обучения и оценочных навыков. Портфолио как компонент практико-ориентированного обучения позволяет увидеть срез конкретных образовательных результатов, являющихся итогом индивидуального прогресса студента в образовательном контексте и его возможности применять приобретенные знания и умения в профессиональной деятельности, тем самым социализируясь в профессиональном сообществе, что дает возможность выбора базового учреждения для прохождения производственной практики. Технология портфолио, может использоваться как инструмент повышения учебной активности студента, через участия в студенческих научно-практических конференциях, публикация результатов научных исследований, трудоустройство и т.д.).

При решении предложить студентам данную форму мониторинга достижений студента как метода повышения учебной активности и профессиональной социализации основной целью ставился анализ и представление результатов профессионального и личностного становления будущего специалиста управления персоналом, его культурно-образовательного роста. Портфолио позволяет оценить результаты, студента в учебной, воспитательной, творческой, самообразовательной деятельности. Соответственно задачами портфолио является планирование, организация, осуществление и оценивание данных направлений деятельности будущего специалиста управления персоналом, реализуемых в рамках учебно-воспитательного процесса. Что закладывает дополнительные предпосылки и возможности для успешной профессиональной социализации, так как формирует умение ставить цели, планировать и организовывать собственную деятельность, изначально учебную затем профессиональную. Это немало важное умение для специалиста, в должностных обязанностях которого оно определено как профессионально необходимое.

В условиях официальной формы итоговой аттестации по ФГОС 3+ направления подготовки «Управление персоналом» выпускная квалификационная работа, ведение портфолио является дополнительной оценочной формой, которая выбирается по усмотрению студента. Что дает студенту возможность выбрать форму и структуру портфолио. Это может быть портфолио документов — кейс сертифицированных индивидуальных образовательных достижений студента, или портфолио работ — собрание исследовательских, творческих, работ (участие в научных конференциях, конкурсах, олимпиадах, форумах, и т.д.), возможно портфолио отзывов, представленных преподавателями, руководителями практик, представителями бизнеса и т.д. В структуре портфолио студенту дается возможность вариаций, возможно, сочетать все компоненты. Как, показала практика, именно эта модификация является наиболее эффективной, поэтому студенты выбирают именно комбинаторную модификацию, которая наиболее полно отражает их профессиональные достижения. Заполнение портфолио является творческим процессом, позволяющим студенту реально оценить свой образовательный уровень, увидеть свои резервы, определить направления профессионального самосовершенствования, для успешного трудоустройства. При социальном заказе общества на конкурентно способную личность выпускника вуза самопрезентация при трудоустройстве выпускника будет намного демонстрационнее и эффективнее на основании портфолио. Портфолио может быть создано в электронном формате, что облегчает передачу информации при необходимости, по коммуникационным каналам любым заинтересованным пользователям, например руководителям учебных заведений или потенциальным работодателям.

Долговременный мониторинг индивидуальных образовательных достижений студента и развития сферы его интересов на различных ступенях обучения, а также его профессионального и личностного роста, не возможен без преподавателя, как субъекта метода портфолио, который изначально является инициатором повышения учебной активности и профессиональной социализации, поддерживает самооценку и самоуважение студента, поощряя его успехи и уверенность в своих способностях и компетенции, готовности к переходу на следующие этапы образования и самообразования в процессе профессиональной деятельности. В дальнейшем студенческое портфолио может стать базой для профессионального портфолио.

Материалы портфолио студент самостоятельно выстраивает исходя из освоения образовательной программы, основанной на компетенциях, необходимых студенту для решения профессиональных задач. Сту-

Таблица 1.

Показатели	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
абсолютная успеваемость в%	72.73	85.19	66.67	71.11
качество успеваемости в%	45.45	37.04	62.96	64.44
средний балл	3.27	3.76	3.30	3.46
средний балл по базовым дисциплинам	3.33	3.94	3.35	3.45
средний по дисциплинам специализации	3.26	3.87	4.10	4.62
итоги практики: средний балл супервайзера/ средний балл работодателя	3.16/ 3.0	3.50/ 3.24	3.86/ 3.72	4.80/ 4.32
абсолютное количество студентов заполняющих портфолио в%	10	55	90	95

Таблица 2.

Показатели	Кол. Студентов в %	
	До сбора портфолио	После сбора портфолио
- мотивация к образовательным достижениям	70	95
- мотивация к самообразованию	25	95
- способность развивать свои интеллектуальные и творческие	20	85
- выработка умения объективно оценивать уровень своих профессиональных компетенций	10	80
- умение проводить работу над ошибками	15	90
- участие в конкурсах, или стажировках, или практиках и других мероприятиях	10	100
- способность привлечь внимание работодателя	5	80
- умения организовать свое время для достижения профессиональной цели	30	85
- сотрудничество, личная ответственность	15	60

денту дается возможность самостоятельно соотнести компетенции программы обучения с компетенциями определенными для специалиста в профессиональном стандарте специалиста по управлению персоналом [1, с. 8]. На основании полученной информации об актуальности предметов, входящих в учебный план, их значении для подготовки к профессиональной деятельности студент может построить индивидуальную образовательную траекторию, которая позволяет ему оценивать освоение общих и профессиональных компетенций. Результатом является повышение учебной активности, начиная со 2 курса и профессиональной социализации после первой практики.

«Построение индивидуальной образовательной траектории — многоплановый процесс, который позволяет обеспечивать развитие самостоятельности и инициативы обучаемого, возможность наиболее полной реализации его личностного и познавательного потенциала в учебном процессе. Студент формулирует цели предстоящей деятельности, расставляет приоритеты в организации видов деятельности и осуществляет самооценку личностного роста.

Индивидуальная образовательная траектория обеспечивает своевременную рефлексию в процессе обучения. Рефлексия является важным механизмом взаимодействия педагога и студента, позволяющим студентам научиться осмысливать и переосмысливать информацию, преобразовать её путём самостоятельного постановки краткосрочных целей с учётом индивидуальных возможностей, способностей и личностных качеств и принимать решения, направленные на дальнейшее профессиональное развитие» [4, с. 6].

Составление портфолио выполняется студентом в сессионный период изучения дисциплин и при прохождении всех видов практики. При наполнении портфолио необходимы: тщательность выполнения, пунктуальность, структурированность, творческий подход к подбору и оформлению материалов, характеризующих личные и творческие способности, оценка динамики развития студента, качество подготовленных материалов, зрелость студента, способность к реальной самооценке; умение добиваться результата по сформированности социальных и профессиональных компетентностей, рациональное планирование профессионального будущего.

Таблица 3.

Факторы	Кол. студентов выбравших этот фактор в 100%
развивать свои интеллектуальные и творческие способности	70
развития профессиональной компетентности (нужных работодателю компетенций)	100
осознанно конструировать собственные знания, способности и действия	100
познакомиться с деятельностью предприятий (базой производственной практики) посредством участия в исследовательской и проектной деятельности	25
подчеркнуть свои конкурентные преимущества дополнительной информацией при трудоустройстве	100
приобретения опыта поведения в профессиональной конкуренции	80
наращивание навыков успешной презентации.	100
в процессе учебно-познавательных и учебно-профессиональных заданий сформировать свой профессиональный стиль общения с коллегами	50

Следовательно, портфолио содержит набор материалов, характеризующих основные образовательные результаты модулей учебной программы и фиксирующих профессиональное развитие студента при осуществлении профессиональных операций. Показатели «целеполагание», «самооценка», «план» и другие, через критерии по суммарным баллам, которые определяются после каждой сессии, оценивается степень развития студента, что дает возможность фиксировать динамику учебной активности и профессиональной социализации.

Итоги динамики учебной активности и профессиональной социализации срезом 2017 года были зафиксированы по мониторингу учебной успеваемости и результатам прохождения разных видов практик студентов профиля подготовки «Управление персоналом организации» Социально-гуманитарного факультета РГППУ (Нижнетагильский филиал). Данные представлены по итоговым сведениям о результатах летней промежуточной аттестации студентов (таблица 1).

Данные показатели свидетельствуют о том, что итоговая абсолютная успеваемость по курсам имеет скачкообразный характер, с тенденцией роста. Итоги по дисциплинам специализации имеют устойчивую тенденцию к росту на старших курсах, так же как и количество студентов, разрабатывающих портфолио. По итогам практики, которые могут свидетельствовать о профессиональной социализации, оценки руководителей практики выше, чем у работодателей. Возможно, это связано с особыми требованиями работодателей к студентам и их профессиональным возможностям, но оценки повышаются.

Для достоверности исследования эти же показатели были использованы при мониторинге динамики учебной активности и профессиональной социализации в учебной группе из 20 студентов направления подготовки «Управление персоналом» с 2014 по 2017 год.

Проведенное исследование показывает, что студенты профиля подготовки «Управление персоналом организации» в течение всего срока обучения демонстрировали устойчивый рост учебной активности и профессиональной социализации.

Кроме оценки академической успеваемости и результатов прохождения практики, фиксируется рост и других показателей, относящихся к динамике учебной активности и профессиональной социализации, до и после выбора студентами метода портфолио. В диаграмме представлены итоговые цифры соотношения показателей студентов на первом и выпускном четвертом курсе (таблица 2).

Показатели дающие возможность оценить студента как будущего специалиста в форме «Портфолио» ориентированы на достаточно длинные отчетные периоды, поэтому для презентабельности был проанализирован весь бакалаврский период обучения. По оценкам студентов портфолио стимулирует и дает расширенные возможности в учебной, исследовательской, творческой, социальной, профессиональной видах деятельности на протяжении всего периода обучения (таблица 3).

Полученные данные свидетельствуют, что использование метода портфолио повышает степень учебной активности и профессиональной социализации. Использование портфолио обеспечивает планирование профессионального самообразования и роста, стимулирует активность студентов в дополнительном образовании, участия в разноуровневых конкурсах, конференциях и социальных практиках. Поэтому портфолио отвечает интересам студента и вуза, и имеет право на дальнейшее использование и совершенствование как оценочный метод, повышающий учебную активность и профессиональную социализацию студента, как всесторонне развивающейся личности в процессе обучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом». [Электронный ресурс], режим доступа <http://profstandart.rosmintrud.ru>
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки. Управление персоналом. Квалификации: академический бакалавр, прикладной бакалавр [Электронный ресурс], режим доступа [http://fgosvo.ru/news/3/365Egorova T.B. \(сост.\)](http://fgosvo.ru/news/3/365Egorova T.B. (сост.))
3. Словарь иностранных слов современного русского языка: 100000 слов и выражений М.: Аделант, 2014. — 800 с.
4. Е.В.Асафова, И.И. Голованова. Портфолио студента: учебно-методическое пособие/ Е. В. Асафова, И.И. Голованова. — Казань: Издательство «Бриг», 2015. — 148 с.

© Основина Татьяна Юрьевна (podakatr@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF FORMATION OF INFORMATION CULTURE OF THE PERSON

**A. Pan'kin
N. Shagaeva
D. Tlekkabylova**

Summary. the article analyzes numerous studies of cultural scientists, philosophers, psychologists and teachers of the concept of «information culture». It showed that at present there is a wide range of approaches to the definition of information culture: from the level of skills of purposeful work with information, to a comprehensive understanding as a special type of competence in the new information environment, the formation of information culture of the individual, which is an integral part of the General culture, morality, ethics.

Only a person with an information culture can fully live and work in an information society. Today there is every reason to talk about the formation of a new information culture, which can be considered an element of the General culture of mankind.

Keywords: culture, information, information society, information culture, information culture of the person.

Панькин Аркадий Борисович

*Д.п.н., профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
connotation@mail.ru*

Шагаева Наталья Аркадьевна

*К.п.н., доцент, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
natalya-shagaeva@yandex.ru*

Тлеккабылова Динара Жаркиновна

*Старший преподаватель, Западно-Казахстанский государственный университет имени М. Утемисова
dinar_06@list.ru*

Аннотация. в статье проводится анализ многочисленных исследований культурологов, философов, психологов и педагогов понятия «информационная культура». Который показал, что в настоящее время существует широкий спектр подходов к определению информационной культуры: от уровня умений целенаправленной работы с информацией, до всеобъемлющего понимания как особого вида компетентности в новых информационных условиях, формирования информационной культуры личности, являющейся неотъемлемой частью общей культуры, нравственности, этики человека.

Полноценно жить и работать в условиях информационного общества может только человек обладающий информационной культурой. Сегодня есть все основания говорить о формировании новой информационной культуры, которую можно считать элементом общей культуры человечества.

Ключевые слова: культура, информация, информационное общество, информационная культура, информационная культура личности.

С возникновением информационного общества в жизнь людей быстро ворвались новые определения и понятия, в том числе и понятие информационной культуры. Происходит формирование единой информационной среды, которая определяет новую культуру общества в целом, так и каждую личность по отдельности. Обычно под информационной культурой, понимают способность работы с компьютером и умение разбираться в большом количестве информации, но не может обходиться лишь системой знаний в области информационных процессов и технологий. Актуально, её рассмотрение как соблюдение общепринятых этических норм в информационно-коммуникационной среде, в рамках общей гуманистической культуры.

На сегодняшний день информационная культура современного человека становится одной из необходимых составляющих общей культуры личности, без которой становится очень трудно проживать, трудиться

в полную силу, находить новые контакты в информационном обществе. В этой связи формирование информационная культура личности представляется как элемент одной проблемы формирования культуры человека — свободной нравственной личности, направленной на ценности мировой и национальной культуры, умеющей приспосабливаться к меняющейся социокультурной обстановке.

В ситуации постоянно расширяющихся возможностей нахождения информации с любой точки земли, и на различных языках благодаря современным информационным технологиям каждому современному человеку необходимо самому определять обоснованную стратегию сбора и отбора требующейся ему информации из огромного количества имеющихся на этапе поиска. В данных условиях от него требуется сформированный корректный уровень этических навыков эффективного взаимодействия с субъектами и объектами информационной среды.

Необходимо отметить, что информационная культура стала предметом педагогических исследований уже в начале 90-х гг.

С точки зрения науки, данное понятие рассматривается относительно недавно, по причине возрастающего значения в жизни общества информационных технологий, информации и информационной деятельности. Но в то же время возникли затруднения в определении данного понятия, так как оно зародилось на принципах двух глубоких понятий: «информация» и «культура», у которых нет точного определения в литературе.

Значительные научные исследования в культурологии, философии дают возможность трактовать понятие «культура» как особый способ деятельности, связанный с процессом творческой саморегуляции личности и содействующий перемене и совершенствованию человека (Е. М. Бабосов, В. С. Библер, В. С. Давидович, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, М. С. Коган и др.).

Например, педагогическая наука рассматривает категорию «культура» в качестве явления общественной жизни, подобно определённому способу деятельности, при котором человеческая сущность преобразовывается и совершенствуется к лучшему культурой. С. Н. Артановский дает свое определение: «Культура — это направленное человеческое усилие, в процессе которого меняется не только окружающий природный мир, первоначальный объект этого усилия, но и сам человек» [1, 25].

В. Н. Сагатовским культура определяется как процесс и результат деятельности человека, значением которой является реализация установленных ценностей или жизненных смыслов культуры [7, 14]. А. Швейцер отдаёт приоритет духовной составляющей [10, 10].

В. М. Межуевым «культура» определяется как деятельность и саморазвитие человека, деятельность-практическое единство человека с природой и обществом, определённый способ его природно и социально детерминированного существования [6, 24]

В научной литературе можно обнаружить большое количество такого рода определений данного понятия, что говорит о его разнообразии и специфичности.

Изучая значимость информации в культуре, допустимо предположить, что *информация* — является формой всех существующих знаний, которые приобрело человечество за свое существование. Знание и информация отличаются друг от друга лишь тем, что любое знание будет являться информацией, а вот информация — изначальная основа знаний. Необходимо отметить, что зачастую информация, которая бывает не востребована

в данное время и представляющаяся вроде не нужной, в дальнейшем может иметь ценность и необходимость.

На современном этапе понятия «культура» и «информация» обозначают себя как одно целое. Основываясь на взаимодействии этих понятий не исключено возникновение новых, ценностей в информационном обществе. Информация объединяет людей, формирует духовный мир, в котором существует человек, устанавливает культурные ценности. Следует отметить, что в разных отраслях знаний и сферах деятельности человека понимание информации имеет свои аспекты.

Информационную культуру человеческого общества в различные периоды времени сотрясали информационные кризисы. Например, наибольшей степени значительный информационный кризис вызвал рождение письменности. Методы устного сохранения знаний не давали достаточной целостности увеличивающихся масштабов информации и фиксации информации на материальном носителе, это привело к созданию нового этапа — документного. Здесь речь идет о культуре общения с документами, сюда входит извлечение определенных знаний, кодирования и фиксации информации, документографического поиска. Пользоваться информацией оказалось просто, изменился образ мышления. Устные методы информационной культуры не потеряли значимость, они пополнились за счет взаимосвязи с письменными.

Следующий информационный кризис был вызван компьютерными технологиями, которые качественно и количественно изменили носители информации. Следует отметить, что информационная культура современности охватили все свои предыдущие формы в единое целое. Как особый аспект социальной жизни она выступает в качестве предмета, средства и результата социальной активности, отражает характер и уровень практической деятельности людей. Это результат деятельности субъекта и процесс сохранения созданного, распространения и потребления объектов культуры.

На сегодняшний день имеется большое количество определений понятия «*информационная культура*». И. Г. Овчинниковой, Л. У. Глухой полагают, что информационная культура является составляющей общей культуры, относящейся к функционированию информации в обществе. Другими авторами Э. Э. Слабудиной, А. А. Парахиным рассматривается информационная культура как современный своеобразный стиль мышления, соответствующий требованиям внешнего информационного общества. С. М. Конюшенко считает, что развитие информационной культуры человека обусловлено развитием человеческих способностей, а положительным итогом постижения информационной куль-

турой будет выше, если этот процесс будет подчинен развитию требуемых способностей. Светлана Михайлова определяет *информационную культуру* — как непростое системное образование, которое объединяет знания о человеке и культуре человечества, отражая степень развития социума, стороны развития общества.

Е. В. Зотова, В. Д. Симоненко считают, что информационная культура — это умение применять информационный подход, подвергать анализу информационную ситуацию и правильно оперировать существующими информационными системами.

Ю. С. Zubovым был внесен значительный вклад в развитие понятия «информационная культура». В своей статье «Информатизация и информационная культура» Юрий Сергеевич указывал: «Основная тенденция, просматриваемая в динамике формирования нового исследовательского направления, связана с фундаментальностью и многоаспектностью рассмотрения информационной культуры не только как феномена, обусловленного условиями НТР, электронными средствами переработки, хранения и передачи социальной информации, но, прежде всего как деятельностной инфраструктуры, пронизывающей все исторические эпохи и цивилизации, все сферы человеческой деятельности и все стадии развития индивида как социального существа и личности».

По мнению Э. Л. Семенюка информационная культура — степень совершенства человека, общества или определенной его части во всех возможных видах работы с информацией: её получении, накоплении, кодировании и переработке любого рода, в создании на этой основе качественно новой информации, ее передаче, практическом использовании [8, 3].

Информационная культура — это та специфическая сторона культуры, которая прямо и непосредственно связана с информационным аспектом жизни людей во всей его полноте. Она объективно характеризует уровень всех осуществляемых в обществе информационных процессов и существующих сугубо информационных отношений. Она является информационным компонентом человеческой культуры в целом [7].

Анализируя высказывания исследователей можно определить следующее, информационная культура отличается широтой и разнообразием понятия. Она является составляющей жизни у современного человека и как составная часть общей культуры каждого отдельного человека и целой страны.

Соответствующе поставленной цели необходимо так же подробно рассмотреть понятие «информацион-

ная культура личности». Н. Б. Зиновьевой определяется информационная культура личности как гармонизация ее внутреннего мира в процессе усвоения в полном объеме социально-значимой информации [5]. То есть на фоне информационного общества, когда растет скорость и объемы информационных потоков личности необходимо решать новые задачи и проблемы, которые связаны с постижением и применением информации.

Н. И. Гендина дает самое полное определение, информационная культура личности — совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе. Наталья Ивановна интегрирует информационную культуру с общей культурой, при этом подчеркивая ее значимость в эффективной социализации личности современном обществе: «Информационная культура личности — это часть общей культуры человека, состоящая из сплава информационного мировоззрения, информационной грамотности и грамотности в области информационных технологий» [3, 57].

По мнению А. М. Атаяна информационная культура личности — является основной причиной социализации в современном информационном обществе. В целях формирования информационной культуры всего общества и отдельно взятого человека, отвечающей нынешнему уровню информатизации надлежит организовать единый комплекс мероприятий, затрагивающий все звенья социальной системы [2, 3].

Являясь одной из основных компонентов общей культуры — информационная культура имеет глубокое гуманистическое направление. Мы не говорим об информационной культуре как о знаниях и умениях работы за компьютером, здесь идет речь об информативной направленности со всех сторон личности, то есть ее личностного развития. Это один из путей улучшения качества человека через познания информационной культуры.

Е. В. Данильчук опираясь на представления об информационной культуре личности говорил, что информационная культура личности — это не простое системное качество личности, являющейся организованной совокупностью гуманистических идей, ценностно-смысловых ориентации, собственных взглядов и свойств личности и выражающихся при реализации многосторонних способов познания, взаимодействия, взаимоотношений,

деятельности в информационной среде и определяющее целостную готовность человека к освоению образа жизни на информационной основе, практической деятельности по созданию, сохранению, обработке, распространению и потреблению информации как объекта культуры [4].

Опираясь на анализ научно-педагогических исследований, проблемы формирования информационной культуры личности на современном этапе развития

общества, можно сделать вывод, что информационная культура уже является значительной долей общей культуры человека, внося новые стороны в повседневную жизнь человека. Информационная культура уже полностью включена в общественную жизнь, преобразовывая многие устоявшиеся социальные, экономические, политические и духовные понятия. Современный человек с сформированной информационной культурой обладает ответственностью за производство и распространение информации и культуры ее потребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артановский С. Н. Об абсолютной ценности личности // Вестник ЛГУ. Сер. 6. Вып. 3. № 20. 1988.
2. Атаян А. М. Дидактические основы формирования информационной культуры личности в условиях информатизации общества: Дис. канд. пед. наук: 13.00.01: Владикавказ, 2001.
3. Гендина Н. И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации, Библиосфера, 2005, № 1, с. 57.
4. Е. В. Данильчук, Ю. С. Пономарева Система понятий линии социальной информатики в курсе информатики в школе. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». № 1. Дек., 2008. URL: www.grani.vspu.ru
5. Зиновьева Н. Б. Информационная культура личности: Введение в курс: Учеб. пособие для вузов культуры и искусства / Под ред. И. И. Горловой; Краснодар. гос. акад. культуры. Краснодар, 1996. — 141 с.
6. Межуев В. М. Национальная культура и современная цивилизация // Освобождение духа. М.: 1991. — 259 с.
7. Сагатовский В. Н. Русская идея: Продолжим прерванный путь. Сер.: Россия накануне XXI века. Вып. 2. СПб., 1994. 217 с.
8. Семенюк, Э. Л. Информационная культура общества и прогресс информатики. НТИ. Сер. 1. — 1994. — № 7. — С. 3.
9. Суминова Т. Н. Информационная культура как фактор развития общества. URL: http://www.evarussia.ru/upload/doklad/tezis_10_22.doc.
10. Швейцер А. Д. Культура и этика. Ч. 2. М.: 1973.

© Панькин Аркадий Борисович (connotation@mail.ru),

Шагаева Наталья Аркадьевна (natalya-shagaeva@yandex.ru), Тлеккабылова Динара Жаркиновна (dinar_06@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

ИНТЕГРАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРЕНИНГОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

INTRODUCTION OF TRAININGS WHEN TEACHING TRANSLATION

A. Pushkina

Summary. The article deals with the issue of introduction of trainings when teaching consecutive translation. Trainings are considered an educational tool that contributes to developing knowledge, skills, and strategies translators demonstrates in their work. The paper provides description of the phases to prepare and conduct trainings. The experiment which has taken place at the Philological department of RUDN University proves the expediency of applying trainings to teach students to translate. This interactive educational technology boosts students' self-control, self-reflection and makes the educational process more dynamic and effective.

Keywords: translation activity, teaching translation, trainings, professional education, developing translation skills.

Пушкина Анна Владимировна
К.п.н., доцент, Российский университет
дружбы народов (г. Москва)
pushkina4@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена внедрению интерактивных форм обучения в виде переводческих тренингов в процесс преподавания устного перевода. Переводческие тренинги рассматриваются в качестве инструмента, способствующего формированию знаний, умений, навыков, стратегий, необходимых в работе переводчика. Предложены и описаны этапы подготовки и проведения тренингов. В результате опытного обучения, имевшего место на филологическом факультете РУДН, подтверждена целесообразность внедрения переводческих тренингов при обучении устному переводу. Такая интерактивная форма обучения развивает достаточную степень самоконтроля, рефлексии обучаемого и повышает продуктивность образовательного процесса.

Ключевые слова: переводческая деятельность, обучение переводу, переводческие тренинги, профессиональное образование, развитие переводческих умений и навыков.

На сегодняшний день профессия переводчика привлекательна для большого количества молодых людей. В связи с этим высшие учебные заведения, ориентируясь на социальный заказ общества, корректируют содержание учебных программ с учетом развивающихся образовательных технологий, тем самым, пытаясь соответствовать запросам времени. Действительно, современной молодежи важно не только усваивать информацию, но и использовать ее для решения задач в профессиональной деятельности. По нашему мнению, именно в условиях интерактивного обучения, например, в форме деловых игр, и в рамках контекстного подхода возможно понимание выбранной студентами профессии переводчика.

Еще сравнительно недавно проблема высшего образования в России заключалась в том, что полученные знания в вузе были оторваны от реальной практики, и ощущалась острая потребность в новых методах обучения, в частности, переводу [4]. Правда, предпринимались попытки с помощью деловых/ролевых игр приблизить учебную среду к рабочей, профессиональной, реализовывая теоретические положения на практике. Но, по мнению специалистов, такие игры 1) не способствовали развитию, 2) не были ориентированы на формирование навыков действий в нестандартных ситуациях и 3) не отражали действительность [2, с. 41]. А деятельность «без самоопределения, без коммуникации и рефлексии» вследствие

преобладания традиционных технологий считается «ущербной» [1, с. 194].

Бесспорно, интерактивные занятия в современных условиях призваны максимально приближенно отражать реалии любой профессии. Они стимулируют студентов к активному изучению дисциплин, мотивируют проявить свои скрытые возможности. Именно поэтому в Российском Университете дружбы народов на филологическом факультете в рамках практического курса перевода при обучении студентов старших курсов уже на протяжении нескольких лет мы внедряем деловые игры, точнее, переводческие тренинги, реализующие, на наш взгляд, в полной мере контекст деятельности переводчика. Под переводческими тренингами мы понимаем аудиторные занятия, имитирующие рабочие ситуации и формирующие определенные навыки, стратегии, определяющие суть профессии переводчика.

Мы полагаем, что такие тренинги должны:

1. быть активными, динамичными, развивающими;
2. вырабатывать повышенный уровень стрессоустойчивости, научить действовать в нестандартных ситуациях и преодолевать смущение и дискомфорт в ситуациях представления на людях;
3. раскрывать нюансы работы переводчика.

Так, определим задачи внедрения тренингов при обучении переводу.

1) Научить студентов анализировать действия переводчика и сопутствующие трудности. Максимальное приобщение обучающихся к будущей профессии через практическую деятельность эффективно влияет на сознательное освоение материала. Так как процесс перевода требует определенной схемы действий, студенты учатся грамотно передавать устное сообщение с одного языка на другой, а это значит: следовать стилю; употреблять в речи адекватные лексические средства и грамматические структуры; применять переводческие трансформации. Главное — решить заданную переводческую задачу, демонстрируя сформированные навыки. Во время тренинга студентам предлагается оценивать выступающих в роли переводчиков сокурсников сквозь призму корректности их поведения, использования синтаксических, семантических и прагматических связей; произвести разбор переводческих приемов, к которым прибегнул выступающий; обсуждать допустимые решения той или иной профессиональной задачи. В связи с этим, мы рекомендуем выступающему в роли переводчика взвешенно обдумать критические замечания преподавателя и сокурсников, сконцентрироваться на неудачных переводческих решениях, ошибках и сделать правильные для себя выводы.

2) Формировать у студентов привычку к публичным выступлениям. Как показывает опыт, начинающие переводчики зачастую переживают эмоциональный дискомфорт в силу разных обстоятельств, к примеру, ввиду сложности тематики или, по их мнению, недостойно выполненной работы. Аналогичная ситуация складывается и у студентов, которые выступают перед своими сокурсниками впервые. Их характеризуют несвойственные им ужимки, неуверенность, дрожь в голосе, неумение управлять жестиком, мимикой.

Во время как некоторые студенты испытывают страх перед и во время выступления, что приводит к замешательству и, порой, пересыханию во рту, другим свойственна гиперактивность, проявляющаяся в стремлении не упустить важного, не показаться неоригинальным на стадии порождения мысли. В результате — их речь сбивчива и лишена последовательности. Поэтому в нашей практике мы специально моделируем возможные непредвиденные или конфликтные ситуации в работе переводчика (некорректное поведение присутствующих сторон, горячие дискуссии, возникшие разногласия), от действий которого зависит положительный исход переговоров.

Поэтому, благодаря тренингам, выступление на публике и решение профессиональных задач становится привычным делом, студенты чувствуют себя более уверенно и свободно, негативный психологический и эмоциональный настрой со временем сменяется желанием

выработать свою модель поведения и подготовиться к качественному выполнению своих обязанностей в будущем.

Стоит указать, что ход каждого тренинга записывается на видеоустройство и рассылается группе. Таким образом, просматривая видеоматериал, обучающиеся, наблюдая за ходом тренинга в целом, оценивая не только свое психологическое состояние и реакции, но и сокурсников, видят этапы собственного развития, развивают навык самонаблюдения, критического мышления.

3) Контролировать уровень формирующихся у студентов профессиональных умений и навыков и управлять образовательным процессом. Проводя тренинги, преподавателю представляется возможность проверить целесообразность применяемых им материалов и приемов обучения, а также своевременно их скорректировать. В то же время участие в тренингах дает студентам понимание относительно уровня их достижений в учебной деятельности и создает стремление к совершенствованию качества выполняемых характерных для переводчика профессиональных действий.

Вслед за А. М. Новиковым, определившим с позиции системного анализа специфику, принципы игровой деятельности, выделим этапы/фазы ролевых игр: подготовительный, технологический (проведение игры) и этап контроля/анализа или рефлексивную фазу [3].

В рамках обучения переводу студентов старших курсов филологического факультета РУДН на подготовительном этапе:

- ◆ осуществляется выбор и обсуждение темы предстоящего тренинга;
- ◆ акцентируется внимание на языковом, речевом материале в соответствии с темой переводческого тренинга;
- ◆ проводится самостоятельный поиск относящейся к теме тренинга информации (например, фоновой, имплицитной информации);
- ◆ распределяются роли.

Во время проведения тренинга (технологическая фаза) необходимо:

- ◆ создать рабочую атмосферу;
- ◆ поддерживать корректное отношение студентов-зрителей к происходящему и выступающим.

Здесь важно подчеркнуть, что на данном этапе педагог выступает в качестве режиссера и, будучи активным наблюдателем, рекомендует студентам прибегнуть к тем или иным действиям. В целом, роль педагога, проводящего тренинг, сводится к минимуму. Интересно замечание К. Ливингстоуна, рекомендующего

преподавателю не прерывать деловую игру, так как прерванный процесс уже не может называться игрой и, очевидно, мешает повторной концентрации всех присутствующих [5, с. 62]. Мы также находим не менее эффективным для студентов, не принимающих участия в деловой игре, фиксировать, ошибки выступающих, которые должны быть впоследствии подвергнуты анализу с участием преподавателя, и предложить свои варианты перевода.

На заключительном этапе происходит подведение итогов проведения тренинга:

- ◆ анализируются правильность или ошибочность выбора тех или иных решений;
- ◆ подробно обсуждаются имевшие место ошибки;
- ◆ уделяется должное внимание оценке поведения участников тренинга касательно чрезмерных телодвижений, приемлемой или непозволительной реакции на возникшие разногласия сторон (согласно сценарию тренинга).

Более того, на данном этапе происходит самооценка результата своего труда. Студенты осознают свою причастность и ответственность за достигнутый результат, каким бы успешным или не очень он оказался, в связи

с чем с их стороны предпринимаются шаги по коррекции своей учебной деятельности.

Дальнейшие же действия преподавателя направлены на то, чтобы проанализировать общий ход развития деловой игры, сделать определенные выводы и, в случае необходимости, внести изменения при текущей и последующей организации учебного процесса.

Так, результаты проводившегося на филологическом факультете РУДН опытного обучения в рамках дисциплины «Практический курс перевода», показали, что проведение таких интерактивных занятий, как переводческие тренинги, имеют очевидные преимущества. Прежде всего, обучение, в котором задействованы 10 групп студентов старших курсов по 12–17 человек, проходит в русле деятельностного и контекстного подходов. Студенты через деятельность познают особенности своей будущей профессии — профессии переводчика. К тому же, участие в тренингах реализует принципы активности, сознательности, прочности знаний и навыков, оценки усвоения деятельности. Наконец, переводческие тренинги усиливают мотивацию студентов, способствуют развитию критического самоанализа, интенсифицируют учебный процесс и повышают его продуктивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громкова М. Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: Учеб. пособие для системы доп. проф. образования; учеб. пособие для студентов вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 495 с.
2. Дудченко В. С. Инновационные игры. — Таллинн: Валгус, 1989. — 102 с.
3. Новиков А. М. Введение в методологию игровой деятельности. — М.: Издательство «Эгвес», 2006. — 48 с.
4. Пушкина А. В. Современные проблемы обучения переводу и подготовки переводчиков // Проблемы современного образования: Межвузовский сборник научных трудов. // Науч. ред. В. И. Казаренков. — М.: РУДН, 2011. — Вып. 10. — С. 135–140.
5. Livingstone C. Role Play in Language Learning. — М.: Высшая школа, 1988. — 127с.

© Пушкина Анна Владимировна (pushkina4@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ НА ПРИНЦИПЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

THE THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION THE SYSTEM FOR THE FORMATION OF RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY ON THE PRINCIPLE OF A SYSTEM APPROACH ON THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE OF A FOREIGN LANGUAGE

**L. Rudometova
M. Shlangman**

Summary. The article deals with the formation of research activities of students. In this aspect, issues related to the problem of increasing the professional level of graduates of a non-linguistic high school — future specialists on the example of the disciplines «Foreign Language» and «Professional Foreign Language» are considered. The concept of the system approach within the framework of the research is defined, the structure of research activity is described, stages of its formation, levels of its formation are defined. Methods for the formation of research activity are proposed, author's description of the levels is given to determine its formation. A generalizing analysis of the effectiveness of the described system has been carried out, which makes it possible to affirm the effectiveness of the selected set of conditions aimed at the formation of this type of activity.

Keywords: scientific research activities, educational and research activities, systems approach, performance evaluation criteria, professional training, individuality.

Рудомётова Лилия Тарасовна

К.п.н., доцент, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
secret-79@mail.ru

Шлангман Марина Константиновна

К.п.н., доцент, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
29353@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос формирования исследовательской деятельности студентов. В этом аспекте рассмотрены вопросы, связанные с проблемой повышения уровня профессиональности выпускников неязыкового вуза — будущих специалистов на примере дисциплин «Иностранный язык» и «Профессиональный иностранный язык». Определено понятие системного подхода в рамках исследования, описана структура исследовательской деятельности, определены этапы её формирования, уровни её сформированности. Предложены способы формирования исследовательской деятельности, дано авторское описание уровней для определения её сформированности. Проведён обобщающий анализ результативности описанной системы, позволяющий утверждать об эффективности подобранного комплекса условий, направленного на формирование данного рода деятельности.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, учебно-исследовательская деятельность, системный подход, критерии оценки результативности, профессиональная подготовка, индивидуальность.

Происходящие в последнее время преобразования в социально-экономической и политической сферах жизни современного российского общества, изменение условий его культурного развития затронули отечественную систему образования. Современный этап её развития можно охарактеризовать ориентацией на вхождение в мировое образовательное пространство и, как следствие, на смену образовательной парадигмы. Конечной целью происходящих перемен можно считать создание такой модели образования, которая ориентирована в первую очередь на развитие личности учащихся, их творческих способностей, самостоятельности, инициативы, стремления к самоорганизации и самоопределению.

Повышение роли человеческого фактора в различных сферах жизни и деятельности общества обуславливает усложнение требований, предъявляемых к уровню профессионализма выпускников вузов. Повсеместно наблюдается спрос на высококвалифицированных специалистов, способных творчески решать сложные задачи, прогнозировать и моделировать результаты собственной профессиональной деятельности, искать пути и средства самовыражения и самоутверждения в условиях практической, самостоятельной работы. В настоящее время отмечается низкий уровень готовности будущих специалистов как к творческому выполнению профессиональных функций, так и к нестандартному решению производственных вопросов.

Актуализация

На современном этапе развития системы высшего образования научно-исследовательская деятельность студентов приобретает все большее значение и превращается в один из основных компонентов профессиональной подготовки будущего специалиста. Это, прежде всего, обусловлено, тем, что эффективность последней в значительной степени определяется уровнем сформированности исследовательских знаний, умений, развитием личностных качеств, накоплением опыта творческой исследовательской деятельности. Кроме того, овладение учебными дисциплинами также требует от студентов владения методами научного познания и исследовательскими умениями.

Смысл и значение понятий

В данной статье под исследовательской деятельностью понимается совокупность научно-исследовательской и учебно-исследовательской деятельности. Учебно-исследовательская работа выполняется в отведенное расписанием занятий учебное время по специальному заданию в обязательном порядке каждым студентом. Основной задачей такой работы является обучение студентов навыкам самостоятельной теоретической и экспериментальной работы. К таким занятиям можно отнести практические занятия с элементами научных исследований по дисциплине. Основной формой научной работы студентов, выполняемой во внеучебное время, является участие студентов в научных конференциях, проводимых преподавателями кафедр и сотрудниками научных учреждений вуза. Очевидно, что все составляющие звенья учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы студентов представляют собой сложный и взаимосвязанный процесс, результативность которого определяется системным подходом к его организации.

Под системным подходом следует понимать такую организацию научной работы, при которой все ее компоненты находятся во взаимообусловленности, постоянной рефлексии и коррекции результатов, создании условий, обеспечивающих достижение ее результативности, формирование качеств личности будущего специалиста, позволяющих ему нестандартно решать профессиональные задачи, владеть инновационными технологиями и методикой научной деятельности (А. А. Богданов, И. В. Блауберг, П. Друкер, В. Н. Садовский, Г. Саймон, Э. Г. Юдин, Л. фон Берталанфи, А. Чандлер, А. Д. Холл).

Системный подход в рамках данного исследования предусматривает определение целей и задач научной работы, создание концепции (основных направле-

ний, стратегии их реализации, программы и методики) подготовки будущих специалистов к научно-исследовательской деятельности; определение структурных компонентов этой системы; установление характера взаимосвязи между ними; выявление уровней и критериев оценки результативности научной работы; выбор форм, методов, средств реализации намеченной программы; приемов рефлексивной, диагностирующей и корректирующей деятельности студентов в области научного поиска.

Алгоритм формирования исследовательской деятельности

Осуществление системного подхода носит поэтапный характер. В организации и проведении научной работы со студентами большое значение придается мотивационному, диагностическому, проективному, деятельному, рефлексивному и коррекционному этапам. Реализация системного подхода предполагает поэтапное решение задач: выработка концептуальных положений, создание научно-методической базы; разработка графика научной работы в соответствии со спецификой специальности и границами учебного процесса; обеспечение грамотным научным руководством студентов; включение их в учебно-исследовательскую и научно-исследовательскую деятельность с учетом уровня их подготовленности и опыта научной работы.

Проблема исследовательской деятельности студентов технических специальностей в неязыковом вузе в условиях непрерывного образования как один из аспектов профессиональной подготовки будущих специалистов недостаточно освещена в научной и методической литературе. Основное внимание в публикациях последних лет уделяется либо исследовательской деятельности в образовательных учреждениях, либо формам и методам исследовательской деятельности студентов вузов, либо методологическим проблемам исследований, либо рассматривается в связи с иными формами профессиональной подготовки будущих специалистов.

Анализ проведенного исследования (2015–2017 гг.) на базе политехнического института и социально-гуманитарного факультета Северо-Восточного государственного университета г. Магадан (СВГУ) позволяет констатировать наличие сложившейся системы включения студентов в неязыковом вузе в исследовательскую деятельность, характеризующейся несколькими этапами.

Первый этап связан с исследовательской деятельностью студентов, которые на *1-м курсе* приобретают общеучебные умения и навыки, а также навыки познавательной и исследовательской деятельности. Ведущее

место в этом процессе занимает учебная дисциплина иностранный язык, ориентированная на формирование названных навыков. Вместе с тем, их закрепление происходит в ходе обучения на других дисциплинах при написании первых учебных рефератов. Наиболее активные студенты включаются в научную работу. На 2 курсе формирование навыков исследовательской деятельности продолжается, прежде всего, в процессе выполнения учебно-исследовательских работ (рефератов), логическим завершением которых становится выступление на студенческих конференциях.

Второй этап связан с исследовательской деятельностью студентов, которые на 1 курсе закрепляют общеучебные умения и навыки, а также навыки познавательно-исследовательской деятельности на занятиях по иностранному языку. Отработка этих умений и навыков происходит в ходе практических, форм занятий, выполнения студенческих рефератов, а также исследовательские задания. На 2 курсе студенты овладевают навыками психолого-педагогического исследования в ходе изучения курса методика психолого-педагогического исследования, выполнения работ реферативного, практического, опытно-экспериментального характера. На 3 курсе будущие специалисты выполняют работы практического и опытно-экспериментального характера, представляют их результаты на внутривузовской конференции.

Результатами каждого этапа является участие студентов в ежегодно проводимых мероприятиях (мини-конференции «Страны изучаемого языка», конкурс презентаций, клипов по специальностям вуза) в рамках научной студенческой весны в период с февраля по апрель в СВГУ. Мероприятия заканчиваются внутривузовской конференцией, в которой принимают участие лучшие студенты. Лучшие работы студентов рекомендуются к публикации.

Проведённый анализ результативности описанной системы позволяет нам утверждать, что она обеспечивает:

- ◆ Рост качества теоретических знаний и практических умений студентов по учебной дисциплине иностранный язык, выражающийся в устойчивом повышении результативности исследовательских работ, в частности в условиях повышения уровня требований к этим работам от одного этапа обучения к другому.
- ◆ Сформированность у обучающихся умений применять исследовательские методы в ходе практической деятельности, выражающуюся в успешности поэтапного освоения более сложных форм исследовательской работы, результативности представлений итогов исследований на широкое

обсуждение, выполнении работ по конкретной проблематике, а также способности самостоятельно оценить свою подготовленность к исследовательской деятельности;

- ◆ Ориентацию студентов на творчество и самостоятельность, выражающуюся в увеличении количества выступающих на конференциях различного уровня и профиля, достаточно высокой результативности этих выступлений.
- ◆ Подготовленность будущих специалистов к обучению на следующем этапе обучения, выражающемся в продуктивном применении на более высокой ступени умений и навыков, приобретенных на предыдущей; продолжении работы над выбранной тематикой, достаточном для этого уровне теоретических знаний и практических умений, а также стремлении к перспективному продолжению самообразования и саморазвития.

Наиболее продуктивными формами исследовательской деятельности являются:

- ◆ на этапе допрофессиональной подготовки: выполнение рефератов, и проведение конкурсов презентаций.
- ◆ на 1 уровне непрерывного образования: выполнение исследовательских заданий в ходе практических занятий, выступление на конференциях различного уровня и профиля, участие в конкурсах в рамках этих конференций.

В рамках проведённого нами исследования было практически доказано, что основными условиями, обеспечивающими включение обучающихся в исследовательскую деятельность, следует считать:

- ◆ целенаправленность подготовки к ней студентов;
- ◆ преемственность в подходе к ее организации и требованиям к различным её формам;
- ◆ признание необходимости комплексного обеспечения студенческих исследований (методический, нормативно-организационный аспекты);
- ◆ всевозможное стимулирование достижений её участников.

Научно-исследовательская деятельность студентов позволяет наиболее полно проявить индивидуальность, творческие способности, готовность к самореализации личности, как преподавателя, так и студента.

Определимся со структурой исследовательской деятельности будущих специалистов, которая может быть определена как совокупность взаимосвязанных и взаимообуславливающих компонентов: 1) мотив — совокупность социально обусловленных и личностных по-

требностей, направленных на предмет исследования; 2) цель — получение объективно нового знания о реальности и формирование способов действия по овладению этим знанием; 3) объект — выделенный для изучения фрагмент материальной или духовной действительности; 4) предмет — совокупность устанавливаемых свойств объекта; 5) процесс — последовательность действий, протекающих в соответствии с логикой научного исследования; 6) продукт — новое знание о действительности.

В ходе проведённого исследования нами были определены три уровня сформированности готовности студентов к научно-исследовательской деятельности: высокий, средний и низкий.

Высокий уровень характеризуется пониманием значимости научно-исследовательской деятельности, интересом к изучаемой дисциплине и научно-исследовательской деятельности, удовлетворенностью от изучения дисциплины и собственной научно-исследовательской деятельности, владением базовыми знаниями относительно изучаемой дисциплины, умением анализировать, систематизировать, обобщать, структурировать, работать с литературой, владением логикой научного исследования, способностью самостоятельно спланировать собственную исследовательскую работу и реализовать ее, высокой познавательной активностью, адекватной самооценкой, способностью анализировать собственную деятельность и выявлять способы и пути саморазвития).

Средний уровень характеризуется пониманием личностной значимости научно-исследовательской деятельности, поверхностным представлением о научно-исследовательской деятельности, несформированностью навыков научно-исследовательской деятельности, неустойчивым интересом к изучаемой дисциплине, неполным владением базовыми знаниями и умениями, не всегда адекватной самооценкой, стремлением к самообразованию, но не всегда адекватным оцениванием собственной деятельности).

Низкий уровень характеризуется неустойчивым интересом к изучаемой дисциплине, непониманием социальной и личностной значимости научно-исследовательской деятельности, малым представлением о научно-исследовательской деятельности, неумением работать с литературой, видеть проблему, выделять противоречие, неспособностью самостоятельно выстроить логику исследования, недостаточной удовлетворенностью собственной деятельностью, неспособностью к творческому решению задач, незначительной рефлексией своей деятельности, не всегда адекватной самооценкой, фрагментарным самоанализом, отсутствием стремления к саморазвитию и самосовершенствованию).

Экспериментально нами было установлено, что изначально у 70% студентов был низкий уровень сформированности готовности к исследовательской деятельности, а у 30% — средний уровень. Полученный результат свидетельствует о недостаточной подготовленности студентов к научно-исследовательской деятельности и даёт основания для разработки условий формирования готовности к исследовательской деятельности средствами проблемного обучения, что является следующим этапом нашего исследования.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, исследовательская деятельность студентов позволяет наиболее полно проявить индивидуальность, творческие способности, готовность к самореализации личности. Важно отметить, что процесс исследования индивидуален и является ценностью как в образовательном, так и в личностном смысле.

Очевиден тот факт, что задача вуза состоит в том, чтобы сократить период адаптации студентов к исследовательской работе. Решение этой задачи возможно в том случае, если с первых дней пребывания в вузе студент будет активно участвовать в разнообразных формах исследовательской работы, проводимых кафедрами, факультетами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авхачёва И. А. Системный подход как методологическая основа преподавания иностранного языка в вузе // Вестник ПСТУ. 2013. № 4. С. 30–41.
2. Бирич В. Г., Горелов А. С., Зосимова Л. П., Свешникова Н. В. Организация учебно-исследовательской деятельности учащихся // Народное образование. 2001. № 3. С. 127–134.
3. Григорян В. Г. Роль преподавателя в организации самостоятельной работы студентов // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 108–114.
4. Гурьянова С. Ю. Инновационные технологии обучения — основа качества образования // Качество. Инновации. Образование. 2010. № 2. С. 12–18.
5. Камалеева А. Р. Системный подход в педагогике // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2015. № 3 (9). С. 13–23.
6. Краснощекова Г. А. Информационные технологии в решении проблемы повышения качества языковой подготовки специалистов // Открытое образование. 2010. № 6. С. 68–75.
7. Краснощекова Г. А., Цатурова И. А. Факторы, оказывающие влияние на успешное овладение иностранным языком студентами технических вузов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10. С. 58–63.

8. Кудрова И. А. О развитии мышления на основе исследовательского подхода // Стандарты и мониторинг в образовании. 2006. № 5. С. 14–22.
9. Никольская О. Л. Творческая активность как предмет психолого-педагогических исследований и публикаций // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2015. № 2 (8). С. 69–80.
10. Рузиева С. Н., Яковлева Н. В. Этапы педагогического сопровождения исследовательской работы обучающегося по литературе // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2017. № 1 (15). С. 48–54.
11. Черкашина Е. И. Моделирование процесса обучения иностранному языку студентов технических специальностей // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2017. № 1 (15). С. 100–107.

© Рудомётова Лилия Тарасовна (secret-79@mail.ru), Шлангман Марина Константиновна (29353@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ 1920–30-Х ГОДОВ¹

PROBLEMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SCHOOL SYSTEM ON THE KOLA PENINSULA IN THE 1920–30S

**T. Rychkova
A. Burceva**

Summary. The article presents the analysis of archival documents of the 1920–1930s and describes the situation of the system of education and teaching Russian on the Kola Peninsula during the Soviet period. The article describes the situation with the teaching of the Russian language, reveals the problems faced by teachers of the Russian language in connection with the introduction of a new system of school education and new spelling rules; provides ways to solve the problems of teaching children for whom Russian is not a native language.

Keywords: Language teaching, Russian language, Kola North.

Рычкова Татьяна Александровна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
rychkovata@yandex.ru

Бурцева Александра Вячеславовна

К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
alexandraburtseva@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ архивных документов 1920–1930-х гг., описывающий положение системы образования и обучения русскому языку на Кольском полуострове в годы Советской власти: отражена ситуация с преподаванием русского языка; раскрыты проблемы, с которыми сталкивались преподаватели русского языка в связи с введением новой системы школьного образования и новых правил правописания; способы решения проблем обучения детей, для которых русский язык не является родным.

Ключевые слова: Преподавание языка, русский язык, Кольский Север.

В статье представлен анализ документов 1922—1937 годов Государственного архива Мурманской области, отражающих положение системы образования и обучения русскому языку на Кольском полуострове. Данные архивные документы ранее не исследовались и представляют собой уникальный материал о развитии системы преподавания русского языка в период становления советского государства.

Сразу после Октябрьской революции большевики начали проводить школьную реформу, что затронуло и систему обучения русскому языку. В июле 1918 года образовательные учреждения передаются в ведение Наркомата просвещения, то есть становятся государственными, вводится всеобщее бесплатное образование.

Однако реализовать на практике идею всеобщего обучения в условиях тяжелой ситуации в стране было крайне сложно.

Согласно докладу о работе ГУБОНО о состоянии школ Кольского полуострова в 1922 г., сделанному зав. ГУБОНО тов. Матвеевым после поездки по волостям Терского побережья, ситуация со школами и педаго-

гическими кадрами была очень тяжелой. Значимым достижением было уже восстановление работы школы на дореволюционном уровне, о создании школы нового типа речи еще не шло. «Многие школы в прошлом году числились только на бумаге, но фактически не функционировали, в течении всего года они работали с большими перебоями, что свело работу школ на нуль. Обеспеченность школ материалами, пособиями и учебниками-хромала». Отмечается, что некоторые преподаватели вообще не имели специального образования и были уволены: «Педагогический персонал был подвергнут пересмотру и учету. В результате 11 школ было закрыто, 6 школ работников по своей непригодности и неподготовленности уволены. Построить школу на новых принципах, имея в наличии неподготовленных работников, отсутствие полного оборудования не удалось; и тот факт, что работа школ приняла физиономию школы довоенной — большое достижение». В Кольской школе 1922 года на 83 обучающихся было всего три школьных работника (не уточняется, с учетом тех.персонала или без него) [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 14.].

В отчете того же года учитель одной из местных школ сетует на то, что ему не хватает бумаги для до-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Мурманской области в рамках научного проекта № 18–412–510001

полнительных занятий с детьми. «Практические работы за неимением достаточного количества бумаги в школе вводить не приходится». Из-за этого, по словам педагога, пришлось отказаться от ведения календаря-дневника, словаря непонятных или трудных в орфографическом отношении слов, составления альбома любимых стихотворений и интересных мест, альбома рисунков и т.п. [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 40 об.].

Даже спустя два года ощущалась нехватка учителей. Так, в Варзугской школе в 1924 году работали всего два учителя. Более того, один из этих учителей, В. Попов, судя по документам, преподавал также и в Кузоменской школе (расстояние между населенными пунктами Варзуга и Кузомень 21 километр).

В докладе ГУБОНО отмечается непростая ситуация с реализацией программы по ликвидации безграмотности. Так, на всем Терском побережье была открыта только одна школа по ликбезу — в самом г. Мурманске. К этой информации добавляется сухой комментарий: «Развернуть работу в этой области не представляется возможным» [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 14.].

Базой для реорганизации новой системы школьного образования становятся два декрета ВЦИК и СНК РСФСР — «Положение об организации дела народного образования в Российской республике» в июне 1918 г. и «Положение о единой трудовой школе» в сентябре 1918 г. В соответствии с этими декретами была полностью упразднена прежняя система школьного образования в виде церковно-приходских начальных школ, классических гимназий и реальных училищ, и на их месте создана двухступенчатая школа. 1-я ступень предназначалась для детей от 8-ми до 13-ти лет (5-летний курс), 2-я — от 13-ти до 17-ти лет (4-летний курс). С этого момента во всей стране вводилось совместное обучение мальчиков и девочек; из учебных планов исключался ряд предметов, в том числе все древние языки и богословие; отменялись все домашние задания, оценки и экзамены; под предлогом того, что теперь все советские школьники должны «изучать жизнь, а не учебные предметы», часть предметов предполагалось проводить в виде экскурсий на открытом воздухе [Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов «О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)». URL: <http://istmat.info/node/31601>, дата обращения 10.07.2018].

Отчеты школ Кольского края 1922, 1924 гг., предназначенные для Отдела народного образования испол-

нительного комитета Мурманского губернского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов, являются показательной иллюстрацией произошедших изменений.

Согласно отчетам, при работе с родным языком учителя стремились приблизить обучение к жизни детей. Так, в отчете 1922 г. преподаватель упоминает об экскурсиях, видимо, имея в виду уроки на природе, перечисляет задания, которые давались детям на уроках родного языка с учетом их жизненного опыта: «Рассказы случаев из жизни, вообще данных, имеющихся в запасе учеников... перечисление предметов, какие видно из окна в поле... чтения и беседы на темы производства и ремесел... дополнения прочитанных статей рассказом из материалов, почерпнутых путем экскурсий... описания предметов в связи с экскурсией, прогулками, опытами и наблюдениями на уроках природоведения, четкое описание по зарисованному плану своей избы, двора, огорода, надворных построек и т.д.» [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 40 об.].

Согласно политике нового правительства, дисциплины стремились сделать интегрированными, объединить. Так, на заседании ГУБОНО от 15 января 1923 года отмечается, что обществоведение присоединяется к родному языку. «Предмет обществоведение как специальный предмет в первых 3-х группах не вводится и должен быть тесно связан с обучением родного языка» [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 19].

В октябре 1918 года вышел декрет «О введении новой орфографии», предусматривающий упрощение правописания, отмену отдельных «лишних» букв, а также создание письменности для народов, прежде ее не имевших. Данная реформа планировалась еще до Октябрьской революции в 1904 году комиссией Императорской Академии наук под председательством А. А. Шахматова и предполагала постепенное ведение новых правил. Однако Советская власть провела реформу в кратчайшие строки. В соответствии с декретом от 10 октября 1918 года «О введении новой орфографии», «все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны с 15 октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию» [Декрет Совета Народных Комиссаров «О введении новой орфографии. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР». URL: <http://istmat.info/node/31601>, дата обращения 10.07.2018]. Новое правительство достаточно быстро установило монополию на печатную продукцию

и строго следило за исполнением декрета. Интересно, что для того, чтобы ускорить переход типографий на новые правила правописания, из типографских касс специально удаляли буквы, причем не только І, фиту и ять, но и Ъ. Так, из-за удаления Ъ в мурманской газете «Полярная правда» начала 20-х годов в качестве разделительного знака использовался апостроф (например, под'ём).

Введение правил нового правописания в Мурманском крае также проходило непросто. Так, в Примерной программе Мурманской Городской Советской Школы I ступени обучения, составленной ГУБОНО для 1922–23 учебного года, о новом правописании нет ни слова. Например, в списке правил для изучения указывается «письмо приставок: воз, из, низ, раз, без и через», а о приставках с соответствующим глухим согласным (вос-, ис- и т.д.), появившихся после реформы правописания, не упоминается совсем [Примерная программа Мурманской Городской Советской Школы I ступени, 1922–23 учебный год // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 24 об.].

Обеспечить мурманские школы учебниками с новыми правилами правописания за несколько месяцев также было невозможно. В документах неоднократно встречаются сетования на нехватку новых учебников и пособий по русскому языку.

В 1922 г. на заседании ГУБОНО отмечается, что преподавание русского языка во всех школах Терского побережья за небольшим исключением ведется по учебникам на церковно-славянском языке [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 13].

Завшколой Варзуги даже в 1924 году жалуется, что новых пособий не хватает и что новые правила приходится учить по старым учебникам: «По родному языку также мало учебников — по новому правописанию особенно — ... приходится изучать новое правописание по книгам старого правописания» [Отчет о работе Варзугской Советской школы I ступени за январь месяц 1924 года // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 108]. Педагог переживает, что отсутствие учебников скажется на качестве образования: «На будущее время в кратчайший срок необходимо выслать учебников по всем предметам школы I ступени, так как отсутствие их очень отражается на успехах, а в будущем будет отражаться еще больше» [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 108 об.].

Однако несмотря на сложности с материальным обеспечением, учителя вели работу по изучению новых правил. Так, в отчете 1922 года учитель подчерки-

вает, что следует в обучении русскому языку правилам нового правописания. В список изучаемых правил он включает следующее: «Практические наблюдения и упражнения над окончаниями имен существительных, а также окончаний слов, искаженных благодаря неправильности выговора. В окончания вносятся изменения согласно новому правописанию. Наблюдения и упражнения над изменениями тех окончаний в глаголах, которые наиболее затруднительны в отношении правописания с изменением согласно новому правописанию» [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, листы 39 об, 40]. Интересен тот факт, что сам учитель в отчете пишет некоторые слова в соответствии со старой системой правописания — «разсказ», «разсказывать» — переход на новые правила и самому педагогу дается нелегко.

В рамках обучения родному языку на уроках школьники часто читают и разбирают статьи. Работа со статьями объясняется, вероятно, сильной нехваткой учебников. Так учителя перечисляют материалы и тематику текстов для чтения на уроках родного языка в 1922 году: «Чтение статей о жизни, о родине, в чужих краях. Отношение человека к человеку: любовь, и ненависть, дружба и вражда, благодарность и неблагодарность, справедливость и несправедливость, самопожертвование и эгоизм...» [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 39]. Выбор статей в качестве материала для чтения из-за нехватки книг подтверждает замечание: «На чтение и рассказывание в классе учителя, на беседы по поводу домашнего чтения, на рассказывание учеников в этом отделении будет отводиться два часа в неделю. Коллективного домашнего чтения, хотя оно здесь и уместно, но при отсутствии книг ввести нет возможности» [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 41 об.].

В 1924 обеспечение учебниками и книгами становится лучше, в отчетах упоминаются произведения Некрасова, Ваятерова и т.п. Однако и работа со статьями ведется по-прежнему, но теперь школьники начинают работать и с научными и географическими статьями. Последнее, возможно, связано с развитием научного исследования Кольского края как уникального источника природных ресурсов и/или желанием интегрировать, соединить разные дисциплины (например, язык и географию) друг с другом в соответствии с новой политикой в области образования. Формы работы также предполагают в основном использование статей, не учебников: «Изложения маленьких прочитанных статей. Пересказ содержания прочитанных статей дома» [Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г.

по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 39].

В документах Государственного архива Мурманской области представлены отдельные упоминания о методике изучения русского языка как неродного.

Советская власть не имела четко определенной позиции по поводу того, как следует обучать представителей других национальностей. В 1924 г. постановлением Президиума ВЦИК РКП(б) (20 июня) был создан Комитет содействия народностям северных окраин, или Комитет Севера — центр изучения языков Севера, основной орган, которому правительство поручало разработку конкретных мер языковой политики в регионе. Он просуществовал с 1924 по 1935 г. и на протяжении всех этих лет демонстрировал противостояние двух позиций относительно коренных северян, инородцев, их культур, языков и организации управления. Представители первой позиции, консерваторской, стремились к сохранению языкового и национального разнообразия, защите культуры и образа жизни северян от внешнего влияния. Представители второй, радикальной, позиции ставили целью стереть национальные различия, слить все народы в единый советский народ. По мнению Н. Б. Вахтина, в начале 1920-х-середине 1930-х годов преобладала первая позиция, и национальные различия, в том числе в языке, активно поддерживались и развивались, во всяком случае, законодательно [Вахтин Н. Б. Язык народ Севера // Вестник российской академии наук, том 74. — № 4. — С. 301–309 (2004) URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/VAKHTIN.HTM>, дата обращения 10.07.2018].

В Мурманском крае ситуация с преподаванием русского языка представителям других национальностей была неоднозначной. Согласно отчету о заседании ГУБОНО от 13 января 1923 в Мурманске функционировала мусульманская школа, в которой обучалось 50 детей-мусульман. Докладчик тов. Ишмухамедов жалует, что «занятия тормозятся отсутствием учебников на родном — татарском языке» [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 19]. Само заявление свидетельствует о том, что наличие учебников на татарском языке предполагалось, то есть обучение планировалось проводить с учетом национальных особенностей. Однако уже на следующий день, 14 января, при рассмотрении программы школьных занятий тем же ГУБОНО принимается резолюция об использовании метода Берлица при обучении русскому языку как неродному. «Для школ с инородцами считать желательным метод Берлица... Обучение русскому языку начать с первого года обучения» [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 19]. Данный метод предполагает полное исключение родного языка

из учебного процесса и погружение учащегося в чужую языковую среду¹. Обучение детей других национальностей целиком и полностью ведется на чужом — в данном случае, русском — языке. Соответственно, и занятия ведет русский педагог на русском языке по учебникам, написанным русским языком. В те годы данный метод был очень популярен, не только в России, но и в других странах [Morkenstam, Ulf. Indigenous Peoples and the Right to Self-Determination: The Case of the Swedish Sami People URL: http://www3.brandonu.ca/cjns/25.2/cjns25no2_pg433-461.pdf, дата обращения 10.07.2018], к тому же он подходил к популярной политико-идеологической идее создания «единого народа» без индивидуальных различий и, что немаловажно, позволял не покупать учебные пособия на родном языке и экономить средства. Однако метод Берлица помимо преимуществ (более быстрого и полного погружения в языковую среду) имеет и ряд недостатков. Эффективность обучения во многом зависит от качества работы учителя, его доброжелательности, толерантности, терпеливости, умения ясно и понятно донести мысль, а также от мотивации учеников, их собранности и желания учиться [Найденова Н. С. Основы преподавания иностранных языков по методу М. Берлица // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. — 2007. — п 2. — с. 95–103]. А квалифицированных педагогических кадров в то время, как отмечалось выше, катастрофически не хватало, и вероятность нахождения хорошо подготовленного учителя была совсем небольшой. Да и ожидать сильной мотивированности и собранности от детей-татар, плохо понимающих, чего от них хочет педагог, тоже было трудно. Таким образом, политика учета языковых особенностей соблюдалась формально: учебники татарского языка предполагались, но фактически их не было, и обучение осуществлялось на неродном языке. Однако к детям мусульманам предъявлялись сниженные требования в области овладения русским языком, от них требовалось только освоение азбуки, приобретение умения читать и писать: «Преподавание русского языка в этих школах ограничить прохождением азбуки и связного чтения и письма» [Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, лист 19].

¹ Метод Берлица, изобретенный своим создателем французом Максимилианом Берлицем в 1880-х годах, основан на попытке имитировать психологический процесс освоения ребенком родного языка путем полного погружения учащегося в языковую среду. Методика предполагает следование следующим принципам: упор в обучении делается на устную речь; учителя никогда не переводят; в классе говорят только на изучаемом языке; учитель всегда носитель языка; учитель полон энтузиазма и с удовольствием взаимодействует с учениками. Родной язык Берлиц полностью исключил из учебного процесса, полагая, что перевод и сравнение значения слов и грамматических форм в разных языках только усложняет понимание. Для начала XX века эта методика была инновационной и находилась на пике популярности.

Подобная политика осуществлялась и в отношении кольских саамов, что привело к фактической утрате родного языка спустя несколько поколений [Иванищева О. Н. Саамский язык: проблемы выживаемости в эпоху глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. — М., 2014. — С. 444–450].

С середины 30-х годов, по Н. Б. Вахтерову, наступил так называемый ассимиляторский период в политике, для которого характерно стремление к унификации языков, принудительному обучению русскому языку. В 1935 году был ликвидирован Комитет Севера. Ученые комитета (лингвисты, этнографы, языковеды, географы) вынуждены были оставить свою работу из-за усиливающегося партийного террора [Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / Николай Вахтин; [Междунар. группа по правам меньшинств, Петербург. группа по правам меньшинств]. — СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1993. — 95 с.; URL: <https://cloud.mail.ru/public/4407cdf1b9aa/1/Коренное%20население%20Крайнего%20Севера.pdf>, дата обращения 10.07.2018.].

Характерно, что в архивах г. Мурманска в этот период нет вообще никаких упоминаний об изучении русского языка. И в научных журналах, например, «Советской Арктике», начиная с 1937 года, не встречается ни одной статьи по народам Севера, анализу их культурного, политического, экономического положения, в том числе ни одной статьи по вопросам обучения. Видимо, с учетом идейно-политической обстановки того времени проблемы языка и методики преподавания перестают волновать руководство, языковой и национальный вопросы считаются решенными.

Начиная с 30-х годов, только несколько документов затрагивают вопросы обучения/ владения русским языком. Так, в Государственном архиве Мурманской области удалось найти уникальные документы — отчеты, составленные цензорами в 1935, 1937 годах, в которых подробно и скрупулезно разбираются ошибки, допущенные в мурманских газетах того времени. Цензоры жалуются на «малограмотность» журналистов: «сделано много вычерков и изменений текста, что является след-

ствием недостаточной грамотности и невнимательности отдельных редакторов» [Отчет цензора // ГОКУ ГАМО. Ф. р-278, опись 1, дело 14, лист 13]. Например, цензор возмущается: «Исключительной малограмотностью отличается газета «Металлист», — и в качестве подтверждения приводит отрывок, в котором троцкистско-зиновьевскую оппозицию именуют внутренними врагами. Видимо, по мнению цензора, это враги внешние. Понятно, что в данном случае речь не идет о грамотности в плане владения русским языком, оценивается только идейно-политическая образованность.

Ошибок орфографических, пунктуационных, стилистических в приведенных цензорами отрывках из мурманских газет нет, что косвенно свидетельствует о повышении качества обучения русскому языку, хорошей подготовке журналистских и редакторских кадров в плане правописания.

Проанализированные документы — доклады ГУ-БОНО, отчеты учителей и заведующих школ, отчеты цензоров и примерные программы обучения родному языку — позволили осветить особенности обучения русскому языку на Кольском полуострове в 1920–30-е годы. Анализ архивных документов 1922–1937-х показал, что изменения и проблемы, с которыми пришлось столкнуться работникам образования, находились в целом в русле общероссийских изменений, происходивших после Октябрьской революции: не хватало квалифицированных педагогов, материального обеспечения для школ (новые правила правописания дети изучали по церковно-славянским книгам или старым учебникам). Однако существовал и ряд особенностей, характерных для Кольского края. К учителям и их работе предъявлялись довольно высокие требования; была составлена подробная программа обучения русскому языку, которая, судя по документам, реализовывалась на практике, что косвенно свидетельствует о неплохом, по сравнению с общим положением в стране, уровне преподавания русского языка. Проблема с обучением русскому языку как неродному решалась в Мурманской области введением метода Берлица, предполагающего осуществление всего процесса преподавания и общения на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин, Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / Николай Вахтин [Текст]; [Междунар. группа по правам меньшинств, Петербург. группа по правам меньшинств]. — СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1993. — 95 с.; URL: <https://cloud.mail.ru/public/4407cdf1b9aa/1/Коренное%20население%20Крайнего%20Севера.pdf>, дата обращения 10.07.2018.
2. Вахтин Н. Б. Язык народ Севера [Текст] // Вестник российской академии наук, том 74. — № 4. — С. 301–309 (2004) URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2004/VAKHTIN.HTM>, дата обращения 10.07.2018.
3. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов «О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» [Электронный ресурс]: URL: <http://istmat.info/node/31601>, дата обращения 10.07.2018.

4. Декрет Совета Народных Комиссаров «О введении новой орфографии. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР» [Электронный ресурс]; URL: <http://istmat.info/node/31601>, дата обращения 10.07.2018.
5. Доклад ГУБОНО // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 9, листы 13, 14, 19.
6. Иванищева, О. Н. Саамский язык: проблемы выживаемости в эпоху глобализации [Текст] // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. — М., 2014. — С. 444–450.
7. Найденкова, Н. С. Основы преподавания иностранных языков по методу М. Берлица [Текст] / Н. С. Найденкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки, и методика их преподавания. — 2007. — п 2. — с. 95–103.
8. Отчет о занятиях за I половину учебного 1922 г. по родному языку // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, листы 39, 40, 40 об., 108 об.
9. Отчет о работе Варзугской Советской школы I ступени за январь месяц 1924 года // ГОКУ ГАМО. Ф. р-90, опись 1, дело 22, лист 108.
10. Примерная программа Мурманской Городской Советской Школы I ступени, 1922–23 учебный год // ГОКУ ГАМО. Ф. Р-90, опись 1,, дело 9, лист 24 об.
11. Отчет цензора // ГОКУ ГАМО. Ф. р-278, опись 1, дело 14, лист 13.
12. Morkenstam, Ulf. Indigenous Peoples and the Right to Self-Determination: The Case of the Swedish Sami People [Электронный ресурс]; URL: http://www3.brandonu.ca/cjns/25.2/cjns25no2_pg433-461.pdf, дата обращения 10.07.2018.

© Рычкова Татьяна Александровна (guchkovata@yandex.ru), Бурцева Александра Вячеславовна (alexandraburtseva@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА АДАПТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

THE DYNAMICS OF THE ADAPTATION POSSIBILITIES OF STUDENTS TO STUDY AT THE UNIVERSITY

A. Ryazantsev

Summary. The psycho-emotional state of foreign students and their adaptive capacity have positive dynamics depending on the course of study. The most effective types of physical exercises for the adaptive capacity of students is a combination of strength and aerobic exercise types.

Keywords: foreign students; adaptive capacities; physical exercises.

Рязанцев Алексей Алексеевич

*К.п.н., доцент, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет
strunya@mail.ru*

Аннотация. Психоэмоциональное состояние студентов-иностранцев и их адаптационные возможности имеют положительную динамику в зависимости от курса обучения. Наиболее эффективными видами физических упражнений для адаптационных возможностей студентов является сочетание силовых и аэробных типов упражнений.

Ключевые слова: иностранные студенты; адаптационные возможности; физические упражнения.

Престижным показателем состояния образования любой страны является уровень международных образовательных услуг, то есть количество обучающихся в ВУЗах и ССУЗах иностранных студентов. И Российская Федерация (РФ) по этому показателю входит в лидирующую группу. В настоящее время, по данным Министерства образования и науки РФ, насчитывается 257 тысяч таких студентов [6]. Для успешного обучения иностранных студентов администрации ВУЗов необходимо создать для них максимум условий для проведения адаптационных мероприятий в новых жизненных условиях, так как 3% студентов подготовительного факультета ежегодно возвращаются на родину, не справившись с проблемами адаптации [2].

Многочисленные наблюдения и практика показали, что проблемы, возникающие в образовательном пространстве студентов-иностранцев любого ВУЗа, идентичны, актуальны и требуют системного исследования и научного обсуждения. Актуальность заключается и в том, что по статистическим данным количество иностранных студентов в РФ с 2004 года по 2015 увеличилось в 10 раз [6]. И согласно Государственной программе «Развитие образования» этот процесс динамично развивается и к 2020 году каждый десятый студент в РФ будет иностранцем [6].

На начальном этапе обучения проблемы адаптации связаны с привыканием к непривычным климатическим условиям, преодолением языкового, психологического, религиозного и культурного барьеров, что является иногда труднопреодолимыми сложностями в коммуникативной и познавательной деятельности.

Человека в процессе любой деятельности сопровождает целый ряд эмоций, как положительных, так и отрицательных. Стенические эмоции увеличивают силу и энергию человека, помогают ему во всех жизненных процессах и обстоятельствах, в достижении цели, придают смелость в поступках и высказываниях. Астенические эмоции являются антиподом стенических и характеризуются пассивностью и скованностью. И многое в адаптационных процессах студентов-иностранцев зависит от самочувствия, активности, настроения.

Учитывая индивидуальные особенности человека и воздействуя на его эмоции различными средствами и методами можно улучшить его психическое состояние и положительно влиять на качество и сроки адаптационного периода.

Цель нашего исследования — изучить динамику адаптационных процессов иностранных студентов Астраханского государственного медицинского университета (АГМУ), Астраханского государственного технического университета (АГТУ) и дать практические рекомендации по их оптимизации.

В эксперименте, проводимом преподавателями физического воспитания Астраханского государственного архитектурно-строительного университета (АГАСУ), активное участие проявили кафедры физической культуры выше перечисленных ВУЗов и при этом использовалась следующая методика исследования:

1. Обзор литературных источников по изучаемой проблеме;
2. Педагогические наблюдения;

3. Тестирование физической подготовленности студентов-иностранцев;
4. Методика-опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН), разработанная В.А. Доскиным с соавторами;
5. Традиционные методы математической статистики.

Методика «САН» обладает высокой информативностью и дает возможность преподавателям физической культуры изучить динамику адаптационных возможностей студентов-иностранцев не только по годам обучения, но и в течение учебного года. Тестирование «САН» было предложено студентам 1–5 курсов из дальнего зарубежья, так как у студентов ближнего зарубежья в отсутствии языкового барьера адаптационный период значительно короче и не так актуален.

При разработке методики «САН» авторы руководствовались тем, что три основные составляющие психоэмоционального состояния (самочувствие, активность и настроение) могут характеризоваться полярными оценками, между которыми существует непрерывная последовательность промежуточных значений [1].

Студентам предлагалось описать свое состояние в настоящий момент с помощью таблицы-опросника, состоящего из 30 полярных признаков и выбрать ту характеристику, которая наиболее точно описывает их психоэмоциональное состояние и отметить цифру, соответствующую выраженности этой характеристики. Опросник «САН» использовался нами в начале учебного года, перед зимней сессией и в конце учебного года. В тестировании приняли участие 156 студентов-иностранцев различных курсов и факультетов мужского пола, проживающих в общежитии.

При обработке результатов тестирования цифры, указанные в опроснике, переводились в баллы от 1 до 7 (крайняя степень негативного полюса — в 7 баллов). Получаемая по каждой шкале сумма дает возможность определить функциональное состояние испытуемого по следующему принципу:

- ◆ менее 30 баллов — низкая оценка;
- ◆ 30–50 баллов — средняя оценка;
- ◆ более 50 баллов — высокая оценка.

При анализе функционального состояния учитывались не только значения отдельных его показателей, но и их соотношение; так как у отдохнувшего человека оценки самочувствия, активности и настроения примерно равны, а у уставшего соотношение изменяется за счет снижения самочувствия и активности по сравнению с настроением.

По мнению целого ряда авторов [2; 3; 4] значительным резервом повышения эффективности процесса адаптации к обучению является физическая активность и ее положительное влияние на когнитивное здоровье иностранных студентов. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о возможностях головного мозга и его конкретных участков развиваться в желаемом направлении в зависимости от различных типов физических упражнений [5]. К примеру, занятия силовыми тренировками оптимизируют ассоциативную память мозга и исполнительскую функцию, а аэробные упражнения совершенствуют вербальную память, способность запоминать. А сочетание силовых упражнений и аэробных нагрузок улучшает когнитивное здоровье и способствует образованию новых нейронов [5]. По нашему убеждению, это тот вид физической активности, который оптимизирует адаптационные возможности студентов-иностранцев и их познавательные функции. Этот вид физической активности необходимо применять как в учебном процессе по физическому воспитанию, так и при самостоятельных занятиях студентов во всех его формах и проявлениях. Знание этих научно-методических технологий повышает интерес студентов-иностранцев к занятиям физической культурой, создает у них психологический настрой и формирует формы социальной активности.

Обсуждение результатов исследования.

Обработка результатов тестирования по методике «САН» показала, что на младших курсах (1 курс и подготовительный факультет) студенты-иностранцы, как правило, характеризуют свое психоэмоциональное состояние как низкое (92% не набрали 30 баллов). На втором курсе студентов с низкой оценкой насчитывается 63%, но уже 6% студентов набрали более 50 баллов. К третьему году обучения в ВУЗе количество студентов со средней оценкой (от 30 до 50 баллов) адаптационных возможностей увеличилось до 67%, а высокую оценку дали своему состоянию (субъективную) 29% студентов. Мы констатируем, что от курса к курсу отмечается положительная динамика психоэмоционального состояния студентов-иностранцев и к 3 курсу стабилизируется социально-психологический статус.

Вместе с тем, анализ опросников «САН» показал, что к началу зимней сессии и к концу учебного года на всех курсах обучения повышается уровень тревоги и психоэмоционального напряжения. Педагогические наблюдения показали, что именно в этот период значительно снижается посещаемость занятий по физической культуре студентами-иностранцами, что приводит не только к снижению показателей тестирования физической подготовленности и снижению семестровой оценки, но и ведет к дезадаптации студентов-иностранцев и ухудшает

их психоэмоциональное самочувствие. В этом случае необходимо проводить персональные консультации со студентами по определению их предпочтений в выборе видов спорта и типов упражнений (комплекс силовых и аэробных упражнений) и установить тесную взаимосвязь с деканатами факультетов.

Выводы

1. Адаптационные возможности к обучению у студентов-иностранцев на младших курсах характеризуются крайне низкими показателями. Ежегодно отмечается положительная динамика психоэмоционального состояния студентов, и их социально-психологический статус стабилизируется к третьему году обучения.

2. К началу зимней и летней сессии уровень тревожности и стресса возрастает, значительно снижается

посещение обязательных занятий по физической культуре, а это ведет к дезадаптации студентов-иностранцев и ухудшает их психоэмоциональное состояние.

3. В период, предшествующий зимней и летней сессиям необходимо проводить персональные консультации для студентов по определению их предпочтений в выборе видов спорта и типов упражнений. Результаты тестирования психофизиологического состояния студентов-иностранцев доводить до сведения преподавателей профилирующих кафедр, кураторов учебных групп и сотрудников деканатов с целью принятия оптимальных организационных мероприятий.

4. Наиболее эффективными видами физических упражнений в учебном процессе и особенно при самостоятельных занятиях является сочетание силовых и аэробных типов упражнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барканова О. В. Методика диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. — Вып.2 — Красноярск: Литера-принт. 2009. — 237 с.
2. Груцк Н.Б., Груцк В. Н. Физическая культура как мощный фактор, способствующий адаптации иностранных студентов в вузе. <http://sportfiction.ru/articles/fizicheskaya-kultura-kak-moshchnyy-faktor-sposobstvuyushchiy-adaptatsii-inostrannykh-studentov-v-vuze/>
3. Кудряшов Н. А. Адаптация студента-иностранца в вузе: проблемы и пути их решения/ Н. А. Кудряшов. — Краснодар: «Издательский Дом — Юг». — 2016. 78с.
4. Фалеева Е. В., Власенков Н. В., Шалавина А. С. Занятия физической культурой в вузе, как средство адаптации иностранных студентов к обучению. Наука и спорт: Современные тенденции. № 2 (Том 11), 2016/ www.scienceandsport.ru. — с. 31–34.
5. New Finding: Different Types of Exercise.
6. www.argumenti.ru 2018. № 6 (599), 15.02.2018. — с. 7.

© Рязанцев Алексей Алексеевич (strunya@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Астрахань

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ЮРИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

FORMATION OF THE FOREIGN-LANGUAGE COMMUNICATIVE PROFESSIONAL COMPETENCE OF FOREIGN LAWYERS IN THE PROCESS OF TEACHING THE LANGUAGE FOR PROFESSIONAL PURPOSES

**E. Samorodova
E. Inozemtseva
T. Bragina**

Summary. The formation of the foreign-language communicative professional competence is the way to the successful professional career for the international lawyers and it also implies the training of highly qualified specialists who are ready for cooperation in the field of international law with speakers of another language and culture, as well as research and professional activities in the field of international law in a foreign language. The article defines the foreign-language communicative professional competence of international lawyers and discusses some features of its formation based on the interaction of its main components in the process of teaching the language for professional purposes.

Keywords: foreign-language professional communicative competence, language for professional purposes, international law, international lawyer.

Самородова Екатерина Александровна

*К.ю.н., доцент, МГИМО (Россия, Москва)
samorodova.ekaterina.78@mail.ru*

Иноземцева Екатерина Сергеевна

Старший преподаватель, МГИМО (Россия, Москва)

Брагина Татьяна Валерьевна

Старший преподаватель, МГИМО (Россия, Москва)

Аннотация. Формирование иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции является залогом успешного развития и становления профессиональной карьеры будущих юристов-международников и подразумевает подготовку высококвалифицированных специалистов, готовых к сотрудничеству и взаимодействию в сфере международного права с носителями другого языка и культуры, а также к научно-исследовательской и профессиональной деятельности в области международного права на иностранном языке. В статье дано определение иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции юристов-международников и рассмотрены некоторые особенности ее формирования на основании взаимодействия ее основных компонентов в процессе обучения языку специальности.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная профессиональная компетенция, язык специальности, международное право, юрист-международник.

Профессия юриста-международника — это особый вид профессиональной деятельности людей, обладающих специальной подготовкой в области международного права, осуществляемой в соответствии с принятыми профессиональными стандартами.

Это призвание выпускников юридических специальностей, которые занимаются правовым обеспечением дипломатической, политической, культурной и экономической деятельности.

Международно-правовая специализация является одним из четырех основных видов направлений подготовки по специальности «Юриспруденция» (помимо гражданско-правовой, уголовно-правовой

и государственно-правовой). Главными особенностями данной специализации являются ее сложность и многогранность, поскольку от специалиста требуются знания не только российского и международного права, мировой экономики, теории и истории международных отношений, дипломатии, но также глубокого знания иностранных языков. Причем нужно отметить, что здесь иностранный язык выступает уже не в качестве желательного приложения, как это допускается, например, в гражданско-правовой специализации. Владение профессионально-ориентированным иностранным языком на высоком уровне является важнейшим, можно сказать, основополагающим компонентом международно-правовой специализации.

Профессионально-ориентированному обучению иностранному языку уделено особое внимание в российской педагогической науке. На протяжении последних десяти лет по этому вопросу было написано значительное количество научных статей и организовано конференций.

Анализ работ позволяет утверждать, что большинство авторов единодушно поддерживают идею формирования и развития профессиональных компетенций у будущих специалистов посредством обучения специально-ориентированному иностранному языку. (Матиенко А. В., Новоселов Н. М., Безукладников К. Э., Крузе Б. А., Озёрская С. Н., Хомякова Н. П. и др.)

Процесс формирования профессиональных компетенций у юристов-международников на основе, так называемой, междисциплинарной интеграции, объяснен взаимосвязью, взаимодополнением форм, методов и средств профессиональной подготовки [1].

Согласно Зеер Э. Ф. и ряду других авторов структуру основных профессиональных компетенций будущих юристов (юристов — международников) составляют:

- ◆ Коммуникативная компетенция — способность специалиста вести устное или письменное общение на иностранных языках на профессиональные темы;
- ◆ Когнитивная компетенция — готовность специалиста к постоянному повышению своего образовательного уровня, к профессиональному росту, приобретению новых знаний и умений, к саморазвитию.
- ◆ Специальная компетенция — подготовленность специалиста к самостоятельному выполнению профессиональных действий. [2]

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые особенности формирования иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции у юристов-международников в процессе обучения языку специальности.

В 1972 году американский исследователь Н. Хомский в своих научных трудах, среди которых одним из самых значимых является «Язык и мышление», вводит понятие «компетенция», которое в дальнейшем было принято мировым научным сообществом и использовано в методике преподавания иностранных языков. [3]

На сегодняшний день одно из значений термина «компетенция» — совокупность знаний, умений и навыков по изучаемому языку.

А. А. Леонтьев определяет иноязычную коммуникативную компетенцию как способность средствами из-

учаемого языка осуществлять речевую деятельность в соответствии с целями и ситуацией общения в рамках той или иной сферы деятельности. В её основе лежит комплекс умений, позволяющих участвовать в речевом общении в его продуктивных и рецептивных видах. [4]

Как было сказано Ф. М. Литвинко — «коммуникативная компетенция представляет собой систему знаний о языке, его единицах, их построении и функционировании в речи, о способах формулирования мыслей на изучаемом языке и понимания суждений других, о национально-культурных особенностях носителей изучаемого языка, о специфике различных типов дискурсов; это способность изучающего язык его средствами осуществлять общение в различных видах речевой деятельности в соответствии с решаемыми коммуникативными задачами, понимать, интерпретировать и порождать связные высказывания». [5]

По словам Е. И. Литневской «коммуникативная компетенция предполагает овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для данного возраста сферах и ситуациях общения». [6]

Опираясь на анализ работ некоторых российских и зарубежных исследователей (Исаевой О. Н., Байденко В. И., Болотова В. А., Вербицкого А. А., Зеер Э. Ф., Зимней И. А., Леднева В. С., Нечаева Н. Н., Никандрова Н. Д., Воеводы Е. В., Гершунского Б. С., Ананьева Б. Г., Асмолова А. Г., Мильруд Р. П., Матиенко А. В., Новоселова Н. М., Безукладникова К. Э., Крузе Б. А., Озёрской С. Н., Щегловой Н. В., Деркача А. А., Маркова А. К., Старчевского В. И., Спинова Е. А., Новикова Л. И., Драгомирецкого И. В., Кизимы А. А., Митрофановой О. Д., Canale M., Chomsky N., P. Charaudeau, E. Benviniste, G. Guillaume, F. Darbellay,) можно полагать, что:

- ◆ Иноязычная коммуникативная компетенция — это система знаний языка, позволяющая активное использование языка в письменных и устных формах для достижения определенных целей и результатов.

Иноязычная коммуникативная компетенция имеет многокомпонентную структуру.

Среди ее основных компонентов выделяют:

- ◆ Лингвистический;
- ◆ Дискурсивный;
- ◆ Прагматический;
- ◆ Профессиональный; [7]

В контексте данной статьи рассматривается взаимодействие компонентов иноязычной коммуника-

тивной компетенции для формирования иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции юристов-международников.

В своей работе «Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция: определение понятия в логике формирования полилингвальной и мультикультурной личности», Матиенко А. В. дает следующее определение:

- ♦ *иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция будущего бакалавра и магистра — это личностное психологическое новообразование, сформированное дисциплинами предметного блока, базовой и вариативной частей профессионального цикла, дополненных специализированными курсами научно-исследовательской и профессиональной направленности в процессе высшего иноязычного образования, которое в единстве и взаимосвязи коммуникативного и профессионального компонентов в своей структуре включает в себя, наряду с когнитивным и поведенческим аспектами, долговременную готовность и способность к ведению профессиональной и научно-исследовательской деятельности на иностранном языке.* [8]

Беря во внимание это определение можно полагать, что иноязычная коммуникативная профессиональная компетенция юриста-международника — *это система знаний, умений и навыков, сформированная путем междисциплинарного взаимодействия базовых наук, позволяющая вести профессиональную, исследовательскую и научную деятельность в области международного права на иностранном языке.*

Профессия юриста — международного не разрывно связана с общением на иностранном языке, что составляет ее основную отличительную особенность, как это было упомянуто выше.

Будущим специалистам чрезвычайно важно как можно раньше, еще не покидая институтских стен, «погрузиться в профессию». Подобные задачи возможно реализовать в рамках обучения юристов-международников профессионально-ориентированному иностранному языку, поскольку оно позволяет максимально приблизить процесс самого обучения к профессиональной деятельности.

Перед преподавателями, которые занимаются подготовкой будущих юристов — международных, стоит цель поиска форм и методов обучения языку специальности, позволяющих сформировать у студентов иноязычную коммуникативную профессиональную ком-

петенцию, как систему знаний, навыков и умений для решения поставленных коммуникативных задач в профессиональном общении.

В перечень профессиональных коммуникативных видов деятельности юристов-международников (список перечисленных видов деятельности не является исчерпывающим) входят:

- ♦ Перевод, толкование и комментарий международно-правовых актов (договоров, конвенций, пактов, резолюций и т.д.);
- ♦ Участие в международных дипломатических конференциях и симпозиумах; участие в коллегиальном обсуждении проектов договоров;
- ♦ Ведение международных переговоров;
- ♦ Ведение деловой переписки;
- ♦ Выступления в коллегиях и средствах массовой информации;
- ♦ Проведение консультаций;
- ♦ Разрешение проблемных ситуаций;
- ♦ Ведение и представление судебных дел в международных судебных инстанциях (речь судьи, адвоката и т.д.);

Работа с международно-правовой документацией (юридические тексты) — один из основных и важнейших элементов профессии юриста-международника. Круг профессиональных обязанностей такого специалиста могут составлять перевод, толкование, анализ и комментарий международных договоров и конвенций. Каждый из названных видов требует серьезной профессиональной подготовки.

Ясность и точность толкования, перевода и комментария юридического документа могут быть достигнуты путем правильного употребления юридических терминов, а также характерных для юридического языка грамматических, лексических и синтаксических конструкций. В данном случае можно говорить о лингвистическом компоненте иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции, как о знании языковых средств, необходимых для профессионального общения в письменной и устной формах. В учебно-методические пособия необходимо включить циклы упражнений, нацеленные на усвоение необходимого языкового материала.

Примерами подобных упражнений могут быть¹:

1. Упражнения с синонимами;

Пример:

Remplacez les mots entre parenthèses par les synonymes de la Convention / Замените слова в скоб-

¹ В статье приведены примеры упражнений на французском языке.

как синонимами из Конвенции (Венская конвенция 1969).

(Acceptation) du texte d'un traité (se fait) par le consentement de tous les États (s'engageant) à son élaboration. / Принятие текста договора (осуществляется) с согласия всех государств, (участвующих (которые приняли участие)) в его разработке.

2. Упражнения с антонимами;

Пример:

Remplacez les mots entre parenthèses par les antonymes/ Замените слова в скобках антонимами.

Se traité est (valide)/ Данный договор — действующий. (invalide)

3. Упражнения на подстановку (выбрать нужное слово (термин) из предложенных);

Пример:

Choisissez le mot qui convient/Выберите подходящее слово

Si les conditions l'exigent un État peut _____ (renoncer, dénoncer, se dégager) le Traité/ Государство может денонсировать договор, если того требуют обстоятельства.

4. Упражнение на продолжение логической цепочки;

Пример:

Poursuivez la chaîne logique/ Продолжите логическую цепочку;

Déterminer un régime, une règle etc/ Определить режим, норму ...

5. Упражнение в трансформации;

Пример:

Transformez (remplacez) la construction verbale par une construction nominale / Замените конструкцию с глаголом на конструкцию с существительным.

Signer un traité — la signature d'un traité/ Подписать договор — подписание договора

6. Синхронизированный перевод словосочетаний с терминами (для этого упражнения выбраны самые употребительные словосочетания из изучаемого документа, которые читаются преподавателем по очереди на иностранном и родном языках.)

Пример:

Traduisez les séries ci-dessous/ Переведите следующие словосочетания:

- ◆ Consentement à être lié par un traité (выразить согласие на обязательность договора)
- ◆ Аннулировать договор
- ◆ Formuler une réserve (сформулировать оговорку)
- ◆ Подписать Конвенцию

7. Упражнения на перевод терминов из контекста;

Пример:

Traduisez les mots et expressions en italique/ Переведите слова и выражения, выделенные курсивом:

Переговоры — дипломатическая стадия работы conduite, selon le cas, par Ministre des affaires étrangères (voir le chef du gouvernement ou de l'État) ou par les agents diplomatiques (nosslami) et autres missions spéciales.

8. Двусторонний перевод документа

Базовыми документами в области международного публичного права, к которым в работе довольно часто обращаются юристы — международники являются: Устав Организации Объединенных Наций, Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 года, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 года, Проект об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года, Венская конвенция о купле-продаже 1980 года. Они же и содержат основную международно-правовую терминологию и представляют собой оптимальный вариант для изучения на иностранном языке.

Практически во всех видах работы над формированием иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции юриста-международника присутствует работа с текстом. Правильно структурированный текст, являющийся монологическим или диалогическим высказыванием, в устной форме или письменной представляет законченное и совершенное произведение речи.

Процесс организации речи, которая характеризуется умениями логично и последовательно формулировать мысли и высказывания на профессиональные темы называется дискурсом. [9]

По словам Матиенко А.В. «именно в дискурсе «живет» язык, обеспечивая передачу и прием информации, которая фиксируется и сохраняется в текстах». [8]

Таким образом, дискурсивный компонент иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции будущих юристов — международников представляет собой построение связного, структурированного юридического текста в устной или письменной, диалогической или монологической форме в процессе работы.

Составление юридического документа или комментария к нему на иностранном языке — довольно трудный и многоступенчатый процесс, подразумевающий наличие необходимых знаний не только изучаемого языка и права, но также определенных правил и закономерностей документообращения.

Текст документа (комментария к нему) должен быть:

- ◆ написан простым языком (без сложных фраз с депричастными и причастными оборотами, придаточных предложений) в деловом нейтральном стиле (без восклицательных предложений);
- ◆ структурирован (изложение должно представлять цепочку логически последовательных частей текста с выводом);
- ◆ точным, ясным и правильно понятым адресатом или аудиторией.

В данном случае мы говорим о прагматическом компоненте иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции. Студенты должны эффективно решать коммуникативные задачи, точно и четко передавая смысл и содержание своего устного или письменного сообщения и достигая ответной реакции. Прагматический компонент иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции гарантирует «коммуникативный результат» [8], и взаимодействие с другими участниками общения.

Публичное выступление играет особую роль в профессии юриста-международника, поскольку по роду своей деятельности такому специалисту часто приходится принимать участие в международных конференциях и симпозиумах, в переговорах, выступать в судебных инстанциях. Поэтому юристы-международники очень заинтересованы в культуре публичного выступления, зачастую даже больше, чем представители других профессий.

Это особый вид искусства и формирование знаний, умений и навыков публичного выступления, как необходимых составляющих иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции, заслуживает особого отношения и внимания в процессе обучения языку специальности.

Чтобы овладеть профессиональной компетенцией публичного выступления прежде всего обучающийся должен:

- ◆ знать правила построения содержания (правовая составляющая речи, т.е. то, о чём будет говориться в выступлении) и структуры публичного выступления юриста-международника;
- ◆ знать основные требования к публичному выступлению юриста-международника (особенности стиля публичного выступления юриста, лингвистические параметры, коммуникативные качества речи);
- ◆ уметь сочетать лингвистический, профессиональный (зд. правовой), коммуникативный и прагматический компоненты публичного выступления юриста-международника;
- ◆ уметь отстаивать свою позицию в ходе выступления в процессе переговоров и прений по определенным вопросам (уметь доказывать, опровергать и подтверждать сказанное, убеждать оппонента и т.д.);
- ◆ владеть техникой речи (голос, дикция, интонация, паузы и т.д.);
- ◆ уметь правильно применять невербальные средства общения (использования языка жестов и движений).

Видами работ, направленных на формирование компетенции публичного выступления у юристов-международников являются:

- ◆ Комментарий (высказывания, положения договора, решения суда);
- ◆ Доклад (монолог, представляющий собой развернутое сообщение по изученному вопросу) с последующими ответами на вопросы аудитории;
- ◆ Презентация определенной профессиональной темы с привлечением визуальных материалов.

Важную роль в формировании компетенции публичного выступления играют видеоматериалы. Судебные речи великих ораторов являются наглядными образцами, по которым и по сей день обучаются юристы-международники.

На занятиях по обучению языку специальности студентам необходимо предлагать участие в ролевых играх, основанных на учебных диалоговых моделях ситуаций, которые имитируют реальные, жизненные, напрямую касающиеся их профессии (правовые ситуации).

Правовая проблемная ситуация рассматривается как совокупность обстоятельств, порождающих необходимость в использовании правовых средств в незамедлительном принятии решения проблемы, созданной этими обстоятельствами.

В течение своей карьеры юристу-международнику часто приходится решать правовые проблемные ситуа-

Юридическая задача		
Этапы решения задачи	Профессиональный компонент	Лингвистический компонент
1. Выявление проблемной ситуации в задаче;	Направленный анализ и оценка состояния дел с позиций права. Определение отрасли права, регулирующей данные отношения.	Изучение текста задачи (работа с содержанием текста, перевод терминов и конструкций, выделение основной проблемы, формулировка проблемы);
2. Анализ обстоятельств и фактов правовой проблемы в задаче;	Углубленное изучение фактов и обстоятельств дел (определение обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, уяснение возможных препятствий к решению проблемы и др.)	Выделение ключевых фраз, предложений в тексте, терминов, касающихся основной проблемы в задаче.
3. Выявление вопросов, которые требуют правового решения;	Установление причины возникновения обстоятельств, повлекших необходимость в использовании правовых средств в незамедлительном принятии решения проблемы, созданной этими обстоятельствами.	Формулировка вопросов, требующих правового решения.
4. Выбор способа решения данной проблемной ситуации в задаче;	Выбор правовых норм, регулирующих данные правоотношения;	Изучение текста положений договора или конвенции, выбранной для решения проблемной ситуации в задаче. (перевод терминов, конструкций);
5. Составление решения;	Составление аргументированного решения (каждое утверждение, ведущее от проблемы к решению, нуждается в аргументах, которые в свою очередь опираются на положения нормативных актов, судебную практику и доктрину)	Составление плана текста решения; Отбор необходимого языкового материала (термины и конструкции); Построение структурированного текста решения с выводом;

ции. Участие юриста в их выявлении, осознании и разрешении — основное содержание его профессиональной деятельности.

Выявление правовой проблемной ситуации означает анализ и оценку состояния дел с позиций права. И подобные навыки у юристов-международников формируются на базе глубоких знаний определенных отраслей международного права и в процессе практической юридической деятельности.

В контексте обучения языку специальности с целью формирования иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции юристов — международников на аудиторных занятиях могут рассматриваться такие виды упражнений, как решения юридических задач. Проблемно — задачный метод в обучении иностранному языку нашел свое отражение в работах Н.П. Хомяковой «Иноязычная контекстная модель обучения языку специальности юристов-международников», «Использование проблемно — задачного метода в курсе французского юридического языка», «Юридическая задача как основополагающая технология иноязычной профессиональной подготовки юристов», «Обучение иностранному языку

специальности: контексты содержания», «Использование проблемно — задачного метода в курсе французского юридического языка». Юридические задачи отражают реальные факты, стимулируют мыслительную деятельность студентов и побуждают высказать свою точку зрения по поводу решения отдельно взятой проблемы.

Решение юридической задачи на иностранном языке представляет собой яркий пример взаимодействия лингвистического и профессионального компонентов иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции (см. таблицу).

Формирование иноязычной коммуникативной профессиональной компетенции является залогом успешного развития и становления профессиональной карьеры будущих юристов-международников и подразумевает подготовку высококвалифицированных специалистов, готовых к сотрудничеству и взаимодействию в сфере международного права с носителями другого языка и культуры, к научно — исследовательской и профессиональной деятельности в области международного права на иностранном языке, а также к постоянному коммуникативно-профессиональному росту и развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунев А. Н. Пугачева Н. Б., Стуколова Л. З. Формирование профессиональных компетенций юриста-международника на основе межпредметной интеграции // Концепт. — 2014. — № 02 (февраль) ART 14034.
2. Зеер Э. Ф. Психология профессий, М. 2003
3. Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
4. Леонтьев, А. А. Психолого-педагогические основы обновления методики преподавания иностранных языков: Лекция-доклад. / А. А. Леонтьев. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1998. — 24 с.
5. Ф. М. Литвинко // Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; в авт. ред. — Мн., 2009. — Вып. 9. — 102 с.
6. З. Литневская, Е. И., Багрянцева, В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Е. И. Литневской. — М.: Академический проект, 2006. — 588 с.
7. Moirand Sophie « Enseigner à communiquer en langue étrangère », Hachette, Paris, 1982
8. Матиенко А. В. Иноязычная профессиональная компетенция: определение понятия в логике формирования полилингвальной и мультикультурной личности // Сетевой журнал «Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». — Т. 2, No2, 2016
9. Самородова Е. А. Иноземцева Е. С. Об опыте преподавания языка специальности юристам-международникам. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», — 2018, -№ 3–2, — с. 105–110

© Самородова Екатерина Александровна (samorodova.ekaterina.78@mail.ru),
Иноземцева Екатерина Сергеевна, Брагина Татьяна Валерьевна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГИМО

О ВАЖНОСТИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕРЕВОДУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

BACKGROUND KNOWLEDGE IN TEACHING STUDENTS TECHNICAL TRANSLATION

**E. Sentebova
L. Kozubovskaja**

Summary. Technical translation is considered to be one of the most labour-intensive and critical linguistic processes in which the perfect command of a foreign language must converge with the in-depth knowledge of the subject and cultural aspect. The article describes the stages of teaching students how to translate technical texts beginning with the first year of teaching to getting additional education of a technical translator. The graduates get all the necessary linguistic and background knowledge to make an adequate translation.

Keywords: technical translation, linguistic knowledge, background knowledge, knowledge of the subject, cultural aspect, technical translator.

Сентебова Елена Леоновна

Доцент, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
Lena-sentebova@yandex.ru

Козубовская Людмила Александровна

Доцент, Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

Аннотация. Перевод научно-технических текстов является одним из самых сложных лингвистических процессов, требующих не только знаний грамматики и лексики иностранного языка, но и в не меньшей степени фоновых знаний, которые включают в себя знания предметной области и культурологический аспект. В данной статье рассматриваются этапы обучения переводу научно-технических текстов студентов технического вуза, начиная с первого курса и до обучения в рамках программы дополнительного образования — переводчик в сфере профессиональной коммуникации. Выпускники данной программы получают необходимые языковые и фоновые знания для качественного выполнения перевода.

Ключевые слова: технический перевод, знание грамматики и лексики, фоновые знания, предметная область, культурологический аспект, переводчик в сфере профессиональной коммуникации.

Умение переводить общетехнические и научно-технические тексты является одной из главных задач при обучении студентов технических вузов иностранному языку. Перевод представляет собой очень сложный творческий процесс, в ходе которого переводящий должен проникнуть во все тонкости смысла оригинала на иностранном языке и создать свой совершенно новый текст уже на русском языке. При этом текст на родном языке должен сохранить все особенности и оттенки смысла оригинала. Процесс перевода нельзя толковать как простое преобразование текста с одного языка на другой. Понимание исходного текста осложняется рядом факторов лингвистического, страноведческого и психологического характера. Эти факторы включают в себя знание исходного языка, предмета высказывания, знание реалий, личность автора текста и развитость понятийного аппарата, и владение родным языком самого переводчика.

Таким образом, для того, чтобы обучаемый смог осуществить перевод текста, он должен, прежде всего, овладеть системой изучаемого языка. Кроме того, он должен разбираться в предметной области, к которой относится переводимый текст, так как последствия неверного понимания технических процессов могут быть очень серьезными. По этой причине перевод технических текстов является самым трудоемким и важным

из лингвистических преобразований. Хорошее владение иностранным языком должно сочетаться с глубоким знанием специальности и пониманием процессов, происходящих в той или иной отрасли промышленности. Также очень важно знать и учитывать культурологические особенности носителей того языка, на котором написан текст оригинала. Язык не существует вне культуры. «Каждый язык — прежде всего национальное средство общения, и было бы странным, если бы в нем не отразились специфически национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое он обслуживает» [2]. «Чтобы переводить с иностранного языка, нужны две предпосылки, из которых каждая необходима, а одной недостаточно: выучить этот иностранный язык и изучить (систематически) этнографию коллектива, пользующегося этим языком. Не может быть полноценного перевода, если не удовлетворены оба условия» [1, с. 78]. Знания культурологических особенностей и предметные знания составляют так называемые фоновые знания, которые являются неотъемлемым компонентом для понимания и перевода любого иноязычного текста. Сам термин «фоновые знания» является переводом английского термина «background knowledge», который был употреблен впервые в работах таких авторов как В. Гудикунст и Й. Ким. Остановимся на одном из аспектов фоновых знаний — знании предметной области.

На первом курсе в техническом вузе студенты учатся понимать и переводить общетехнические тексты, связанные с такими темами, как экология, компьютеры, электричество, транспорт. На обязательное обучение иностранному языку программой отводится только один год, и за этот период студентам необходимо овладеть системой иностранного языка в объеме, предусмотренном программой. Самой большой сложностью для студентов является изучение грамматики, которая, естественно, отличается от грамматики родного языка. Эту сложность для тех, кто изучает английский язык, можно объяснить тем фактом, что русский и английский языки относятся к разным грамматическим типам. Русский принадлежит к синтетическим языкам, а английский — к аналитическим. Аналитическая структура английского языка дала возможность авторам разработать свою упрощенную систему классификации сказуемого, которая помогает обучаемым легко вычленив сказуемое, определить его тип и семантику и, следовательно, правильно перевести [3, с. 77–80]. Также была предложена упрощенная системная подача неличных форм глагола, которые обычно представляют большую сложность для студентов [4, с. 98–102]. Предполагается, что предметные знания при чтении общетехнических текстов не должны препятствовать пониманию этих текстов, так как выпускники средней школы в той или иной степени знакомы с описываемыми предметами и явлениями. Однако авторами замечено, что, к сожалению, этих знаний зачастую бывает недостаточно для понимания процессов, явлений и структур, представленных в текстах учебников. А это приводит к неполному пониманию и, следовательно, неправильному переводу. Так, например, преподавателю приходится объяснять, что такое конвекция, сепаратор, стыковка летательных аппаратов.

На втором курсе в техническом вузе иностранный язык является дисциплиной по выбору. Студенты изучают деловой (профессиональный) иностранный язык. На втором курсе задачи значительно усложняются, возрастает роль фоновых, в частности предметных знаний. Студенты второго курса, как правило, только начинают специализироваться в определенной научно-технической области и ещё недостаточно хорошо разбираются в своей специальности. Для верного перевода специального текста студент как минимум должен разобраться в общем содержании текста оригинала, знать из какой области знаний он происходит, знать основные положения этой области знаний и основную терминологию. Переводящий должен уметь устанавливать соответствия между лексическими единицами двух языков, между грамматическими конструкциями. Пользуясь двуязычными словарями, студенты должны понимать, что словари представляют собой сборники лексических соответствий между языками, и зачастую очень сложно решить вопрос о том, какое из перечисленных в словарной

статье значений представляет собой наилучший эквивалент именно для данного контекста. Очень часто нужный эквивалент находится вне данной словарной статьи, он подбирается другим путем, для которого требуется знание данной предметной области. Например, студентам второго курса аэрокосмического факультета предлагается для изучения и перевода текст о траектории баллистических ракет дальнего радиуса действия. В тексте называются части траектории и основные точки, которые ракета проходит, следуя к цели. Поскольку студенты ещё недостаточно знакомы с данной темой, у них неизбежно возникают трудности при переводе терминов. Так, термин «burnout point» они переводят дословно — «точка выгорания». На деле же этот термин следует переводить, используя описательный перевод, — «точка на траектории в момент выгорания топлива». Очевидно, что для верного адекватного и понятного для специалиста в области траектории ракет перевода требуются фоновые знания, в данном случае специальные предметные знания. Заключительным этапом работы на втором курсе является написание студентами аннотации и реферата по самостоятельно прочитанному и переведенному тексту по специальности. Заниматься этим — дело далеко не простое. Написать хороший реферат значительно сложнее, чем сделать полный перевод первоисточника. Аннотирование и реферирование — это сложный мыслительный процесс, требующий от переводчика не только хороших знаний иностранного языка, но и умений производить компрессию материала, выделять главное, отсеивать второстепенное, кратко и четко формулировать мысли и излагать их на хорошем русском языке. Но самое главное заключается в том, что референт должен глубоко разбираться в реферируемом материале в плане его содержания, так как в противном случае он не сможет выделить основную информацию и изложить ее четко и логично, создав единый связный текст.

Задача ещё более усложняется, когда студенты продолжают свое образование в магистратуре. Им необходимо выбрать и перевести статью на иностранном языке для использования в написании своей магистерской диссертации. Статья должна носить научный характер и являться аутентичной. Для ее перевода уже требуются глубокие знания в предметной области и языковые знания, так как эти тексты, как правило, являются сложными с точки зрения грамматики и лексического состава. При переводе таких текстов специальные предметные знания имеют даже большее значение, чем языковые.

В настоящее время в России приобретает особое значение дополнительное образование. Многие люди хотят получить второе профессиональное образование в области экономики, права, бизнеса. К наиболее востребованным областям знаний в этом смысле относится иностранный язык. На кафедре иностранных языков

и связей с общественностью ПНИПУ успешно работает программа дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Программа отражает современные тенденции и требования к обучению и практическому владению английским языком в повседневном общении и профессиональной деятельности. Целью программы является подготовка специалистов в области специализированного профессионального перевода. Как правило, студенты начинают обучение в рамках дополнительного образования после окончания основного курса обучения (после первого или второго курса) и обучаются в течение трех с половиной лет. За это время они уже приобретают достаточно полное представление о своей будущей профессии. Кроме того, в течение курса обучения слушатели данной программы получают хорошую языковую подготовку по иностранному языку: овладевают общей и специальной лексикой, приобретают грамматические навыки, обеспечивающие коммуникацию общего и профессионального характера, и изучают грамматические явления, характерные для профессионального общения. Они также изучают стилистику русского языка и культуру речи, что значительно улучшает качество перевода.

Все вышеперечисленное дает выпускникам-слушателям данной программы определенные преимущества перед переводчиками-филологами. Филологи могут обладать более глубокими языковыми знаниями, но уступают переводчикам в сфере профессиональной коммуникации в знании предметной области. Например, один из слушателей программы дополнительного образования для своей выпускной квалификационной

работы выполнил перевод с английского языка специального текста «Фотополимеризация композитного материала в моделируемой среде открытого космоса на низкой околоземной орбите». В этом тексте встречается термин «throat». Он является названием части сопла с самым маленьким диаметром. В англо-русском словаре у этого слова имеется несколько значений: горло, глотка, гортань, узкий проход. А в политехническом словаре можно найти такие значения как: проход, выемка, зев, перехват, вырез, пережим, жерло. Но ни одно из этих значений не является эквивалентом исходному термину. Зная предметную область своего текста, выпускник перевел его как «критическое сечение». Еще одним примером при переводе данного текста явился термин «backpressure». Слушатель не нашел подходящего перевода ни в одном из специализированных словарей, а дословный перевод «давление сзади» не является корректным. Перевести данный термин ему помогли фоновые знания по механике жидкости газов. Данный термин следует перевести как «противодавление», то есть давление в среде, в которую вытекает газ или жидкость из области с более высоким давлением.

Подводя итоги, можно сказать, что при переводе научно-технического текста наличие фоновых знаний является абсолютно необходимым для создания адекватного текста перевода. Наличие этих знаний ускоряет процесс перевода и делает его верным. Таким образом, качественный перевод научно-технических текстов достигается не только благодаря знанию языков оригинала и перевода, но и фоновым знаниям, в частности предметным знаниям и знанию специальной терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 2005, — С. 78.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. Глава 6 «Фоновые знания и имплицитная информация». М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224с.
3. Козубовская Л.А., Сентебова Е. Л. Снятие трудностей при изучении английского сказуемого. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 77–80.
4. Козубовская Л.А., Сентебова Е. Л. Системная подача грамматического материала при изучении сказуемого и неличных форм глагола в английском языке. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. № 22016. — С. 98–102.

© Сентебова Елена Леоновна (Lena-sentebova@yandex.ru), Козубовская Людмила Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

ABOUT THE SYSTEM OF CONTINUOUS INCREASE OF QUALIFICATION OF WORKERS OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION OF CHELYABINSK REGION

**E. Sichinsky
I. Stashkevich
Z. Fedoseeva**

Summary. The article discusses the flexible system of continuous professional development of workers of secondary professional education in the Chelyabinsk region as a response to external and internal challenges. In addition to the actualized course (formal) preparation, the experience of raising the level of professional skill in the intercourse period (informal and informational education) is described in the article. It includes the activity of regional methodical associations, attracting to participate in competitions of professional skills, expert and research activities.

Keywords: system of continuous professional development of employees of secondary vocational education, course and intercourse preparation, formal, informal and informational education.

Сичинский Евгений Павлович

*Д.и.н., доцент, ректор, ГБУ ДПО «Челябинский институт развития профессионального образования»
esichinski@rambler.ru*

Сташкевич Ирина Ризовна

Д.п.н., доцент, проректор по НИиИР, ГБУ ДПО «Челябинский институт развития профессионального образования»

stashkevichiren@mail.ru

Федосеева Зинаида Александровна

*К.п.н., проректор по УМР, ГБУ ДПО «Челябинский институт развития профессионального образования»
fedoseeva.zinaida@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается гибкая система непрерывного повышения квалификации работников среднего профессионального образования Челябинской области как ответ на внешние и внутренние вызовы. Помимо актуализированной курсовой (формальной) подготовки представлен опыт повышения квалификации в межкурсовой период (неформальное и информальное образование) включением в деятельность областных методических объединений, привлечением к участию в конкурсах профессионального мастерства, экспертной и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: система непрерывного повышения квалификации работников среднего профессионального образования, курсовая и межкурсовая подготовка, формальное, неформальное и информальное образование.

Качество профессионального образования напрямую связывают с качеством педагогических кадров, требования к которому неукоснительно повышаются. Это поддерживает научный и практический интерес к построению системы непрерывного образования вообще и непрерывного повышения квалификации, в частности [1–7].

Особое значение системы непрерывного повышения квалификации для среднего профессионального образования определяется как внутренними потребностями системы, так и внешними для нее обстоятельствами. К *внутренним потребностям* относятся особенности комплектования педагогического состава профессиональных образовательных организаций (ПОО), которые влияют на последующее повышение их квалификации. В частности, подавляющее большинство преподавателей профессиональных дисциплин и мастеров производственного обучения приходят в профессию с производства. Поэтому с одной стороны, им необходимо дать основы педагогических знаний и постоянно развивать

их. А, с другой стороны, учитывая постоянное появление на производстве новых технологий, материалов, оборудования, необходимо регулярно обновлять их знания о содержании предмета (в 2017–18 учебном году в ПОО Челябинской области велась подготовка по 170 профессиям и специальностям).

К *внешним обстоятельствам* можно отнести те вызовы, с которыми сегодня сталкивается система среднего профессионального образования (СПО). Руководством страны на форумах различного уровня неоднократно озвучивалась цель создания современной конкурентно-способной экономики. Ее достижение возможно через решение целого комплекса задач, среди которых важное место занимает подготовка высококвалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена. Поэтому неудивительно, что в последние годы появляются проекты, которые, по мнению их авторов, смогут обеспечить прорыв в подготовке кадров. Обилие проектов описывается понятиями: ТОП-50, профессиональные стандарты, стандарты Ворлдскиллс, демонстрационный экзамен,

дуальное обучение, образование через всю жизнь («25–65»), Региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного роста, сертификация квалификаций, модульные и дистанционные технологии, электронное обучение. В результате с 2011 г. система СПО переживает внедрение третьих по счету федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС).

Новые требования к рабочим кадрам и активные изменения в СПО закономерно поставили в повестку дня вопрос о квалификации педагогических кадров, требования к которым было закреплено рядом документов:

- ◆ Приказ Минтруда и соцзащиты РФ от 08.09.2015 г. № 608 н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [9];
- ◆ п. 4.4. «Требования к кадровым условиям реализации образовательной программы» ФГОС;
- ◆ Комплекс мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования, на 2015–2020 годы (распоряжение Правительства РФ № 349-р от 03.05.2015 г.) [10];
- ◆ Положение о сертификации экспертов Ворлдскиллс (Утверждено Правлением Союза (Протокол № 1 от 09.03.2017) [11].

Учитывая, что требования к педагогу СПО существенно изменились и необходимо определить новый вектор развития повышения квалификации, в ГБУ ДПО «Челябинский институт развития профессионального образования» (ЧИРПО) были проведены два мониторинга на соответствие квалификации педагогических работников региона требованиям профессионального стандарта и соответствие квалификации преподавателей ФГОС по ТОП-50 [5].

Результатом стало изменение содержания программ дополнительного профессионального образования и появление новых.

Но при повышении квалификации в СПО присутствует ряд вопросов, связанных с организацией стажировок, повышением квалификации по ТОП-50 и подготовкой экспертов для проведения демонстрационного экзамена, которые требуют системных решений.

В соответствии с требованиями профессионального стандарта и ФГОС педагогические работники, привлекаемые к реализации образовательной программы СПО, должны проходить стажировки в организациях, направление деятельности которых соответствует области профессиональной деятельности, по которой осуществляется обучение, не реже 1 раза в 3 года с учетом расширения спектра профессиональных компетенций

[4]. Такими профильными организациями являются, прежде всего, предприятия, а также созданные недавно семь Межрегиональных центров компетенций (Екатеринбург, Тюмень, Казань, Чебоксары, Москва, Ульяновск, Хабаровск) и Базовый центр Союза Ворлдскиллс. Но традиционно стажировка была наиболее дорогостоящей формой повышения квалификации (ПК), т.к. помимо всех сопутствующих издержек, включала аренду оборудования и расходы на сырье. При ограниченности средств ПОО крайне редко прибегают к данной форме ПК, что ведет к отрыву педагога профессионального образования от содержания предмета.

«Комплексом мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования, на 2015–2020 годы» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 349-р) установлен целевой индикатор (показатель) «Доля руководителей и педагогических работников профессиональных образовательных организаций, прошедших обучение по дополнительным профессиональным программам по вопросам подготовки кадров по 50 наиболее перспективным и востребованным профессиям и специальностям, в общем числе руководителей и педагогических работников профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров по 50 наиболее перспективным и востребованным профессиям и специальностям». К 2020 году 70% руководителей и педагогов должно пройти обучение по данным программам. В ЧИРПО разработаны и уже реализуются эти программы.

И наконец, введение демонстрационного экзамена в итоговую государственную аттестацию повлекло за собой появление фигуры эксперта по его приемке. Их подготовка осуществляется на базе Академии Ворлдскиллс Россия. И хотя в последнее время процедура обучения экспертов и сдачи ими экзаменов заметно упрощена, нам кажется разумной передача полномочий по подготовке экспертов на региональный уровень в областные Региональные координационные центры Ворлдскиллс.

Работа в системе повышения квалификации педагога ведется не только в период курсовой подготовки (формальное образование), но и согласно концепции непрерывного образования, выстраивается в различных формах в межкурсовой период (неформальное и информальное образование).

В Челябинской области выстроена уникальная система методического сопровождения деятельности ПОО, которая позволяет вовлекать на постоянной основе в неформальное повышение квалификации значительное количество руководителей и педагогов системы СПО. При Министерстве образования и на-

уки Челябинской области создан *Областной совет по научно-методической и инновационной работе*, основной целью которого является формирование единой политики по вопросам научно-методической и инновационной деятельности ПОО с учетом стратегии развития профессионального образования и социально-экономического развития Челябинской области. Совет осуществляет свою деятельность посредством координации работы 22 *областных методических объединений (ОМО)*, созданных по укрупненным группам специальностей (УГС) и функциональному признаку, в которые входят представители всех заинтересованных ПОО. Обсуждаемые вопросы, изученный опыт, принятые решения членами ОМО затем транслируются через цикловые комиссии и иные органы управления ПОО в ее деятельность. Для информационной поддержки деятельности ОМО на сайте ЧИРПО создан Виртуальный методический центр [8], страницы которого являются наиболее посещаемыми. Несмотря на регламент (3 заседания в год) в 2017 г. ОМО провели 76 заседаний, в которых приняло участие около 2500 человек. 61 заседание прошло на базе ПОО, что позволило их участникам непосредственно ознакомиться с опытом своих коллег.

Эффективность работы областных методических объединений позволило нам выйти с инициативой о создании их аналогов на уровне Уральского федерального округа (УрФО). В результате в 2016 г. при Межрегиональном совете профессионального образования УрФО было создано девять Окружных методических объединений, позволяющих ПОО одного профиля обмениваться накопленным опытом.

Многолетний опыт показывает, что одной из действенных форм повышения квалификации в межкурсовой период являются *конкурсы профессионального мастерства*. В системе профессионального образования Челябинской области действует четыре таких конкурса: Директор года, Мастер года, Профессиональный дебют, Областной конкурс профессионального мастерства мастеров производственного обучения. Помимо индивидуального выступления участника конкурса в формальных соревновательных процедурах, его участие предусматривает подготовительный этап, в котором, как правило, задействована целая команда. Поэтому потенциал влияния конкурсов выходит далеко за цифры официальных его участников.

Кроме того, повышение влияния конкурсов на квалификацию его участников осуществляется и через *содержание конкурсных заданий*. Практические, профессиональные и теоретические задания конкурсов строятся на основе трудовых действий, необходимых умений и необходимых знаний, составляющих трудо-

вые функции, предусмотренные профессиональным стандартом «Педагога профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». Таким образом, подготовка к конкурсу подталкивает и самого участника, и членов его команды повышать квалификацию по отдельным трудовым функциям.

К неформальному повышению квалификации можно отнести и вовлеченность педагогов СПО в *деятельность экспертного сообщества*, чей потенциал используется для подготовки заданий для областных конкурсов и олимпиад, подготовке сборников заданий для выполнения студентами практических и лабораторных работ, работе в составе временных творческих коллективов по разработке конкретных проблем, подготовке и проведению семинаров, вебинаров и мастер-классов. По итогам работы за 2015–2017 гг. в эту деятельность было вовлечено около 2,5 тыс. педагогов СПО.

Достаточно долго в системе СПО недооценивалась *научно-исследовательская деятельность* как форма повышения квалификации. Сегодня этот стереотип в Челябинской области преодолен, и руководители и педагоги системы профессионального образования вовлечены в нее через различные формы участия.

Ежегодно в области проводятся 2 научные конференции. В 2017 г. состоялась уже XXIV научно-практическая конференция «Инновации в системе профессионального образования» и III Международная научно-практическая конференция «Среднее профессиональное образование в информационном обществе».

Большие возможности для повышения квалификации предоставляет форма *региональной инновационной площадки (РИП)*. На май 2018 г. в системе профессионального образования региона работает тринадцать РИП, что составляет 27% от общего числа ПОО. Всего же, начиная с 2001 года, когда появилась первая такая площадка, в профессиональном образовании работало и работают 58 РИП. Как правило, помимо большой работы коллектива РИП по самообразованию, план работы площадки включает в себя обязательные мероприятия по повышению квалификации по проблеме инновационной деятельности. А на базе ПОО, имеющих статус РИП, планируются заседания ОМО, областные семинары, выездные занятия ГБУ ДПО ЧИРПО, что позволяет тиражировать полученные от инновационной деятельности результаты. Проведенный анализ показал, что от 10% до 77% коллектива образовательной организации, имеющей статус РИП, вовлечены в инновационную работу, в том числе и в составе 58 творческих коллективов, созданных на площадках РИП.

Педагоги СПО Челябинской области имеют возможность публикации результатов своих исследований и инновационного опыта. С 2012 года ЧИРПО издает научно-практический журнал «Инновационное развитие профессионального образования» с самостоятельным приложением. Журнал имеет федеральную регистрацию, подписной индекс и индекс научного цитирования. Включая последний выпуск, в его номерах опубликовано около 500 статей работников ПОО области. Все ПОО области подписаны на журнал, он имеется

в их библиотеках, т.е. для педагогов созданы условия для получения специализированной профессиональной информации, то есть для неформального образования.

Таким образом, в Челябинской области выстроена гибкая система непрерывного повышения квалификации педагогов СПО, позволяющая оперативно реагировать как на внутренние потребности развития педагогов, так и откликаться на внешние вызовы системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аниськина, Н. Н. Непрерывное образование педагогических работников системы среднего профессионального образования [Текст] / Н. Н. Аниськина // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. — 2017. — № 3. — С. 29–35.
2. Казакова, Г. М. Непрерывное профессиональное образование: новые задачи [Текст] / Г. М. Казакова, З. А. Федосеева // Профессиональное образование и рынок труда. — 2014. — № 9. — С. 12–14.
3. Казарян, А. Ф. Образование взрослых в России: перспективы развития [Текст] / А. Ф. Казарян // Среднее профессиональное образование. — 2016. — № 2. — С. 30–33.
4. Лалаева, З. А. Стажировка — форма реализации дополнительных профессиональных программ [Текст] / З. А. Лалаева, Т. В. Малинина // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. — 2018. — № 1. — С. 1–5.
5. Прихода, Т. Е. Результаты мониторинга соответствия компетентности педагогических работников профессиональных образовательных организаций области требованиям профессионального стандарта [Текст] / Т. Е. Прихода // Инновационное развитие профессионального образования. — 2018. — № 2. — С. 75–82.
6. Пряжников, Н. С. Модели развития субъекта профессионального самоопределения в непрерывном образовании [Текст] / Н. С. Пряжников // Профессиональное образование. Столица. — 2017. — Прил. «Научные исследования в образовании» № 1. — С. 31–35.
7. Яковлева, М. Б. Разработка «Концепции формирования образовательной траектории — образование через всю жизнь» [Текст] / М. Б. Яковлева // Профессиональное образование и рынок труда. — 2015. — № 1/2. — С. 20–22.
8. <http://www.chirpo.ru/virt-center>
9. <http://base.garant.ru/71202838/#ixzz5HXYPVAU>
10. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70783150/#ixzz5HXZH9noV>
11. <http://worldskills35.ru>

© Сичинский Евгений Павлович (esichinski@rambler.ru),

Сташкевич Ирина Ризовна (stashkevichiren@mail.ru), Федосеева Зинаида Александровна (fedoseeva.zinaida@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕТВОРЕНИЕ СТИЛЕВЫХ ЧЕРТ ТРАДИЦИОННОГО ВОКАЛА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ОПЕРЕ КИТАЯ

THE IMPLEMENTATION OF THE STYLE FEATURES OF TRADITIONAL VOCALS IN THE CHINESE NATIONAL OPERA

Wu Jin

Summary. This article is devoted to the problem of developing a system of training Opera performers, combining the techniques of traditional Chinese and European vocals. The urgency of the problem lies in the significant difference between Chinese traditional and Western European vocals. The problem is revealed on the basis of the characteristics of the existing Opera works of traditional Chinese Opera.

Keywords: Opera, vocal, bel canto, China, traditional Chinese Opera.

УЦзинь

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, СПб
Wujin20160826@163.com

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме разработки системы подготовки оперных исполнителей, совмещающих техники традиционного китайского и европейского вокала. Актуальность проблемы заключается в существенном различии китайского традиционного и западноевропейского вокала. Проблема раскрывается на основе характеристик существующих оперных произведений традиционной китайской оперы.

Ключевые слова: Опера, вокал, bel canto, Китай, традиционная китайская опера.

Китайский музыкальный театр, пройдя длительный путь развития, накапливал, развивал и расширял собственные художественные элементы и приемы музыкальной выразительности.

Эта художественная система, как закрытая, функционировала более 700 лет. В XX веке в традиционное искусство являлись новые художественные формы, которые так же постепенно совершенствовались. Помимо использования национальных художественных форм все более широко распространялось заимствование средств выразительности, свойственных зарубежному искусству. Сначала оно было минимальным и сводилось к отдельным элементам. Например: композитор Чэн Яньцю добавил в мелодику пекинской оперы английский народный мотив «Последняя роза лета» (Томас Мур), певица Чан Сянюй в исполнении партии Хун-нян («Западный флигель») адаптировала западную «смеющуюся» вокальную манеру, Гай Цзяотянь в «Башне льва» в исполнении ролей У Сун и Си Мэньцин в сценах схватки добавил элементы техники борьбы из фильма «Робин Гуд» и т.д. Затем в китайскую оперу все более активно проникает и тип мелодического распева и, что особенно важно, европейская манера пения.

В настоящее время, как в традиционной музыкальной драме, так и в современной китайской опере национальная манера пения и западная, в основе которой лежит *bel canto*, сосуществуют и даже, так сказать, взаимопроникают. Этим обусловлена сложность и актуальность проблемы подготовки вокальных исполнителей. Ее решение требует четких представлений о вокальной технике как *bel canto*, так и традиционной китайской.

Задачей настоящей главы является характеристика последней. Вокал традиционной музыкальной драмы существенно отличается от того, что сложился в западноевропейском оперном театре. Это ставит проблему разработки системы подготовки оперных исполнителей, совмещающую техники традиционного и европейского вокала.

Традиционный вокал Китая в системе подготовки исполнителей музыкального театра в современной опере Китая.

Для дальнейшего развития китайской оперы в целом было необходимо повысить уровень вокала. В этом плане перспективным представлялось обращение к эстетике традиционной музыкальной драмы.

Китайская традиционная музыкальная драма, за 27 веков своего развития пережила несколько этапов: расцвет «юаньской цзацзюй», эволюцию драмы «наньси», расцвет «чуаньци» эпохи Мин и т.д. накопила материал, который является характерным признаком национальной оперы, родившейся в середине XX века. Уже первая из них, «Седая девушка», и вслед за ней — «Сяо Эрхэй женится», «Лю Хулан», «Красная армия Хунху», «Красный коралл», «Цзян Цзе», «Девушка-коммунистка», «Раздувающий костер весенний ветер сражается с древним городом» и другие свидетельствуют об этом. Эти произведения адаптировали важнейшие элементы музыкальной и вокальной выразительности традиционной китайской драмы, благодаря чему китайская национальная опера быстро нашла путь к широкой аудитории [7, с.20–23].

Заимствуются мелодика, ритм и метр, а также сценические элементы, например, чередование музыкальных и вербальных форм, монолога и диалога. На основе их сочетания создаются образы героев, развивается сюжет.

Уже в музыке ранних произведений претворяется разнообразие мелодики местных традиционных музыкальных драм. Их стилевое многообразие позволяет отражать и характерность образов, и богатство эмоций.

Так, шаосинская музыкальная драма мастерски выражает лирические чувства, главным образом через пение. Мотивы отличаются чистотой и изяществом, ясностью и взволнованностью.

Цзяннаньский местный колорит шаньсийской музыкальной драмы наполнен торжественностью, но одновременно в нем сохраняются свежие и изящные циньские напевы, которые отличаются богатством и разнообразием мелодий. Трогательным типовым мелодиям Сычуаньской драмы присущи красота и эмоциональная утонченность [3, с.6].

В высшей степени отмечена местным колоритом музыка хэнаньской драмы. Ее мелодии отличаются текучестью и четким ритмом, создавая с помощью инструментального сопровождения смелый и звучный ху-дожественный стиль.

Все это богатство китайской традиционной музыкальной драмы стало «строительным материалом» современного оперного искусства Китая. Благодаря своей выразительности он способен передать стиль определенного театрального жанра, характерность образов героев, особенности их внутреннего мира.

Сегодня традиционная музыкальная драма объединила в себе и элементы современного эстрадного искусства, песенно-танцевальную и народную инструментальную музыку. При этом основой всех этих форм выразительности стали народные мелодии, передаваемые из поколения в поколение методом традиционного вокала.

Долгая история развития традиционной музыкальной драмы сформировала целостную систему выразительных средств. При этом процесс ее развития продолжается. В результате работы многих поколений актеров характеристический музыкальный материал приобретал стилевое своеобразие и зрелую законченность форм. Постепенно сформировались такие его разновидности как: «Куньшаньские мотивы», «Иянские мотивы», «Хайяньские мотивы», «Юйяоские мотивы» и другие, которые и определили своеобразие региональных музыкальных драм [2, с.4].

На данный момент существует множество произведений в жанре музыкальной драмы, которые в основном можно дифференцировать по следующим стилевым признакам: система типовых мелодических формул-клише «цюйпай» и система метро-темповых изменений «баньши». В основе «цюйпай» лежат определенные по длине музыкальные типовые фразы, каждая из которых обладает своим выразительным смыслом. Их сочетание легло в основу формирования театральных форм и типизации образов.

«Баньши» также часто называется «баньянь» (дословно «конечная и начальная доли такта»). Данным понятием обозначается метр традиционной мелодии, воспроизводимой дощечкой губань (инструмент похожий на трещотку), сопровождающей рассказы уличного артиста. Ее ударами подчёркивается важное в смысловом отношении место. Его отмечает равномерный удар на каждую сильную долю такта, откуда и следует название ритма «бань» (доска). Сильная и слабая доли также отбивались пальцами с помощью похлопывания по барабану. При этом данные удары назывались: «бань» — на первую долю, «тоуянь» — на вторую, «чжунянь» на третью «мо-янь» — на последнюю. Все вместе называлось «баньянь».

Изменения «баньши» в китайской традиционной музыкальной драме происходят в связи с развитием сюжета, отражают театральность самой драмы, воплощение образов персонажей, а также развитие сюжета, что в большей степени наделяет китайскую оперу национальными чертами. Так, «баньши» в качестве основной структурной единицы использует пару симметричных восходящих и нисходящих фраз. При этом главным музыкальным материалом становятся один-два элемента, заключенных в музыкальные фразы. С помощью изменений метра и ритма, а также путем добавления других музыкальных элементов формируется определенная метро-темповая система, которая и характеризует тот или иной сценический образ [8, с.44].

Мелодии китайской традиционной музыкальной драмы по своей выразительной способности подразделяются на три вида. Первый — лирические. В них используется метро-темповые варианты «баньши» под названием юаньбань (замедленный речитатив под аккомпанемент губань) или маньбань (медленный речитатив под аккомпанемент губань). Данные мелодии используются для выражения воспоминаний и сложных внутренних состояний, и передачи того, как изменяется внутренний мир человека, проходя путь от конфликта до озарения. При этом, характерны темповые изменения — от медленного движения к быстрому.

Второй вид — мелодии повествовательного характера, в которых часто используется юаньбань — чуть замедленный вариант куайбань (речитатив под акком-

Пример 1.

谱例：《没有眼泪，没有悲伤》

娘 说 过 (那)

二 十 六 年 前,

数 九 寒 冬 北 风 狂,

панемент губань). Подобная мелодика применяется для передачи спокойного умиротворенного диалога.

Третий вид — драматические мелодии, используемые для передачи напряженных эмоций и конфликтных сценических ситуаций. Часто характерной чертой подобного тематического материала является ускорение темпа, могут использоваться куайбань (речитатив под аккомпанемент губань), яобань (пение с усиленной жестикюляцией) или саньбань (пение с жестикюляцией и речитативом). При этом, потенциал выразительности, заключенный в мелодии, часто облекается в форму вариаций. Это позволяет на основе весьма ограниченного тематического материала характеризовать множество различных состояний и ситуаций.

Музыкальные стили драм различных местностей имеют *свою специфику в области мелодики*. Например, в шаньсиньской музыкальной драме, чей стиль отличается воодушевленностью, она одновременно обладает свежестью и изяществом, включает в себя простонародные песенные мелодии. Мотивы шаньсиньской музыкальной драмы, наполненной колоритом местности Цзяннань, отличаются благозвучием и изяществом [6, с32–37].

Метрические особенности китайской музыки берут свое начало в глубокой древности. Так, в доциньскую эпоху периода «Ши цзин», в «Книге песен»¹ впервые про-

¹ «Книга песен» — один из древнейших памятников китайской литературы; содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI — VI вв. до н.э.; отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию; входит в конфуцианское «Пятикнижие», «Чу цы», «Чуские строфы» (сборник поэтических произведений 3 в. до н.э.) [У-цзин // Большая советская энциклопедия : в 66 т. (65 т. и 1 доп.) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. — М. : Советская энциклопедия, 1926–1947.]

являются признаки системы перемены метра, которая в дальнейшем стала развиваться и совершенствоваться, сформировав в национальной музыкальной драме прием «баньши».

Основным же метром в китайской театральной драме является ритм «юаньбань» (замедленный речитатив под аккомпанемент губань), который также может называться «чжунбань» (средний ритм). Ему соответствует структура «один бань-один янь», которая подразумевает двудольный размер с одной сильной и одной слабой долями. Его простая, легко запоминающаяся форма становится основой других метров. Например, он может изменяться до формы «быстрый три янь», «медленный три янь», а также «уяньбань» (круглый ритм) — одна сильная доля за другой.

Китайская национальная опера вобрала в себя данную систему. Она нашла претворение в опере Янь Цзиньсюаня «Седая девушка», затем встречается в операх Чжан Жуя «Раздувающий костер весенний ветер сражается с древним городом», «Заря», Ван Сижэня и Ху Шипина «Красный коралл», Ян Мина, Цзян Чуньяна «Цзянцзе», Чжан Цзиньана «Красная армия Хунху», Ши Лэмэн «Дочери партии», Чжан Чжой и многие других.

В опере Чжан Цзиньана «Красная армия Хунху», героиня Ханьин, вспоминая свою горестную жизнь, поет: «Нет слез, нет страданий». В ее арии используется ритм «юаньбань» (замедленный речитатив под аккомпанемент губань). Вкрадчивая и скорбная мелодия жалобно передает тяжелую жизнь Ханьин (см. пример 1).

Следующий отрывок из арии «Нет слез, нет страданий» содержит мелодию, звучащую в оркестре во вре-

Пример 2.

谱例：《没有眼泪，没有悲伤》

自由地

生 我 是 娘， 教 我 是 党！

为 革 命， 砍 头 只 当 风 吹 帽！

为 了 党， 洒 尽 鲜 血 心 欢

畅！

Пример 3.

谱例：《五洲人民齐欢笑》1

慢速 自由地

不 要 用 哭 声 告 别，

不 要 把 眼 泪 轻 抛！

мя декламации, при этом используется «саньбань» (ария с жестикуляцией и речитативом). Непреклонность интонации, которая играет большую роль в передаче смены эмоций Ханьин, выражает твердую веру Ханьин в революцию и безграничную верность партии. «Куайбань» (ускоренный речитатив под аккомпанемент губань) вырастает из «юаньбань» (замедленный речитатив под аккомпанемент губань). При этом можно выделить метр «один бань — один янь» (сильный и слабый удар). Данный прием часто используется в куль-

минациях, что усиливает драматизм момента действия (см. пример 2).

В опере Ян Мина и Цзян Чуньяна «Цзянцзе» ритм «саньбань» (ария с жестикуляцией и речитативом) использует прием «распадающейся» мелодии, преобразуя ее в свободное по темпу и ритму движение.

Использование ритмически свободного мотива в сопровождении чередующихся пения и инструменталь-

Пример 4.

谱例：《五洲人民齐欢笑》2

慢速 自由地

云 水 激 ， 卷 怒 潮，

风 雷 震，

报 春 到！

Пример 5.

慢、苍老无力
(杨白劳唱)

1. 十 里 风 雪 一 片 白， 旗 帜 七 天
2. 指 雪 盖 过 了 这 一 关， 旗 帜 受 破 损

回 家 来， 也 能 忍 耐。

(根据山西秧歌《抢麦穗》改编)

ных фрагментов, создает своеобразный сбой сильной и слабой доли, который может ускоряться и замедляться согласно переменам настроения, в национальной драме обычно выражая горестные чувства. В противовес четкому ритму, «саньбань» развивается, следуя за словом, чутко передает эмоциональные изменения.

В двух нижеприводимых фрагментах из оперы «Веселый смех народов всего мира» также используется ритм «саньбань». В первом отрывке с его помощью выражается чувство привязанности Цзян Цзе к това-

рищу. Второй, включающий в себя всего лишь двенадцать слов, положенных на широкий, ровный мотив, передает непоколебимое чувство долга Цзян Цзе, характеризуя ее бесстрашный революционный облик (см. примеры 3, 4).

В арии «Снежная буря», героя Ян Байлао из оперы «Седая девушка», используется ритм «маньбань» (медленный речитатив под аккомпанемент губань). Глубокий сдержанный мотив характеризует искренний и безыскусный характер Ян Байлао, образно отражает ритм, тя-

Пример 6.

谱例：《我为共产主义把青春贡献》

摇板 紧拉慢唱

粉 碎 你 旧 世 界

奴 役 的 锁 链, 为 后 代

换 来 那

幸 福 的 明 天.

желую поступь, крайнюю усталость страдающего от голода героя (см. пример 5).

В опере «Цзян Цзе» в арии «Мой вклад в коммунизм» для передачи образа ненавистного старого общества применяется ритм «яобань» (ария с усиленной жестикуляцией): Вокальная партия в достаточно стремительном темпе передает гневный укор в адрес старого общества — перед публикой предстает бесстрашный, открытый и отважный характер Цзян Цзе (см. пример 6).

В опере Чжан Жуя «Раздувающий костер весенний ветер сражается с древним городом» в ключевой арии «Победный аромат цветов» так же используется жизнеутверждающий ритм «юаньбань» (замедленный речитатив под аккомпанемент губань). Ария звучит спокойно, плавно, повествовательно, мелодия разворачивается непринужденно [1, с.156–163]. В арии героини Цзин Хуан на один удар приходится одно, а то и два слова, что передает мужественный, энергичный и сильный характер героини (см. пример 7).

Быстрый темп арии с ударением на каждую долю такта выражает преданность Цзян Цзе партии, твердую уверенность в победе революции. В арии отражены крайне сильные чувства, текст отличается звонкостью и ритмичностью, как будто заставляющий аудиторию увидеть раскрывающийся перед их глазами величественный образ того, как «пылающий огонь степного пожара освещает жаром небо».

Яркой и красочной музыкальной спецификой обладают и «Циньские арии» (мелодии местности Шэньси и Ганьсу), над которыми могут стоять указания: «радостный звук» или «печальный звук». Баньши, используемый в них, подразделяется на «маньбань» (медленный речитатив под аккомпанемент губань), «цзяньбань», (резкий, «хлесткий» речитатив), «гуньбань» (речитатив накатывающий как волны) и другие. Они обладают огромным разнообразием выразительных средств, важнейшим из которых являются ритмы луаньтань (также носит названия циньцян или баньцы). В зависимости от ритма могут относиться к «пинбань» («ровный ритм»), «цзябань» («ритм

Пример 7.

谱例：《胜利时再闻花香》

怒斥地

你们说的王道乐土，你们说的大共荣圈

你们却在侵略霸占、野蛮凶残、灭绝人寰，你们犯下的

罪行罄竹也难书，你们欠下的血债要用血来还，

The image shows a musical score in staff notation with three lines of music. The first line starts with a treble clef and a key signature of one flat. The tempo/mood is marked '怒斥地' (With indignation). The lyrics are in Chinese characters. The second and third lines continue the melody and lyrics.

с наложением»), «эрсин» («двойной ритм»), «люшуй» («ритм текущей воды») и другие.

Также стоит упомянуть музыку Хэнаньской дармы, ритмическая структура которой включает в себя высокие напевы сычуаньской драмы.

Несколько столетий развитие китайского национального театра дало богатый характеристический материал. Образцы мелодий музыкальной драмы проникли в китайскую национальную оперу, дали богатый материал для оперного искусства XX века, стали неотъемлемым музыкальным элементом китайской национальной оперы. С помощью ритмоинтонационных средств, сложившихся в традиционной музыкальной драме, была решена проблема гармоничного сочетания слова и музыки, отражены драматические черты образов, созданы яркие и живые характеристики персонажей.

Согласно единому мнению исследователей, национальная опера должна заключать в себе накопленный материал национальной культуры, сочетая его со сложившимися требованиями к самому жанру. Музыковед Цзюй Цихун в своей работе «Верди и китайская опера» выразил свое мнение относительно основных эстетических и структурных принципов современной китайской оперы. Он полагает, что оперы Верди являются произведениями современного типа, в связи с чем, они не должны становиться единственной творческой основой для развития китайской оперы. Они должны выступать в качестве дополнительных элементов к традиционной музыкальной драме, пронизанной национальным ко-

лоритом. Только в этом случае заключенное в ней очарование способно гарантировать дальнейшее развитие жанра как национального. Китайская опера, ориентируясь на мировые образцы, должна обладать и ярко выраженным национальным своеобразием, должна сочетать традиционные общемировые основы с национальным стилем[5, с.20–23].

Это тем более очевидно, что в отношении форм выразительности китайское оперное и традиционное искусство музыкальной драмы имеют много общего: создаются на основе либретто, во многом схожих сценических приемов, имеют ярко выраженный национальный характер, а также соответствуют эстетическим запросам публики. Хотя национальная опера является новым явлением в китайском театральном искусстве, созданном на основе норм западной культуры, но в своем развитии она вобрала в себя лучшее из китайской традиционной музыкальной драмы и народной вокальной музыки. Именно благодаря этому она и приобрела ярко выраженный национальный стиль. Перечисленные выше приемы «баньши», «цзюйпай», а также различные формы вокала — протяжное пение, отрывистое пение, подголосочное пение и другие стали своеобразным наследством традиционной музыкальной драмы. Все они прекрасно адаптированы к китайской национальной опере.

Сочетанием в современной национальной опере Китая стиливых черт европейской и традиционной национальной вокальной культуры и обусловлена проблема вокальной подготовки оперных артистов в современном Китае.[11, с.26]

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Юйхэ. Новейшая музыкальная история Китая/Юйхэ ван Пекин: Народное музыкальное издательство. — Пекин, 2002. — 358 с.
2. Го Ланьин. Взгляд на традиционные китайские вокальные приемы со стороны банзцы местности Шаньси/Ланьин Го//Литературная газета. — Шаньси 1950. — 161 с.
3. Го Цзяньмин. Китайское оперное искусство 20–60 века. Музыкальное исследование. — Пекин 2002. № 3. — 79 с.
4. У Пэйвэнь. Национальная опера и манера пения Оперное искусство. — Ланьин, 1989. — № 3. 4 с.
5. Хэ Миньцзюань. Обсуждая вокальную музыку национальной Хэ Цзинчжи. Путь китайской социалистической национальной оперы Литературная теория и критика. — Пекин, 1995. № 5. С. 20–23.
6. Цзин Ша. Обсуждение создания музыки к опере «Хун Цзе» Оперное искусство. — Шанхай, 1993. № 9 С. 32–37
7. Цзю Цилун. Китайская опера и мелодрама в новом веке Народная музыка. — Хунань. 2001. № 9 С. 20–23.
8. Чжао Сяоянь. Пути развития китайского вокального искусства Музыкальное искусство. — Пекин, 1992. № 2. с. 44.
9. Чэнь Син. Музыкальный анализ оперы «Равнина», Музыкальный анализ. — Ухань, 1988. № 1. 21 с.
10. Чэнь Цзы. Беседы об опере Оперное искусство. — Пекин, 1999. № 1. с. 13
11. Чэнь Цзы. Коротко о театральности оперной музыки Народная музыка. — Шанхай, 1981. — 40 с.
12. Янь Кэ. Социалистическое оперное искусство, обладающее китайским колоритом Оперное искусство. — Пекин 1992. № 4. с. 3–5.

© У Цзинь (Wujin20160826@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕ ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В НЕ ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ)

FEATURES OF TRANSLATION TEACHING IN THE CLASSROOM FOR FOREIGN LANGUAGE IN NOT LANGUAGE HIGH SCHOOL (FROM EXPERIENCE IN NOT LANGUAGE HIGH SCHOOL)

**N. Chernova
V. Polyakov
T. Labaeva**

Summary. The purpose of this article: — to share their own experience in the field of pedagogical activity, spend a little comparative analysis of many years of research and practical work. Currently, an increasing number of university graduates in the course of their professional activities cooperating with foreign companies and enterprises, and communicate in a foreign language, both orally and in writing. Free communication in a foreign language requires an understanding of the topic of conversation, statements of fact; and, as a matter of course, the knowledge of vocabulary and grammatical rules of the language. None of the translation is impossible without the possession of vocabulary and grammar as a whole. Methods: Diagnosis and monitoring of skills transfer to the classroom for foreign language in not language high school. Results: The authors determined the insufficient level of skills in the translation of foreign language texts by first-year students, associated with the lack of formed grammatical competence. Conclusion: Formation of the grammatical competence of students is fundamental to learning translation of texts in the specialty. The expediency of systematizing grammatical knowledge is due to the specificity of training in not language high school, where it is necessary in a short period to form students with different levels of language training ability to translate texts of a professional orientation with very complex grammatical structure.

Keywords: foreign language, non-language University, translation, speech activity, communication, polysemous words, phraseologisms.

Чернова Нина Михайловна

Преподаватель, Нижегородский инженерно-экономический университет, Воротынец, Россия

NinaChernova090359@yandex.ru

Поляков Валерий Михайлович

К.п.н., доцент, Нижегородский инженерно-экономический университет, Н. Новгород, Россия

walpol@yandex.ru

Лабеева Татьяна Александровна

Преподаватель, Нижегородский инженерно-экономический университет, Воротынец, Россия

tatalabaeva@yandex.ru

Аннотация. Цель нашей статьи — поделиться собственным опытом в данной области педагогической деятельности, провести небольшой сравнительный анализ многолетней научно- практической работы. Ни один из видов перевода невозможен без владения лексикой и грамматикой как единого целого. Методы: Диагностика и мониторинг, формирования навыков перевода на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Результаты: Авторы определили недостаточно высокий уровень навыков в переводе иноязычных текстов студентами-первокурсниками, связанный с отсутствием сформированной грамматической компетенции. Выводы. Формирование грамматической компетенции студентов является основополагающим условием обучения переводу текстов по специальности. Целесообразность систематизации грамматических знаний обусловлена спецификой обучения в неязыковом вузе, где необходимо в достаточно короткий срок сформировать у студентов с различным уровнем языковой подготовки умение переводить тексты профессиональной направленности с весьма сложной грамматической структурой.

Ключевые слова: иностранный язык, неязыковой вуз, перевод, речевая деятельность, коммуникация, многозначные слова, фразеологизмы.

Изучение опыта работы известных педагогов И. В. Матицына, З. Г. Прошина и другие, а также многолетний опыт преподавания иностранных языков в неязыковом вузе, позволил нам обратиться к такому разделу в методике преподавания иностранного языка, как обучение переводу — с иностранного языка на русский и с русского — на иностранный [1], [2].

Цель и методы исследования

Цель нашей статьи — поделиться собственным опытом в данной области педагогической деятельности, провести небольшой сравнительный анализ многолетней научно- практической работы. Многие из наших выпускников в процессе своей профессиональной деятельности сотрудничают с зарубежными компаниями

и предприятиями и им приходится общаться на иностранном языке, как в устной, так и в письменной форме. Таким образом, одним из важных элементов обучения иностранному языку в неязыковом вузе становится обучение переводу с одного языка на другой, как устно, так и письменно.

Письменный перевод — это один из видов самостоятельной работы студентов, которая занимает важное место в Программах по обучению иностранному языку в нашем вузе. [5]

Результаты и их обсуждение

Свободное общение на иностранном языке предполагает понимание темы разговора, сути высказывания; и, как, само собой разумеется, знаний лексики и грамматических норм языка. Ни один из видов перевода невозможен без владения лексикой и грамматикой как единого целого. Имеющийся достаточно продолжительный опыт преподавания иностранного языка в неязыковом вузе позволил нам сделать весьма своеобразный вывод, а именно: почти 90% поступающих в наш институт выпускников школ считают, что при переводе важны знания только «слов», а грамматика не нужна!

Подобное, весьма поверхностное, отношение к иностранному языку как способу овладения им, приводит увы — к отрицательному результату — многие из студентов-первокурсников не могут составить правильного краткого монологического высказывания. И, на наш взгляд, самое худшее, что является крайне отрицательным в обучении иностранному языку — все они «привязаны» к поиску слов, и целых готовых фраз, и предложений в Интернет-приложениях. Естественно, этот, часто, бездумный путь овладения иностранным языком, не даёт должных умений, навыков, знаний лексики, фразеологизмов и грамматических норм языка для умения свободно общаться на иностранном языке. [4]

70% студентов-первокурсников отделения среднего специального образования и более 50% направления подготовки «бакалавриат» не умеют пользоваться словарями как основным средством поиска информации! В связи с этим, уместным будет небольшой экскурс в «историческое прошлое», а именно: в не такие уж далёкие 70-е и 80-е годы прошлого столетия, когда в стране действовали единые учебные Программы по всем изучаемым в школах страны предметам, поиск необходимой информации осуществлялся в печатных изданиях: книгах, справочниках, словарях, научно-популярных журналах и т.д. в том числе — и в единых учебных изданиях или, проще — учебниках. Применительно к изучению иностранного языка — обязательными были учебники, словари, книги для чтения и обыкновенные ученические

тетради. К концу уже первого года обучения иностранному языку дети свободно составляли монологические и диалогические высказывания на бытовые темы и умели правильно пользоваться справочной литературой, т.е. словарями. Неоспоримым является факт: при поиске соответствующего слова в словаре задействованы три вида памяти: зрительная (как слово написано); «механическая» — какое место в алфавитном порядке оно занимает; «письменная» — как **сам** это слово напишешь. Кроме этого — практически в каждом словаре (речь о **печатном** издании) существует разъяснение употребления слов в соответствующем контексте или фразе. Можно, применительно к работе со словарём, известное историческое высказывание сформулировать так: «Пришёл — **взял в руки словарь**, увидел — **нашёл в нём необходимое слово**, победил — **запомнил его!**»

В нашем ВУЗе, приступая к обучению переводу текста на иностранном языке, учим студентов исходить из установленного методического правила — отношения между словами, в частности — в английском предложении определяются не изменениями окончаний слов, а местом слов в предложении и служебными словами — предлогами и союзами; что в английском предложении обычно соблюдается твёрдый порядок слов: первое место занимает *подлежащее*; второе — *сказуемое*; третье — *дополнение*; четвёртое — *обстоятельство*. *Определение* обычно занимает место перед определяемым им существительным. Поэтому учим, что при переводе английского текста необходимо исходить из этого твёрдого порядка слов и соответственно находить нужное значение и функцию слова в предложении. Это тем более важно, что в английском языке слово без изменения своей формы может иметь разные значения и относиться к разным частям речи:

- ◆ like — подобный, похожий (*прилагательное*)
- ◆ like — подобно, похоже (*наречие*)
- ◆ like — нечто подобное (*существительное*)
- ◆ like — нравиться (*глагол*)

Более того, большинство слов в составе одной и той же части речи, к которой оно относится, может иметь несколько значений. Так, например, слово *toe* как имя существительное, может иметь значение: *палец(-ноги), нижний конец, пятка, носок (сапога, чулка) и т. д.*

Или глагол *to look* — *смотреть, глядеть, выглядеть*; данное значение слова студентам известно, они его (не без помощи Интернет-переводчика) и используют; но лишь единицы обучаемых обращают внимание на глагольные послелоги; и тогда получается, что *to look for* — *искать*, *to look after* — *заботиться, следить*, *to look at* — *смотреть на*; *to look up* — *навести что-либо и т. д.*

Для большинства студентов-первокурсников это является открытием! Так же, к сожалению, очень часто, являются для них открытием и сами книги — словари! Приходится начинать с правил пользования словарями, главное из которых — алфавитный порядок слов и алфавитный порядок внутри слова!

Поступающие к нам первокурсники **не знают**, что, прежде чем приступить непосредственно к переводу, надо прочитать весь текст, или, в крайнем случае, один-два абзаца для того, чтобы иметь представление, о чём идёт речь. Это общее представление о содержании данного текста помогает выбрать в словаре правильное значение слова после того, как определили — к какой части речи оно относится.

К сожалению, основная часть студентов-первокурсников нашего вуза, при переводе иностранного текста (английского в том числе), сначала выписывают из текста все незнакомые слова и отыскивают их значение в словаре, а затем приступают к переводу. Естественно, такой метод работы приводит к выбору случайных значений слов вне зависимости от контекста и имеет результатом искажение смысла переводимого текста. Кроме того, студентами не делается грамматический анализ предложений; они руководствуются только значением слов и общим знакомством с предметом, по которому написана статья. Такой способ работы приводит к тому, что студент придаёт предложению тот смысл, который ему подсказывают имеющиеся у него знания по данному предмету и подобранные соответственно этим знаниям значения слов, а не то содержание, которое передаётся автором.

Формирование грамматической компетенции является основополагающим условием обучения переводу текстов по специальности. Целесообразность систематизации грамматических знаний обусловлена особенностью обучения в неязыковом вузе, где необходимо в достаточно короткий срок сформировать у студентов с различным уровнем языковой подготовки умение переводить тексты профессиональной направленности с весьма сложной грамматической структурой.

Наиболее приемлемой задачей, относительно обучения переводу, является его использование, как уже упоминалось нами выше, как одного из видов самостоятельной работы и в качестве способа контроля точности понимания письменного текста. В отличие от принятой в большинстве вузов практики обучения переводу со старшего этапа, когда студенты овладевают значительным объемом знаний лексики, фразеологии, грамматики и стилистики, достаточными для беглого чтения на иностранном языке, мы это делаем параллельно, начиная с первого курса.

Одна из особенностей обучения переводу текстов, относящихся к сфере профессиональной коммуникации, состоит в том, что студентам необходимо усвоить, кроме специфических грамматических конструкций, большое количество лексических единиц и терминов, *характерных для той или иной профессиональной сферы*. В частности — в нашем ВУЗе, ведётся подготовка специалистов по следующим направлениям:

- ◆ отделение среднего профессионального образования;
- ◆ туризм;
- ◆ ремонт и техническое обслуживание автомобильного транспорта;
- ◆ отделение бакалавриата;
- ◆ социально-культурный сервис;
- ◆ эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов.

Методика изучения лексического запаса на занятиях по иностранному языку нами «порционно» вводится лексика по той или иной специальности; при этом соблюдается принцип повторяемости лексики от задания к заданию, что, с одной стороны, является одним из основных условий запоминания слов, словосочетаний и специальных терминов, а с другой — выступает в роли главной предпосылки их использования в устной и письменной речи, а также их аудиального (звукового) и образного (визуального) распознавания.

Овладение техникой *устного* перевода наиболее эффективно вырабатывается во время *ролевых игр*. [3]. Более быстрое пополнение словарного запаса происходит одновременно с расширением личного опыта общения на иностранном языке у студентов, поскольку при подготовке к ролевым играм им приходится осваивать и использовать дополнительные материалы из разных источников по изучаемой тематике.

Вот некоторые примеры названий тем ролевых игр, проводимых на занятиях по английскому языку в нашем институте:

- ◆ в автомастерской; переговоры с деловыми партнёрами (тематика «переговоров», как правило, может меняться и составлять разные ролевые игры); журналистская конференция; прокат автомобиля и т.д.
- ◆ заселение в гостиницу или выписка из гостиницы; в туристическом агентстве; посещение или осмотр достопримечательностей; посещение торгового дома; сопровождение туристической группы; решение проблем (скорая помощь, полиция, пожарные и т.д.).

Вывод. Формирование грамматической компетенции студентов является основополагающим условием

обучения переводу текстов по специальности. Целесообразность систематизации грамматических знаний обусловлена спецификой обучения в неязыковом вузе, где необходимо в достаточно короткий срок сформировать

у студентов с различным уровнем языковой подготовки умение переводить тексты профессиональной направленности с весьма сложной грамматической структурой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Матицына И. В. Перевод и ролевые игры как эффективное средство обучения иностранному языку // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2009. — № 3.
2. Прошина З. Г. Теория перевода с английского языка на русский и с русского на английский язык. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — 240 с.
3. Чернова Н. М., Кострова В. В., Лабаева Т. А. «Психолого-педагогические аспекты деловой игры в преподавании иностранного языка» (г. Казань, Общество Науки и Творчества «SCIENCE TIME», напечатано в Международном журнале, выпуск № 12, с. 249–254; 2014).
4. Чернова Н. М., Кострова В. В., Лабаева Т. А. «Психологические аспекты общения на иностранном языке»; (г. Казань, Общество Науки и Творчества «SCIENCE TIME», напечатано в Международном журнале, выпуск № 12, с. 641–648; 2014).
5. Чернова Н. М., Лабаева Т. А., «Самостоятельная познавательная деятельность студентов в изучении иностранного языка»; (г. Казань, Общество Науки и Творчества «SCIENCE TIME», напечатано в Международном журнале, выпуск № 6, 2017;).

© Чернова Нина Михайловна (NinaChernova090359@yandex.ru),

Поляков Валерий Михайлович (walpol@yandex.ru), Лабаева Татьяна Александровна (tatalabaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский инженерно-экономический университет

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ КИТАЯ

THE PURPOSE AND TASKS OF MUSICAL EDUCATION IN COMPREHENSIVE SCHOOL OF CHINA

Yan Jie

Summary. The goal and objectives of general educational school music education in China and 9 versions of music education programs in primary schools are considered in the article. The reasons for changing the goal and the task of general school musical education are analyzed. And the requirements for the music teacher of the general education school are characterized. According to changes in the purpose and tasks of the musical education of the general education school, the process of development of Chinese musical education is characterized.

Keywords: China, development process, goal and objectives, musical education, comprehensive school.

Янь Цзе

*Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
185743175@qq.com*

Аннотация. В статье рассмотрены цель и задачи общеобразовательного школьного музыкального воспитания в Китае и 9 версий программ музыкального воспитания в начальных школах. Анализируются причины изменения цели и задач общеобразовательного школьного музыкального воспитания. И характеризуются требования к учителю музыки общеобразовательной школы. Согласно изменениям в цели и задачах музыкального воспитания общеобразовательной школы, охарактеризован процесс развития китайского музыкального образования.

Ключевые слова: КНР, процесс развития, цель и задачи, музыкальное воспитание, общеобразовательная школа.

С о времени образования Китая в 1949 году до настоящего времени, Министерство просвещения обнародовало в общей сложности 9 версий программ музыкального воспитания в начальных школах, соответственно в 1950, 1956, 1979, 1982, 1988, 1992, 2000, 2001 и 2011 годах. Эти учебные программы служили руководящими документами для преподавания общегосударственной музыкальной дисциплины в различные периоды, направляли преподавательскую деятельность учителей [2, с.5]. Формой музыкального воспитания был определен урок музыки, она сохраняется и поныне. Задачи лишь постепенно уточнялись, конкретизировались, от обобщенных, идеологизированных всё более связывались со спецификой предмета. См. таблицу на следующей стр.

Как видно с 1949 года основания КНР до периода реформ и открытости цель и задачи школьного музыкального воспитания в Китае меняются, сближаются с теми, что утверждаются в передовой общемировой практике.

Современная эстетическая мысль Китая формируется с начала XX века. Знания об эстетическом воспитании в Европе на государственном уровне проникают в страну в первые годы после основания КНР. С этого времени эстетическое воспитание рассматривается как важный элемент общего воспитания.

В этот период образовательная модель обычных начальных школ Китая находилась в значительной степени

под влиянием модели школьного музыкального воспитания и образования Советского Союза. Руководящий документ назывался учебной программой. В программе от 1950 года указывалось, что содержание музыкальных произведений должно восхвалять природу, раскрывать её сезонные признаки, так как образность этой сферы наиболее доступна детям и значит может служить основой эстетического воспитания. В программе от 1956 года указывалось, что во всестороннем развитии личности «урок пения в начальной школе является основной эстетического воспитания», а в «музыкальном учебном пособии должны сочетаться идейность и художественность» [4, с.260].

Долгое время пение оставалось самым важным элементом общего начального музыкального образования, даже урок музыки в 1956 году в начальной школе изменил свое название на урок пения [4, с.264].

Как видно из приведенного обзора целей и задач программ, в первые десятилетия после основания КНР цель обучения была идеологизирована, заключалась в воспитании строителей социализма формировании чувства патриотизма. В связи с этим и содержание музыкальных произведений должно было заключаться в прославлении лидеров национально-освободительного движения, руководителей партии и правительства. В значительной степени общее музыкальное образование по существу было поставлено на службу идеологии. Функция музыкально-эстетического развития при этом просматривалась слабо.

Время обнародования программ	Задачи
1950 г.	Программа 1950 года предписывала: Во-первых, развивать музыкальный слух, музыкальное интонирование и другие музыкальные способности детей. Во-вторых, воспитывать любовь детей к музыке, обогащать их музыкальную жизнь, развивать интерес к музыке и желание заниматься ею. В-третьих, культивировать в детях активность, энтузиазм, смелость, в стремлении защищать родину, мир, воспитывать чувство патриотизма.
1956 г.	Программа 1956 года декларировала только цель: Урок пения в начальной школе является одной из форм эстетического воспитания. Поэтому преподавание пения должно подчиняться общему принципу просвещения, всестороннего развития человека, служить средством воспитания нового человека социалистического общества.
1979 г.	Почти то же — в следующие 23 года: Музыкальное воспитание является одним из средств эстетического воспитания, неотъемлемой частью всестороннего морального, интеллектуального и физического развития учащихся.
1982 г.	Осознание специфики предмета, особенностей его освоения начинает просматриваться в программе 1982 года и особенно — следующих. Музыкальное воспитание определяется одним из средств завершения эстетического и политического воспитания, неотъемлемой частью партийного воспитания. Должно играть важную роль в построении социальной духовной цивилизации, в воспитании нового человека с всесторонним моральным, интеллектуальным и физическим развитием.
1988 г.	Цели программы этого года: 1. Посредством обучения, развивать интерес школьников к музыке. Осваивая элементы музыкального выразительности и простые навыки музицирования, развивать способность оценки музыки. 2. Ученики прежде всего должны научиться понимать и любить китайскую народную музыку. Она должна рождать патриотический энтузиазм школьников. Наряду с этим необходимо знакомить учащихся с выдающимися произведениями зарубежной музыкальной литературы и тем расширять их музыкальный кругозор. 3. Развивать воображение, эмоциональные и мыслительные способности, оптимизм. 4. Посредством обучения музыке, формировать социалистическую идеологию, моральные качества.
1992 г.	1. Воспитывать любовь к Родине, народу, труду, науке, социализму. Формировать чувства оптимизма и коллективизма, воспитывать строителя социалистического общества, обладающего нравственности, культурой и внутренней дисциплиной. 2. Развивать высокие моральные качества, культивировать эстетический вкус, формировать человека, здорового телом и духом. 3. Развивать интерес учеников к музыке, осваивать основные музыкальные знания и простые навыки музицирования. Развивать способность понимания музыки народов всех национальностей Китая, культивировать чувства гордость и доверие к китайскому музыкальному искусству. Расширить музыкальный кругозор посредством ознакомления с выдающимися произведениями зарубежной музыки.
2000 г.	1. Развивать увлечение и интерес учеников к музыке, развивать эмоции к китайской музыкальной культуре, вести учеников к активному участию в музыкальной практике. 2. Посредством музыкальной практической деятельности обогащать эмоциональный опыт, культивировать эстетический вкус и способствовать личного гармоничного развития. 3. Расширять музыкальный кругозор, изучая лучшие произведения китайской народной музыки выдающиеся произведения зарубежной. Освоить основные музыкальные знания и простые навыки музицирования. Посредством музыкального образования формировать чувства патриотизма, коллективизма, оптимистическое отношение к жизни.
2001 г.	1. Обогащать эмоциональный опыт, формировать оптимистичное отношение к жизни. 2. Развивать интерес к музыке, стремление к непрерывному музыкальному образованию. 3. Формировать музыкально-эстетические способности, на их основе культивировать высокие моральные качества. 4. Воспитывать патриотизм и коллективизм, уважение к художественной культуре в её национальных и инациональных проявлениях. Процесс и метод постижения художественной культуры: испытание, подражание, исследование, сотрудничество, синтез. Знания и навыки: основные музыкальные знания, основные музыкальные навыки, музыкальное творчество; исторический фон, музыка и в системе художественной культуры.
2011 г.	Расширять кругозора учащихся, развитие их художественный вкус; развивать творческого потенциала учащихся, их креативность; обеспечивать преемственность в освоении лучших образцов национальной культуры и богатства, и многообразия мировой музыкальной культуры; способствовать созданию гармоничного общества путём продвижения межличностного общения. Согласно государственным установкам курс музыки должен базироваться на трёх основных принципах: гуманизма, эстетичности, практичности.

К 1957 году излишняя политизация эстетического воспитания школьного музыкального образования приводит к очевидному застою методической мысли. Из музыкального урока ушли выдающиеся музыкальные произведения прошлого и настоящего, музыка разных стран. Звучали только революционные песни. Урок стал инструментом политического просвещения и рупором классовой борьбы. Только спустя 20 лет, после окончания Культурной революции (1976) музыкальная программа от 1979 года стала первой, восстановившей эстетический подход к музыкальному образованию в начальных и средних школах [2, с.15].

Его утверждение и расширение совпадает с началом политики «реформ и открытости» (1980 г.) На эстетическую сторону школьного музыкального образования постепенно начали обращать внимание компетентные органы Китая, что способствовало началу перемен. С другой стороны, содержание музыкального образования больше не заключалось только в обучении пению, оно ставило более широкие задачи. В условиях быстрого развития экономики образовательные системы выдающихся зарубежных музыкальных педагогов начали постепенно проникать в страну [1, с.15].

Начиная с учебной программы 1982 года, содержание начального и среднего школьного музыкального образования было разделено на три части: пение, музыкальные знания и навыки, прослушивание музыки. Они должны были преобразовать «урок пения» в «уроки музыки» и расширить область обучения. В этом новшестве сказалось влияние системы новаторской системы школьного музыкального воспитания выдающегося российского музыканта и педагога Д.Б. Кабалевского. В связи с этим стали совершенствоваться методы обучения. В младших классах начальной школы разрешалось вводить двигательные приемы ритмического воспитания (система швейцарского педагога Э.Жак-Далькроза), элементы боевых искусств (традиции национальной культуры). В программе от 1988 года были включены музыкальные «певческие игры», расширено их содержание, групповой танец и т.д. Также было добавлено обучение игре на простых музыкальных инструментах, введены оценки детьми звучащего музыкального материала и другое (элемент системы выдающегося немецкого композитора и педагога К. Орфа). Это расширение содержания музыкального воспитания сделало возможным адаптацию в педагогическую практику школьного музыкального воспитания элементы системы Карла Орфа [2, с.22].

Освоению зарубежного опыта в области школьного музыкального воспитания способствовали и инициативы Министерства просвещения Китая. В ноябре 1991 года оно обнародовало тему «Исследование те-

рии и практики школьного эстетического воспитания», сосредоточиваясь на художественном образовании в обычных школах. «Исследование музыкального образования в иностранных школах» стало одной из подтем. В основном изучать и обобщать зарубежные достижения предполагалось с целью создания справочника по развитию китайского школьного музыкального воспитания. В 1997 году исследовательская группа завершила восемь специальных исследований, которые были опубликованы «Издательством образования Шанхая», в том числе «Теория и практика музыкального образования Орфа» Ли Дана, Сю Хайлинь, И Айцин [5], «Образовательные идеи Кодая и Венгерское музыкальное образование» Ян Лимей [6], «Советская школьное музыкальное образование — система музыкального образования Кабалевского» Вэй Хуан, Хоу Цзиньхун [7], «Теория и практика музыкального образования Далькроза» Ян Лимей, Цай Цзюэминь [8], «Общие положения Японского музыкального образования» Мяо Пэйянь, Мяо Ли, Лин Нэнцзе [9] и другие. Эти работы сыграли позитивную роль в изучении и распространении зарубежной теории и практики общего музыкального образования в Китае [4, с.6].

Начиная с 1990-х годов, чтобы адаптироваться к международным соревнованиям в XXI веке, Китай начал проводить самую масштабную реформу после основания новой КНР учебных программ в базовом образовании. Государственное Министерство Просвещения ясно указало, что образовательный центр начальных и средних школ должен обратить внимание на развитие человеческого потенциала граждан Китая и эстетическое воспитание является очень важным элементом этой работы. С осознанием культурной ценности музыкальной дисциплины в её учебную программу добавляют новое содержание. Задачи обучения в учебной программе 1992 года: понять выдающуюся народную музыку всех национальностей Китая, воспитать в учениках чувство любви и гордости за неё, приобщиться к лучшему в зарубежном искусстве, таким образом расширить свои кругозор, приобрести способность художественного восприятия и навыки музыкального исполнения.

Задачи школьного музыкального образования в программе 2000 года сохраняются прежние. В 2001-м программа была переименована в «Стандарты учебных программ». В июле был официально опубликован специальный документ «Распоряжение министерства просвещения КНР о музыкальном обучении на стадии общего образования (экспериментальная версия)», который является первым экспериментальным национальным стандартом для начальных и средних школ после основания КНР. Он обобщенно представлен десятью концептуальными положениями. Центральными являются эстетический подход к музыке и «движущая сила» позна-

вательного процесса — интерес учащихся — он должен стать всеохватным.

Процесс обучения должен быть ориентирован на развитие личности. Освоение музыки на основе синтеза искусств должно носить практический и творческий характер. Руководящим принципом подхода к эстетическому воспитанию — мультикультурализма. Процесс занятий должен быть нацелен на осознание ценности состояния национальной музыки. Выдвинутые подходы должны стать основанием для оценки знаний учащихся [2, с.28].

После десятилетнего внедрения, в 2011 году положения учебной программы были скорректированы на основе экспериментальной версии от 2001 года. Цель и задача обучения обоих стандартов радикально не изменились. В содержании более четко подчеркнуты такие свойства предмета как гуманизм, эстетичность, пракτικότητα. Последнее — п р а к т и ч н о с т ь — новый добавленный контент, более подчеркивающий доминирование в процессе обучения практической деятельности учеников: получить позитивные результаты при обучении музыки можно только путем её прослушивания, исполнения, глубокого анализа, собственной композиции и других практических действий. Путем персональной вовлеченности в эти процессы школьники должны напрямую получать индивидуальный опыт осмысления и эмоционального переживания, что закладывает основы формирования художественного восприятия — обрванной модели человеческой жизнедеятельности. Подобная «практичность» заложена в методические системы ведущих теоретиков и практиков XX века — Жак-Далькроза, Орфа, Кабалевского, Кодая, Судзуки.

В 2010 году профессор факультета музыкального образования Центральной консерватории Гао Цзяньсинь представил «Новую систему китайского музыкального образования» — для общеобразовательных школ. Она была разработана на основе систем Жак-Далькроза, Орфа, Кодая и адаптирована к национальной культуре Китая. Суть новой системы: приобщение к эмоционально-образному содержанию музыки, деятельный, практический характер её освоения.

Основное содержание обучения: 1. Развитие чувства ритма (чувство темпа, чувство такта). 2. Обучение пению.

3. Обучение игре на музыкальных инструментах. 4. Слушание музыки. 5. Импровизация (вокальная, инструментальная)

Основные задачи обучения

1. Пробудить эмоциональный отклик на музыку. 2. Развить индивидуальный характер сопереживания. 3. Пробудить и сформировать способность к практической деятельности как основы обучения.

В 2011 году эта система стала экспериментальным проектом. С 2011 года в Центральной консерватории многократно проводились учебные курсы для участия, в которых приглашались школьных учителей из разных регионов. Но эта система пока еще не стала ведущей системой китайского музыкального обучения [10, с.4]. Гарантия успеха педагогической деятельности — профессионализм педагога современного уровня подготовки. Тем не менее, все версии учебной программы не предъявляют к нему четких требований. В инструкциях, прилагаемых к учебной программе, они носят очень обобщенный характер, не были напрямую и четко выдвинуты. В связи с этим как бы предполагается, что уроки музыки может вести учитель любого уровня (даже тот, кто не имеет специального образования) [3, с.28].

Уровень квалификации учителей музыки очень различен, зависит и от региона Китая. На обширной территории страны существуют различия в экономическом и культурном развитии. В провинциях, качество подготовки преподавательского состава может быть совершенно различным. Существуют различия и в условиях классной работы, и степени внимания к школьному музыкальному воспитанию администрации школы. Только в провинциях с развитой экономикой и высоким уровнем педагогической образовательной системы есть предпосылка для соблюдения выдвинутых стандартов. Большинство регионов не могут достичь единого учебного стандарта. В соответствии с этим спонтанно устанавливаются различные цели и задачи обучения и подходы к их решению. В свете изложенного важнейшей задачей совершенствования системы эстетического воспитания в школах Китая является подъем уровня подготовки учителей музыки и оснащения школ всем необходимым для занятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Лишин. Анализ музыкальной педагогики Орфа. — Чанчунь: Докторская диссертация Северо-Восточного университета, 2012. — 156с.
2. Сюй Руи. Сравнение стандартов учебного курса по музыкальному обучению в начальных школах после образования Нового Китая. —Пекин: Магистерская диссертация китайской консерватории, 2012.-58с.
3. Чжан Шиодан. Сравнительное изучение стандартов музыкальной учебной программы обязательного образования от 2001 года. — Куньмин: Магистерская диссертация Юньнаньского педагогического университета, 2015.-43с.

4. Яо Сиюань. Документация музыкального образования в Китайских современных школах (1949–1995).— Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2011.-288с.
5. Ли Дана, Сю Хайлинь, И Айцин. Теория и практика музыкального образования Орфа.— Шанхай, Шанхайское образовательное издательство, 2010–279с.
6. Ян Лимей. Образовательные идеи Кодая и Венгерское музыкальное образование.— Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2011.—282 с.
7. Вэй Хуан, Хоу Цзиньхун. Советская школьное музыкальное образование — система музыкального образования Кабалевского.-Шанхай: Шанхайское образование, 2011.-212 с.
8. Ян Лимей, Цай Цзюэминь. Теория и практика музыкального образования Далькроза.— Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2011.—204 с.
9. Мяо Пэйянь, Мяо Ли, Лин Нэнцзе. Общие положения Японского музыкального образования.— Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2011.-282 с.
10. Чжоу Чэньхуй. Исследование школьного музыкального обучения под Новой системой,— Нанкин: Магистерская диссертация педагогического университета города Нанкин, 2014.-56 с.

© Янь Цзе (185743175@qq.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ОБРАЗОВАНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

THE ROLE OF EXTRALINGUISTIC AND LINGUISTIC FACTORS IN THE FORMATION OF THE TERM SYSTEM

M. Bamatgireeva

Summary. This article deals with the General scientific concept of the concepts «term» and «term system». The author presents the different views of scientists on the nature of the term, as well as the basic theoretical and practical approaches to the study of term systems. The extralinguistic factors are caused by the need for linguistic expression of terminable concepts, and linguistic factors, in turn, are associated with a variety of conceptual relationships (which are transmitted by terminological combinations) and with the possibility of combining of different components into word combinations.

Keywords: system, term, terminology, term system, historical, semantic, «formal» characteristics of terms.

Баматгиреева Медина Вахаевна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
mbamatgireeva@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается общенаучная концепция понятий «термин» и «терминосистема». Представлены различные взгляды ученых на природу термина, а также основные теоретические и практические подходы к исследованию терминосистем. Экстралингвистические факторы обусловлены необходимостью лингвистического выражения «терминируемых» понятий. Лингвистические факторы, в свою очередь, связаны с многообразием понятийных отношений (которые передаются терминологическими сочетаниями) и с возможностью объединения в словосочетания разных компонентов.

Ключевые слова: система, термин, терминология, терминосистема, исторические, семантические, «формальные» характеристики терминов.

Любой язык — многоуровневое образование, он состоит из целого ряда подсистем, каждая из которых включает в себе свою картину мира [1]. Любая система — это форма организации чего-либо, порядок, обусловленный правильным, закономерным расположением частей в определенной связи. Система терминов определенной области науки, производства или искусства составляет ее *терминологию* (например, терминология лингвистическая, физическая, медицинская, сельскохозяйственная и др.) — совокупность специальных слов (терминов) различных областей науки и техники, функционирующих в сфере профессионального общения, это замкнутая система, в которой термин занимает определенное место по соподчиненности с другими терминами.

Для термина (в отличие от поля — предметной области, с которой соотнесен термин как специальное понятие) система — это в первую очередь лингвистическая упорядоченность специальных слов, обслуживающих определенное терминологическое поле. Вследствие этого отдельные терминологии — это очерченные лексические подсистемы внутри лексической системы национального языка.

Термин (лат. *terminus* — предел, граница, пограничный знак) — слово или словосочетание (языковая единица) — выражает специальное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве; может входить как в состав

только одной терминологии, так и в разные терминологии. Одни термины, утратив свой сугубо специальный характер, стали широко употребляться в разных стилях речи, другие термины сохраняют узкоспециальный характер.

По мнению большинства ученых, термины должны иметь дефиницию (лат. *definitio* — толкование), строго определенное значение для одного понятия [5; 6] и как особые слова или словосочетания должны отличаться от других номинативных единиц краткостью, однозначностью, точностью, системностью, независимостью от контекста, экспрессивной нейтральностью [9; 7 и др.].

Г.О. Винокур считал функцию термина одним из его основных признаков: «В роли термина может выступать любое слово... Термины — это не особые слова, а только слова в особой функции» [2, с. 5]. Хотя понятие «термин» и невозможно охарактеризовать без учета выполняемых им функций, но нет и оснований ограничиваться только этим его свойством. Учитывая логическую формулировку особенностей функционирования термина, следует отметить, что общеупотребительным словам также в определенной мере присущи многие функции, характерные для терминов. Отличием терминов от других лексических единиц является эмоциональная нейтральность, способность выражать специальное профессиональное, научно-техническое понятие, поскольку именно связь термина с понятием определенной отрас-

ли знания делает его особой лексической единицей. Лишены термины в составе языка науки и образного употребления. Образностью они могут обраться, только попав в иную стихию, например, в язык художественной литературы, в публицистику и т.п. [5, с. 59].

Основным источником образования новых научных терминов являются терминологии новых областей знаний и сфер деятельности человека, общеупотребительная лексика, сформировавшиеся логико-философские, математические терминосистемы. На протяжении последних десятилетий отмечается активный процесс классификации основных механизмов образования новых слов, терминов. В этом процессе находят непосредственное отражение постоянные изменения в словарном составе языка, обусловленные значительными переменами в жизни общества.

Специфика терминосистем состоит в том, что это естественно-искусственные, открытые, динамические (развивающиеся) системы и они в большей степени базируются на закономерностях формальной логики, откуда и многочисленные успешные попытки установить изоморфность (сходство) между системами понятий и терминосистемами конкретных наук и их разделов [8].

Организация и анализ любой терминосистемы является результатом сложного процесса, зависящего от ряда факторов, на которые необходимо обратить внимание при изучении отраслевых формирующихся терминосистем. Существует точка зрения, согласно которой терминосистема образуется в результате стихийно сложившейся терминологии, т.е. некоторая совокупность номинативных единиц, соответствующих понятиям данной области знаний, организуется в систему терминов с определенными отношениями между ними. Терминосистемы — это искусственно формируемый лексический пласт, каждая единица которого должна иметь определенные ограничения в употреблении и оптимальные условия для своего существования и развития [10, с. 8].

Происхождение и развитие терминов, терминосистем — проблемы социолингвистики, для решения которых возможно использование методов исторического, сопоставительного исследования в соответствующих отраслях знания. Социолингвистический аспект исследования предполагает анализ социальной и лингвистической характеристик термина. Под социальной характеристикой понимаются условия социального плана, в которых функционирует термин, и вся та совокупность экстралингвистических факторов, которые влияют на значение термина, занимающего определенное место в терминологической системе. Лингвистическая характеристика включает структурно-семантические

свойства термина, его парадигматические и синтагматические связи. Вопрос о необходимости исследования языковых фактов в результате экстралингвистических (прагматических, социокультурных, психологических и т.д.) факторов затрагивался многими учеными, поскольку развитие всех сфер человеческой деятельности получает лингвистическое отражение в языке, следовательно, необходимо выявление факторов, влияющих на возникновение терминов.

Так, учеными-лингвистами разработаны и представлены основные теоретические и практические подходы к исследованию терминосистем. В частности, С.В. Гринев [4] к группе исторических (генетических, хронологических) характеристик относит: *возраст* (среднее время появления терминов); *происхождение* (определяемое соотношением терминов, образованных различными способами — семантическим, морфологическим, синтаксическим, морфолого-синтаксическим, заимствованием); *модель образования*: 1) в результате дифференциации знания; 2) в результате взаимодействия наук на их стыке; 3) комплексные науки и дисциплины (в результате взаимодействия ряда наук); *родство* (близость различных областей знаний, их взаимодействия); *устойчивость* (сохранение основной части терминологии со структурой).

Во второй группе представлены следующие «формальные» характеристики: *размер* (до 100 терминов — микротерминология, 100–1000 терминов — мезотерминология, свыше 1000 — макротерминология, свыше 10000 — мегатерминология); *структурный состав* (виды и соотношение структурных типов терминов); *средняя и максимальная длина терминов* (лексическая — среднее число слов, входящих в термин данной терминологии, знаковая — среднее число знаков в термине); *мотивированность* (семантическая прозрачность, понятность); *систематичность терминов* (системность терминологии).

Третью группу представляют семантические характеристики: *предметная отнесенность*; *полнота терминологии* (отсутствие в ней лакун, терминов для обозначения понятий соответствующей понятийной системы); *семантическая целостность* (отсутствие автономных фрагментов, оторванных от основного корпуса терминологии); *понятийная изоморфность* (соответствие понятий: установление доли омонимии, полисемии, синонимии); *категориальные соотношения* (соотношения терминов на логико-понятийном уровне, которые сводятся к трем категориям — объектов, процессов /состояний и объектов); *структурированность* (максимальная и средняя глубина иерархии — процентное соотношение терминов, связанных иерархическими и чисто ассоциативными отношениями).

К группе функциональных параметров следует отнести: *нормированность*; *общепринятость*; *употребительность (внедренность)*; *интернациональность* и *компактность*.

Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин [3] предложили в качестве критериев определения терминологичности, использующиеся как при решении лингвистических задач, так и при создании информационно-поисковых словарей и тезаурусов: *дефинитивный критерий* (дефиниция — логическое определение понятия, установление содержания понятия); *критерий концептуальной целостности* (выделение соответствующего понятия и выражающего его языкового знака).

В.П. Даниленко [5] в качестве лингвистического критерия оценки терминологии предполагает постановку и решение таких важных в практическом отношении

вопросов, как: *общеязыковые требования* (грамматические средства выражения, отношение к иноязычным словам, краткая форма термина); *нормативные требования* (соответствие термина основным способам и моделям общелитературного словообразования или специальным моделям терминообразования; тенденция к регулярности функционирования словообразовательных моделей, к специальности значения словообразующих аффиксов и моделей и др.).

Таким образом, можно считать установленным, что в образовании терминосистем (как совокупности терминов, обеспечивающих номинацию понятий определенной области знаний и сферы деятельности, объединенных между собой различными связями — логическими, семантическими, синтаксическими и иными отношениями) важную роль играют экстралингвистические и лингвистические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баматгиреева М. В. Сопоставление лексем русского языка для формирования синонимических рядов и лексико-семантических групп // Материалы XIX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий». Белгород, 2016.
2. Винокур Г.О. О некоторых явления словообразования в русской технической терминологии. Тр. МИФЛМ. М., 1939. Т. 5.
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М., 1993.
5. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания М., 1977.
6. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.
7. Квитко И. С. Термин в научном документе. Львов, 1976.
8. Лейчик В. М. Термины и терминосистемы — пограничная область между естественным и искусственным в языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1978.
9. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., 1961.
10. Суперанская А.В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 2003.

© Баматгиреева Медина Вахаевна (mbamatgireeva@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чеченский государственный педагогический университет

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА О ЧЕЧЕНСКИХ ВОЙНАХ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

NEW CONCEPTION OF WAR: LITERARY CRITICISM ABOUT MODERN BATTLE PROSE DEVOTED TO CHECHEN WARS

L. Belous

Summary. This article gives a general overview of modern battle prose and of literary criticism, devoted to it. The main ideological, psychological and artistic features of new conception of war in «chechen» literature and its critical interpretation are revealed.

Keywords: the war, modern Russian prose, battle prose, criticism, Chechnia, soldier, thriller, genre, ideology, psychology.

Белоус Людмила Владимировна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
nosu@nosu.ru*

Аннотация. В статье дается общее рассмотрение современной российской военной прозы и посвященной ей критической литературы последних лет. Выявляются основные идеологические, психологические и художественные особенности «новой концепции войны» в «чеченской» литературе и ее литературно-критических интерпретаций.

Ключевые слова: война, современная русская проза, «лейтенантская проза», «новая военная проза», натурализм, критика, Чечня, солдат, боевик, жанр, идеология, деидеологизация, психология.

Тема войны в современном литературном процессе

Литературной критики о батальной прозе последних лет не так много, но наблюдения, сделанные ею, достаточно многоплановы и интересны, поэтому краткий обзор критических материалов о военной прозе последних лет, посвященной чеченским войнам, был бы полезен.

Парадигма оценки качества и количества художественных текстов о войне в текущем литературном процессе колеблется от отрицания влияния батальной тематики на современную литературу до признания ее серьезного значения ее в российской культуре XXI века.

А. Рудалев начинает свою статью о военной «чеченской» прозе с жесткого утверждения: «Полноценной и самодостаточной литературы о чеченской кампании еще нет» [18]. Это было сказано в 2006 г. С тех пор многое изменилось, а высказывание критика явно устарело: подобная литература существует, живет, развивается, причем, разнообразная и интересная.

Н. Перова, директор издательства «Glas», считает, что хороших текстов о войне немало, но общество не хочет уделять им внимание: «Сейчас так мало действительно сильных впечатлений, что человека можно пронять только войной. И лучшие образцы современной прозы нередко являются произведениями о войне. Другое дело, что мы почти не видим такую прозу. Это происходит, наверное, потому, что общество не хочет читать о тяжелом, требующем душевного отклика» [13].

А в предисловии к циклу статей о современной военной прозе сказано, что молодые авторы не пишут о войне постольку, поскольку не имеют личного опыта. Но и наличия последнего иногда бывает недостаточно, так как СМИ слишком замусолили тему последних войн, тем самым отвратив от нее серьезных писателей, хорошо осознающих нежелание читателя возвращаться к военной тематике в принципе [14].

Конечно, военная тема могла бы быть представлена в современной российской литературе более богато, но не следует забывать об объективных закономерностях литературного процесса. И критик В. Березин уверен, что проблема состоит в том, что «после боя можно писать рапорты» [7], а художественные произведения создаются через достаточно длинные временные промежутки. Критик убедительно и аргументированно подводит читателя к мысли, что Великая Отечественная война была большой общенациональной бедой, а теперь, строго говоря, поголовной мобилизации нет, и войны последних десятилетий затронули лишь незначительный процент населения. Поэтому и текстов о войнах радикально меньше, и качество их ниже.

В некоторой ирреальности (для усредненного литературного сознания) всех войн после Великой Отечественной видит причину отсутствия пристального интереса литературы к военной тематике А. Кабаков: «Та война была безусловной — по целям, масштабу, отношению к ней участников. То была Война с большой буквы — и не только потому, что называлась Отечественной. Люди на той войне большею частью не отделяли себя от происходившего, и потому она стала не только экзистенциальным, но и, решусь сказать, духовно-религиоз-

ным опытом и для простых участников, и для писателей, взявших ее темой или хотя бы фоном своих сочинений. В той войне все участвовали и все несли вину за нее» [15]. Впоследствии войны становились все более «непонятными» и «странными», а их цели — отчужденными от общества и индивида.

Идейная тенденция новой военной прозы

Показателен такой факт. Если для воевавших в Чечне все случившееся там — война, то чиновники, как военные, так и гражданские, предпочитали называть чеченские события иначе: «контртеррористическая операция», «восстановление конституционного порядка», «чеченская кампания» [11].

Дело война в современных текстах о войне проиграно заранее, потому что оправдать войну невозможно, и никто из современных авторов даже не пытается этого делать: «Эта чисто современная, сравнительно недавняя концепция войны нова для нас, со школы привыкших видеть в войне высокий подвиг богатырей Куликовской, Бородинской, Сталинградской. Война для традиционного сознания — это ратное дело, столь же благородное и извечное, как какое-нибудь кузнечное или земледельческое» [17].

В книгах о Великой Отечественной войне часто авторы показывали ситуации, в которых война выявляет достоинства и слабости человека, как бы проверяет его на прочность. Из современных авторов, пишущих о чеченских событиях, этот прием использует, пожалуй, только А. Проханов. Для большинства писателей в новой войне все перепуталось: чеченцы могут воевать в российском спецназе, взрывать себя вместе с русским полицейским, чтобы не дать полевым командирам завладеть складом с оружием и так далее.

В годы Великой Отечественной все-таки были стойкие представления о долге; новые войны описаны так, что читателю дают понять: сытый, одетый, умытый, обеспеченный солдат воевал бы гораздо лучше. То есть, боевые действия — это работа, профессия, а не долг. В этом смысле крайне интересен вопрос, поставленный В. Пустовой: «Должен ли... стремиться к окончанию войны профессионал, которому за каждый день конфликта набегают гонорар?» [17].

В. Пустовая считает наиболее явным предшественником современного подхода к военной тематике Виктора Некрасова. Его стремление к документальности, к фиксации правды о войне (т.н. «окопной» правде) позаимствовали и развили многие молодые авторы. Критик настаивает на том, что сегодняшние авторы «военной»

прозы деидеологизируют битвы, показывая войну как заведомо и бесспорно античеловеческое явление [17].

Очень важной особенностью изображения войны сегодняшними авторами является восприятие пространства, охваченного боевыми действиями, как чужого, грязного, неприемлемого, причем «профессионально-этические идеалы армии оказались сегодня окарикатурены, осмеяны, скомпрометированы в практике жизни и в народном сознании» [17]. В частности, что касается вечной армейской темы дедовщины, то многие авторы показывают, что молодые воины терпят унижения и лишения в надежде на то, что в будущем сами смогут помыкать вновь прибывшими.

Основоположником «чеченской» военной прозы считается Аркадий Бабченко. Он был первым, кто посмел писать о Чечне не с журналистскими и публицистическими целями, а с желанием художественными средствами воплотить на бумаге пережитый опыт. В. Пустовая говорит об этом очень объемно: «Текст, значимый как свидетельство очевидца, текст, лежащий на стол цельным куском боевой земли, текст-крик — разве анализ его не превратился бы в откровенное надругательство над предъявленной в нем болью? Бабченко был подавлен реальностью войны. Полз по войне таким придавленным куском зеркала и — отражал» [17].

Если Л. Довлеткиреева предлагает называть появившиеся в последние десятилетия художественные тексты о чеченских событиях «новой военной прозой», что вполне оправдано и верно [11], то другие исследователи подобной литературы не согласны с причислением ее к художественной словесности в принципе. Некоторые критики и читатели обвиняют современные тексты о чеченских событиях как раз в отсутствии художественной пластичности, в излишнем натурализме, в чрезмерном внимании к микрокосму военного пространства в ущерб общему историческому осмыслению событий, в спекуляции на инстинктах и психологических феноменах порой при явном отсутствии нравственно-этического взгляда на изображаемый предмет.

Другие, однако, склонны считать, что именно эти качества «военных» текстов востребованы большинством читателей, обращающихся сегодня к этой теме, потому что именно они гарантируют рассматриваемой литературе эмпирическую достоверность и убедительность; что эти тексты ценны именно своей необработанностью и кондовой простотой, что тем самым и вскрывается одиозная сущность войны.

В большинстве текстов, авторами которых являются прошедшие войну ребята, непосредственные свидетели и участники событий, «война показана в новом для рос-

сийского читателя ракурсе: война по своей сути, вообще, без ура-патриотического и пафосного антуража, безотносительно к долгу защитника или осуждению агрессора, место и время действия, вроде бы, и конкретны, но в то же время как бы второстепенны. И в восприятии персонажей и их создателей она предстает как бесцельное, безыдейное, безусловное зло, где доминирующими чувствами становятся страх, одиночество и незащищенность» [11].

Отличительной чертой «новой военной прозы» по сравнению с т.н. «лейтенантской» литературой второй половины XX века является отсутствие героев в изначальном смысле этого слова: сильных, мужественных патриотов, готовых жертвовать собой ради Отечества, не сомневающихся в том, что эта жертва необходима, вызывающих восхищение многими своими качествами: стремлением к подвигу, умением забывать о себе, стойкостью и бесстрашием. Л. Довлеткиреева по этому поводу пишет: «Казалось бы, перед лицом опасности, в критической, пограничной ситуации индивид должен раскрыться — какой он есть на самом деле, и не только для других, но и для самого себя. Однако вместо ожидаемой индивидуализации происходит полное обезличивание (...каждый поступает так, как поступают остальные, превращаясь в «серую, однотонную» массу), очень быстро приходит осознание своей ничтожности перед грубой силой войны» [11].

Это верно, но лишь отчасти: в ряде текстов есть истинные герои, которые умеют в нужный момент мобилироваться, выказать лучшие качества русского солдата вплоть до самопожертвования. Вот только делают они это не для Отечества. Чаще — для друзей, из чувства дружбы, «окопного братства»: патриотизма как такового в современной прозе о Чечне практически нет. Родина — не мать, а мачеха. И ее чаще укоряют и обвиняют в цинизме, чем хотят защитить. Недоумение перед необходимостью воевать, непонимание целей, ощущение абсурдности происходящего вытесняют то светлое чувство к собственной стране, о котором пелось в знаменитой песне «С чего начинается Родина?». Актуализируется представление о государстве как инструменте насилия, как безликой и холодной трансцендентной воли, а понятие Родины утрачивает эмпирические аспекты.

Метафорично и емко сказано об этом Л. Довлеткиреевой: «Разве это твоя страна, если тебе приходится по ней ползать, а не ходить?» [11]. Между тем ряд других наблюдений и выводов Л. Довлеткиреевой вызывают вопросы. Критик всячески акцентирует обезличивание тех, кто принимает в ней участие. Но фактический материал подтверждает обратное: налицо целая галерея ярких и запоминающихся героев, харизматичность и отчетливая индивидуальность которых придают их гибели особую чувствительность.

Л. Довлеткиреева настаивает на еще одной психологической черте воина, описанного в современных текстах: она говорит, что русским солдатам становится свойственна неуверенность в правоте своего дела, что они вынуждены «взращивать в себе чувство ненависти к народу и земле, к которым они, в принципе, безразличны, языка, законов и обычаев которых они не знают и разницу культур затрудняются определить или понимают искаженно» [11].

На наш взгляд, очевидно, что неуверенность в своей правоте во многом обусловлена именно «странным» характером этой войны, которой присущи, при всей культурной разнице воюющих сторон, черты гражданской, братоубийственной войны. То, что герои современной прозы даже для себя самих не могут объяснить причины своего пребывания в Чечне, больше, чем что-либо иное, работает на антивоенную тенденцию и разоблачает антиисторическую сущность данной конкретной войны.

В обширной статье о современной военной прозе Л. Довлеткиреева пишет: «Даже воспетое Ремарком «фронтовое братство» незнакомо бойцам новых войн» [11]. Невозможно с этим согласиться. В подавляющем большинстве текстов, объединенных темой чеченской войны, именно фронтовое братство, желание защитить ребят, воюющих рядом, становится, как мы уже заметили выше, побудительным мотивом героического поведения русских бойцов. Можно сказать, что на место Родины становится друг, или что Родина и родной народ сжимается до пределов роты, взвода, отделения, даже отдельных сослуживцев.

КОМПОЗИЦИОННО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПСИХОЛОГИЗМ ЖАНРА

Особенность батальных произведений XXI века, что совершенно нетипично для прозы о Великой Отечественной войне, — это описания бездарных действий командования, бесчеловечности офицеров, их непрофессионализма, разгула дедовщины и иных видов так называемых неуставных отношений, равнодушия государства к быту российской армии, ведущей боевые действия.

В конце концов, благодаря именно такому отношению война для ее участников, если верить авторам современной батальной литературы, никогда не заканчивается. Достаточно большое количество художественных произведений соответствующей тематики повествует именно о том, как не смогли себя найти в мирной послевоенной жизни ребята, которые были сломлены Чечней.

«Специфичными чертами нарратива современной батальной прозы, — пишет Д. Аристов, — являются конфликтные взаимоотношения писателя и читателя, ирре-

альный хронотоп, тотальная дегероизация, акцентирование абсурдности и бессмысленности происходящего» [5]. Описание военных будней не обходится без выделения традиционных для батального жанра противоречий, в частности, конфликта между «окопом» и «штабом», идущего от Л. Н. Толстого и представленного в текстах В. Миронова, З. Прилепина, А. Бабченко, А. Карасева).

Сходство описания военных будней в «лейтенантской» и современной «окопной» литературе проявляется в повествовательных принципах: в пониженной беллетристичности, в подчеркнутом автобиографизме, в повествовании от первого лица, в склонности к натуралистическим приемам изображения окружающего мира. Однако обнаруженная на разных уровнях общность творчества авторов «лейтенантской прозы» и современных прозаиков отнюдь не ведет к полному сходству их идейно-эстетических принципов, близости концепций мира и личности.

В новой военной прозе, описывающей локальные конфликты, именно личное участие и точность в изображении военного быта приобретают первостепенное значение. В этом смысле показательно заглавие книги В. Миронова «Я был на этой войне», где употребление местоимения «я» «манифестирует первостепенность модальности личного присутствия» [5].

В батальной литературе можно рассмотреть еще один специфический дискурс, связанный с конфликтными отношениями между неволевающим читателем и волевающим автором, который тем самым как бы заслуживает право на презрение к «тыловым» и «гражданским», ибо с их молчаливого согласия часть народа превращена в пушечное мясо. Многие авторы открыто высказывают свое негодование по поводу того, что читатели не участвовали в антивоенных митингах, не собирали средства для помощи своим воинам, отворачивались от поездов, в которых ребят везли к месту военных баталий. Чтение в данном контексте может служить — с точки зрения повествователя — формой покаяния или компенсации за моральный и физический ущерб, нанесенный войной значительной части современников.

Повествование современных авторов интровертивно, сам факт обращения к писательскому труду служит своеобразным способом излечения от травмы, при этом функции читателя как соучастника и друга не исключаются, читатель — один из представителей тех, кого волевающие авторы вводят в понятие «врага». Противостояние не только официальной идеологии или доминирующей художественной системе, но и читателю выводит многих батальных авторов из актуального литературного процесса. Показательно, что большой пласт современной военной прозы, как, впрочем, и критики о ней, размещен в виртуальном пространстве Интернета.

Наиболее типичный мотив современного повествования о войне — история человека, чаще всего помимо его воли заброшенного в пограничную ситуацию жизни и смерти. Войну он рассматривает как насилие над своей человеческой природой. Соответственно, в современной военной прозе типажи отцов-командиров практически отсутствуют или подвергаются переосмыслению. В прозе А. Бабченко и А. Карасева командиры названы «шакалами», их методы воспитания сравниваются с «фашистскими». В целом отсутствие системы нравственно-этических координат для героев, где высшими ценностями являются дружба, любовь, отличает современных баталистов не только от отечественной прозы прошлого, но и от западной прозы так называемого «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Э. М. Ремарк, А. Барбюс, Р. Олдингтон и др.).

«В современной военной прозе,— замечает Д. Аристов,— нет четкого образа противника. Внутренние импульсы действий противников, их психология остаются малопонятными современному солдату, обеспокоенному собственными переживаниями и мотивировками» [5].

В большинстве случаев в истории России враг всегда приходил из-за границы, из чужого пространства. Однако войны, вызванные распадом СССР, показали, что граница своего и чужого может возникнуть внутри страны. Братоубийственное разделение на «своих» и «чужих» в современной военной прозе становится драматичнее, чем в литературе прошлых десятилетий.

Пространство В. Миронова, А. Бабченко, З. Прилепина — пейзаж, лейтмотивами описания которого становятся болото и грязь. Этот пейзаж идеологически нагружен: он представляет собой устойчивую аллгорию современной войны и внутреннего состояния самого повествователя. «Болото, где, как в точке, сворачиваются время и пространство, где не разделены две стихии — вода (жизнь) и земля (смерть), является аллгорией хаоса войны. Подобно болоту, война засасывает человека и уже не отпускает» [5].

Сюжет в традиционном понимании во многих современных батальных текстах отсутствует или носит формальный характер — авторефлексия героя поглощает событийный план, являющийся лишь фоном для изображения внутреннего состояния. Перед читателем предстает хроникальная запись событий, фрагментов, которые не поддаются выстраиванию в линейную, хронологически обоснованную логическую цепочку, коллаж из воспоминаний, рефлексий, раздумий. «Фрагментарность повествования объясняется и влиянием телевизионных законов. Они оспаривают традиционную линейность представления реальности, рождая образ мира, в котором отсутствуют последовательность и взаимосвязанность» [5].

О перспективах развития жанра

Есть основания полагать, что батальная проза будет значительно трансформироваться, серьезно изменится основная концепция взаимодействия войны и человека. Новые очаги напряженности, вооруженных конфликтов, которых уже немало случилось после описанных в материале чеченских событий, неизменно вызовут сначала необходимость совершения ратных подвигов, а потом столь же острую потребность описать эти подвиги художественно. Здесь огромное значение имеет фактор осознания того, что война идет за правое дело, чего участникам чеченских батальонов категорически не хватало. Южная Осетия, Донбасс, Сирия станут объектами художественного осмысления. Южная Осетия уже доста-

точно интересно представлена в творчестве непосредственного участника обеих войн с Грузией Тамерлана Тадтаева.

Батальная проза имеет шанс осмыслить и отразить новые тенденции, описать процесс «вставания с колен», связанный с тем, что вооруженный человек, профессионал ратного дела был не субъектом истории, а страдательным оружием политиков и крупных бизнесменов, редко учитывавших моральные и этические вопросы того кровопролития, которое было порождено их личными меркантильными интересами. И тогда, возможно, патриотические настроения можно будет изучать по батальной прозе, как это было в годы Великой отечественной и сразу после.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Д. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис и поэтика // Вестник Томского государственного педагогического университета. — Томск, 2010. Вып. 8 (98). С. 133–137 (в соавторстве с М. П. Абашевой).
2. Аристов Д. О природе реализма в современной русской прозе о войне (2000-е годы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2011. Вып. 2 (14). С. 169–175.
3. Аристов Д. Концепция героического в прозе Захара Прилепина (роман «Патологии») // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 26–36.
4. Аристов Д. Новая «окопная правда» (традиции и новаторство в современной русской прозе о войне) // Филологический класс. — Екб., 2010. № 23. С. 30–35.
5. Аристов Д. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформация. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пермь, 2013 // <http://vak.ed.gov.ru> ИЛИ <http://www.psu.ru/>
6. Аристов Д. Странности современной войны. Рассказ З. Прилепина «Сержант» // Русский рассказ третьего тысячелетия: книга для ученика и учителя: сборник текстов рассказов и статей / под. ред. В. Е. Кайгородовой; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2011. С. 40–49.
7. Березин В. Проза времен всеобщей воинской обязанности // Литература и война // Знамя. 2000. № 5 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>
8. Бродски А. (перевод с английского Е. Калашниковой). Чеченская война в зеркале современной российской литературы // <http://nlo.magazine.ru/dog/gent/gent116.html>
9. Выговская Н. С. Молодая военная проза второй половины 1990 — начала 2000-х гг.: имена и тенденции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 — М., 2009. — 194 с.
10. Гликман К. Новый, талантливый, но... Захар Прилепин // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 189.
11. Довлеткиреева Л. Война в Чечне: параллельный взгляд изнутри // Дружба народов. 2008. № 7 // <http://www.nana-journal.ru/home/124-the-war-in-chechnya.html>
12. Евдокимова М. П. «Случилась еще одна — чеченская...» (о романах А. Проханова «Чеченский блюз» и «Идущие в ночи») // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 50–53.
13. Есть ли у нас достойные книги о современной армии? // Литературная Россия. 2007. 2 марта. № 9 // <http://www.litrossia.ru/archive/item/1709-oldarchive>
14. Литература и война // Знамя. 2000. № 5 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>
15. Кабаков А. Всеобщая воинская невинность // Литература и война // Знамя. 2000. № 5 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/5/konf.html>
16. Кулагин Ю. Чечены // Кулагин Ю. Хроника выживания // <http://sonicboom.narod.ru/postscriptum.htm>
17. Пустовая В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/5/pu9.html
18. Рудалев А. Обыкновенная война. Проза о чеченской кампании // Дружба народов. 2006. № 5 // <http://www.zaharprilepin.ru/ru/pressa/patologii/drujba-narodov.html>
19. Садулаев Г. Шалинский рейд // Филолог. № 17. 2011. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_17_350
20. Современная «окопная правда»: герой, сюжет, конфликт // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы: материалы XV научно-практической конф. Екб, 2011. С. 29–32.

© Белоус Людмила Владимировна (nosu@nosu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ ЛЕНТ)

Ван Цянь

Аспирант, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
wqukr@126.com

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF ADJECTIVE IN THE PRESENT RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF NEWSLETTERS)

Wang Qian

Summary. In the article semantic changes of a number of adjective names, observed in the language of modern media, in news Internet tapes are considered. It is noted that the transformations can concern the concretization of the lexical meaning (the word *пафосный*), its narrowing (*адекватный*), expansion (*преlestный*), metonymization (*tsivil'nyy*) and other processes. Semantic transformations are often accompanied by a change in the connotations of words, both from positive to negative (*пафосный*), and from negative to positive (*brutal'nyy, ambitioznyy*). Semantic transformations of the names of adjectives are conditioned, first of all, by external laws of language development, by the the impact of changes in the society on the language. The language of the news tapes most adequately reacts to the appearance in the modern Russian of new meanings; this sphere of language use is actively developing and is characterized by the use of modern linguistic means.

Keywords: semantics, lexical meaning, change semantics, adjective, media.

Аннотация. В статье рассмотрены семантические изменения ряда имён прилагательных, наблюдаемые в языке современных СМИ, в новостных интернет-лентах. Отмечено, что трансформации могут касаться конкретизации лексического значения (слово *пафосный*), его сужения (*адекватный*), расширения (*преlestный*), метонимизации (*цивильный*) и других процессов. Семантические трансформации часто сопровождаются изменением коннотаций слов, причём как с положительной на отрицательную (*пафосный*), так и с отрицательной на положительную (*брутальный, амбициозный*). Семантические трансформации имён прилагательных обусловлены, в первую очередь, внешними законами развития языка, влиянием происходящих в обществе изменений на язык. Язык новостных лент наиболее адекватно реагирует на появление в современном русском языке новых значений; эта сфера использования языка активно развивается и характеризуется использованием современных лингвистических средств.

Ключевые слова: семантика, лексическое значение, изменение семантики, имя прилагательное, СМИ.

Язык находится в постоянном развитии. Трансформируется его фонетика и грамматика, но наиболее явные изменения происходят в лексическом составе — словах и их лексических значениях. При этом «в сфере лексики действуют преимущественно внешние законы развития языка» [8, с. 191], то есть законы, связанные «с историей общества, той общественной ситуацией, в которой язык используется, с теми социальными функциями, которые он выполняет» [Там же, с. 190], однако есть изменения, которые не объясняются напрямую воздействием общества, то есть связаны с действием внутренних языковых тенденций. Изменения лексических значений слов относятся именно к таким, сложным, не всегда объяснимым языковым трансформациям. Сам факт изменений лексического значения свидетельствует об условности связи между формой и содержанием слова. Эта связь закреплена в сознании говорящих, и изменяется она, если в сознании носителя языка, в восприятии им действительности происходят изменения.

Лексическое значение — это содержание слова, его внутреннее наполнение. В словаре лингвистических терминов оно трактуется как «отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется» [2, с. 160]. Изменение значений понимается как «преобразование (смещение) прежнего соотношения между обозначающим и обозначаемым» [Там же, с. 168]. Изменения лексических значений постоянно становятся предметом внимания лингвистов. А. А. Яковлев отмечает их зависимость от появления новых, «лично значимых» составляющих в системе знаний человека [14, с. 239]; Р. И. Полякова считает, что наиболее активны семантические трансформации слов в языке молодёжи [10]; А. Д. Шмелев анализирует семантические трансформации слов церковнославянского языка [12]. Исследуются изменения в лексическом значении отдельных слов, например, *общество* [6], *комфорт* и *удобство* [13],

рекрутинг [1], или групп слов, например, компонентов лексико-семантической группы «Одежда» [11]. Ещё академиком В.В. Виноградовым была выдвинута идея формирования специализированной частной лингвистической дисциплины — исторической семантики, существенной частью предмета которой стала бы история развития лексических значений слов [5]. В настоящий момент изменения лексических значений слов русского языка многочисленны и многовариантны. При этом их исследование на материале интернет-СМИ, язык которых быстро развивается и отражает активные тенденции языковой динамики, ведётся, на наш взгляд, недостаточно активно.

Цель статьи — рассмотреть семантические изменения ряда имён прилагательных современного русского языка, отражённые и закреплённые на страницах новостных лент интернет-ресурсов. Материалом для исследования стал новостной портал РИА Новости (<https://ria.ru>) — один из наиболее популярных сетевых ресурсов, транслирующих актуальную информацию о происходящих в стране и мире событиях. Для трактовки семантики слов использовался толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой — авторитетный современный онлайн-источник, отражающий основные тенденции развития русского языка [7]. Кроме того, привлекались данные «Большого толкового словаря русского языка» С.А. Кузнецова [3] и сетевых ресурсов Викисловарь [4] и «Модные слова» [9].

Имя прилагательное — часть речи, предназначенная для характеристики явлений действительности, его целью в речи является детализация существенного признака, наиболее точное описание предмета или события. В языке СМИ при трансляции новостей журналисты постоянно находятся в поиске имени прилагательного, адекватно отражающего суть передаваемой информации. Наше внимание привлекли несколько имён прилагательных, активно используемых авторами современных СМИ в трансформированных значениях.

Прилагательное *пафосный* отсылается в своей семантике к имени существительному *пафос*, имеющему в словаре Т.Ф. Ефремовой три значения: «1) Страстное воодушевление, состояние приподнятости. 2) Воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-либо. 3) Воодушевляющий, творческий источник, основная идея, основная направленность чего-либо» [7]. Имя прилагательное *пафосный*, кроме того, характеризуется значениями: «Свойственный пафосу, характерный для него» и «Проникнутый пафосом, выражающий пафос» [Там же]. Как видим, все данные значения имеют положительную коннотацию. Коннотация представляет собой «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические

оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [2, с. 203–204]. На страницах новостных лент наблюдаем использование прилагательного с трансформированной семантикой и коннотацией: «*Особенно впечатляет пафосная критика некоторых очень известных деятелей*», «*Теперь как на пафосную свадьбу селебрити — с приглашением и указанием дресс-кода*». В данных примерах семантика слова *пафосный* явно отличается от той, что заявлена в словаре. Новые значения имени прилагательного обнаруживаем на ресурсе «Модные слова»: «Пафосный — чрезвычайно высокомерный, высокопарный, манерный, то есть тот, кто считает себя лучше других» и «Пафосный — это фальшивый, слащавый, лицемерный» [9]. Изменение семантики связано, во-первых, с конкретизацией: значение перестаёт быть отвлечённым, и, как следствие, прилагательное начинает использоваться для характеристики конкретных предметов, людей, их групп (*пафосный человек, пафосный автомобиль, пафосный съезд*). Второе изменение значения связано со сменой коннотации: она становится отрицательной. Прилагательное в новых значениях используется чрезвычайно активно, в различных грамматических формах: «*Объяснения из Вашингтона, как всегда, велеречивы и пафосны*», «*В подобных случаях предвзятый пиар звучит громче и пафоснее обычного*». От него образуются наречия: «*Надежда Савченко на заседании Рады вела себя одновременно пафосно и пофигистски*». Это говорит о востребованности данной лексемы и закреплении новой семантики в языке.

Трансформации подверглась также семантика слова *адекватный*. В словаре Т.Ф. Ефремовой оно объясняется как «точно соответствующий чему-либо, совпадающий с чем-либо» [7]. В языке СМИ прилагательное, наряду с традиционным значением, приобретает новое — «нормальный». В данной семантике оно чаще всего используется для характеристики лиц: «*И все увидели, что эти люди — нормальные, адекватные граждане, с которыми можно работать*». Особенно часто новое значение проявляется в случаях использования имени прилагательного с приставкой *не-*: «*Украина продемонстрировала на весь мир непрофессионализм работы своих спецслужб, неадекватные действия неадекватных людей*». В новой семантике прилагательное образует наречие: «*При этом, по его словам, необходимо разработать меры, побуждающие человека вести себя адекватно и не нарушать права окружающих*». Развитие значения данного имени прилагательного мы оцениваем как сужение, то есть «уменьшение семантического объема слова в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [2, с. 463]. От общей семантики «соответствующий чему-либо» значение сузилось до «соответствующий

норме. Новая семантика зафиксирована в Викисловаре как переносная и разговорная: «Соответствующий норме, приемлемый, нормальный» [4].

Имя прилагательное *цивильный* зафиксировано в словаре Т.Ф. Ефремовой с единственным значением 'гражданский, общественный, штатский' [7], противоположным семантике 'военный'. Однако его использование в данном смысле в современных СМИ практически не отмечается. Новое значение находим в Викисловаре как переносное и разговорное: «Приличный, культурный» [4]. Именно оно свойственно зафиксированным в новостных лентах примерам: «Мы все еще надеемся, что новое политическое руководство Армении не будет повторять ошибок своих предшественников, будет проводить здоровую политику и постарается создать **цивильные** отношения для мирного сосуществования с соседями». Присуще оно и качественному наречию, образованному от данного прилагательного: «Немцы, например, обнаружили, что 90-е в Москве закончились, и теперь в столице все **цивильно**». Трансформация семантики шла, по-видимому, на основе метонимии: 'свойственный гражданскому обществу' → 'свойственный культурному обществу' → 'культурный'.

Особая ситуация складывается с употреблением имени прилагательного *брутальный*. Оно зафиксировано далеко не во всех толковых словарях. Обнаруживаем его, к примеру, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова с семантикой 'грубый, суровый; жестокий, зверский' [3, с. 99]. Здесь же указано, что слово восходит к французскому *brutal* в значении 'грубый; скотский'. Приведены примеры: «*Брутальные нравы. Брутальная выходка*». Приблизительно такое же значение зафиксировано в Викисловаре с пометой «книжное»: 'грубый или жестокий; выражающий грубость или жестокость' [4]. Как видим, в словарях зафиксировано только значение, имеющее негативную коннотацию. В то же время в языке новостных лент обнаруживаем использование данного слова в другом смысле, в значении 'мужественный, нагловатый, решительный, сильный, жёсткий, демонстрирующий лидерские качества'. Например: «*Сцена была очень трогательная: **брутальные**, мускулистые, татуированные спортсмены побежали обниматься со своими болельщиками*», «*Здесь собрались два десятка человек — хрупкие девушки и **брутальные** мужчины, объединенные желанием поддержать национальную сборную в первом матче Чемпионата мира по футболу*». Примеры показывают, что слово полностью изменило своё значение и стало использоваться для положительной характеристики мужественного и сексуально привлекательного мужчины. Трансформация значения очень интересная и отражает, как нам кажется, изменение в обществе восприятия образа муж-

чины: 'грубый, жестокий' → 'свойственный мужчине' → 'мужественный, грубоватый, сексуальный'.

Ещё одно прилагательное, в семантике которого явно видны трансформации, — *амбициозный*. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой оно имеет два значения: «1) Отличающийся амбицией. 2) Свойственный такому человеку» [7], при этом слово *амбиция* имеет в целом негативную коннотацию: «Обостренное самолюбие, чрезмерное самомнение; чванство, спесь» [Там же]. Негативное понимание сочетания *амбициозный человек* находим и в сетевом ресурсе «Модные слова»: «Амбициозный — индивидуум, обладающий завышенной самооценкой и обострённым самолюбием» [9]. Однако в большинстве публикаций отрицательная трактовка качества, обозначаемого этим прилагательным, отсутствует. Например: «*Поставлена **амбициозная** цель — увеличить долю в ВВП по туризму с 1 процента в 2016 году до 8 процентов к 2025 году*», «*Здесь хорошая **амбициозная** команда, отличная атмосфера на матчах, прекрасный и удобный для жизни город*». *Амбициозный* понимается как 'полный претензий, притязаний, амбиций'. Данное значение зафиксировано в Викисловаре с синонимами *притязательный, честолюбивый* [4]. В настоящий момент, когда в обществе пропагандируются умения ставить цели и достигать их, когда всячески стимулируется честолюбие людей, изменение коннотации и семантики прилагательного *амбициозный* выглядит вполне логичным: оно помогает положительно характеризовать людей, стремящихся к карьерному и коммерческому успеху, к высокому общественному положению.

Как видим, чаще всего семантические изменения происходят с заимствованными прилагательными, семантика которых прошла становление в XVIII–XIX вв. и продолжает трансформироваться в настоящий момент. Однако некоторые исконные имена прилагательные также приобретают новые значения в языке. Например, лексема *прелестный*, имеющая в толковом словаре два значения: «1) Преисполненный прелести, очарования. 2) устар. Обольщающий, прельщающий (о словах, речах и т.п.)» [7]. В новостных лентах встречаем употребления, не соответствующие данным значениям: «*Самое **прелестное**, что в этих обстоятельствах на украинском поле вдруг появился новый игрок, готовый ежемесячно отстегивать Украине 21 000 долларов США, да какой игрок — королева Великобритании!*». Здесь слово *прелестный* используется как средство иронической характеристики явлений, данное значение, пока не зафиксированное в словарях, можно сформулировать как 'удивительный, неожиданный', а происходящие в семантической структуре слова изменения представляют собой расширение лексического значения — «увеличение семантического объема (семантиче-

ской емкости) слова в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [2, с. 380].

Итак, лексические значения имён прилагательных подвергаются в современном русском языке трансформациям, которые отражаются в языке новостных лент интернет-СМИ. Наблюдаются такие виды семантических изменений, как конкретизация лексического значения (*пафосный*), его сужение (*адекватный*), расширение (*прелестный*), метонимические изменения (*цивильный*) и др. Кроме того, семантические трансформации нередко сопровождаются изменениями коннотации слов. Она может модифицироваться с положительной на отрицательную, когда имя прилагательное начинает характеризовать явление, предмет, человека не позитивно, как это было свойственно ему ранее, а негативно (*пафосный*), а может — с отрицательной на положительную (*брутальный*, *амбициозный*). В ходе модификаций лексических значений имён прилагательных мы видим действие в первую очередь внешних зако-

нов языка, то есть зависимость изменений от общества и происходящих в нём процессов. Например, трансформация семантики имени прилагательного *брутальный* связана, на наш взгляд, с изменением в обществе восприятия образа мужчины; модификация значения имени прилагательного *амбициозный* вызвано новой трактовкой амбиций, понимаемых теперь как положительное качество человека, стремящегося к карьерному и материальному успеху.

Новые значения рассмотренных имён прилагательных, несмотря на крайне широкое употребление, не отражены в толковых словарях, даже наиболее современных, хотя уже зафиксированы некоторыми сетевыми ресурсами. Однако новостные ленты, представленные в сети интернет, отражают наиболее современные тенденции и процессы, действующие в русском языке. Их язык — это действительно современный язык, и семантические трансформации, наблюдаемые в нём, можно считать состоявшимися, реально закрепившимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимускина О. А. Развитие значения слова «рекрутинг» (на материале текстов, освещающих вопросы образования) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7–2 (49). — С. 18–20.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. Энциклопедия, 1969. — 608 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
4. Викисловарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 05.07.2018).
5. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — С. 5–36.
6. Дуринова Г. В. Когнитивные методы в исторической семантике // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2015. — № 6. — С. 124–133.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. — М.: Дрофа, 2000. — 1233 с. (онлайн версия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 05.07.2018).
8. Крылова М. Н. Язык как динамическая система // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. — 2014. — № 1(9). — С. 189–194.
9. Модные слова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://модные-слова.рф> (дата обращения: 05.07.2018).
10. Полякова Р. И. Изменение лексического значения слов в молодежной среде // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2013. — № 4 (12). — С. 82–84.
11. Фам М. Ф. Типы семантических изменений в лексико-семантической группе «Одежда» (на материале прозы И. А. Бунина) // Филологос. — 2018. — № 36 (1). — С. 68–75.
12. Шмелев А. Д. Осмысление и переосмысление церковнославянских элементов в современной русской речи // Русская речь. — 2013. — № 6. — С. 46–50.
13. Щеглова Е. А. Комфорт и удобство // Русская речь. 2013. № 4. С. 120–124.
14. Яковлев А. А. Изменение значения и смысла слова как отражение новых знаний человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2017. — № 4. — С. 239–245.

© Ван Цянь (wqukr@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ)

THE DISTINCTIVE FEATURES OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS (BY THE EXAMPLE OF IDIOMS OF INTELLECTUAL FIELD)

O. Volobueva

Summary. The article is devoted to the study of semantics of phraseological units, or idioms. Phraseological meaning is a special phenomenon, which is explained by the complexity of the structure of phraseological units, and their metaphoric character. The phraseological meaning differs from the lexical one and is manifested in the diffusivity of the semantic component, and the special role of the evaluative and connotative components of the phraseological meaning. In the article, the features of phraseological semantics are examined by the example of phraseological units of the intellectual field.

Keywords: phraseological unit (idiom), phraseological meaning, phraseological semantics, component of phraseological meaning, diffusivity of meaning, evaluation.

Волбуева Ольга Николаевна

К.филол.н., доцент,

Тюменский индустриальный университет

volobueva-olga-n@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей семантики фразеологических единиц. Фразеологическое значение представляет собой особое явление, что объясняется раздельнооформленностью и сложностью структуры фразеологических единиц, их переосмысленным характером. Фразеологическое значение отличается от лексического значения и проявляется в широкозначности смыслового компонента и особой роли оценочного и коннотативного компонентов фразеологического значения. В статье особенности фразеологической семантики рассматриваются на примере фразеологизмов интеллектуальной сферы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое значение, фразеологическая семантика, компонент значения фразеологизма, диффузность значения, оценочность.

Анализ семантики фразеологических единиц (далее ФЕ) невозможен без обращения к проблеме их значения. Специфика фразеологического значения объясняется, во-первых, основным противоречием, свойственным фразеологизмам — противоречием между целостностью значения и раздельнооформленностью этих единиц, что несвойственно словам, переплетением в значении ФЕ различных аспектов, сложностью их структуры. Во-вторых, особенность фразеологического значения объясняется переосмысленным характером компонентов фразеологизма. Для фразеологического значения характерна двуплановость: в значении мотивированных ФЕ сосуществуют признаки как первого, так и второго денотатов. Немотивированные ФЕ характеризуются спаянностью значения, поскольку их компоненты абстрагированы от своих лексических и грамматических значений [6].

Фразеологическое значение обычно рассматривают в сравнении с лексическим значением, отмечая, что фразеологическое значение — явление более сложное по сравнению с лексическим значением [1]. Ю.П. Солодуб, анализируя структуру лексического и фразеологического значений на материале различных языков, делает вывод о том, что своеобразие смысловой структуры

фразеологизма в сравнении со смысловой структурой слова заключается не в самом наборе компонентов лексического и фразеологического значений (он одинаков у слова и фразеологической единицы), а в различной их роли в составе этих значений [9]. По мнению ученого, своеобразие фразеологической семантики проявляется в большей детализации фразеологического образа, который по своей внутренней структуре сложнее образа лексического, более нагляден, в большей мере эксплицирован и детализирован, что выражается в эврисемичности фразеологического значения: «Большая эксплицированность ФО, сложность внутренних отношений между его лексическими компонентами чаще расширяет не только коннотативные, но и номинативные возможности фразеологизма, делает значение фразеологизма эврисемичным» [9, с. 51].

В.Н. Телия своеобразие фразеологического значения также видит в его семантической диффузности. Денотат фразеологизма отличается от денотата семантически производного слова, так как у фразеологизма в качестве прототипа выступает сочетание слов, компоненты которого утрачивают самостоятельную денотацию. При вторичной номинации слово высвечивает обычно только один из образно ассоциированных признаков, харак-

терных для него в исходном значении [8, с. 198–210; 10], фразеологизмы же, «как общее правило, «переносят» из исходного для них сочетания слов более, чем один признак, поскольку само исходное для них сочетание полипризнаково — во-первых, а во-вторых — оно в процессе переосмысления включается в полипризнаковый же классификационный фрейм или фрейм акциональный, который уже заполнен подробностями. <...> Из этого следует, что значение фразеологизмов всегда больше насыщено «детальными», чем значение слова» [11, с. 85].

Сложный характер смысловой структуры фразеологического значения можно продемонстрировать на примере фразеологии интеллектуальной семантики, в частности, фразеологии, обозначающей интеллектуальные свойства и состояния человека. При исследовании семантики фразеологизмов русского языка с ядерным значением «глупый» (более 170 ФЕ) логичным представляется классификация фразеологических единиц по «степени» глупости: фразеологизмы с общим значением «глупый, несообразительный» (*дурья голова, ум короток, дубовая голова, голова соломой набита, куриные мозги, пустая башка*), «очень глупый» (*отпетый дурак, набитый дурак, дурак и не лечится*) и «безнадёжно глупый, тупой» (*дубина стоеросовая, дубина дубиной, глупый / глуп как баран, глуп как сивый мерин*).

Однако семантический анализ показал, что значение некоторых фразеологизмов является более сложным и включает в свою понятийную структуру не только семы «глупый, несообразительный, тупой», но и семы, обозначающие различные качества человека. Так, в значении ФЕ *медный лоб, валамова ослица* совмещаются семы «глупый» и «упрямый», значения фразеологизмов *мешок с соломой, пень пнем* включают кроме признака «глупость» признаки «нерасторопность, медлительность, вялость», когда мы говорим о человеке, что он *с ветерком в голове, со сквозняком в голове*, то имеем в виду не только «глупость», но и «легкомыслие». С семей «глупость» граничат также семантические признаки «невнимательность, забывчивость» (*садовая голова/ голова садовая, голова (и) два уха*); «самоуверенность, надменность» (*профессор кислых щей, профессор кислых щей и составитель ваксы*), «наивность» (*как дитя малое, будто вчера на свет родился*), «болтливость» (диал. *одна голова — два языка*) и др. Фразеологизм *без царя в голове* имеет в своем значении семы «взбалмошность», «неумение управлять собой». Глупый человек в языковом представлении может быть заурядным, простоватым (значение «не отличающийся умом, имеющий средние способности, заурядный человек»): *звезд с неба не хватает, пороха (пороху) не выдумает, не блещет талантом*.

Фразеологизмы с ядерным значением «умный» (*человек большого ума, ума не занимать*) (проанализировано 78 ФЕ) также отличаются более сложной смысловой структурой значения. Человека умного характеризует самостоятельность мышления (*своя голова на плечах, со своим царем в голове, жить своим умом*), способность мыслить логично, ясно (*светлая голова, умная голова, светлый ум*), сообразительность и находчивость (голова (котелок, черепушка) варит, *шарики крутятся (шевелятся)*, здравомыслие (*человек с понятием*). Умный человек в языковом сознании является, как правило, человеком образованным, о чем свидетельствуют семы «осведомленность, эрудированность» в значении ФЕ *голова (что) Дом Советов, кладезь (бездна) премудрости*.

Фразеологизмы, объединенные семантическим признаком «сумасшедший», довольно частотны в русском языке (проанализировано 86 ФЕ) и в значительной степени отличаются эврисемичностью значения, диффузностью семантики. Данные фразеологизмы классифицируются по двум семантическим признакам: обороты со значением «сумасшедший, ненормальный» (*тронутый умом, крыша не в порядке*) и «странный, с причудами» (*со странностями, с приветом*), причем ФЕ первой группы чаще имеют два значения: 1) сумасшедший в прямом смысле, душевнобольной; и 2) человек, ведущий себя подобно сумасшедшему, чье поведение, поступки оцениваются как аморальные, противоречащие норме.

Своеобразие семантики рассматриваемых фразеологизмов проявляется в том, что они совмещают в своем значении множество различных сем, связанных не только с глупостью или слабоумием, но и со странным поведением человека, обозначают его различные внутренние состояния и настроения: *взбалмошность, раздражительность, капризность* и другие (*не в своем уме, шариков (винтиков) не хватает, сдвиг по фазе, с тараканами в голове (в извилинах, в котелке)*).

Следует отметить, что важную роль в структуре значения фразеологизмов интеллектуальной сферы играет оценочный компонент, так как фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства и состояния человека, являются по своей природе оценочными. Однако оценка человека по интеллекту не всегда однозначна («умный» или «глупый»), на оценочный компонент фразеологического значения могут влиять как денотативный, так и коннотативный компоненты, что проявляется в значительных колебаниях оценочного момента.

Так, фразеологические единицы *опилки в голове, чурбан чурбаном, тронутый мозгами*, характеризуют интеллектуальные способности и состояния челове-

ка, имеют отрицательную оценку в целом, т.е. оценка относится к общему значению фразеологизма. Оценка также может относиться к одному из дополнительных семантических признаков значения. Например, в значении ФЕ *тюха-матюха, лопух лопухом* основная сема «глупый» выражает негативную оценку, а признаки «наивный, доверчивый», дополняющие эту сему, смягчают отрицательную оценку. В семантической структуре фразеологизмов *дурная голова, дура-голова* кроме признака «глупый» выделяются признаки «невнимательный, забывчивый», что предопределяет возможность снисходительного употребления этого фразеологизма по отношению к другим или ироничного употребления по отношению к себе: *Эх, я, дурная голова, как же я этого не понял!*

Фразеологизмы со значением «умный», как правило, имеют положительную оценку (*голова на месте, своя голова на плечах, со смекалкой*), однако «слишком умный» или «умный и хитрый» человек может оцениваться носителями языка отрицательно (например, *на кривой не объедешь, колесом не объедешь*): *Не знаю, сможем ли мы договориться, его на кривой не объедешь*. Фразеологические обороты *сами с усами, не лаптем щи хлебать, не на того напал* имеют значение «не глупее, не хуже других» (положительная оценка), но употребляются при противопоставлении одного человека другому и служат для утверждения говорящего в глазах других: *Мы сами можем решить эту задачу, не лаптем щи хлебаем!* ФЕ *ходячая библиография, живой (ходячий) справочник, ходячая летопись* имеют в своей семантической структуре семы «образованный, эрудированный», но образованы с помощью иронии, что также снижает положительную коннотацию оборотов.

В рассмотренных примерах речь идет о так называемой фиксированной рациональной, или объективной, оценке, которая не зависит от условий контекста [5, с. 38]. Некоторые фразеологизмы при сохранении в целом денотативного ядра могут менять оценку в зависимости от контекста, ситуации или от эмпатии говорящего / слушающего (нефиксированная / субъективная оценка) [Там же]. Например, фразеологизм *не от мира сего*, имеющий значение «мечтатель, отрешенный от жизни человек» [14, с. 249], может менять оценку в зависимости от отношения говорящего, ср: *С ним невозможно иметь дело, его поступки не понятны, он не от мира сего; Он удивительный человек, совершенно не похож на других, не от мира сего*.

Сложность структуры фразеологического значения отражается и при составлении фразеологических словарей. А. М. Бабкин пишет: «...выявить и определить значение идиомы неизмеримо труднее <...> В отличие от сло-

ва идиома по своей природе семантически диффузна, ее смысловые обертоны почти не отчленимы, в той или иной степени они присутствуют при любом употреблении идиомы. Попытки словарей вычленивать то или иное смысловое отклонение в идиоме обычно приобретают искусственный характер...» [2, с. 10–11].

Для иллюстрации данной цитаты приведем примеры дефиниций фразеологизмов *голова садовая* и *семи пядей во лбу* в различных фразеологических словарях русского языка.

Голова садовая:

- ◆ *Неод.* глупый, бестолковый человек (иногда снисходительно) [4, с. 48];
- ◆ *Пр.* несообразительный, *нерасторопный, неловкий* человек; *разиня* [14, с. 112];
- ◆ *Шутл.-ирон.; Пр. Неод.* о том, кто недалек, несообразителен, *невнимателен* [12, с. 116];
- ◆ *Ирон. Шутл.* 1. о глуповатом или *забывчивом* человеке; 2. о простаке [3, с. 119].

Семи пядей во лбу:

- ◆ *Разг. Экспр.* очень умный [13, с. 109];
- ◆ об очень умном человеке [3, с. 481];
- ◆ *Разг. Одобр.* о том, кто очень умен, *сообразителен* [12, с. 376];
- ◆ о чрезвычайно умном, *мудром* человеке [4, с. 321];
- ◆ очень умный, мудрый, *выдающийся* [14, с. 373];
- ◆ *Разг. Одобр.* очень умный, обладающий выдающимися способностями, *талантливый* [7, с. 555].

Из определений мы видим, что в семантической структуре ФЕ *голова садовая* фразеологи кроме общих признаков «глупый, несообразительный» выделяют различные дополнительные семантические признаки: «нерасторопность, неловкость, невнимательность, забывчивость». Выделяется также второе значение «простак».

Фразеологизм *семи пядей во лбу* лингвисты описывают не только как «очень умный» (общий признак), но и как «сообразительный», «мудрый», «талантливый». С помощью таких интенсификаторов, как *очень, выдающийся, чрезвычайно* ученые пытаются усилить общее значение фразеологического оборота, подчеркнуть его экспрессивную окраску.

Различия проявляются также в выборе стилистических помет составителями фразеологических словарей. В словаре [4] ФЕ *голова садовая* оценивается как *Неод.* (неодобрительно), но указывается на возможность снисходительного употребления оборота. Словарь [3] дает помету *Ирон. Шутл.* А в словаре [12] представлены сразу несколько помет *Шутл.-ирон.; Пр. Неод.*

Таким образом, фразеологическое значение представляет собой особое явление, которое характеризуется сложной семантикой, многокомпонентной структурой, отличается смысловой широкозначностью, что связано с раздельнооформленностью фразеологизма, его переосмысленной природой, влиянием экстралингвистических факторов. Анализ семантики фразеологизмов интеллектуальной сферы показал, что в значение фразеологизмов, обозначающих глупого человека, входят различные семы, выражающие отрицательные качества человека, следовательно, глупый человек осознается носителями языка как человек упрямый, невнимательный, легкомысленный, забыв-

чивый, взбалмошный, заурядный. Понятие об умном человеке во фразеологии связано в основном с положительными качествами человека (сообразительность, самостоятельность мышления, находчивость, здравомыслие). Фразеологизмы со значением «сумасшедший» отличаются наибольшей эврисимичностью семантики. Важным компонентом значения фразеологизмов интеллектуальной сферы является оценочный. Оценка в семантике фразеологизмов может зависеть не только от общего значения фразеологизма, но и от дополнительных семантических признаков, входящих в это значение, а также от определенного контекста или отношения говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В. Л. Архангельский. — Ростов-на-Дону, 1964. — 315 с.
2. Бабкин А. М. Идиоматика и грамматика в словаре / А. М. Бабкин // Современная русская лексикография. 1980. — Л., 1981. — С. 5–43.
3. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Спб., 1999. — 926 с.
4. Бирих А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / Под ред. В. М. Мокиенко. — Ростов-н/Д, 1996. — 352 с.
5. Волобуева О. Н. Оценочный компонент в семантической структуре фразеологизмов интеллектуальной сферы / О. Н. Волобуева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — Челябинск, 2010. — № 11 (192). — С. 38–42.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. / А. В. Кунин. — М., 1996. — 381 с.
7. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: ок. 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — М., 2001. — 856 с.
8. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. — М., 1983. — 319 с.
9. Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. — 1997. — № 5. — С. 43–54.
10. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. — М., 1977. — С. 129–221.
11. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 286 с.
12. Тихонов А. Н. Учебный фразеологический словарь русского языка / А. Н. Тихонов, Н. А. Ковалева. — М., 2001. — 528 с.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18–20 вв. / Под ред. А. И. Федорова. — М., 1995. — 606 с.
14. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — М., 1986. — 543 с.

© Волобуева Ольга Николаевна (volobueva-olga-n@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ПРИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛИ КУДРЯШЕВОЙ

LANGUAGE GAME AS THE DOMINANT DEVICE IN CREATIVITY ALI KUDRYASHEVA

A. Gorushkina

Summary. This article is devoted to the analysis of the methods of language game in the works of the modern network author Ali Kudryasheva. The researcher considers these techniques according to the language levels. To begin with, it is concluded that at the phonetic level, the linguistic game is realized by means of alliteration and assonance. Whereas at the word –formation level it is pursued by means of destruction of word forms, as well as the creation of author's neologisms. As for the the lexical level, it is realized by means of polysemy. At the phraseological level it is pursued by destruction and literalization of phraseological units. Finally, at the syntactic level it is realized by imitation of the flow of consciousness.

Keywords: Alya Kudryasheva, network poetry, language game, alliteration, assonance, author's neologism, destruction.

Горушкина Анна Валентиновна

*Аспирант, Череповецкий государственный
университет
anette1993@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу приемов языковой игры в творчестве современного сетевого автора Али Кудряшевой. Исследователь рассматривает данные приемы в соответствии с языковыми уровнями и приходит к выводу, что на фонетическом уровне лингвистическая игра реализуется средствами аллитерации и ассонанса, на словообразовательном — с помощью деструкции форм слов, а также создания авторских неологизмов, на лексическом — посредством полисемии, на фразеологическом — путем деструкции и буквализации фразеологизмов, на синтаксическом — имитацией приема потока сознания.

Ключевые слова: Аля Кудряшева, сетевая поэзия, языковая игра, аллитерация, ассонанс, авторский неологизм, деструкция.

В настоящее время понятие «игры» распространяется практически на все сферы жизни и культуры, вызывая интерес ученых различных областей научного знания. Среди огромного разнообразия игр особое место занимает языковая игра. Языковая игра в силу особенностей русского менталитета всегда имела место в русской речи, в публицистическом и художественном стилях, в языке отдельных писателей или героев их произведений. Как отмечает М. Н. Кожина, языковая игра — это «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка, то есть на деструкции речевой нормы, с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя или читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект». [8, с. 657]. С точки зрения О. В. Тороповой, «данное явление в значительной степени отражает то, как носитель языка воспринимает и познает окружающий мир и себя в этом мире, поскольку в бесконечно порождаемых языковых трансформациях заложены различные способы выражения оценки явлений, событий, фактов, в том числе юмор и ирония. Активно используя средства всех без исключения уровней языка, игра выступает одним из важнейших принципов моделирования разнообразных смыслов на стыке языка и речи: любая трансформируемая единица формирует

сугубо контекстуальные коннотации, получает ситуативное семантическое наполнение» [10, с. 276], разрушает понятийные и языковые «шаблоны». В художественном тексте она стимулирует динамику создаваемых образов и активизирует процесс восприятия, привлекая внимание к парадоксальности суждений, внешнему алогизму, за которым нередко скрывается подтекст, важный для осознания художественного смысла.

Постмодернистскую поэзию не случайно принято определять как игровую [4]. Исключения не составляет и творчество современного поэта-блогера Али Кудряшевой, тексты которой насыщены интертекстуальными связями, основанными на употреблении лингвокультурем, апеллирующих к той или иной культурной ситуации. Адекватное восприятие поэтических текстов невозможно без общих знаний автора и читателей. Игнорирование контекста (в первую очередь — культурного) оставляет читателя на уровне первичного восприятия текста, не позволяя раскрыть его глубинный смысл [1, с. 167], таким образом, авторская интенция рассчитана на диалог с читателем, способным расшифровать и оценить игру.

В ходе нашего исследования методом сплошной выборки были отобраны произведения Кудряшевой, содержащие элементы лингвистической игры, которые мы

распределили по группам в связи с той областью языка, где происходят трансформации:

1. фонетический;
2. графический;
3. словообразовательный;
4. лексический;
5. фразеологический;
6. синтаксический.

Рассмотрим их более подробно.

Языковая игра на фонетическом уровне в большинстве случаев достигается благодаря средствам аллитерации и ассонанса. Так, в тексте *«Воздух под ноги валится, / Вечером в утро верится. / В Питере скалы скалятся, / В Таллине ветер вертится»* особая экспрессивность достигается благодаря употреблению близких по фонетическому облику слов. Подобное нагнетание звуков создаёт почти зрительно ощутимый образ, воздействует на перцептивные каналы читателя, усиливая общий эстетический эффект. Следует обратить внимание на то, что в данном фрагменте умышленный семантический алогизм, выражающийся в мене географических и климатических характеристик русского и эстонского городов (сильные ветра характерны для Санкт-Петербурга, скалистая местность встречается в Эстонии), так же отражается на фонетическом уровне — обилие звуков [т], [р], [р'] наблюдается в словах *Питер, ветер, вертится*; звукосочетание [ал] с ударным [а] характерно для слов *Таллинн, скалы, скалятся*: [ф п'ит 'ър'ь скалы скал'ьць] / [ф тал'ин'ь в'эт 'ър в'эрт 'ица].

Отметим, что уровневое разделение приемов создания языковой игры довольно условно, часто в одном тексте можно увидеть контаминацию средств различных уровней. Так, фрагмент *«Порван капюшон? / Так возьми зашей — / Не беда. / Что лапсанг сушонг / Что лапша с ушей — / Всё еда»* сочетает два способа создания языковой игры. С одной стороны, мы видим сближение сходных по фонетическому облику выражений: *лапсанг сушонг* (один из известных сортов китайского чая) и *лапша с ушей*, однако комический эффект не был бы достигнут без декодирования второго элемента, отсылающему к фразеологизму «вешать лапшу на уши» (обманывать, вводить в заблуждение), в данном случае понимаемому буквально, дословно, на что, в том числе, указывает и обобщающая лексема *еда*. В контексте *«Зарываюсь в глубине пыльно-книжной, / А что делать мне еще — не усну же... / Город Нежный или всё-таки Нижний — / Город Нижний или всё-таки Нужный»* наблюдается соединение лексем, семантическое различие которых возможно благодаря ударной гласной фонеме: [н'эжны], [н'ижн'и], [нужны]. Характеристика топонима с эмоциональной точки зрения посредством аллитерации подчеркивает важность данной онимической единицы для

автора по метонимическому принципу, что делает возможным сближение лексем с положительной экспрессивной окраской (нежный, нужный).

Языковую игру на графическом уровне проиллюстрируем примером: *«Добавляю в друзья людей, / Выношу из друзей других / И пишу: как был прожит день, / Публикую дурацкий стих, / Или, может, вселенский стон, / Всё про то, как мне трудно жить, / Или: «Мне тут приснился сон, / Будто нет никакой ЛЖ-и...»*. В данном случае использован прием графической контаминации — совмещения в слове разных единиц на основе их структурного, функционального или ассоциативного объединения. Так, в структуре выделенной лексемы можно без труда выделить слово *ложь*, употребленное в форме генетива. Однако автор неслучайно прибегает к смене размера шрифта и использованию символа, выделяющего аналог флексии *-и*. Этот прием позволяет поэту обозначить аббревиатуру ЛЖ, являющейся прямой отсылкой к названию блог-платформы для ведения онлайн-дневников LiveJournal (английское сокращение — LJ). Двойная семантическая интерпретация становится возможной благодаря элементам графической языковой игры.

На стыке графического, словообразовательного и лексического уровней находится фрагмент *«Вымываю до скрипа заботы. / Вы-мы-вам-говорили, что тяжко... / Тыльный запах ладони забытой. / Я-лгну к пальцам, к горячим костяшкам. / Болтовня расплескалась, а он за- /*

- ♦ *был твоё баклажанное горе / Темнота выплывается в бронзу. / Тем, но-там значит, этим — другое»*. Языковая игра в данном случае построена на деструкции форм слов, раскладывающихся на самостоятельные единицы: *вымываю / вы, мы, вам; темнота / тем, но там*. Так, мы имеем возможность выделить семантические аппозиции *мы-вы, те-эти*. Усиливают эффект экспрессивности дробление слова *забыл* с рифмующейся первой частью и нарушение лексической сочетаемости слов *тыльный* в контексте *тыльный запах* и *баклажанный* в контексте *баклажанное горе*. Схожая ситуация наблюдается и во фрагменте иного текста: *«Миру вы-годны, но, к сожаленью, не я годна»*.

Так, графическое разбиение слова *выгодны* приводит к двоякой интерпретации: *миру выгодны / миру выгодны*. Выделение в составе данной лексемы местоимения вновь актуализирует аппозициональные отношения: *вы, но не я*.

Словообразовательная игра реализует себя посредством создания авторских неологизмов: *«В темном*

пальто, с рюкзаком большим, / Чуть недости- ранный и небритый, / Тощий, сутулый, почти плешив, / С явным хроническим октябритом». Общий эмоци- онально-экспрессивный тон текста позволяет опреде- лить значение лексемы **октябрит**: болезнь, состояние депрессивного расстройства, обусловленного сезон- ными климатическими изменениями. Мотивирующим словом для данной формы является существительное **октябрь**, форма образована по аналогии с названием заболеваний типа бронхит, трахеит. Усиливает конно- тативное значение контекст: **хронический октябрит**. Неологизм **ночер**, функционирующий во фрагменте *«Так что таким вот тихим февральским ночером... Я ненадолго, мне ведь домой чесать...»*, представля- ет собой имя существительное, обозначающее позд- ний вечер, промежуток между вечером и ночью. Фор- ма слова контамирирует производящую основу **ночь** и форму творительного падежа слова **вечер** — часть корневой морфемы и флексию (*вечером*). В стихот- ворениях Кудряшевой часто неологизмы образуются путем наложения двух слов друг на друга, где оконча- ние первого совпадает с началом второго. Так, в кон- тексте *«Девочка — была нигдевичкой, стала жен- щинной-вывеской «не влезай убьет»»* можно увидеть сцепление слов *нигде* и *девочка* с общим элементом **де**. Подобного рода контаминация порождает новый смысл лексической единицы. Во фрагменте *«Я ведь вечно пораженица — говорит, я живу — да вот внутри у меня горит»* лексема **пораженица** обра- зована путем наложения глагольной формы **поразить** в значении «вызвать болезненное изменение, причи- нить ущерб» и **женщина**. Эту трактовку подтверждает дальнейшие строки: *«у меня ведь дистония, нефрит, гастрит...»*.

Рассмотрим примеры языковой игры на лексиче- ском уровне: *«На проселок Истинного Дао / Выберусь из темной чащи будней... / Поверну куда-нибудь на- право / И о смысле жизни позабуду...»*. Оним Дао — одна из основных категорий китайской философии, путь нравственного совершенствования, совокупность морально этических норм, первопричина и источник всего сущего. В текстах Кудряшевой эта категория при- обретает символическое значение, обнаруживая связь с концептуальными мотивами дороги, пути, должными привести к пониманию высшей истины [6, с. 15], но при этом в данном фрагменте наблюдается мена смыслового наполнения лексемы: нравственный путь / путь в значе- нии «дорога между населенными пунктами», что созда- ет комический эффект сочетания *проселок Истинного Дао*. Не меньший интерес представляет собой следу- ющий контекст: *«Усталый и похудевший Каин / Ра- ботает в фирме «Авель и бр.» / Он утром встает и моет посуду... / Как не сказка? Ну, думай сам. / Чешет за ухом котка Иуду, / Ведет на прогулку Иро-*

да — пса... / Потом на работу — сидит до вечера, / Бьет по клавишам, глядит на экран, / У него тоска в легкой форме. Лечится. / «Не безнадежен.» — го- ворят доктора. / Авель помогает ему по-всякому, / Дом и работу вот подыскал. / Дни аккуратны и уни- наковы... / Если б еще не эта тоска...». Здесь нахо- дит отражение известный библейский сюжет, однако, мы видим действия героев, перенесенных в реалии совре- менной жизни. Сохраняя имена действующих лиц, си- туация получает новое наполнение, противоположное традиционному сюжету: Каин и Авель как бы меняются местами и тот, кто в православной традиции является братоубийцей, первым грешником на земле — болен, работает до вечера, а именем того, кто является жерт- вой, названа компания (из чего можно заключить, что Каин работает на Авеля). Таким образом, данные онимы характеризуются и с семантической, и с прагматической точек зрения.

Феномен языковой игры, построенной на деструк- ции, находит отражение на фразеологическом уровне. Так, например, в фразеологической единице «свернуть горы» в значении «делать большое дело, требующее чрезвычайных усилий» такие признаки, как семантиче- ская целостность, воспроизводимость утрачивают ве- дущую роль, что приводит к разложению фразеологиз- ма на самостоятельные составляющие: *«Если каждый свернет гору / Своего любимого ради, / То альпини- сты ползут / На стенки пятиэтажек»*. Подобная ситуация наблюдается во фрагменте *«Уже не помню прошлой минуты, / Дорожных ссажинок и отме- тин. / На этот раз для меня попутный / В твоей голове шумящий ветер. / На этот ветер бросаю деньги, / Слова и мысли — лови, кто хочет»*. Здесь обыгрываются фразеологические сочетания *бросать деньги на ветер* (тратить деньги на что-то пустое, не- нужное, бессмысленное) и *ветер в голове* (так говорят о беспечной и легкомысленной персоне, которая никог- да не задумывается над поступками и последствиями своих деяний). Контаминация данных единиц возмож- на благодаря наличию у них общей лексемы (ветер), которая, при этом, меняет коннотативное значение на прямое (ср: попутный ветер). В контексте *«Крысы бе- гут с корабля на бал, / Чтобы стать там конями / И ровно в двенадцать часов / Опять превратиться в крыс»* мы наблюдаем контаминацию трех лингво- культурем. Два устойчивых выражения «Крысы бегут с (тонущего) корабля» (в значении «предавать, избегать трудностей») и «С корабля на бал» (в значении «быстро менять обстановку»), имея в своем составе общую лек- сему, как бы накладываются друг на друга, тем самым ан- нулируя первичное значение. На основе образа крысы и ситуации бала возникает прецедентный феномен — аллюзия на сказку Шарля Перро «Золушка» [2]. Всё это позволяет говорить о разрушении фразеологических

единиц, и, соответственно, переосмыслении их исходного значения.

Языковая игра на синтаксическом уровне может выражаться с помощью разрушения управлений глаголов («У меня есть тетрадка для наблюдений, / Я в нее наблюдаю»; «сходи в ЖЖ. Заведи аккаунт»), использования приема синтаксического параллелизма, усиливающего парадоксальный эффект («Мы с осинкой очень похожи: / Она — дерево и я — дерево. <...> Мы с осинкой похожи очень: / На ней вешались, на меня вешались. <...> Мы похожи очень с осинкой: / Она — зеленая, я — зеленая»). Особенно яркие примеры, совмещающие синтаксический и стилистический приемы. Данные тексты напоминают подобие потока сознания, что отражается на способе организации текста: он записывается монолитно, без разделения на строки и строфы, часто — без учета деления на предложения или без заглавных букв: «Третий лишний, говорят, третий лишний, книжный, скучный, говорят, мешающий, длинный такой нафталиновый третий, говорящий какую-то чушь и слушать его — не заметишь, как и уснешь, поскольку он третий, а мы-то всё дальше в лес и у нас руки дрожат от счастья и глаза горят синим дымом, птички поют, а третий лишний, неслышный, всевышний, тот самый ближний, которому надо дать по щеке, чтоб получить от того, кто от тебя вдалеке...»; «Хочешь про колокольчики, про мокрые росяные колокольчики, про слезливые колокольчики, похожие на мятые синие тряпочки,

похожие на небо, порезанное кусочками, про осенние блеклые колокольчики, звенящие колокольчики, путается смех в колокольчиках, путается грех в колокольчиках, мы забудем всех в колокольчиках, в синих неземных колокольчиках, раскрывай глаза в колокольчиках, по уши влезай в колокольчики, голос раствори в колокольчиках, будем до зари вколокольчиках...»; «И капельку апельсинным, и сверху тоской трясиной, и сверху листвою осинной. / И снова рисует море, / без рыбы рисует море, / квартирно-мелкое море море, атласно-плотное море, солено-горькое море. / такое страстное море, такое страшное море, июньски-нежное море. / художник рисует море».

Таким образом, языковая игра как текстообразующий фактор характеризуется использованием уникальных авторских приемов на различных уровнях функционирования текста. В текстах Али Кудряшевой данный прием используется достаточно широко, что является своеобразной уникальной чертой ее поэтического творчества. Причиной довольно широкого распространения феномена языковой игры в современном поэтическом дискурсе можно назвать влияние эстетики постмодерна, который стремится к освобождению от правил, канонов предыдущих течений и направлений, систем, стремится к ломке привычного и устоявшегося. Языковая игра позволяет видеть вещи в новом, неожиданном ракурсе, тем самым выполняя как семантическую, так и коммуникативно-прагматическую задачу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горушкина А. В. Особенности реализации функциональной модели коммуникации в сетевом поэтическом дискурсе (на материале «Живого журнала» Али Кудряшевой) // Лучшая научная статья-2017: сборник статей X Международного научно-практического конкурса. — Пенза, 2017. — С. 164–167
2. Горушкина А. В. Разрушение фразеологизмов как основной прием языковой игры в творчестве Али Кудряшевой // Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: materials of the II international scientific conference on November 7–8, 2017. — Prague, 2017. — С. 78–81
3. Гридина Т. А. Языковая игра. Стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996. — 225 с.
4. Грудева Е. В., Минец Д. В., Елистратова К. Ономастические модели мира в современной женской сетевой поэзии // Философия языка и язык философии: монография. — Новосибирск., 2015. — С. 100–144
5. Кудряшева А. Живой журнал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://izubr.livejournal.com/>
6. Минец Д. В., Горушкина А. В. «Диалог культур» в структуре языковой личности (на материале текстов Али Кудряшевой) // LITERA. — М., 2017. — № 2. — С. 10–19
7. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М., 2006. — 139 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. — М., 2006. — 696 с.
9. Телия В. Н. Что такое фразеология / В. Н. Телия. — М., 1966. — 288 с.
10. Торопова О. В. Языковая игра как важнейший принцип смыслопорождения на стыке языка и речи // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 276–278

© Горушкина Анна Валентиновна (anette1993@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЧАСТИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ЧТО»

Иващенко Наталья Андреевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
missis.nata.87@mail.ru

STRUCTURAL-SEMANTIC AND FUNCTIONALLY PRAGMATIC PECULIARITIES OF PHRASEOLOGIZED PARTICLES WITH THE COMPONENT *THAT*

N. Ivashchenko

Summary. In the article, a diverse analysis of phraseologized particles with the component *that* is carried out: peculiarities of functioning of these compounds are considered in the sentences of literary texts; an idea of their structural and semantic organization is presented. The productivity of phraseologized particles with the component *that* is indicated, and the presence of significant expressive possibilities of the indicated compounds is revealed.

Keywords: lexeme «*that*»; phraseologized particles; phraseme; modal particles; lexico-grammatic meanings; expressivity.

Аннотация. в статье проведен разноаспектный анализ фразеологизированных частиц с компонентом *что*: рассмотрены особенности функционирования данных соединений в предложениях художественных текстов, дается представление об их структурно-семантической организации. Обозначена продуктивность фразеочастиц с компонентом *что* и выявлено наличие значительных экспрессивных возможностей обозначенных соединений.

Ключевые слова: лексема «*что*», фразеологизированные частицы, фразема, модальные частицы, лексико-грамматические значения, экспрессивность.

Под фразеологизацией понимается особый лингвистический процесс, в ходе которого свободное сочетание становится устойчивым выражением. Это происходит в результате переосмысления исходного сочетания, которое основывается на метафоре, сравнении, эвфемизме, метонимии, гиперболе и т.д. [3, С. 17]. При этом языковой комплекс приобретает признаки фразеологизма: идиоматичность, общеупотребительность, воспроизводительность, компликативность семантики, расчлененность структуры.

Фразеологизация — один из наиболее активных процессов лингвистики, являющийся результатом стремительных изменений социокультурного пространства. Чаще всего фразеологизации подвергаются словесные комплексы номинативных единиц. Однако особый интерес вызывает переход во фразеологизмы сочетаний незначительных единиц, в частности, это фразеологизация частиц. Фразеологизированные частицы представляют собой сложные функционально-семантические формирования. При отсутствии самостоятельного лексического значения, в определенных коммуникативных условиях они выступают в качестве независимых высказываний.

Большое количество фразеологизированных частиц имеет в своем составе компонент *что*. Сюда относятся фраземы: *что-что*, *а...*, *что ли*, *что из того* (*что из того, что*), *вот что-что*, *а что*, *а что же*, *все равно что*, *ну и что*, *что же*, *а то что же*, *что к чему* и др. Главным образом, фразеологизированные частицы с компонентом *что* осуществляют пропозициональную функцию. Их семантика определяется через контекст и конситуативное окружение. Концепт высокой контекстуальной и конситуативной зависимости фразеочастиц является привилегирующим и отличает их от других фразеологизированных выражений, обладающих относительной независимостью и самостоятельностью. Особенности семантики фразем с компонентом *что* заключаются в том, что при разных обстоятельствах одна и та же такая фразема имеет различные значения, часто даже противоположные. К примеру, в предложении: «*Что за манера! Уж сидели, сидели!*» — сказала графиня, проводив гостей» (Л. Толстой «Война и мир») — фразеологизированная частица *что за* выражает недовольство, осуждение. Эта же фразема выражает восхищение в предложении: «*Что за прелесть эта моя Наташа! Такого друга у меня нет и не будет...*» (Л. Толстой «Война и мир»).

Семантическая гамма фразеологизированных частиц с компонентом *что* включает самые разнообразные значения и их оттенки. Так, в предложении: «Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками?» (Н. Гоголь «Ревизор») — основное вопросительное значение фраземы *что из того, что* имеет оттенок несущественности, незначительности того, о чем говорится. Фразеологизм *хоть бы что* может употребляться в нескольких значениях. В предложении: «Отец-то крестный болеет, а тебе хоть бы что» (М. Горький «Егор Булычев и другие») — данная фразема имеет значение безразличия кого-либо к кому-либо или чему-либо, то есть описывается ситуация, которая не представляет никакого интереса для кого-либо. В предложении: «Егор плелся усталый, а артисту хоть бы что. Этот артист сносливый, как крестьянский конь» (М. Юдаlevич «Пятый год») — частица *хоть бы что* отражает оценочную характеристику кого-либо как не реагирующего на что-либо, то есть какое-либо обстоятельство или условие не повлияло на кого-либо.

С функционально-семантической точки зрения фразеологизированные частицы с компонентом *что* определяются как модальные, то есть они выражают различные смысловые значения (выделение, ограничение, вопрос, указание и др.) и чувства и отношение говорящего (сомнение, требование, осуждение и др.). «Семантический объем этих частиц широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны» [1, С. 520], поэтому интерпретация семантики фразеочастиц с лексемой *что* затруднительна; их смысловое значение определяется только в конкретной коммуникативной ситуации. Так, фразеологизированная частица *ни за что ни про что* в предложении: «Ведь вот какие бывают люди злющие!. Посрамили Дарью ни за что ни про что» (Г. Успенский «Кой про что») — указывает на действие, осуществляющееся напрасно, абсолютно зря. А в предложении: «В результате получалось какое-то тяжелое недоразумение, благодаря которому Гордей Евстратыч ни за что ни про что обидел своих сватовьев» (Д. Мамин-Сибиряк «Дикое счастье») — эта фразема указывает на действие, совершенное без всякой причины, основания. Фразеочастицы являются средством передачи различных коннотаций, выражения реакции субъекта речи на сообщение, репрезентуют модально-эмоциональные значения риторического высказывания.

Следует отметить, что некоторые фразеочастицы с компонентом *что* присловны (*что за, разве что, что-что, а, вот что-что*), то есть они относятся к какому-либо слову или словосочетанию и подчеркивают его значение. Так, в предложении: «Что-что, а такие вещи очень живо расходятся: на них большой спрос

(С. Сергеев-Ценский «Севастопольская страда») — фразема *что-что*, а выделяет объект речи — словосочетание *такие вещи*; при этом, обозначенная фразеочастица имеет акцентирующее значение. Присловная частица *разве что* выражает значение допущения, возможности чего-либо.

Рассматриваемые в функционально-прагматическом аспекте фразеологизированные частицы с компонентом *что* характерны прежде всего для разговорной речи, заключая в себе коннотативную нагрузку. Эти частицы сопровождают не только устные диалоги, но и употребляются в языке художественных произведений. Важную роль фразеологизированные частицы с компонентом *что* играют в реализации экстралингвистических процессов, поскольку они отличаются высокой степенью эмоциональности, экспрессивности и модальной обусловленности.

С точки зрения структуры фразеологизированные частицы с лексемой *что* представлены сочетанием различных частеречных элементов: в двухкомпонентной фраземе *что ли* лексема *что* соединяется с частицей *ли*; шестикомпонентная фразема *ни за что ни про что* содержит в своем составе помимо базовой лексики *что* различные частицы и предлоги.

Синтаксические функции фразеочастиц с компонентом *что* заключаются в том, что они оформляют вопросительные и восклицательные предложения. Чаще всего фразеологизированная частица с компонентом *что* является частью синтаксической конструкции; тем не менее, такая фразема может отделяться от предложения, выступая в качестве контекстуально связанного с ним самостоятельного высказывания. Например:

— Вот если б, например, у нас с тобой
Такая дружба завелась: скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело.
— А что же? Это дело»

(И. А. Крылов «Собачья дружба»).

Разноаспектный анализ фразеологизированных частиц с компонентом *что* дает представление о коммуникативной значимости данных языковых комплексов, подчеркивает их роль в формировании когнитивно-прагматических аспектов высказывания. Главным образом, фразеочастицы с компонентом *что* продуктивны в разговорной речи. Их характерным свойством является наличие значительных экспрессивных возможностей. При этом, базовым элементом таких фразем является лексема *что*, являющаяся структурно-семантическим центром фразеочастицы и заключающая общепредметное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. С. 614
2. Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка. Т. 3. — М.: АСТ, Астрель. 2006. С. 973
3. Жуков А. В. Переходные фразеологические явления в русском языке. — Новгород: изд-во НовГУ им. Я. Мудрого, 1996. С. 132
4. Куныгина О. В. Семантика фразеочастиц русского языка: проблема динамики/ Гуманитарные исследования, 2011, № 1. С. 47–49
5. Шипицына Г. М. Фразеологизация свободных сочетаний в русском языке XXI века / Вестник Брянского государственного университета, 2010, № 2. С. 236–239

© Иващенко Наталья Андреевна (missis.nata.87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Арзамаский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ АГОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СУДЕБНО-ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PECULIARITIES OF AGONAL COMMUNICATION IN LAW DISCOURSE

A. Kazakova

Summary. The article deals with agonal communication as a new trend in the modern language behavior theory. The article presents some forms of agonal rhetoric and its linguistic representation in law discourse.

Keywords: agon, agonal rhetoric, persuasion, competitiveness, law discourse.

Казакова Алла Александровна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
1211alla@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия агональности в современной теории речевой коммуникации. В статье рассматриваются различные формы агональной риторической коммуникации и языковая репрезентация агональности в судебно-юридическом дискурсе.

Ключевые слова: агональность, агональная риторическая коммуникация, речевое воздействие, состязательность, судебно-юридический дискурс.

Агональность (греч. ἀγων «состязание, борьба») как один из принципов коммуникативно-речевого участия в публичных видах общения все более широко освещается в современной теории речевой коммуникации. Само понятие представляет собой, как известно, социально-культурную универсалию, которую согласно греческой традиции формируют принципы состязательности и борьбы. Представители гуманитарных наук отмечают, что агональность порождает наиболее оптимальные формы состязательной игры, творчески укрепляющей единство социального мира, человека и знания, во всех видах деятельности человека, включая и деятельность речевую, [см.: Калашникова 2005; Лиотар 1998; Ницше 1994; Хейзинга 1992; Яровой 2012]. В связи с этим понимание характера царящих в социуме видов агональности в значительной степени помогает осознать своеобразие культурной целостности этого социума.

То, что агональность является не только социально-культурным, но и коммуникативным феноменом, важно для ее изучения с лингвистической точки зрения. Процесс речевой коммуникации, и прежде всего риторической коммуникации, связанной с персуазивным воздействием на партнера, можно обобщенно представить как борьбу / игру: «говорить — значит бороться, в смысле играть; языковые акты показывают общее противоборство (агонистику)» [1, с. 33]. При его протекании речевые действия и приемы одного участника коммуникации неизбежно вызывают ответные реакции другой ее стороны, которые в свою очередь программируют определенные коммуникативно-речевые ходы первого партнера.

Вид риторической коммуникации, участниками которой являются противоборствующие стороны, кото-

рые добиваются при помощи определенных стратегий и тактик психологического, коммуникативного, интеллектуального, морального и материального превосходства, определяется в современной лингвопрагматике как агональная риторическая коммуникация. При этом, как отмечает Е. И. Шейгал, к основным характеристикам состязательности в риторической коммуникации относятся, во-первых, активная деятельность, направленная на определенный результат — достижение победы путем использования наиболее действенных коммуникативно-речевых стратегий и тактик; во-вторых, физическое и эмоциональное напряжение оратора и аудитории [3, с. 146]. В связи с этим агональный риторический идеал, состоящий в интеллектуальном и психологическом воздействии на партнера по коммуникации, не только противопоставляется так называемой коммуникативно-речевой гармонии, но и считается более действенным для протекания риторической коммуникации и конечного достижения консенсуса.

По наблюдениям некоторых исследователей агональная риторическая коммуникация может существовать в трех формах, а именно: конфронтативной, дискуссионной и игровой [4, с. 146]. Для *конфронтативной агональности* характерно общение в конфликтной тональности, которая возникает из-за использования коммуникативно-речевых средств достаточно жесткой вербальной агрессии. Ведущей интенцией инициатора такого общения является установление превосходства над другой стороной коммуникации, воспринимаемой как соперник. В случае *дискуссионной агональности* ведущая интенция обеих сторон коммуникации предполагает установление истины в ситуации некоего деликта и/или убеждение соперника в спорности его мнения. *Игровая агональность* предполагает высокую степень

творческой свободы участников речевого общения, которая сопровождается выбором неожиданных для соперника игровых стратегий и коммуникативно-речевых ходов. Вследствие этого общение приобретает характер своеобразного театрального зрелища, разворачивающегося по ритуальным правилам, с предписанными каждому участнику ролями.

Один из наиболее интересных видов агонального общения представляет собой судопроизводство. Й. Хейзинга в своем исследовании природы агональности указывает на исконное родство права с игрой и различает три исторических формы агональности в судопроизводстве: 1) игра на счастье; 2) состязание или спор об заклад; 3) словесный поединок [2, с. 86–90]. «Игра на счастье», по мнению автора, есть воля «божественной власти» (греч. *δίκη*), то есть «сбывшийся жребий». Через исход испытания или метания жребия боги показывают, на чьей стороне правда, а исход игры, зависящий лишь от счастья, сам по себе есть священная воля. Спор об заклад (нид. *weddenschap*) тесно связан с обетом. Главный участник тяжбы ставит в заклад (лат. *vadium*, нид. *wedde*, нем. *Wetten*) свою правоту, то есть вызывает противника оспорить его правоту, выставив заклад. Словесный поединок представляет собой судоговорение по самой своей сути, даже после того как по мере развития культуры оно полностью или частично утрачивает свой игровой характер.

Опираясь на древнегреческие традиции, судебное противостояние (истца и ответчика, адвоката и прокурора, судьи и участников, свидетелей между собой) и в наше время осуществляется как борьба, обусловленная жесткими правилами, и протекает в ритуальных формах. В прениях, которые разворачиваются перед глазами судьи и присяжных заседателей (обязательных участников судебной процедуры), а также зрителей (факкультативных участников судебных заседаний), стороны обвинения и защиты с такой силой хотят добиться победы, что судебный процесс нередко предстает как вид азартной игры, как словесный поединок адвоката и прокурора. По-разному интерпретируя в своих речевых высказываниях одни и те же известные из хода следствия факты и свидетельские показания, противоборствующие стороны судебного заседания стремятся в рамках роли, предписанной им юридической традицией, доказать с помощью коммуникативно-речевых средств агональности истинность собственной точки зрения. Исходя из этого, речевая коммуникация в судопроизводстве имеет, строго говоря, форму полилога — диалогической речи с лучевой прагматической расщепленностью, точнее, речи, ориентированной, с одной стороны на непосредственных участников (защитника / обвинителя / судью / истца / свидетеля), с другой стороны, на присутствующую публику.

Как показывает наше исследование, в судебно-юридическом дискурсе присутствуют все три вида агональности. Продемонстрируем это на примере материалов судебного процесса против Оскара Грёнинга (*Der Auschwitz-Prozess von Lüneburg* 2015), обвиняемого в соучастии умерщвлению 300000 человек в концентрационном лагере Освенцим в период с 1942 по 1944 г. Сквозной анализ целостного дискурса названного процесса позволяет сделать заключение о том, что доминирующей формой агональной риторической коммуникации в судебно-юридическом дискурсе является дискуссионная агональность. Это объясняется тем, что в качестве главной стратегии и фундаментальной основы речевого поведения всех участников судебного процесса выступает стратегия (логического и риторического) аргументирования, сопряженная с персуазивностью. Данная стратегия является конструктивной основой речевого и невербального поведения двух универсальных участников судебно-юридического дискурса — прокурора и адвоката, выполняющих, соответственно, функции обвинения и защиты.

Приведем примеры из выступлений адвоката и прокурора. Так, прокурор, излагая факты преступления, обращается к личности подсудимого и приводит в качестве аргумента сведения о том, что подсудимый знал о совершающемся преступлении (умерщвлении людей в газовых камерах):

Staatsanwalt Jens Lehmann: «*Er [Gröning] war Angehöriger der Kommandatur für das KZ Auschwitz. Er wusste von der Tötung der Menschen, unmittelbar nachdem sie angekommen waren. Es geht um 300000-fachen Mord aus Heimtücke und Grausamkeit*» [5, с. 167]. Прокурор также указывает на личностные качества подсудимого, которые свидетельствуют о наличии у него злого умысла в совершении преступления:

Staatsanwalt Jens Lehmann: «*Der Angeklagte sagt über die eintreffenden Menschen, sie seien unbedarf gewesen. Angehörige und Überlebende haben hier ausgesagt, sie hätten keine Gelegenheit bekommen, zur Besinnung zu kommen: wie betäubt. Sie dachten, es geht zum Baden. Das alles erfüllt das Morddenkmal der Heimtücke, das ist bewusste Annutzung der Arg- und Wehrlosigkeit*» [5, с. 167]. Отметим, что прокурор при этом неоднократно использует в своей речи одни и те же абстрактные существительные с отрицательной характеристикой (например, *Heimtücke*), которые служат формированию у публики негативного образа преступника.

Адвокат в ответном выступлении также обращается к личности подсудимого и приводит контраргумент, указывающий на то, что подсудимый был заложником

нацистской идеологии и не знал подробности о подлинном назначении концентрационного лагеря:

Anwalt Hans Holtermann: «*Herr Gröning ist deutschnational aufgewachsen. Er trat in die HJ ein, wie so viele überzeugte Nationalsozialisten. Er machte seine Lehre als Bankkaufmann zu Ende, trat Ende 1940 in die Waffen-SS ein. 1942 wurde er mit zwölf weiteren Kameraden nach Berlin geschickt. Dort wurde ihnen eine «kriegswichtige» Sache aufgegeben. So gelangte er nach Auschwitz, ohne jemals davon gehört zu haben*» [5, с. 260]. Защищая подсудимого, адвокат сравнивает его в своем выступлении с теми, кто защищал идеи национал-социализма (*wie so viele überzeugte Nationalsozialisten*). Тем самым говорящий переносит преступление на уровень коллективного общественного сознания и пытается снизить степень индивидуальной ответственности подсудимого за совершенные поступки. Продолжая, адвокат указывает и на то, что в задачи подсудимого не входило конвоирование заключенных к камерам, на основании чего он не может считаться соучастником преступления:

Anwalt Hans Holtermann: «*Seine Hauptaufgabe war es, Diebstähle zu verhindern. Nur deshalb wurde er zu den Transporten hinzugezogen. Er hatte nichts damit zu tun, wenn die Menschen aus den Zügen getrieben wurden*» [5, с. 260]. Свои аргументы адвокат подкрепляет риторическим вопросом и выводом: «*Was aber ist mit einem Arzt, der kranke SS-Männer behandelt hatte? Reicht das für Beihilfe? Bei Oscar Gröning gebe es nichts, was über seine Anwesenheit hinaus konkret auf eine Teilnahme an den «Selektionsprozessen» hinweise. Dies begründe keine strafbare Beihilfe, und das Gleiche gelte auch für seine eigentliche Tätigkeit*» [5, с. 261–262]. Адвокат снова использует прием сравнения (*Was aber ist mit einem Arzt, der kranke SS-Männer behandelt hatte? Reicht das für Beihilfe?*), косвенно выраженного в риторическом вопросе, чтобы снизить уровень тяжести преступления и оправдать действия подсудимого.

Как видим, риторическое взаимодействие прокурора и адвоката происходит по принципам дискуссионной агональности, которая является привычным модусом общения в судебной ситуации. Стороны оперируют известными фактами, не вступая в открытую форму конфронтации, не нападая на партнера по коммуникации. Однако в речевом поведении участников заседания можно обнаружить и случаи актуализации конфронтативной агональности. Так, например, прокурор или адвокат истца нередко демонстрируют достаточно агрессивную установку против оппонента (адвоката подсудимого или самого подсудимого), которая объясняется их главной прагматической целью — обвинением или защитой. Так, в следующем примере адвокат истца напрямую обра-

щается к подсудимому, указывая на несоответствие его образа «молодого и неопытного» человека тяжести совершенного им преступления:

Rechtsanwältin Suzan Baymak-Winterseel: «*Sie, Herr Gröning, waren kein armer Unterscharführer, wie Sie sich darstellten. Sie trugen nicht lediglich eine moralische Schuld. Sie waren ein Teil des auf Massenmord ausgerichteten unfasslichen Verbrechens. Schon allein die Ankunft in Auschwitz hatte gereicht, um zu erkennen, dass hier massenhaft Menschen umgebracht werden*» [5, с. 232].

В речи адвоката истца также встречаются случаи использования коммуникативно-речевых средств достаточно жесткой вербальной агрессии, направленной на подсудимого, например:

Rechtsanwältin Suzan Baymak-Winterseel: «*Sie fühlen sich moralisch schuldig. Fühlen Sie sich nicht auch als Täter? Sie äußerten sich: «Zu den Vorfällen kann ich nichts sagen, weil ich nicht dabei war. Das betraf nicht meinen Arbeitsbereich». Doch, Herr Gröning, Sie waren dabei. In Auschwitz konnte man nicht dabei sein, Sie haben die verbrannten Leichen gerochen, Sie haben die im Todeskampf Schreienden gehört. Es war Ihnen völlig klar, wem die Massen an Brillen, Kinderwagen, Mänteln, Stofftieren, Zahngold, nicht zuletzt Devisen gehörten und was mit ihnen geschah*» [5, с. 233]. Риторические фигуры синтаксического параллелизма (*Sie waren ..., Sie haben, ...*) способствуют вербальному усилению факта причастности обвиняемого к совершенному преступлению. Это также способствует конструированию негативного образа обвиняемого.

В представленном материале присутствуют также случаи вербальной агрессии в адрес обвиняемого со стороны свидетелей:

Zeugin Angela Orosz-Richt: «*Ich bin in Auschwitz geboren. Ich wog ein Kilogramm. Ich überlebte nur aus einem Grund: Ich habe eine Mission. Ich muss für die sprechen, die nicht mehr sprechen können. Ich muss die Geschichte meiner Mutter und der ermordeten Juden erzählen. Ich will meinen anklagenden Finger gegen die Verantwortlichen erheben. Gegen solche Menschen wie Sie, Herr Gröning*» [5, с. 133]. Особая тяжесть преступления не оставляет свидетелей равнодушными к происходящему в зале суда, что приводит к открытой конфронтации с подсудимым и увеличивает пафос высказываний.

Что касается игровой агональности, то определенные фазы судебного заседания (вступление, допрос подсудимого и свидетелей, выступление прокурора и адвоката, вынесение приговора) являются своего рода этапами «ри-

туальной» игры. Присутствие зрителей и присяжных является неотъемлемым компонентом судебной процедуры, которая разворачивается как театральное зрелище. Так, судья открывает судебное заседание, обращаясь ко всем присутствующим для установления контакта с аудиторией:

Richter Franz Kompisch: «*Schönen Guten Morgen. Ja, ich begrüße die Anwesenden* [5, с. 94]. Судья выступает в качестве «ведущего», в ходе судебного заседания он разъясняет зрителям и участникам «правила игры»:

Richter Franz Kompisch (zu Nebenkläger Ted Bolgar): «*Herzlich willkommen, Sie sind ja das erste Mal hier. Ich muss Sie belehren. Sie werden in Deutschland als Zeuge nicht vorab vereidigt wie in Kanada, müssen aber die Wahrheit sagen*» [5, с. 72].

Однако следует отметить, что случаи проявления игровой агональности в судебном процессе немногочисленны. Это объясняется конвенциональным характером протекания процесса судебного заседания, в свою очередь, зависящего от жестко регламентированных норм судебно-юридического дискурса.

Объем статьи не позволяет исчерпывающе представить все многообразие форм проявления агональ-

ности в судебно-юридическом дискурсе. Тем не менее, приведенные языковые примеры демонстрируют, что агональность является конститутивным признаком судебной коммуникации, придающим ей риторический характер. Они свидетельствуют, далее, о том, что агональность риторической коммуникации в суде обусловлена, в первую очередь, противоположностью позиций двух оппозиционных сторон судебного процесса (защиты и обвинения) и намерением каждой из сторон одержать победу в споре. Доминантными коммуникативными стратегиями судебной коммуникации являются при этом собственно стратегия защиты и стратегия обвинения, а также вытекающие из них стратегии нападения и дискредитации оппонента, которые реализуются с помощью как вербальных (риторические фигуры, повторы, оценочная лексика), так и паравербальных (интонация, намеренные паузы в речи, ее темп) и невербальных средств (жесты, мимика). Обладая равными коммуникативными возможностями при выполнении предписанной им процессуальной функции, конкурирующие стороны (адвокат и прокурор, прокурор и подсудимый, адвокат и свидетель стороны обвинения, прокурор и свидетель стороны защиты, свидетели между собой), связанные ситуацией агонального общения, стремятся оказать персуазивное воздействие на аудиторию и повлиять на окончательное судебное решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
2. Хейзинга, Й. Homo ludens: В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
4. Шейгал, Е. И., Дешевова В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34. С. 145–148.
5. Peter Huth. Die letzten Zeugen. Der Auschwitz-Prozess von Lüneburg 2015. Eine Dokumentation. Reclam, 2015. 308 S.

© Казакова Алла Александровна (1211alla@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

АВТОРСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОБСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЧЕНСКОГО ПИСАТЕЛЯ МУСЫ ЭЛЬМУРЗАЕВИЧА БЕКСУЛТАНОВА

Килабова Марет Ароновна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный педагогический университет»
ganaeva86@mail.ru

THE AUTHOR'S CHARACTERISTIC OF THE CHECHEN WRITER MUSA ELMURZAEVICH BEKSULTANOV'S LITERARY AND ESTHETIC CONCEPT AND CREATIVE IDENTITY

M. Kilabova

Summary. The article considers the author's characteristic of the Chechen writer M. Beksultanov's literary and esthetic concept and creative identity in literary and journalistic activity, it aims to point out the analysis of his own understanding of specifics of reflection in his creativity of the moral, philosophical, art and esthetic perspective.

It notes the gravity and depth of his ideological and esthetic concept which is based, mainly, on traditional moral and ethical, cultural, art and esthetic values, and at the same time, actively perceiving and reflecting the modern features, in particular, the existential understanding of tasks of art and the artist, the stream of consciousness technique literature.

In the article M. Beksultanov's interest not only to ethnic, but also to universal problems is emphasized, the conclusion about the importance of research of issues of metapoetics for the creative state of the writer is drawn.

Keywords: metapoetik, literary-critical articles, moral, philosophical and art search, interview, concept of literary and art anthropology.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности авторской характеристики собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности в литературно-публицистической и эссеистической деятельности чеченского писателя М. Бексултанова, ставится цель анализа его понимания специфики отражения в своем творчестве духовно-нравственной, философской, художественно-эстетической проблематики.

Отмечается серьезность и глубина его идейно-эстетической концепции, основывающейся, по преимуществу, на традиционных морально-этических, духовных и художественно-эстетических ценностях, и одновременно, активно воспринимающей и транслирующей черты современности, в частности, экзистенциального понимания задач искусства и художника, литературы потока сознания.

Подчеркивается интерес М. Бексултанова не только к этническому, но и общечеловеческому, делается вывод о значимости исследования вопросов метапоэтики для творческого состояния писателя.

Ключевые слова: метапоэтика, литературно-критические статьи, духовно-философские и художественные поиски, интервью, концепция литературно-художественной антропологии.

Муса Эльмурзаевич Бексултанов в настоящее время принадлежит к числу наиболее известных, самобытных писателей Чечни и всего Северного Кавказа, отличающихся «лица необщим выраженьем» (Е. Баратынский). Действительно, исследователи отмечают, что «творчество М. Бексултанова — уникальное явление в чеченской литературе... Причина, вероятно, заключается в особом философском взгляде писателя на мир, его неповторимой творческой манере. В нем видят прежде всего блестящего стилиста, тонко чувствующего родной язык и владеющего им в совершенстве» [3, с. 39].

Вошедший в литературу на рубеже 1970–80-х годов, он вошел в так называемую «новую волну» начинающих писателей, тогда еще студентов и выпускников филологическо-

го факультета Чеченского государственного университета, к которой принадлежали многие, ставшие в дальнейшем совестью и цветом национальной литературы, писатели, такие, как Муса Ахмадов, Леча Абдулаев, Муса Бексултанов, Юсуп Яралиев, Бана Гайтукаева, Абу Исмаилов, Апти Бисултанов, Имран Джанаралиев, Шарип Цуруев, Таус Исаев, Маадула Завриев, Анзор Давлетукаев, Лула Жумалаева, Леча Ясаев, Саид-Хасан Тагаев.

В их творчестве с самого начала преобладают нетривиальные для чеченской литературы и одновременно общие и характерные для отдельных творческих исканий всей многонациональной страны этого периода духовно-философские и художественные поиски, ситуации и решения, построенные на непривычных для официальной предше-

ствующей и тогдашней идеологии своего рода импрессионистической (и не столько в изобразительном плане) основе, нравственно-психологических полутонах, игре света и тени, преобладании лирического (в том числе и в прозе) осмысления происходящего [4].

Мусе Бексултанову принадлежит большое количество прозаических произведений, по преимуществу повестей и рассказов, новеллистика, автобиографическая проза «Далекие берега реки жизни», а также большой, интересный и очень содержательный пласт его «внехудожественной» прозы, включающий в себя эссеистику, автобиографические заметки, различные формы его публицистики — очерки, интервью, диалоги, участие в работе «круглых столов» по различным актуальным проблемам современного литературного развития, духовной и культурной политики Чеченской республики.

Необходимо отметить, что в такого рода его творчестве наблюдаются взаимопереходные формы, различные степени градации текста от художественного до документального и научно-публицистического дискурса. В подобных зачастую полемических материалах (как созданных для публикаций в республиканских литературно-художественных и литературно-критических журналах, так и произнесенных им для местных СМИ, как печатных, так и аудиовизуальных), Муса Бексултанов актуализирует большое количество разнообразных проблем.

К числу этих проблем относятся, например, такие, как вопросы развития жанра литературной автобиографии в контексте истории его собственного рода, жизненного и творческого пути; тесно связанные с этой смысловой и содержательной линией разнообразные проблемы художественного творчества и писательского труда в публицистической эссеистике Мусы Бексултанова, авторская характеристика собственной литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности.

Помимо этого писателя глубоко волнует и является ведущей смысловой доминантой его публицистического (как и художественного) дискурса триада «Родной язык — этнос — национальное сознание — национальная идентичность», решаемые через вопросы образования и воспитания как в семье, в системе образования, так и посредством высокой и ответственной миссии художественного творчества, писательского труда, множественные актуальные проблемы современного литературного и литературно-критического развития Чечни.

Писатель всегда был и остается страстным и неравнодушным к проблемам и тревогам мира человеком и писателем. В одном из своих знаковых интервью под названием «Я бы не хотел быть никем другим...» [2], данном Исе Закриеву по поводу собственного 60-летия в июле 2014 года, пи-

сатель прибегает к нечасто встречающемуся в его текстах легкому (и достаточно серьезному) юмору.

С парадоксальной шуткой он замечает, что «пока твердость искусства прозы побеждает меня, чем больше я узнаю, тем больше тайн обнаруживается в ее написании. Я борюсь с ним вот уже 40 лет, пытаюсь укротить его...» [1]. Каждое интервью Мусы Бексултанова — это своего рода исповедь. Писатель нигде не склонен к лукавству, демагогии, двуличию, лицемерию, двойным стандартам. Он глубоко искренен и честен перед читателем, но прежде всего перед самим собой. Много внимания в своей эссеистике писатель уделяет проблемам метапоэтики, то есть собственного анализа и осмысления своего творчества, оставившись на проблемах художественного замысла, его осуществления, проблемах литературных связей и влияний, нравственного выбора, «разногласицы» конфликтов, сюжетов, образов и характеров.

Мусе Бексултанову присуща оригинальная концепция литературно-художественной антропологии. Так, например, о некоторых исключительных своих героях, не похожих на рядовых обывателей, писатель говорит, что ему и в низачастую «не хватает таких людей в современном мире, людей, способных быть верными своему слову». [1]. И вновь, возвращаясь к теме персонажей, являющихся носителями лучших качеств национального народного характера, писатель поясняет, что они — не плод его фантазии, это люди реальные, «жившие среди нас чуть раньше или чуть позже». В своих воззрениях Муса Бексултанов является тем, что носит не самое популярное в наше время наименование — истинный патриот.

В своих мемуарных высказываниях он постоянно указывает на то, что о героях народных преданий Торге и Овтархан Юсупе ему рассказывал его отец, о Кериме — другие реальные, близкие ему люди, что, по его мнению, очень важно. Писатель делает акцент именно на тех духовно-нравственных ценностях и приоритетах народа и этноса, которые считает наиболее значимыми: «Это были люди, которые отвечали на любые вопросы, поставленные временем или ситуацией, тут же, не задумываясь... именно благодаря им о народе узнают за пределами родной земли» [1]. И далее писатель называет (и не случайно именно в чеченской транскрипции) имена тех национальных героев, чьи образы стали легендарными в качестве носителей лучших свойств нации — Адин Сурхо, Мадин Жаммирза, Таймин Биболат, Харачойн Зеламха, АхматханИча, Зокин-Хази, Тюшан Воварга, Дерказан Джокал... [1].

На вопрос о любимом герое, как о любимом ребенке в семье, писатель обоснованно отвечает, что каждый герой его рассказа — «это я, герой, которого я создаю в поисках себя...». Действительно, категории абсолютного или относительного автобиографизма являются определяющими

для индивидуально-авторского личностного подхода писателя к художественному постижению, осмыслению и исследованию объективной реальности.

Сложности в создании объективных образов другого рода героев (рассказы «Кастом», «Премии», «Папка») писатель объясняет тем, что они «не похожи на меня, у нас разные характеры, мироощущение, но им не нужен другой характер для себя, они довольны собой, равно, как и те, что притесняют их. Они мыслят узко, невысоко, и мои требования взлететь к ним бессмысленны и неоправданны. Моя задача как писателя — запечатлеть и показать их» [1].

Во многих рассказах писателя («Кхерч» (Очаг), «Ас муха ларде-кх шу лазамах» («Как мне убережешь вас от боли» и других) все сильнее, интенсивнее, напряженнее и откровеннее показана такая форма современной чеченской семьи, которая коренным образом отличается от традиционной чеченской семьи. Главную причину этой перемены писатель видит в том, «что мужчина не выполняет свои обязанности как главы семьи ... по мнению писателя, «все это восходит к тем материальным ценностям, которые стали для нас важнее духовных» [1].

Муса Бексултанов остро чувствует и переживает по поводу того, что общество потребления, культ «золотого тельца», карьерного роста, борьба любой ценой за «место под солнцем» приводит человека и общество к утрате традиционных духовно-нравственных, культурно-исторических, художественно-эстетических ценностей, потере высоких целей и намерений, художественного вкуса. На вопрос «должен ли писатель быть богатым?» Муса Бексултанов отвечает достойно, конкретно, глубоко по-человечески: с одной стороны — по бытовому, с другой стороны, образно и высоко бытийно — «для настоящего писателя, уместившего Отчизну и народ на кончике пера, не понятно, зачем нужны эти особняки и дорогая мебель в них, ему хватает пищи на поддержание своего здоровья и небольшого домика, главное, чтобы крыша не протекала» [1].

В то же время писатель дает настоящую отповедь принципам общества потребления, определенно и четко осуждая то, что «примером для нас стали европейские ценности, а свой, дедовский, стиль жизни нами отклонен. Поэтому воспитание в семьях ослабло, пошло не в ту сторону» [1]. Здесь ему оказывается ближе иной, более близкий и в пространственном отношении менталитет, поскольку именно «русский менталитет выгодно отличается от западного там, где речь идет о самопожертвовании и самоотречении личности, озабоченной интересами страны, нации, человечества» [5, с. 14].

Главным своим «богатством» в этом мире писатель считает свое творчество, которое живет с ним сегодня и останется после него. С горечью и национальной самокритично-

стью писатель вновь и вновь констатирует: «... мы — народ, не особо ценящий литературу и другие направления искусства. У нас уважают только деятельных, энергичных дельцов с тугим кошельком. Даже твои родственники с усмешкой воспринимают твоё творчество, словно говоря: «Кому нужна его писанина?» Имеется в виду, что никаких богатств не накопил, и его уважать-то не за что» [1]. При этом писатель всегда остается гуманистом, с любовью и болью относящимся к человеку. Для Мусы Бексултанова очень важно то, «душа и мысль художника должны быть свободны».

В своих воззрениях писатель является тем, что носит не самое популярное в наше время наименование — истинный патриот своего отчества. При этом его мировоззрение не отличается замкнутостью, изоляционизмом, оно широко открыто миру. Так, Муса Бексултанов в поиске своих истоков и одновременно в попытке самоидентификации постоянно обращается к опыту своих великих предшественников из других времен и народов, а именно, поясняет, что значит для него понятие «собственный стиль», «собственный ритм» по отношению к творчеству любого писателя, скажем, к творчеству И. А. Бунина. Муса Бексултанов судит о литературных произведениях, об индивидуальной манере каждого писателя очень глубоко и тонко, давая собственную интерпретацию произведений других авторов, выступая взыскательным и высоко профессиональным критиком и одновременно оставаясь большим художником, в концепции которого гармонично сочетаются эмоциональное и рациональное, образ и понятие.

Так, по его мнению, произведения И. А. Бунина создают «щемящую тоску по гармонии или саму гармонию» [1], в его произведениях автор, герой и природа сливаются воедино. Произведения же Э. Хемингуэя он образно уподобляет «каменной кладке истинного мастера, где нет места даже мельчайшей неровности, тяжелые, как свинец, слова подобраны самым тщательным образом, размещены в нужном порядке, сплетены, как красивая тугая девичья коса, и говорят читателю больше своим подтекстом, междустрочьем» [1].

Говоря о привлекательных чертах своего народа, Муса Бексултанов отмечает, прежде всего, «неприятие космополитизма, что бы ни случилось, они никогда добровольно не покидали Отчизну. Сейчас наблюдается иная картина, увеличивается процент людей, готовых обменять родину на бесплатную еду. В горе и в радости чеченцы помогают друг другу, берут часть хлопот на себя, и это хорошо, хотя в последнее время и в этом наметилась приверженность к показушности» [1].

Как отрицательные качества нового времени писатель отметил «ослабление уважения друг к другу, очерствение, стремление в богатстве превзойти даже родного брата» [1].

В качестве принципов отбора материала для художественного исследования мира и человека Муса Бексултанов руководствуется диалектическим подходом: «Добро и зло ходят рядом, одно без другого безлико. Писатель должен говорить обо всем, опуская только нюансы, не соответствующие ментальности. Извращения в действиях людей хотя и встречаются, но они редки, а исключения не могут рассматриваться как нрав народа» [1]. Именно с этих позиций писатель рассматривает и собственные духовно-нравственные ориентиры: «– Твои ошибки — твои победы, твои грехи — твои недостатки. Не ошибается тот, кто ничего не ищет, не встает тот, кто не падал никогда» [1].

Вопросы литературной преемственности Муса Бексултанов рассматривает и в противоположном ключе, в плане их своего рода зеркального отражения, своеобразного приложения и применения некоей собственной своеобразной «теории относительности», обращенной уже не к прошлому, а к будущему: «Наши произведения будут нужны, скажем, через сто лет, для того, чтобы наши потомки могли рассуждать о наших нравах, чтобы понять образ жизни 1970–2030 годов. Но как литература и герои вряд ли будут интересны, потому что время и люди меняются очень быстро. Не прошло и 25 лет, как не стало страны Советов, но современная молодежь не знает героев произведений тех времен, им незнакомы слова «комсомол», «партия», «обком». А за сто лет сменятся три поколения...» [1].

Писателю принадлежит по-философски мудрое, идущее от народного мирозерцания и мировоззрения, осмысление идеи генетической и культурной преемственности: «Наши предки не торопили время, в их головах было всего несколько важных дел: весной засеять землю, летом накосить сена, осенью собрать урожай. А мы спешим, спешим умереть. Больше прожил тот, кто мало видел и мало спешил» [1]. В этих словах — высокая оценка мудрости и целесообразности, и одновременно — несказанной ясности и простоты существования предков.

Из различных типов и видов кросскультурных и литературных связей и влияний писатель в своем творчестве, естественно, не прибегает к таким формам, как заимствование, подражание, стилизация. Вместе с тем в его прозе актуальны более скрытые, суггестивные формы данных влияний, такие, как, например, аллюзии, реминисценции, различные ассоциативные моменты.

Даже понятие эталона красоты он рассматривает в контексте каждой эпохи, каждого конкретного этнического и индивидуально-личностного пространства. «Красота, признанная всеми, становится мерилем и распространяется по всему миру. Это есть общепризнанная красота. Но есть красота, которая понятна одному человеку, его критерии продиктованы его внутренним миром, и он не может объяснить передать ее силу другим. Но каждый мимолетный взгляд девушки, брошенный через плечо, легкое движение рукой, едва заметная улыбка, пробежавшая по губам, понятны ему, но он не знает, почему все так легко понимается, в то время как другие ничего уловить не могут. О красоте невозможно рассказать, ее можно чувствовать, иначе это не красота» [1]. И сам писатель в своей прозе, несомненно, обладает именно таким «бинокулярным» зрением поэта и художника, наиболее зорко и остро видящего и воссоздающего реальный мир.

Таким образом, мысли писателя, касающиеся его авторской позиции, творческой индивидуальности, прямо и непосредственно высказанные в его художественной публицистике и эссеистике, проливают свет на многие стороны и яркие особенности его дарования, особенности его гражданской, философской, этической, литературно-эстетической концепции, создают (и одновременно «осознают») то культурное поле, которое окружает писателя и его творчество на протяжении уже более сорока лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закриев И. Я бы не хотел быть никем другим: Интервью с М. Бексултановым [Электронный ресурс] / И. Закриев — 3.07.2014. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/BeksultanovMusa/posts/660490577376309>
2. Закриев И. Я бы не хотел быть никем другим: Интервью с М. Бексултановым [Электронный ресурс] / И. Закриев — 1.07.2014. — <http://vesti95.ru/2014/07/ya-by-ne-hotel-byt-nikem-drugim/>
3. Исмаилова М. В., Багае в З. А. Поэтика прозы М. Бексултанова (философия символа) // Россия и Кавказ в пространстве единой Державы: материалы Международной научно-практической конференции. — Краснодар, КСЭИ, 2014. — 314 с. 39–45.
4. Татаева Р. Б. Своеобразие авторской концепции в осмыслении исторических проблем в русскоязычной чеченской прозе 20–90 гг. XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Б. Татаева. — Махачкала, 2011. — 24 с.
5. Хорольский В. В. Культурологический метод изучения публицистического дискурса / В. В. Хорольский // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2001. — № 3–4. — С. 13–21.

© Килабова Марет Ароновна (ganaeva86@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВОЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

COMPUTER GAMES DISCOURSE AS AN ASPECT OF COMPUTER COMMUNICATION

I. Korolev

Summary. The article examines main approaches to the definition of the «computer discourse» notion and highlights the necessity of definition and analyzing of the computer games discourse as a separate phenomenon of virtual communication due to significant peculiarities of the analyzed communication. Main characteristics of the computer discourse were analyzed in the article in comparison with peculiarities of the computer games discourse. The main results of the research carried out are the characteristics of the computer games communication.

Keywords: computer communication, computer games discourse, discourse relations, computer games communication, computer discourse, discourse analysis.

Королев Игорь Олегович

Аспирант,

Кубанский государственный университет (Краснодар)

grkriv@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «компьютерный дискурс» и выделяется необходимость определения и исследования компьютерно-игрового дискурса в качестве отдельного феномена виртуальной коммуникации ввиду наличия особенностей исследуемой коммуникации. В статье проанализированы основные характеристики компьютерного дискурса в сопоставлении их с таковыми в компьютерно-игровом дискурсе. Основными выводами проведенного исследования являются характеристики, присущие компьютерно-игровой коммуникации.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация, компьютерно-игровой дискурс, дискурсивные отношения, компьютерно-игровая коммуникация, компьютерный дискурс, дискурсивный анализ.

Стремительное развитие информационных технологий создает новые формы межличностной и межкультурной коммуникации. Компьютерная коммуникация открывает новые грани в человеческом общении, порождая новые дискурсивные практики, в которых язык подвергается большим изменениям и, несмотря на то, что понятие «компьютерный дискурс» вошло в науку о языке сравнительно недавно, уже существует немало работ, в которых это понятие изучается. Так, например, А.И. Самаричева понимает компьютерный дискурс, как «всю совокупность текстов, объединённых общей тематикой, связанной с современными информационными технологиями» [7, с. 71], то есть под данное определение попадают все тексты, тем или иным образом связанные с компьютерными технологиями. Однако, такое общее определение, по нашему мнению, не отвечает современным темпам развития компьютерной сферы, в которой большое развитие получили различные аспекты компьютерных технологий. С их развитием происходит естественное разграничение областей, в которых функционирует дискурс. Например, «компьютерно-игровой дискурс», появившийся на стыке компьютерного дискурса и дискурса компьютерных игр. Таким образом, углубив определение, данное А.И. Самаричевой, мы можем определить компьютерно-игровой дискурс как всю совокупность текстов, объединённых общей тематикой, связанной с компьютерными играми различных жанров.

Несмотря на общую освещённость изучаемых аспектов, лингвистические процессы в рамках компьютерно-игрового опыта никогда не изучались именно с точки зрения языкознания. Конечно, сфера информационных технологий и, в частности, компьютерного дискурса и сопутствующих языковых процессов давно привлекает внимание ученых [Кондрашов П.Е. 2004; Галичкина Е.Н. 2004; Хуснуллина Ю.А. 2012; Антонова С.Н. 2004 и др.], а аспекты компьютерных игр изучаются, но с точки зрения антропологического и психологического аспекта [Гутман И.Е. 2009; Омельченко Н.В. 2011; Тимофеева Л.П. 2004]. Таким образом компьютерно-игровой дискурс и дискурсивные процессы, протекающие в нем, остаются недостаточно разработанными. Предметом данного исследования является непосредственно компьютерно-игровой дискурс, а основной целью — выделение схожести и специфических различий и признаков компьютерно-игрового дискурса в сравнении с компьютерным дискурсом. Для достижения цели потребовалось решить следующие задачи:

1. изучить современные подходы к анализу и описанию компьютерного дискурса.
2. методами сравнительного и лингвистического анализа выделить характеристики и особенности компьютерно-игрового дискурса в сравнении с компьютерным.

Несмотря на то, что изучению понятия «дискурс» посвящено немало работ (Schiffirin [10]; Макаров [6]; Карасик [4]), в которых исследуется как само понятие, так и соотношения «дискурса» и «текста», а также рассматриваются виды институционального общения в сравнении с дискурсом, существует необходимость определения подхода к пониманию сущности дискурса, чтобы выделить специфические черты компьютерно-игрового дискурса. Вслед за Е. Н. Галичкиной, которая выделяет коммуникативный, структурно-синтаксический, структурно-стилистический и социально-прагматический подходы [2], мы полагаем, что дискурс — это многоплановое явление, которое может рассматриваться в рамках каждого из этих аспектов. Так, в рамках коммуникативного подхода дискурс исследуется как вербальное общение, диалог и т.д. [10], в структурно-синтаксическом плане — это фрагмент текста, превышающий уровень предложения [3], в структурно-стилистическом — нетекстовая организация разговорной речи [8], в социально-прагматическом — текст, погруженный в ситуацию общения [1].

Компьютерно-игровой дискурс с развитием компьютерных технологий выделяется и обособляется как средство электронного общения, объединяя в себе признаки как всех видов институционального дискурса, так и самого компьютерного дискурса, описанных Е. Н. Галичкиной, определяя при этом собственные характерные черты жанра компьютерно-игрового общения.

Наиболее подходящей для анализа компьютерно-игрового дискурса нам представляется модель компьютерной коммуникации, разработанной Е. Н. Галичкиной, в которой компьютерная коммуникация разделяется по нескольким признакам:

1. по признаку масштабности;
2. по времени;
3. по форме;
4. по способу контакта;
5. по каналу передачи и восприятия информации [2, с. 57].

Также Е. Н. Галичкина выделяет следующие признаки компьютерного дискурса: 1) электронный сигнал как канал общения; 2) виртуальность; 3) дистантность; 4) опосредованность; 5) высокая степень проницаемости; 6) наличие гипертекста; 7) креолизованность компьютерных текстов; 8) преимущественно статусное равноправие участников; 9) передача эмоций, мимики, с помощью «смайликов»; 10) объединение различных типов дискурса; 11) специфическая компьютерная этика [2, с. 59].

Таким образом, обозначив теоретическую базу для исследования, мы определяем выделение схожести и специфических различий и признаков компьютер-

но-игрового дискурса в сравнении с компьютерным дискурсом как основную цель данной работы. Предметом данного исследования является компьютерно-игровой дискурс, а материалом для исследования стали два социально-игровых проекта компании-разработчика под названием «Plarium» («Плариум») [11] с ежедневной аудиторией активных пользователей в размере 250 миллионов игроков. Компания специализируется на разработке игр в жанре «стратегия в реальном времени» на мобильных устройствах. Материалы по проектам («Vikings: War of Clans» («Викинги: война кланов») [11] и «Throne: Kingdom at War» («Трон: королевство в войне») [12]), а именно игровые тексты, тексты общих чатов, глоссарии терминов, были предоставлены компанией для лингвистического анализа и, находясь в открытом доступе в играх, не являются предметом коммерческой тайны компании.

Компьютерно-игровой дискурс многогранен и объединяет в себе характеристики, которые присущи другим видам коммуникации, и его необходимо рассматривать с нескольких точек зрения, а именно метаигровой и непосредственно игровой. Под метаигровой точкой зрения мы понимаем дискурсивные отношения, реализуемые участниками коммуникации, которые непосредственно создают игровой мир, создавая феномен игрового дискурса. В данном исследовании рассматривается только игровой аспект, так как метаигровой дискурс во многом совпадает с деловым дискурсом и, по нашему мнению, должен исследоваться отдельно.

Так, концепция масштабности, присущая компьютерному дискурсу, проявляет свои признаки здесь, но в другом аспекте, а именно:

- ♦ массовая коммуникация, но не со всем миром, а с определенной, ограниченной по численности социальной группой, объединенной в эту самую группу по различным характеристикам; в исследуемом материале дифференциация социальной группы происходит по признаку населенности игрового мира и ограничивается в среднем 50000 игроков, причем разделение происходит только по названному критерию, что не исключает попадание в социальные группы игроков разных национальностей. В игровом сообществе такой отдельно взятой группы коммуникация осуществляется преимущественно на английском языке, что реализуется только в массовой коммуникации.
- ♦ групповая коммуникация, реализуемая в отдельных социально-языковых группах, объединенных одним языком, реалиями и, как правило, целью. Так называемые «кланы» (группа игроков по одним знаменем, выстраивающая свою игру и поведение в качестве союзников) реализуют

групповую черту масштабности компьютерно-игровой коммуникации.

В выделении внутриличностной коммуникации, на наш взгляд, нет необходимости, так как общение между игроком и устройством, на котором он играет, относится скорее к метаигровому аспекту, который определяет то, каким именно образом игрок будет взаимодействовать с интерфейсом игры.

Что касается временного фактора, то Е. Н. Галичкина выделяет краткую и неограниченную коммуникацию, что, на наш взгляд, не применимо к игровому дискурсу. В данном случае дискурсивные отношения реализуются скорее наряду с длительностью игровой сессии каждого отдельно взятого игрока. Классификация игрового дискурса в исследуемом материале по времени была бы некорректной и не отражающей действительность. Так, временной фактор не является характерной чертой игрового дискурса и зависит от длительности игровой сессии отдельно взятого игрока.

По формальной структуре компьютерная коммуникация разделяется на письменную и устную, что также не полностью реализуется в игровом дискурсе. Хотя устная коммуникация несомненно имеет весомые преимущества для координации действий игроков (скорость передачи информации, скорость реагирования на высказывания, скорость осмысления информации на слух), письменная коммуникация является преимущественной характерной чертой взаимодействия игроков, что объясняется конвенциональным подходом к виртуальной коммуникации, позаимствованный игровым дискурсом из компьютерного, в частности из электронных средств для обмена мгновенными сообщениями и чатов.

По способу контакта игровое общение ничем не отличается от компьютерного, представляющего собой опосредованную коммуникацию, так как оно осуществляется с помощью технического средства. В данном случае в качестве технического средства выступает либо мобильное устройство, либо персональный компьютер.

По каналу передачи и восприятия информации компьютерная коммуникация разделяется на актуальную, т.е. общение с реальными, известными людьми, и виртуальную, т.е. общение с неизвестными и воображаемыми собеседниками [2, с. 57]. Такое определение, данное Е. Н. Галичкиной, на наш взгляд, наиболее полно подходит для игрового дискурса, однако с той поправкой, что актуальное общение в данном случае происходит между двумя реальными игроками, а виртуальное реализуется по модели игрок-игра, то есть общение игрока с внутриигровыми персонажами посредством запрограммированных диалогов. При таком подходе к характерной

черте игровой коммуникации будет относиться актуальность и виртуальность, но только лишь в аспекте коммуникации игрок-игра, тогда как виртуальность, с другой стороны, в большой степени присуща метаигровому дискурсу.

Таким образом, компьютерно-игровой коммуникации присущи характеристики масштабности (массовая и групповая коммуникация), формы (письменная коммуникация), опосредованности, актуальности (коммуникация игрок-игрок) и виртуальности (коммуникация игрок-игра).

Выделенные Е. Н. Галичкиной признаки компьютерного дискурса требуют уточнения для более полного описания компьютерно-игровой коммуникации:

1) компьютерно-игровой дискурс технически невозможен без компьютера или мобильного устройства (смартфона), поэтому определение электронного сигнала не оставляет сомнений, однако передача электронного сигнала — общий принцип реализации данной дискурсивной группы. Характерным признаком именно компьютерно-игрового дискурса является использование чатов и внутриигровых текстов как основного канала передачи информации;

2) как было описано ранее, игровому дискурсу присущи как актуальность (игрок-игрок), так и виртуальность (игрок-игра), поэтому характерным признаком игрового дискурса можно назвать как первое, так и второе;

3) игровой дискурс реализуется удаленно и только так, никогда не переходя в непосредственную реальную реализацию, поэтому выделяемый признак дистантности является, на наш взгляд одной из основных характерных черт компьютерно-игрового дискурса;

4) выделение опосредованности как отдельной характеристики, на наш взгляд, излишне, так как дистантность не может реализовываться без признака опосредованности и, более того, подразумевает ее. Таким образом, дистантность и техническая опосредованность будут объединены в один признак;

5) высокая степень проницаемости присуща игровому дискурсу, однако, на наш взгляд, с некоторыми поправками, чем то, как она понимается Е. Н. Галичкиной. В игровой коммуникации высокая степень проницаемости реализуется посредством общения любого игрока с любым другим игроком, независимо от социальных, политических, экономических или любых других факторов. В исследуемых языковых сообществах наблюдается высокая степень проницаемости в том смысле, что каждый игрок имеет возможность обмениваться информаци-

ей с любым другим игроком. Конечно, в рамках игровых сообществ игроки склонны выстраивать иерархические отношения в концепциях игровых «кланов», однако у каждого есть принципиальная возможность реализовать коммуникативные потребности с каждым [5].

б) наличие гипертекста является неотъемлемой частью как компьютерного дискурса, так и игрового, однако в игровом дискурсе гипертекстуальные ссылки понимаются и реализуются в двух разных аспектах: 1) конвенциональные гипертекстуальные ссылки во внутриигровых текстах; 2) гипертекстуальные ссылки в игровых чатах, например, ссылка на координаты игрока на карте. Гипертекстуальность в игровом дискурсе имеет те же принципы работы, однако фактически реализуется в другом формальном виде, адаптированном под принципы моментального обмена сообщениями.

7) тексты игрового дискурса в высокой степени креолизованы, что объясняется необходимостью визуального подкрепления восприятия информации игроками, а также недостатком невербальных средств общения, компенсируемых за счет аватаров, картинок, иллюстраций и смайликов. Креолизованность, понимаемая как наличие в тексте графической информации, характерна для компьютерного дискурса в целом, приобретая еще большее социально-коммуникативное значение в игровом дискурсе, когда на основании визуального образа персонажа в игре, игрок компенсирует недостаток невербального воздействия и создает определенный виртуальный коммуникативный образ.

8) преимущественно статусное равноправие участников коммуникации необходимо рассматривать с различных точек зрения. Так, реализуя принцип проницаемости, игроки действительно равноправны в коммуникации, однако в то же время равноправие ограничивается выстраиванием иерархических отношений в игре, когда один игрок имеет больше возможностей, причем такое положение опосредовано игровыми средствами и механиками, поэтому, по нашему мнению, статусное равноправие участников коммуникации следу-

ет рассматривать в рамках принципа проницаемости, то есть общение каждого с каждым;

9) передача эмоций, мимики, с помощью «смайликов» в нашем представлении напрямую относится к креолизованности текстов компьютерно-игрового дискурса, поэтому ее выделение в качестве отдельного признака дискурса, по нашему мнению, излишне;

10) компьютерно-игровой дискурс, наряду с компьютерным, объединяет в себе различные типы дискурсов в силу того, что коммуникативные акты происходят между совершенно разными игроками. Игровой дискурс может включать в себя: обмен внутриигровой почтой (бытовой дискурс), официальное общение между кланами на основании игровых поведенческих ролей (деловой и политический дискурс, если речь идет о взаимодействии «кланов»), реклама своего клана или объявления о продаже внутриигровых ценностей (рекламный дискурс) и т.д.

11) специфическая игровая этика подразумевает определенный набор поведенческих правил, общающихся в игровой среде. Игровая этика зачастую определяется игровой ролью и иерархической позицией того или иного игрока на основании того, с какой стороны себя презентует человек, в условиях, которые отличаются от реальной социальной нормы. [9]

Таким образом, игровой дискурс, включая в себя элементы других типов дискурсов, имеет свою специфику и детализирует компьютерный дискурс, на основании чего мы выделяем его как отдельный подтип дискурса. Так, игровой дискурс имеет следующие признаки: 1) использование чатов и внутриигровых текстов как основного канала передачи информации; 2) актуальность коммуникации (игрок-игрок); 3) виртуальность коммуникации (игрок-игра); 4) дистантность; 5) проницаемость в разрезе каждый с каждым; 6) гипертекстуальность текстов и игровых чатов; 7) высокая степень креолизованности игровых текстов; 8) объединение различных типов дискурса; 9) ролевая игровая этика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса. Оренбург: Вестник Оренб. ун-та, 2004. 5 с.
3. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. 308 с.
4. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.
5. Кутузов А. Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // III Лазаревские чтения. Челябинск, 2006. С. 306–311.
6. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Твер. Ун-та, 1998. 200 с.
7. Самаричева А. И. Англоязычное влияние на немецкий компьютерный дискурс // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 1. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 71–74.
8. Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994. С. 105–125.

9. Шевченко И. Некоторые психологические особенности общения посредством Internet. (Казанский гос. университет, кафедра психологии факультета журналистики, социологии и психологии) [Электронный ресурс]. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/shevchenko> (дата обращения: 09.03.2018]
10. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford; Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1994. 195 p.
11. Vikings: War of Clans — MMORPG Strategy Game — Plarium [Электронный ресурс]. URL: <https://plarium.com/ru/igri-strategii/vikings-war-of-clans/> (дата обращения: 16.04.2018)
12. Throne: Kingdom at War — MMORPG Strategy Game — Plarium [Электронный ресурс]. URL: <https://plarium.com/ru/igri-strategii/throne-kingdom-at-war/> (дата обращения: 16.04.2018)

© Королев Игорь Олегович (grkriv@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВРЕМЕННАЯ СФЕРА КАРТИНЫ МИРА АВТОРА В ПЕЙЗАЖНОМ ДИСКУРСЕ ЛИРИКИ БОРИСА РЫЖЕГО

THE TEMPORAL SPHERE OF THE AUTHOR'S WORLD PICTURE IN THE LANDSCAPE DISCOURSE OF THE LYRICS OF BORIS THE RED

N. Levitsky

Summary. The article examines the lyrics of Boris the Red in the 1990's and early 2000's. As a subject of research, the landscape discourse of lyric poetry has been chosen, the category of the author's world picture has been used in the conceptual and functional aspects as a methodological research apparatus. The study of the temporal sphere of landscape discourse revealed the existential character of temporal images. Nominations of temporary natural markers, as a rule, are remotely correlated with the realities of the natural world, their semantic field is formed mainly by mythological and mythological values. Markers of temporary natural realities perform mainly plot-forming and expressive function and only occasionally nominative.

Keywords: poetry, lyric poetry, landscape of the author's world, landscape discourse, temporal paradigm of the world picture, markers of natural realities, nominative function, expressive function, plot function.

Левицкая Нелля Евгеньевна

*К.филол.н., доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
nellya7@mail.ru*

Аннотация. В статье исследована лирика Б. Рыжего 1990-х — начала 2000-х годов. В качестве предмета исследования избран пейзажный дискурс лирики, категория картины мира автора использована в концептуальном и функциональном аспекте как методологический аппарат исследования. Изучение временной сферы пейзажного дискурса выявило экзистенциальный характер темпоральных образов. Номинации временных природных маркеров, как правило, отдаленно соотносимы с реалиями природного мира, их семантическое поле формируется преимущественно мифологическими и мифопоэтическими значениями. Маркеры временных природных реалий выполняют преимущественно сюжетообразующую и выразительную функцию и лишь изредка номинативную.

Ключевые слова: поэзия, лирика, картина мира автора, пейзажный дискурс, временная парадигма картины мира, маркеры природных реалий, номинативная функция, выразительная функция, сюжетная функция.

Одним из конститутивных элементов художественного мира традиционно считается пейзаж. В поэзии пейзаж занимает значимое место, что было продемонстрировано в исследованиях И. И. Шайтанова [20] и М. Н. Эпштейна [21], И. В. Остапенко выявила концептуальный характер пейзажа, представив пейзажный дискурс как экспликацию картины мира автора [9]. Изучение пейзажного дискурса лирики способствует проникновению в творческую лабораторию автора, дает возможность выявить особенности авторского сознания, его эстетические приоритеты. Поэзия 1990-х представляет собой особый период литературного процесса, когда происходит смена художественной парадигмы, выстраиваются новые векторы развития художественных миров. Творчество Бориса Рыжего (1974–2001) в силу трагических обстоятельств хронологически совпадает с данным периодом и нуждается в осмыслении на разных исследовательских уровнях. Актуальным, на наш взгляд, может быть изучение лирики автора сквозь призму пейзажного дискурса, что до настоящего времени в литературоведении предпринято не было.

Под пейзажным дискурсом, вслед за И. В. Остапенко, мы понимаем «представленность» мира природы

в сознании человека-субъекта [9]. В лирике номинации природных реалий выполняют различные функции — номинативную, выразительную, субъектную. Поскольку лирика является особым литературным родом, сохранившим синкретические отношения, кроме того, в эпоху модальности приобретает черты дискурсивности, природные номинации в художественном мире работают на формирование дискурсивных отношений: автор — лирический субъект — читатель. Интенции авторского сознания, экстраполированные через картину мира автора в тексте как эстетическом объекте, направлены на сознание читателя. Природные номинации, эксплицирующие картину мира автора, воспринимаются читательским сознанием как характеристики лирического субъекта и одновременно как сигналы авторского мировидения. Кроме того, читатель актуализирует собственные миропредставления. Поскольку номинации природных реалий в своем семантическом поле содержат и эмпирический, и символический смысл, читатель воспринимает их в силу своего миропонимания и соотносит с миром лирического субъекта и с авторским сознанием, представленным картиной мира в тексте. Номинации природных реалий вступают в дискурсивные отношения со всеми уровнями эстетического целого: характеризу-

ют мир лирического субъекта, презентуют авторское сознание, актуализируют в читательском сознании его собственную картину мира. Совпадение / не совпадение авторских интенций и читательской рецепции обуславливает их отношения и уровень восприятия текста. Природные номинации ценны в тексте не только как маркеры параметров физического мира лирического субъекта, но в их функциональном и концептуальном значении — они могут работать на создание художественного образа и эксплицировать когнитивные процессы авторского сознания, выраженные через сюжетный уровень текста. Такое понимание функционирования природных номинаций в лирическом тексте позволяет говорить о них как о пейзажном дискурсе. Изучение пейзажного дискурса как экспликации картина мира автора позволяет выявить глубинные смыслы текста, сформированные авторским сознанием для трансляции реципиенту, которому, собственно, и адресован текст как эстетическое целое.

Объектом исследования в предложенной работе стала лирика Б. Рыжего, представленная сборником «Стихи. 1993–2001» (СПб.: «Пушкинский фонд», 2014) [12], методом исследования — пейзажный дискурс.

В наших предыдущих работах рассмотрен субъективный уровень и пространственная парадигма картины мира автора, эксплицированной пейзажным дискурсом лирики Б. Рыжего. Установлено, что лирический субъект Б. Рыжего как одна из форм авторского сознания в его картине мира на метатекстовом уровне обнаруживает неосинкретический (см. типологию лирического субъекта, предложенную И. В. Остапенко) [9] характер, проявляющийся в многомерности личности, ее противоречивости, неприятию и любви к миру одновременно, стремлении создать собственный мир по собственным законам. Отличительной особенностью субъективной сферы картины мира автора в лирике Б. Рыжего является наличие формы «я-другой», которая встречается преимущественно в текстах именно пейзажного дискурса. Пейзажный дискурс создает предпосылки для диалога лирического субъекта с самим собой. Природа, активизируя свой смысловой потенциал, помогает лирическому субъекту интериоризироваться, заглянуть в себя.

Анализ пространственной сферы картины мира показал, что мир лирического субъекта выстроен в соответствии с ценностной парадигмой в ее горизонтальном и вертикальном измерении. Основным локусом лирического субъекта является городское пространство, которое сформировано как из элементов природного мира, так и урбанистических объектов. Непосредственной связи с природным миром у лирического субъекта нет, но культурная память, как через архаические мифологические структуры сознания, так и через литературную традицию, актуализирует сущностные смыслы

природных пространственных номинаций и вводит их в художественный мир. Пространственные маркеры природных реалий в картине мира автора выполняют преимущественно номинативную, изредка — выразительную функцию. Номинации природных реалий могут фиксировать реальный локус лирического субъекта, быть соотносимыми с конкретными природными или городскими объектами, но чаще являются умозрительными конструктами для формирования виртуального пространства, где урбанистические и природные элементы картины мира взаимопроникаемы. Автор владеет различными приемами конструирования традиционных художественных образов, о чем свидетельствует их наличие, но уходит от них, создавая свой собственный мир-миф на пересечении нейтральной для него природы и близкого ему города, контакт лирического субъекта с этим синтетическим пространственным локусом осуществляется преимущественно посредством «окна». Наиболее частотными и концептуально значимыми для картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Б. Рыжего являются все же природные номинации «небо»/«небеса», «облака», «снег», «листья» и «окно» как элемент пространства «дома». Номинации вертикального среза определяют ценностный верх, который у поэта получает амбивалентную окраску, а горизонтального — эксплицируют трагическое мироощущение лирического субъекта.

Рассмотрим временные параметры картины мира автора в лирике Б. Рыжего. Традиционно в пейзажном дискурсе выделяется природный суточный и календарный цикл. Последний представлен в лирике Б. Рыжего временами года — «осень» (36), «зима» (9), «лето» (11), «весна» (6), а также номинациями месяцев, суточный более разнообразный: «ночь» (28), «полночь» (6), «вечер» (10), «сумерки», «закат» (11), «утро» (16), «рассвет» (10), «восход» (2), «светает», «заря» (3), «день» (7), «полдень». Кроме того, изредка появляется линейное время с точным указанием даты («Мая второго дня», «восьмидесятые годы», «двадцать девятое светлое мая») и достаточно обширная группа временных образов с универсальной и онтологической семантикой («время», «век», «столетие», «вечность», «прошлое», «будущее»).

В суточном цикле преобладает темное время суток, что характерно для русской поэтической традиции, как наиболее благоприятное время для творчества, хотя в более поздних текстах светлое время суток активизируется в картине мира данного автора. Временные образы, как и пространственные, чаще всего так же выполняют номинативную функцию. К примеру, «утро» фиксирует определенный отрезок суток, примечательно, что у поэта оно чаще завершает ночь, нежели начинает новый день — «До утра кадил / фонарями Невский» [12, с. 135]; «потом до утра танцевали» [12, с. 172]; «Но

лишь / к утру смыкаю веки» [12, с. 240]; а из эпитетов к нему встречается только «туманное». То же касается «восхода» — «Мы — восхода на алом фоне / исчезающие полки» [12, с. 204], «рассвет» вообще лишен эстетической окраски. Единственный из временных суточных образов, «закат», получает у поэта художественное обрамление в виде колористических эпитетов — «пятьсот тонов заката / разлиты в небе: желтый, темно-синий <...> Так вот на этом темно-синем фоне, / до смерти желтом, розовом, багровом» [12, с. 158]; «рубин заката» [12, с. 195] появляется в ряду традиционных пейзажных клише, но в гротескной картине: «Когда бы заложить в ломбард рубин заката, / всю бирюзу небес, все золото берез — / в два счета подкупить свиней с военкомата, / порядком забуреть, расслабиться всерьез» [12, с. 195]; в подобных гротескных соотношениях «закат» встречается и далее — «я пьяный был, и нес изящный бред, / на фоне безупречного заката / шатался — полыхали облака» [12, с. 266]; «На окошке на фоне заката / дрянь какая-то желтым цвела» [12, с. 256]. Как видим, данная временная номинация выполняет скорее выразительную функцию. Лирический субъект реагирует не на хронологический период и не на эстетическую форму, что традиционно для русского пейзажа, а фиксирует свою отстраненность от природного мира, прикрывает циничной бравадой. И лишь в последних текстах картина меняется, сквозь гротескную абсурдность прорывается невысказанная боль от потери связи с живой жизнью, и пейзажные номинации здесь уже реализуют сюжетную функцию — «Да по улице вечной печали / в дом родимый, сливаясь с закатом, / одиночеством, сном, листопадом, / возвращайся убитым солдатом» [12, с. 341].

Обратим внимание еще на один образ — «ночь», наиболее частотный среди суточных временных номинаций. Наряду с чисто номинативной функцией при фиксации суточного периода («не спится, и бродишь всю ночь» [12, с. 348]; «И висели всю ночь напролет фонари» [12, с. 11]; «в неком стиле нервном / всю ночь писал» [12, с. 54]), которая, безусловно, преобладает, реализуется и функция выразительная: «И — дождливый — светился ЦУМ / грязно-желтым ночным огнем» [12, с. 22]; иногда напрямую подключается экзистенциальный контекст: «Здесь моя и проходит / жизнь с полуночи и до утра» [12, с. 312]. Притом он может актуализироваться через поэтическую традицию. Блоковская «Ночь, улица, фонарь, аптека» несколько раз отзывается у Б. Рыжего, практически с теми же настроениями, но с иным внешним антуражем — «Ночь. Каптерка. Домино. / Из второго цеха — гости» [12, с. 124]; «Ночь. Звезда. Милицанеры / парки, улицы и скверы / объезжают» [12, с. 126]; «Ночь. Звезда. Грядет расплата. / На погонах кровь заката» [12, с. 126]. И у классика, и у современного поэта — кумулятивная презентация их миров, на самом деле, мало чем отличающихся друг от друга почти через столетие. Интересно

другое: Б. Рыжий ставит точки после каждой номинации, его мир дробится и закрывает каждый свой отдельный микро-мир. Как и у А. Блока, композиция текста кольцевая, но если старшего поэта угнетает повторяемость мира, то его потомок иронизирует над миром, сам, возможно, того не замечая, что «кровь заката» действительно становится расплатой за безответственную позицию человека в современном мире. Как видим, пейзажные номинации, включенные в данном случае через культурную традицию, выполняют сюжетную функцию, выводят, может, не столько лирического субъекта, сколько автора и читателя к осмыслению бытийных вопросов.

Обратимся далее к временным номинациям календарного цикла. Наименее частотный образ «весны». Это, конечно, в первую очередь, время года — «А во дворе весна. // Белые яблони» [12, с. 331], только его традиционный жизнеутверждающий смысл нивелируется наложением семантики смерти: «И женщина хрипло кричит из окна: / они же его убьют» [12, с. 331]; «И вроде не было войны, / но почему коробит имя / твое в лучах такой весны, / когда глядишь в глаза жены / глазами дерзкими, живыми?» [12, с. 346]; «По локти руки за чертой разлуки — / и расцветают яблони весной» [12, с. 191]. Единственным атрибутом «весны» как времени года у поэта оказались «яблони» — «цветущие» или «белые». В иных случаях встречаем пейзажную номинацию «весна» в переносном значении — название магнитофона (««Весны» монофонические звуки, / тревожный всхлип мелодии блатной» [12, с. 191]) и в разговорном варианте названия фильма («Как только про мгновения весны / кино начнется, опустеет двор» [12, с. 316]). Семантика природного времени в номинации «весна» у поэта практически отсутствует. Даже «яблони» здесь, скорее, являются лишь поэтическим клише, сформированным на пересечении высокой поэзии («белых яблонь дым») и массовой культуры («расцветали яблони и груши»).

При этом авторскому сознанию не чуждо знание символики природного времени (отметим, и языческой, и религиозной), в частности, «весны» как периода возобновления жизненного цикла и воскрешения. Речь идет о стихотворении «Гриша-Поросенок выходит во двор...» [12, с. 331] с пушкинским эпиграфом «Отцы пустынные и жены непорочны...», написанном автором в последний год жизни. Обратим внимание на композиционное расположение образа «весны». В тексте несколько субъектных форм — перволичный субъект «я», «другие» — «Гриша-Поросенок», «женщина» «из окна», «народ», «ты» — то ли «молодость», то ли имплицитная лирическая героиня. Текст начинается рассказом имплицитного лирического субъекта о событии, в котором он сам участия не принимает, является как бы посторонним наблюдателем, хотя событие разворачивается «во дворе», продолжении «своего» пространства «дома», в него

вовлечены «другие». Агрессивное поведение «Гриши» провоцирует драку, «народ» его умирляет — «бьют коленом в живот. / Потом лежачего бьют». «Крик» «женщины» «из окна» — «они же его убьют» — прерывает рассказ о событии «во дворе», что пунктуационно обозначено точкой. Но строфа при этом не закончилась. Последний стих вводит временной маркер — «А во дворе весна». Следующая строфа разворачивает временной атрибут в пространственное измерение — «Белые яблони. Облака / синие». Только это пространство уже не «других», а перволичного лирического субъекта — «Ну, пока, / молодость, говорю, прощай». Повествовательные интонации уступают место лирическим рефлексиям. Временная номинация в данном случае включена в композиционную структуру текста, она разделяет пространства лирического субъекта — прошлого и настоящего, но еще несет и важную смысловую нагрузку — в мире людей смерть и жизнь утратили привычные иерархические отношения, поэтому «убийство» и «весна» осуществляются на одном «дворе».

Далее текст презентует внутренний диалог перволичного субъекта то ли со своим прошлым («молодость»), то ли с имплицитной лирической героиней, но в любом случае «другой» здесь не из «дворового» окружения, а из виртуального будущего, где онтологическим ценностям возвращен их изначальный порядок. Эксплицирован он номинацией «весна», в которой актуализирована традиционная символическая семантика «воскрешения» — «Пусть вечно будет твое лицо / освещено весной». Что касается лирического субъекта, то он будущим не особенно озабочен («Плевать, если знаешь, что было со / мной, что будет со мной»). А вот интенция авторского сознания прочитывается читателем. «Свет» и «вечность» в соседстве с «весной» при поддержке пушкинского текста («И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия мне в сердце оживи») свидетельствуют о наличии ценностных приоритетов и их продуцировании в художественный мир. Читатель их обнаруживает благодаря временному пейзажному образу «весны», который здесь выполняет сюжетобразующую функцию.

Номинации «зима» и «лето» представлены почти в равных пропорциях, при этом обе имеют к природному циклу весьма отдаленное отношение. Если учитывать биографический контекст, то лирическому субъекту ближе «зима». Обнаруживается пунктирное описание состояния природы в это время года: «а за окнами зима, / а за окнами сугробы, / неуютный грустный вид» [12, с. 81], соотношенное с внутренним состоянием лирического субъекта через прием параллелизма. Семантика пейзажного образа здесь традиционна для русской поэзии в целом. Как уже отмечалось, лирический субъект — городской житель, внешний мир воспринимает через «окно». В то же время «зима» может быть метонимиче-

ским эквивалентом этого мира — «Да шагай по великой зиме» [12, с. 348]. Чаще же природная номинация «зима» попадает в художественный мир поэта опосредованно, через «чужое» слово, но каждый раз узнаваемый образ облекается новыми смыслами. В «Элегии» «Зимой под синими облаками / в санях идиотских дышу в ладони, / бормоча известное: «Эх вы, сани! / А кони, кони!» [12, с. 229] есенинский текст в виде прямой цитаты вложен в уста лирического субъекта, пространственно-временные координаты которого формируют пейзажные образы. «Зима» в корреляции с «синими облаками» поддерживает романтический настрой, заданный интертекстом, но снижено-разговорная характеристика — «в санях идиотских» (напомним, в русской национальной культуре «сани» — самый почетный вид транспорта) травестирует традиционный высокий смысл образов, разрушает аксиологическую вертикаль. Далее в тексте элегический модус, заявленный в названии, трансформируется в иронический. Присущий элегии мотив смерти помещается в ирои-комический контекст («Эх, за десять баксов к дому милой — / ну, ты и придурок, скажет киса. / Будет ей что вспомнить над могилой / ее Бориса» [12, с. 229]). Гротескная абсурдность мира лирического субъекта обнажается именно через введение традиционных пейзажных образов в несвойственную им ценностную парадигму. Надо полагать, здесь так же имеет место авторская интенция, направленная к читательскому сознанию для осмысления бытийных вопросов, закодированных в тексте. То же можно сказать и о стихотворениях, актуализирующих интонации И. Бродского («В провинции моей зима, зима, зима» [12, с. 63]) и А. Пушкина («Зимний вечер. После дня / трудового над могилой / впечатляюще унылой / почему-то плачу я: / ну, прощай, Салимов К.У. / Снег ложится на башку» [12, с. 124]). В «провинции» И. Бродского, правда, иное время года — «скоро осень», у Б. Рыжего, в период написания текста, еще весьма зависящего от классика, «зима» включает биографический код, но не снимает общей экзистенциальной направленности, реализованной на новом жизненном материале («Итак, глядим в окно. / Горят огни на зоне» [12, с. 63]) через введение еще одной литературной реминисценции — «Я мальчиком читал рассказ о робинзоне: / на острове одном, друзья, он жил один» [12, с. 63]. Обратим внимание, «робинзон» здесь имя нарицательное, то есть, «одиночество» воспринимается лирическим субъектом как тотальное состояние человека в целом. Пушкинский же текст («Зимний вечер»), введенный в биографический контекст, работает по принципу развоплощенной метафоры. Представление о ценности дружбы сформировано культурной памятью не в последнюю очередь пушкинской традицией. «Друзья» лирического субъекта Б. Рыжего иного социального и нравственного плана, но при этом они не перестают быть «друзьями». Природная временная номинация, таким образом, актуализирует культурную

память и становится ценностной характеристикой лирического субъекта.

Подобную ситуацию наблюдаем и в отношении номинации «лето». Встречается она несколько чаще, но если «зима» не имеет прямых личностных характеристик, то «лето» — единственный временной маркер, который получает у лирического субъекта отрицательную оценку: «лето / я не вспоминаю никогда» [12, с. 273]. В другом месте находим отсутствие разницы между природным временем — «зимой ходил в ботинках летних» [12, с. 21], что также эксплицирует личностную, уже онтологическую характеристику самого субъекта — «В аду искал приметы рая / и, веря, крестик не носил» [12, с. 21].

Номинация «лето» может выступать в функции временного маркера — «Или снимем на лето обычную дачу» [12, с. 323]. Тогда временной период полноценной природной жизни коррелирует с желаемым, но неосуществимым состоянием лирического субъекта — «Последняя неделя лета. / На нас глядят Алена, Света. / Все прыгнули, а я не смог, / что очень плохо для поэта» [12, с. 254]. Или может входить в состав имени собственно — «Летний сад», что актуализирует культурную традицию, как, впрочем, и другие временные номинации. Чаще же «лето» изначально заявлено как виртуальное время — «Оно про лето / было кино, про счастье, не про беду» [12, с. 255], или потерянное прошлое — «Для пьяницы-говоруна / на флейте отзвучало лето, / теперь играет тишина / для протрезвевшего поэта» [12, с. 302]. Притом включенность природной номинации «лета» в элегический мотив коррелирует с урбанистическим пространством города: «Оплакивают лето фонари» [12, с. 315]; «Ну да, / ей-богу, это было лето. И до рассвета свет фонаря был / голубого цвета. Ты все забыла. Но это было» [12, с. 321], что подчеркивает экзистенциальный характер природного образа. Лирический субъект прекрасно понимает и символический, и эмпирический смысл «лета», но в его жизненном пространстве оно может выступать или как культурологический маркер, или формировать элегический модус, восприятие же «лета» как временного периода природного цикла практически у поэта отсутствует.

Иную картину наблюдаем с номинацией «осень». Как уже отмечалось, «осень» (36) — наиболее частотный временной маркер, более того, это одна из преобладающих природных номинаций в картине мира автора в целом. В одном из первых текстов сборника задан экзистенциальный характер образа — «И дитя осенней, старой и печальной, / кинутой звезды / допивает что-то из груди стеклянной, / но глаза чисты» [12, с. 9]. Формируется он корреляцией «осени», сигнализирующей о начале завершения временного природного цикла, с пространственным образом «звезды» с символической сакральной

семантикой. Гротескное соединение аксиологического верха и социального низа в оформлении пространственных параметров одной из субъектных форм обостряют экзистенциальную проблему лирического субъекта. Примечательно, что «осень» в сочетании со «звездой» — один из повторяющихся мотивов в лирике Б. Рыжего: «я хочу попрощаться с тобой <...> под осенней звездой» [12, с. 13]; «пока осенняя звезда / светит над твою головою» [12, с. 175]; «Про звезду осеннюю, дорогу, / синие пустые небеса» [12, с. 175]; «трубит / для осени и звезд» [12, с. 218]; «Звезда, осенняя аллея» [12, с. 352]. И «осень», и «звезда» — образы в целом амбивалентные. «Осень» — период угасания природы, подготовка ее к переходу в новое состояние, но это и период сбора урожая, подведения итогов года, радость от достигнутых результатов. У Б. Рыжего в приведенных примерах актуализировано именно первое смысловое наполнение. «Звезда» — номинация небесного светила, что активизирует ее высокую семантику, при этом она соотносима с ночным временем суток. В сочетании с «осенью» «звезда» также воспринимается как атрибут нисходящего периода жизненного цикла, что коррелирует с внутренним состоянием лирического субъекта — и «осень», и «звезда» сопровождаются эпитетом «печальная».

Природная временная номинация «осень» в картине мира Б. Рыжего выполняет различные функции, в отличие от других пейзажных образов, но привычная описательная ей также не свойственна. Лишь изредка «осень» фигурирует в качестве конкретного временного маркера, напрямую соотношенного с состоянием природы «Фонтанчик не работает — увы! — / уж осень, но по-прежнему тепло» [12, с. 25], зато функция выразительная достаточно репрезентативна в текстах автора. Только «осень» из всех природных временных маркеров способна продуцировать определенные внутренние состояния лирического субъекта, формировать его чувственный план. Чаще это грусть, печаль — «Стихи осенние — как водится — печально / легли на сердце, мертвые листья» [12, с. 26], но и нежность — «По-осеннему нежен, / я люблюсь тобою» [12, с. 30]; и благодарность, граничащая со смирением и прощением/прощанием — «Благодарю <...> / За осень. За ненастье. За грехи» [12, с. 49]; «с трудом приподнимая веки, / шептать одно осеннее «прости»» [12, с. 26]; «я хочу попрощаться с тобой <...> под осенней звездой» [12, с. 13], но и неприязнь и отчужденность — «есть только осень, / чей взор безумен и несносен» [12, с. 163]. Следует отметить, что последний пример — единственный случай, когда «осень» вызывает у лирического субъекта чувство неприятия.

В целом же «осень» у Б. Рыжего вполне соответствует традиционной интерпретации образа в русской литературе. И здесь нельзя не упомянуть его корреляцию с темой творчества, поэтического вдохновения, заданного

в национальной культуре пушкинским текстом. И у современного поэта находим соотнесенность «осени» с творческим состоянием: «трубач с надменной внешностью бродяги, / с трубою утонув во мраке, трубит / для осени и звезд» [12, с. 218]; «В эту осень мне даже стихи / удавались отчасти» [12, с. 322]; «видит березу с осиной в осеннем убранстве, / делает песню, и русские люди поют» [12, с. 262]; «Не ходить мне по осенним скверам, / виршей не записывать в альбом» [12, с. 104]. Но, как видим, привычный трепет перед «осенним» вдохновением у Б. Рыжего сознательно снижен иронией. Притом ирония у поэта — не насмешка, не сатира, автор наследует романтический тип иронии, предполагающий относительность известных ценностей, продуцирующий свободный тип творчества, где автором устанавливаются законы художественного мира, а сам он — значительно шире его. Примечательно, что с такой позиции подходит Б. Рыжий и к поэтическому наследию своих предшественников-романтиков. Образ «осени» наглядно демонстрирует эту авторскую стратегию: и пушкинский, и лермонтовский, и есенинский текст подвергается ироническому преломлению: «Мотив неволи и тоски. / Октябрь, наверно? Осень, что ли?» [12, с. 267]; «Там нищий пьёт осеннее вино, / что отливает безобразным блеском. / ...А говорить мне не о чем и не с кем» [12, с. 88]; «Мы много пили в эту осень / «Агдама», света и росы» [12, с. 198]; «Это осень и слякоть, и хочется плакать, / но уже без желанья в теплую мякоть / одеяла уткнуться» [12, с. 231]; «Не надо ничего, / оставьте стол и дом / и осень, того, / рябину за окном» [12, с. 334].

Впрочем, традиция не всегда иронически переосмысливается. Прием психологического параллелизма достаточно востребован у Б. Рыжего, и здесь он остается в рамках традиции. Состояние природы в осеннюю пору коррелирует с самоощущением лирического субъекта: «Парк осенний стоит одиноко, / и к разлуке и к смерти готов» [12, с. 349]. Причем художественный прием параллелизма может расширяться до пределов целого текста, и именно «осень», единственный из пейзажных образов, удостоена у поэта такого внимания, к примеру, в текстах «Труба и осень», «Осень», «Фонарь над кустами»: «Фонарь глядел на нас печально — / он бледен был необычайно / тогда, в начале сентября. // Кусты заламывали кисти. / Как слёзы, осыпались листья. / Какая снилась им беда? / Быть может, то, что станет с нами, / во сне осознано кустами / ещё осенними тогда» [12, с. 12].

Как видим, прием параллелизма актуализирует в первую очередь экзистенциальный смысл образа «осени». «Осень» становится своеобразным аксиологическим камертоном. Не сожаление о прошлом, а ценность настоящего продуцирует образ «осени» — «с каждой осенью твои ладони / мне все нужней» [12, с. 344]. Наиболее презентативной в образе «осени» представляется семан-

тика завершения, но не окончания. Увядание природы, ее подготовка к переходу в иное состояние получают абсолютный отклик в авторском сознании. Напомним, расцвет, буйство природной жизни практически отсутствуют в картине мира автора в поэзии Б. Рыжего. С образом «осени» в этом смысле коррелирует «опавшая» «листва», как уже отмечалось, наиболее частотный из пространственных природных номинаций, и другие природные номинации, соответствующие данному времени года — «сентябрь», «рябина», «облака» — «...а осень в Летнем Саду — / туманен, как осень, и тих — / музейной аллеей пройду / <...> / за листиком новый листок / роняя, что слезы любви, / сентябрь надевает венок / на бедные кудри мои» [12, с. 29]. Знание закона цикличности природной жизни позволяют лирическому субъекту и самому включиться в естественный круговорот времени — «время встало и стоит, / а листва летит» [12, с. 330]; «И путь-дорога далека. / И пахнет прелою листвою. / И пролетают облака / над непокрытой головою» [12, с. 214]; «погляжу на небо, а потом / по листве пройду» [12, с. 330].

Экзистенциальная семантика «осени» экстраполирована непосредственно на образ лирического субъекта — «Нехорошо быть <...> осенним облаком, туманом, / а я как раз один из них» [12, с. 277]; «Я зеркало протру рукой / и за спиной увижу осень» [12, с. 302]. Мироощущение лирического субъекта пронизано естественно-символическими смыслами «осени» — «а что называется мной, / то идет по осенней аллее, и ветер / свистит-надрывается, / и клубится листва за моею спиной» [12, с. 347]. В стихотворении «Не вставай, я сам его укрою» [12, с. 175] ключевым образом является «осенняя звезда». Номинация «осени» в корреляции со «звездой» формирует аксиологическую вертикаль и является символом жизнотворчества, а поскольку в тексте фигурируют субъектные формы, презентующие самых близких поэту людей — сына и жены, выполняет функцию оберега. Метонимически «осенняя звезда» презентует самого лирического субъекта, в прямом смысле берущего на себя ответственность за покой и даже за жизнь своих близких: «спи, пока осенняя звезда / светит над твоею головою <...> я пришел и не уйду из дома... / И горит осенняя звезда» [12, с. 175].

В целом отношение лирического субъекта к «осени» сформировано ее эмпирическим смыслом и поэтической традицией. Увядание природы вызывает у лирического субъекта естественную грусть, литературная семантика образа рождает ощущение одиночества и тоски. Именно такие коннотации созвучны внутреннему состоянию лирического субъекта. В то же время ему не чуждо знание символической семантики «осени» и ощущения, скорее, неосознанного, собственной органичной близости с природным миром. «Осень» в картине мира автора является атрибутом циклического времени, а не линей-

ного, что соответствует ее субстанциальному смыслу. Поэтому завершение естественного природного цикла не вызывает у лирического субъекта трагического восприятия, а лишь окрашивается в элегические, но чаще иронические тона. Это дает возможность авторскому сознанию сбалансировать свои собственные представления о мире, хранящиеся в культурной памяти, и мировидческий облик лирического субъекта — презентующего человека определенной эпохи и уровня сознания. Иронический модус — ведущий способ завершения эстетического события у Б. Рыжего — позволяет авторскому сознанию производить известную ревизию общепринятых ценностных комплексов. Коснулось это и «осени». Гармоничность природы воспринимается как идиллия, а не равновесие, лежащее в основе миропорядка. Такую мнимую идиллию и разрушает авторская ирония: «Мальчику полнеба подарили, / сумрак елей, золото берез. / На заре гагару подстрелили. / И лесник три вишенки принес. // Было много утреннего света, / с крыши в руки падала вода, / это было осенью, а лето / я не вспоминаю никогда» [12, с. 273]. Текст как художественное целое формируется соположением элегического и иронического модусов, образ «осени» здесь работает на реализацию именно иронического. «Сумрак елей, золото берез», «три вишенки» — пространственные атрибуты осеннего времени из идиллической картины кумулятивной связью соединены с «подстреленной» «гагарой». Конечно, в социуме осень — период охоты, но, по сути, человек своей деятельностью разрушает природную гармонию. В тексте все эти образы формируют мир детства лирического субъекта, в котором «осень» воспринимается как созвучное ему время, в отличие от «лета». Иронический подтекст улавливается рецепиентом — гармоничный мир лирического субъекта подвергается переоценке, элегические настроения воспринимающим сознанием ставятся под сомнение.

Таким образом, семантическое поле природной номинации «осень» у поэта вбирает мифолого-символические, эмпирические и мифопоэтические смыслы. Осознание цикличности природного времени в сочетании с культурологическими представлениями формируют у лирического субъекта отношение к «осени» как к экзистенциалу. Частотность образа усиливается к концу творческого пути. Наряду с пространственными природными номинациями в роли экзистенциалов «осень» эксплицирует онтологические параметры внутрен-

него мира лирического субъекта: «Чем дальше будет, тем длиннее / и бесконечней. / Звезда, осенняя аллея, / и губы, плечи. // И поцелуй в промозглом парке, / где наши лица / под фонарем видны неярким,— / он вечно длится» [12, с. 352].

Анализ временной сферы картины мира автора, эксплицированной пейзажным дискурсом лирики Б. Рыжего, позволяет сделать следующие выводы. Среди природных временных номинаций более частотны именованья суточного цикла, при этом номинации календарного цикла учащаются к концу творческого пути. Среди суточных номинаций преобладают названия темного времени суток («ночь», «полночь», «вечер»), в календарном цикле выделяется «осень» — один из наиболее актуализированных пейзажных образов в лирике поэта в целом. Временные номинации лишь изредка выполняют собственно номинативную функцию, становятся маркерами временных параметров лирического субъекта. Чаще им свойственна выразительная функция или сюжетобразующая. Номинации временных природных маркеров, как правило, отдаленно соотносимы с реалиями природного мира, их семантическое поле формируется преимущественно мифологическими и мифопоэтическими значениями. Во временной парадигме картины мира автора в лирике Б. Рыжего выделяется образ «осени», возведенный авторским сознанием в ранг экзистенциалов. В пространственной сфере с «осенью» коррелируют «листья»/«листва», притом всегда «опавшая». Оба образа принадлежат к наиболее частотным. Сочетание временной номинации нисходящего цикла и номинации пространственной реалии, утратившей связь с органической жизнью, показательны в пространственно-временном континууме лирического субъекта, опасно балансирующего между ценностными полюсами, что демонстрирует пространственная сфера картины мира. Пейзажный дискурс лирики Б. Рыжего эксплицирует картину мира автора, проникнутую трагическим мировосприятием. Но авторское сознание трагическое переводит в подтекст, используя элегический, а чаще, иронический модус для завершения эстетического объекта и оформления образа лирического субъекта. Трагические интенции авторского сознания несовпадения «я» и «мира» адресованы рецепиенту. Культурологически сведущему читателю пейзажный дискурс лирики позволяет выявить мировоззренческие проблемы авторского сознания и дать собственную оценку его лирическому субъекту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арьев А. Блок. Иванов. Рыжий. О стихах Бориса Рыжего / А. Арьев // Звезда. — 2009. — № 9.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Учебное пособие / С. Н. Бройтман. — М.: РГГУ, 2001. — 320 с.
3. Быков Л. П. Борис Рыжий: последний советский поэт? / Л. П. Быков // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. — Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2009. — Т. 1. — С. 167–174 (труды Уральского МИОНа; вып. 21).

4. Изварина Е. «Он стал легендой...» / Е. Изварина // Наука Урала. — 2008. — № 1–2 (963).
5. Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий: монография / Ю. В. Казарин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 310 с.
6. Кузин А. В. Следы Бориса Рыжего. Заметки из дневника. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. — 104 с.
7. Кушнер А. Стихи, переписка, разговоры с Борисом Рыжим // RussianLiterature. — LXVII (2010) I. — С. 85–96.
8. Машевский А. Последний советский поэт: О стихах Бориса Рыжего / А. Машевский // Новый мир. — 2001. — № 12.
9. Остапенко И. В. Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов.: Дисс. ... докт. филол. н.: 10.01.02. / Остапенко Ирина Владимировна; Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского. — Симферополь, 2013. — 530 с.
10. Пурин А. «Под небом, выпитым до дна» (Борис Рыжий) // <http://borisryzhy.ru/pod-nebom-vypitym-do-dna-aleksej-purin/>
11. Рейн Е. Вся жизнь и еще «Уан бук» // Вопросы литературы. — 2002. — № 5.
12. Рыжий Б. Стихи — 2-е издание, исправленное — СПб.: «Пушкинский фонд», 2014. — 368 с.
13. Славникова О. Из Свердловска с любовью / Ольга Славникова // Новый мир. — 2000. — № 11.
14. Собенников А. С. Поэзия Бориса Рыжего: образ лирического героя / А. С. Собенников // Литература Урала: история и современность: Сборник статей. Вып. — 3. — Екатеринбург: УрО РАН; Изд. дом «Союз писателей», 2008. — Т. 1. — С. 91–99.
15. Сухарев Д. «Влажным взором» <http://borisryzhy.ru/vlazhnym-vzorum-dmitrij-suxarev/>
16. Тагильцев А. В. Борис Рыжий и Осип Мандельштам: к проблеме художественного взаимодействия / А. В. Тагильцев // Классика и современность: проблемы изучения и обучения: материалы XIV научно-практической конференции словесников. Екатеринбург, 26–28 февраля 2009 г. / РОПРЯЛ; УрО РАО; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», ИФИОС «Словесник». — Екатеринбург, 2009. — С. 293–295.
17. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т.: Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман; Под ред. Н. Д. Тамарченко. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 512 с.
18. Харитоновна Е. В. Мотив снега в поэзии Б. Рыжего: формы репрезентации, фольклорные и литературные истоки / Е. В. Харитоновна // Литература Урала: история и современность: Сборник статей. — Вып. 2. — Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. — С. 376–382.
19. Шайтанов И. О. Борис Рыжий: последний советский поэт? / И. Шайтанов // Дело вкуса: Книга о современной поэзии. — М.: Время, 2007. — С. 519–533.
20. Шайтанов И. О. Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. / Игорь Олегович Шайтанов. — М.: Прометей, 1989. — 257, [2] с.
21. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзаж. образов в рус. поэзии / М. Н. Эпштейн. — М.: Высш. шк., 1990. — 302, [1] с.: ил.

© Левицкая Нелля Евгеньевна (nellya7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

ФРАЗЕОСХЕМЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛАТФОРМЫ «ТВИТТЕР»)

FRAZEOSKHEMA IN INTERNET COMMUNICATION (FOR CONTENT PLATFORM «TWITTER»)

**D. Minets
D. Goryuschenko**

Summary. The article considers the 5 most frequent memes, the phraseology of modern Internet communication. The paper describes their semantics, functional, history of origin and structure. Due to economy, emotionality and high degree of expressiveness, syntactic phraseological units as communicative units are often used in Internet communication.

Keywords: syntactic phraseology, phraseology scheme, Internet meme, Internet communication.

Минец Диана Владимировна

*К.филол.н., доцент, Череповецкий государственный университет
dv.minets@gmail.com*

Горющенко Денис Олегович

Череповецкий государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается 5 наиболее частотных мемов-фразеосхем современной интернет-коммуникации. В работе описывается их семантика, функционал, история происхождения и структура. Благодаря экономности, эмоциональности и высокой степени экспрессивности синтаксические фразеологизмы как коммуникативные единицы достаточно часто используются в интернет-общении.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, фразеосхема, интернет-мем, интернет-коммуникация.

Интернет является наиболее динамично развивающимся средством коммуникации. При общении в сети коммуниканты используют различные языковые единицы, в том числе синтаксические фразеологизмы, к которым относятся и фразеосхемы. При этом интернет преобразует привычную форму за счет использования своих специфических возможностей (мультимедийность, интерактивность, виртуальность, глобальность и т.д.). Современный язык интернета по своей структуре — это, скорее, устный язык, так называемая разговорная машинопись. Благодаря таким свойствам, как экономность, эмоциональность и высокая степень экспрессивности, фразеосхемы (синтаксические фразеологизмы) как коммуникативные единицы достаточно часто используются в интернет-общении. В отличие от лексических фразеологизмов, в них нет лексической неподвижности. Более подробно синтаксические фразеологизмы описаны в работах В. Ю. Меликяна, который у фразеосхем выявил следующий набор признаков: устойчивость, воспроизводимость, цельнооформленность и экспрессивность [2, с. 160]. Фразеосхемы, в отличие от фразеологизмов, обладают более высокой степенью коммуникативной востребованности. Они, по мнению Ю. Я. Бурмистровича, помогают говорящему, во-первых, в мыслительной деятельности по лексическому наполнению схемы с целью создания новых синтаксических фразеологических единиц, во-вторых, в достижении быстрого взаимопонимания с другими людьми при введении в речь данных единиц [1, с. 20]

Сегодня коммуникацию в сети невозможно представить без мемов. Язык вообще стремится к простоте, и если что-то не имеет практической или прагматической ценности, оно с трудом удерживается в языке. А поскольку мемы кратко и ярко выражают суть актуальной, злободневной информации, они агрессивно захватывают коммуникативное пространство. Для интернет-мемов характерна демонстративность, стереотипность, повторяемость, клишированность. Они носят игровой, креативный характер. В типологии мемов [5] Л. Н. Саакян особо выделяет синтаксические мемы — «типичные лексические конструкции с разной лексической наполняемостью («Я X, я ничего не хочу решать, я хочу Y») с визуальным сопровождением (изображением)» [4, с. 93]. С лингвистической точки зрения, в структуре синтаксического мема можно выделить постоянный (опорный) и изменяемый элементы, дополняющие значения друг друга. Изображение поддерживает общее значение высказывания, усиливая соответствующую коннотацию. При этом вербальные и невербальные средства образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное единство и употребляются в целях совокупного воздействия на адресата; являются способом выражения эмоций. В процессе распространения в сети мемы могут модифицироваться (меняются имена, названия, персонажи и т.п.), однако синтаксическая структура при этом сохраняется, несмотря на преобразования лексики и стиля.

Чаще всего фразеосхемы в интернете строятся «по живым синтаксическим моделям» [2, с. 187], при этом неизменяемый компонент употребляется в прямом

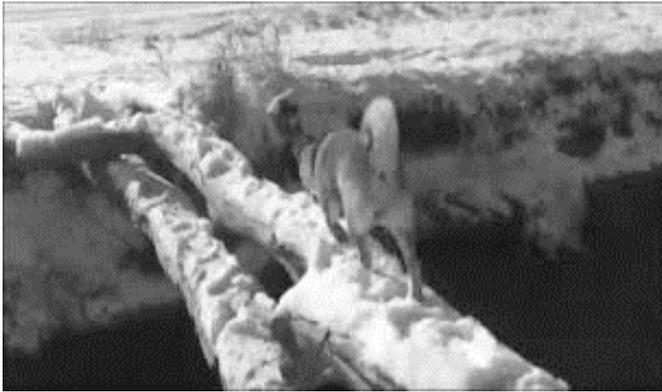

Рис. 1

Рис. 2

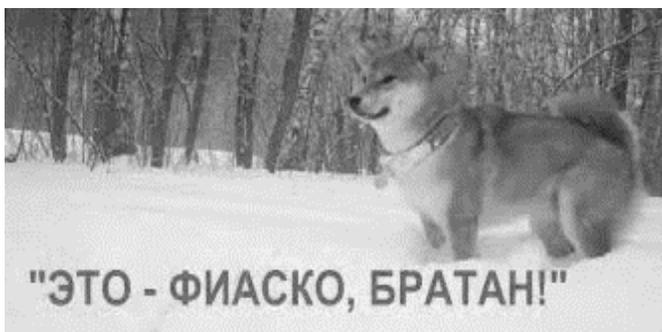

Рис. 3

Рис. 4

или переносном значении, а семантика его обобщается и распространяется на содержание всего интернет-мема в целом.

В рамках настоящей статьи материалом для анализа послужили синтаксические фразеологизмы, функционирующие в Твиттере и извлеченные методом сплошной выборки в количестве 50 единиц. Совокупный объем отобранного материала был классифицирован, а по итогу выделено 5 фразеотвитов-мемов.

Схема: ... + «это фиаско, братан!». Фразеологизм «это фиаско, братан!» стал популярен в интернет-дискурсе, возможно, из-за удачного смешения единиц, относящихся к различным видам лексики. Ср. в Твиттере: «Разбил 3 заварных чайника за 1,5 месяца #этофиаскобратан». (mar&paseman@ebnekare); «Учиться 5 лет на платке и по выходу работать за 30к в месяц — это фиаско, братан #этофиаскобратан. (Луша@Andreevna_nasti). В конце сентября 2017 года в интернете появилось видео, на котором собака породы сиба-ину, несмотря на предостережение хозяина, падает в воду с бревна. На это хозяин реагирует словами: «Это фиаско, братан!» (Рис. 1–4).

Выражение «это фиаско, братан!» за несколько дней превратилось в мем. Пользователи соцсетей полюбили

фразу и теперь используют ее в качестве реакции на комично-неприятную ситуацию. Ситуации, которые описывают коммуниканты в своих сообщениях, являются острыми и актуальными для них. Для выражения своего отношения к сообщаемому говорящий (или пишущий) использует постоянный неизменяемый компонент «это фиаско, братан», который выступает средством реализации комической модальности благодаря своей эмоционально-экспрессивной стилистической окраске и обогащает высказывание дополнительной иронической коннотацией. Комплексное использование синтаксического фразеологизма и (или) визуального компонента усиливает не только образность и экспрессивность высказывания, но также и степень его комичности. Так, широкий отклик в СМИ нашла информация об отстранении российских спортсменов от участия в Олимпиаде из-за допингового скандала, начавшегося с подачи Григория Родченкова. Эта ситуация отразилась в сети посредством мема: «Это фиаско, братан!»: Родченков запутался в показаниях» (Рис. 5).

Схема: «Вжух и ... + ...». Фразеосхема-мем «Вжух» — это изображение кота с волшебной палочкой, взмах которой связывается с магическими заклинаниями. Рядом с котом на изображениях, как правило, разноцветная пыльца. Подпись располагается в правом нижнем углу изображения и содержит фразу: «Вжух ... и ...» (Рис. 6–7).

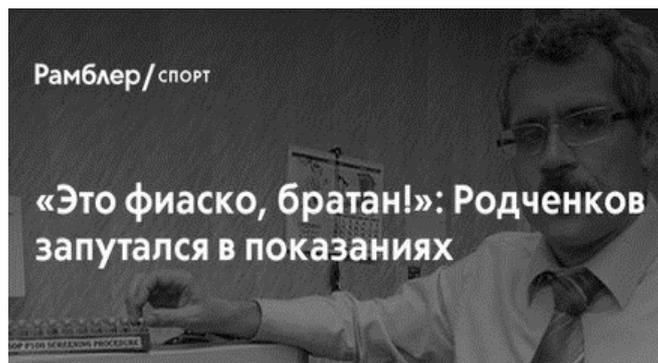

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

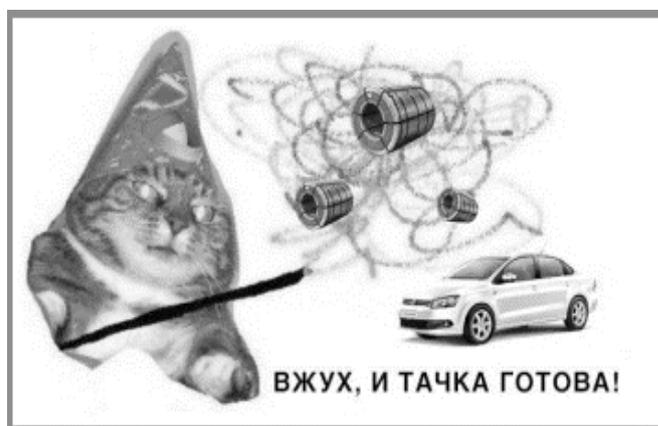

Рис. 9

Оригинальное слово «вжух» (аналог «абракадабра») обладает семантикой волшебного, чудесного, магического действия. Изменяемый компонент имеет свободное лексическое наполнение, выражает произошедшие изменения. Через идею сверхъестественного коммуниканты стремятся передать мгновенность действий, что поддерживается визуальным изображением: Ср. в Твиттере: «А не хило так животные болеют, в частности собаки. Вжух и 400 руб как не бывало» (Roman

Tarasevich @Romio_1927); «Провела уроки, сделала мелкие дела, 5 часов отзанималась с детьми, а потом успела с друзьями выпить бокал вина и вжух! в 11 уже дома» (жена декабриста @le_rouxh). При этом возможна противоположная интерпретация ситуации. Использование неизменяемого компонента «Вжух» придает экспрессивность и образность любому высказыванию: ср.: «Была стипендия. Техосмотр... ВЖУХ и нет стипендии» (Alexander Sidorovich @sAs300). Остановим-

Рис. 10

Рис. 11

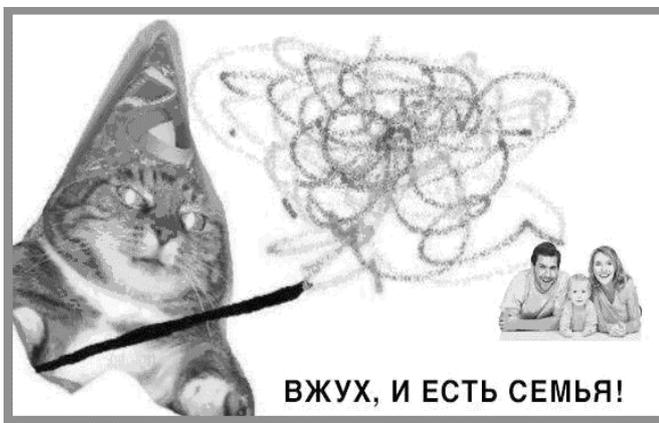

Рис. 12

Рис. 13

ся на ряде наиболее ярких примеров в сети: в декабре 2017 года «Альфа-банк» (Рис. 8) прорекламиривал свою кредитную карту с бесплатным годовым обслуживанием и спросил у «Билайна» и «Северстали», что «магическо-го» могут предложить они (Рис. 9–13).

Представители промышленной компании «Северсталь» рассказали, что из стали производителя делают автомобили «Volkswagen» и арматуру для строительства комплекса «Москва-Сити». Дочерняя авиакомпания «Северстали» рассказала о достижениях компании в сообществе в «ВКонтакте». Фирма отметила, что Сергей Шнуров прилетел в Череповец на самолёте «Северстали», и они гордятся скоростью перелёта из Череповца в Москву. Также представители авиакомпании рассказали, что участие в программе «Дорога к дому» помогла детям, оставшимся без попечения родителей, найти семью (Рис. 9–13).

Схема: «... + не могу, у меня лапки». Обязательный компонент мема — это оправдание своего ничегонеделания, невозможность сделать что-нибудь по разным причинам, чаще всего из-за нежелания, лени. Фразеосхема может иметь усеченный вид «у меня лапки»,

может распространяться добавлением атрибутива «золотые» к существительному с положительной коннотацией: «*Слушай, ну помоги мне настроить эту фигню! У тебя же золотые ... лапки*» (цитаты Рунета). В 2017 году появился мем с изображением кота и фразой «Не могу, у меня лапки», означающий отговорку от совершения какого-либо действия. Фраза быстро ушла в народ и теперь используется, когда речь заходит о лени и нежелании что-либо делать: «*Настроение: максимально валяться и отвечать на всё «я не могу, у меня лапки»*» (Mary LauFeySoñ@Nedopetry). Семантику фразеосхемы «у меня лапки» можно обозначить как «браться за то или иное дело попросту лень». Эмоциональная оценка оправдательная. Дополнительная коннотация — ироническая: «*Равномерно мёртв внутри и снаружи. Не могу. У меня лапки*» (fool with starship @damme_tachi); «*Привыкла англ письменно делать а щас надо ей документ напечатать я не могу у меня лапки*» (вэйнис @veinis) (Рис. 14–15).

Схема: «То чувство, когда +...». Обязательный элемент указывает на выражение состояния говорящего в ситуации, описываемой изменяемым компонентом

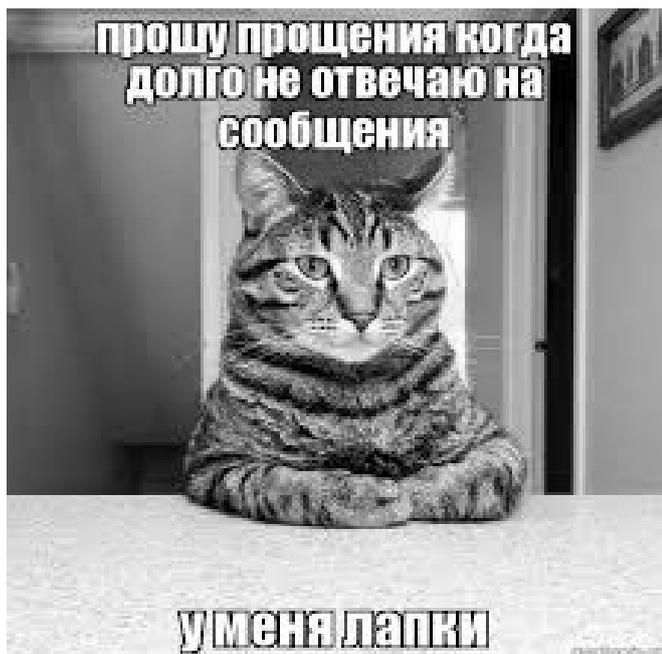

Рис. 14

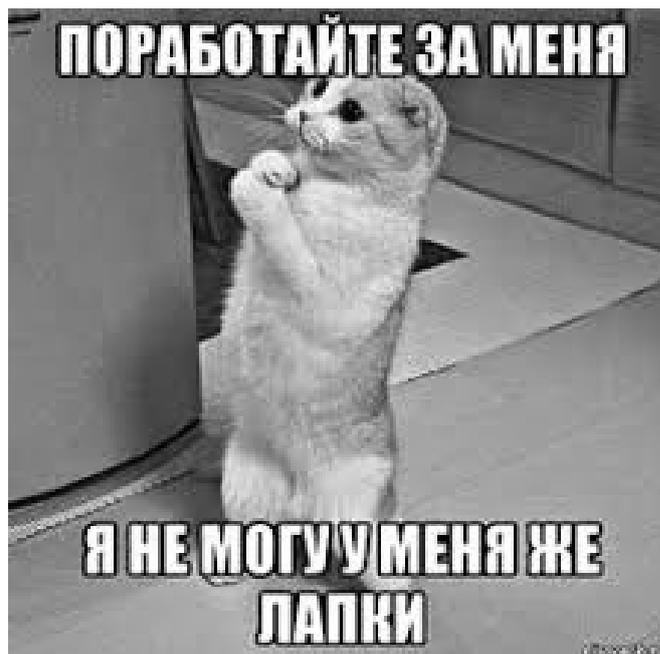

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

в свободной лексической форме. Передаваемую же эмоцию отражает визуальное изображение. Высказывание пришло из западных форумов, где в ходу картинки с чудачком и надписью, что гласит: «Тот неловкий момент, когда вы занимались кое-чем в комнате, а родители, гостившие у вас, слышали и теперь нужно начать общаться». У нас ее перефразировали, расширили и углубили, хотя смысл остается аналогичным (Рисунок 16–17).

Высказывание из Твиттера переключалось в чаты и демотиваторы, а после пошло гулять по форумам и употребляться в жизни: «То чувство, когда неловкий момент — это вся твоя жизнь» (Синдром Чонгука @

Hana_ni_nare); «То чувство, когда ты вроде понимаешь, что нужно учиться, что через два с половиной месяца уже экзамены, но в то же время, сериалы же сами себя не посмотрят» (сэндис ЕГЭ @sandys170). Сейчас мем встречается регулярно. Применяется для описания самых разных ситуаций, оценка которых может быть как позитивной, так и негативной.

Схема: «Так, блэт! + ...»? Обязательный компонент состоит из частицы «так», употребляемой как знак внимания к словам собеседника и измененного нецензурного междометия, выражающего широкий спектр эмоций. Приводимая фразеосхема имеет значение эмоциональ-

РУССКИХ АТЛЕТОВ НЕ ПУСТЯТ НА ОЛИМПИАДУ В КОРЕЕ 2018

Рис. 18

КОГДА НА КАФЕДРЕ НЕ ДАЛИ ОБЕЩАННЫЙ ОБРАЗЕЦ КУРСАЧА

Рис. 19

ной реакции на всё неприятное и непонятное: «Так блэт. Выходной. 7:50. Я проснулась. С фи́га ли?» (Кролик алкоголик @leo_harkness). По происхождению фразеосхема представляет собой мем с птицей и дорисованными руками. Поза птицы и фраза «Так, блэт» означает недовольство чем-то. Сама картинка берет начало в знаменитой фотешоп-битве 2009 года, в ходе которой пользователи пририсовывали руки различным птицам. Без каких-либо искажений она была популярна как мем-макрос в апреле — мае 2016 года и называлась «Птица-гопник». В середине мая 2017-го картинка с птицей-гопником снова стала популярна в Рунете, а к июню она получила известность в связке с надписью «Так, блэт» (Рис. 18–19).

Итак, в рамках статьи мы рассмотрели 5 фразеосхем, построенных на базе интернет-мемов и функционирующих в коммуникативном пространстве Твиттера. Все описанные фразеосхемы проявляют индивидуальные отличительные особенности: актуальность опорного компонента, вариативность, обязательность соблю-

дения порядка слов и т.д. Каждая самостоятельна, но в то же время принадлежит к классу фразеосинтаксических схем. В представленных мемах существует неизменяемый компонент, благодаря чему высказывание приобретает некоторую устойчивость, идиоматичность, целостность и воспроизводимость. Неизменяемый компонент употребляется в прямом значении, при этом семантика его обобщается, изменяется и распространяется на содержание всего интернет-мема в целом. В каждом фразеомеме проявляются и дополнительные черты, и оттенки, сопутствующие основному содержанию понятия, суждения и служащие для выражений эмоционального или оценочного отношения адресата к предмету речи в соответствии с целями общения. Игровой компонент, пробуждающий лингвокреативные способности пользователей, дает возможность проявить свою творческую активность в придании фразе комического эффекта или эффекта неожиданного [3, с. 85]. Считаем, что в данном случае уместно говорить об интернет-мемах как фразеосхемах в интернет-коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрович, Ю. Я. Образование фразеологизмов как ономазиологический процесс, осуществляемый по модели (на материале субстантивных фразем русского языка): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский ГУ, 1982. — 22 с.
2. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: уч. пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. — 288 с.
3. Минец, Д. В. Лингвокреативный потенциал тематического интернет-мема «Филологическая дева» // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ: сб. науч. статей 2-й науч.-практ. конф. М.: Фак. журн. МГУ имени М. В. Ломоносова; Некоммерческ. партн-во фак. журн., 2017. С. 85–86.
4. Саакян, Л. Н. Новые медиа: язык СМИ и социальных сетей // Русский язык за рубежом. № 4. 2016. С. 93–99.
5. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю. В. Щурина. // Вестник Череповецкого государственного института, 2014. № 6. С. 85–89.

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ-СИНОНИМЫ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ СЕМАНТИКИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ HEFIG И SWÆR)

OLD ENGLISH SYNONYMOUS ADJECTIVES: SOME FEATURES OF THEIR SEMANTICS AND USE (AS EXEMPLIFIED BY ADJECTIVES HEFIG AND SWÆR)

E. Paymakova
O. Maximova

Summary. The article is devoted to the peculiarities of semantics and use of Old English synonymous adjectives. There are examined the adjectives with the meaning «heavy» — hefig and swær. The results of the study demonstrate that the Old English synonymous adjectives hefig and swær are distinguished by their high frequency of use and have wide collocability as compared to the other adjectives of the synonymic row. However, along with similar features, there are some differences: swær is significantly inferior to the adjective hefig both in terms of the number of lexico-semantic variants and in its use.

Keywords: diachrony, semasiology, synonymous adjectives, lexico-semantic variant, seme, lexical compatibility.

Паймакова Елена Альбертовна

К.филол.н., доцент,

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

paymakova_ea@pfur.ru

Максимова Ольга Борисовна

К.ф.н., доцент,

Российский университет дружбы народов (г. Москва)

maximova_ob@pfur.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям семантики и употребления древнеанглийских прилагательных-синонимов. Рассматриваются прилагательные со значением «тяжелый» — hefig и swær. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что древнеанглийские прилагательные-синонимы hefig и swær отличаются высокой частотностью использования и обладают широкими сочетаемостными возможностями по сравнению с другими прилагательными данного синонимического ряда. Однако, наряду со схожими чертами имеется ряд различий: swær значительно уступает прилагательному hefig как по количеству лексико-семантических вариантов, так по своей употребительности.

Ключевые слова: диахрония, семасиология, прилагательные-синонимы, лексико-семантический вариант, сема, лексическая сочетаемость.

Проблема развития лексики является одной из важнейших проблем исторической лексикологии. Важность изучения истории языка всегда признавалась как отечественными, так и зарубежными учеными. Как отмечает А.А. Шахматов, «факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении» [3, с. 59]. Ф.Ф. Фортунатов пишет: «Каждый язык принадлежит людям как членам того или иного общества. Те изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются в языке соответствующими изменениями» [2, с. 96]. О важности изучения истории развития лексического состава языков говорили В.В. Виноградов, Н.Н. Амосова, В.Д. Аракин, Р.А. Будагов, Б.А. Ларин и многие другие видные ученые. Так как в лексике отражаются логические понятия о предметах, явлениях реальной действительности, различия в принципах членения смыслового объема слова надо, по-видимому, отнести за счет разных исторически обусловленных критериев категоризации действительности. Язык конкретного общества является составной частью его культуры, и лексические разграничения, проводимые каждым языком, отражают важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов [1, с. 457]. С целью наиболее адекватного описания семантических особенностей словарного состава древних

языков историко-семасиологические исследования последних десятилетий ведутся в тесной связи с культурой народа и на широком фоне истории носителей языка (Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Т.В. Топорова, Н.Ю. Гвоздецкая).

Данная статья посвящена некоторым особенностям семантики и употребления древнеанглийских прилагательных-синонимов **hefig** и **swær**. Исследование проводилось на основе данных лексикографических источников, а также литературных памятников древнеанглийского периода.

Как показывает фактический материал, прилагательные **hefig** и **swær** наиболее частотны и обладают более широким кругом сочетаемости по сравнению с синонимичными словами. Рассматриваемые древнеанглийские прилагательные обнаруживают тесные связи в ряде значений.

Исследование функционирования прилагательного **hefig** в древнеанглийских текстах показало, что наиболее частотным является его употребление в значении «тяжелый» в физическом смысле слова — по весу. В этом случае **hefig** употребляется в основном с существитель-

ными, обозначающими предметы природы: *eorþe* — земля, *lead* — свинец, *stan* — камень.

sio hefige eorþe [10, p.527]
тяжелая земля

lead þonne is hefige þonne ænig oþer andweorc [Ibid, p.268]
Свинец тяжелее любого другого вещества.

sæcce mid hefegum stanum [4, p.442]
мешок с увесистыми камнями

Что касается прилагательного **swær**, случаи его употребления в этом значении в древнеанглийских памятниках немногочисленны, а круг его сочетаемости узок; в основном это предметы, сделанные рукой человека.

His swæra heafodbend sona tobærst. [10, p. 716]
Его тяжелая корона скоро сломается.

His wæpna syndon swære to berenne. [Ibid, p. 941]
Его оружие тяжело носить (букв.: тяжелое для ношения).

Следует отметить случаи употребления рассматриваемых прилагательных при описании сонного состояния человека.

þa slepon þa mædene swa swærum slæpe þoet man hi awreccan ne mihte. [4, p.382]
Девушки спали таким крепким сном, что их не могли разбудить.

Woeron ego hiora hefigo [Ibid, p.527]
Их глаза отяжелели (букв.: были тяжелые)

hefige slæpe [10, p.881] — *крепкий сон*

В последнем примере **hefig** (*hefige slæpe*) связано с его употреблением в сочетании с *ego* (*hefigo ego*) отношениями метонимического характера: глаза (веки) отяжелевшие → крепкий сон

Частотны случаи употребления обоих прилагательных в сочетании с существительным *byrþen* — в значении «ноша, груз».

þonne gebigþ þæt folc hira hry[e]lg to hefegum byrþenum manegum. [7, p.29]
Люди сгибают свою спину под очень тяжелым бременем.

He byrð swiþe swære byrþene on his bæce. [10, p.941]
Он несет очень тяжелый груз на своей спине.

Глагол *gebigþ* в первом примере выступает в роли актуализатора значения прилагательного. Важно подчеркнуть, что значение существительного *byrþen* уже включает сему «тяжести», и в этом случае прилагательное обозначает «тяжелый», то есть требующий больших усилий от человека. Нам представляется, что от сочетаний с существительным *byrþen* идут 2 линии употребления рассматриваемых прилагательных.

С одной стороны, их употребление при описании выполнения какой-либо работы, когда прилагательное означает меру затраченных на нее усилий — «трудный, трудновыполнимый» — признак, связанный метонимическими отношениями с признаком «тяжелый» по весу. Круг лексической сочетаемости рассматриваемых прилагательных в этом случае включает существительные, обозначающие «работу».

He wolde wyrcan æghwylc þara weorca þe þam oþrum broþrum wæs heard and hefig. [12, p. 200]
Он хотел выполнить любую работу, которая для других братьев была трудна.

þær þu þolades sippan mægen — earfeþu micle stunde sar and swær gewun and sweartne deaþ. [6, p.86]

Где ты затем в течение долгого времени страдал от суровых лишений, мучительной и тяжелой работы и черной смерти.

Что касается последнего предложения, то такие примеры более типичны для поэтических текстов. Глагол *þolian*, параллельное использование прилагательных *sar* и *sweartne*, существительное *deaþ* усиливают впечатление тягот человеческой жизни и выявляют значение прилагательного **swær**.

В древнеанглийских хрониках немалое место уделялось историческим событиям, происходящим в стране, прежде всего борьбе с иноплеменниками. Прилагательное **hefig** употреблялось при описании военных действий в сочетании с существительными типа *gefeoht* (борьба), *gewinn* (битва), *blodgyte* (кровопролитие), актуализируя рассматриваемый признак «тяжкий, трудный, трудновыполнимый». В русском переводе наиболее удачными эквивалентами представляются прилагательный «жестокий», «кровопролитный», которые метонимически характеризуют то же понятие.

þa wæs geþeoded hefig gefeoht and micel on Hæpfelda. [13, p. 148]
Битва произошла в Хатфельде и была жестокой и кровопролитной.

hefegast gewinna [10, p. 527]

самая тяжелая битва

butan hefeġum gefeohte and blodgyte [13, p. 32]
без труда и кровопролития

Вышеприведенные примеры из англо-саксонской хроники описывают битвы англо-саксов со скандинавами, носившие упорный, жестокий характер.

Кроме того зафиксировано метонимическое употребление **hefig** в сочетании с существительными, обозначающими временной промежуток. В этом случае оно характеризует жизненные трудности, невзгоды, выпавшие на данный интервал времени. Наиболее типична сочетаемость **hefig** и его производных *hefiglic* и *hefigtyme* с существительным *gear* (год).

And þæs ilcan geares wæs swiþe hefelic gear and swiþe swincful and sorgful gear binnan Englelande. [9, p. 353]

Тот год был очень тяжелым, бедственным и мучительным годом в Англии.

К группе существительных с темпоральным значением относятся также существительные, обозначающие времена года (*winter*), время в общем смысле этого слова (*tyma*), время жизни (*lif*).

swiþe hefigtyme winter [10, p. 528]
очень суровая зима

on hefig tyme [11, p. 191]
в трудное время

Weard his lif swiþe hefigtyme. [10, p. 528]
Его жизнь стала очень трудной.

Что касается прилагательного **swær**, нам не встретились примеры его употребления при описании битв, и гораздо реже, по сравнению с **hefig**, оно используется с существительными темпоральной семантики при описании жизненных невзгод, выпавших на определенный временной интервал.

Ðis syndon swares and geswincs dagas. [10, p. 941]
Это трудные и беспокойные дни.

Очень употребительно древнеанглийское **hefig** и его производные *hefiglic* и *hefigtyme* в сочетании с существительными, обозначающими различные болезни, недуги, — «тяжелый, трудно выносимый»: тяжелый недуг, сильная боль. В англо-саксонской книге медицинского искусства «*Leechdoms, Wortcunning and Starcraft of Early England*» читаем:

... Wið fotadle þeah ðe heo hefeġust sy. [8, p. 246]
... От подагры, хотя она самая мучительная.

Наиболее частотны случаи сочетания **hefig** с существительным *sar*, которое является общим наименованием боли, болезней, недугов.

... þæt heo seo cwen gesund and buton hefeġum sare þæt bearn cende. [13, p. 122]

... что королева родила того ребенка здоровым и без сильной боли.

þæt se mon hæfþ hefig sar on niþewardre lifre dælum emne swa he sie mid hwilcre hwega byrþenne gehefeġod on þære swiþran healfe. [8, p.212]

Что тот человек страдает от сильной боли в нижней части печени так, как будто он обременен какой-то тяжестью с правой стороны.

Данный пример интересен в том отношении, что наряду с прилагательным **hefig** в одном контексте употребляются причастие *gehefeġod* и существительное *byrþenne* в значении «тяжесть». Можно предположить, что этот признак связан с основным значением ассоциациями метонимического порядка: болезненное состояние часто бывает связано с физическим ощущением тяжести.

Прилагательное **swær** так же употреблялось при описании болезненного состояния человека — в сочетании с существительными *leger*, *suht* со значениями болезни, недуга, недомогания.

Swa him æfter þy ylde ne derede, ne suht swære. [5, p. 18]

После этого ему не должен навредить ни возраст, ни серьезная болезнь.

Nis þær on þam londe ne synn, ne sacu, ne sorg, ne slæp, ne swar leger. [11, p. 174]

Нет в той стране ни преступлений, ни скор, ни печали, ни сна, ни тяжелой болезни.

Обращает на себя внимание параллельное употребление существительных с отрицательной коннотацией: *synn*, *sacu*, *sorg*, *leger*.

Однако следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев такого рода используется прилагательное **hefig**.

Вторая линия употребления рассматриваемых прилагательных — это метафорическое использование **hefig** и **swær** в сочетании с существительным *byrþen*.

Ge habbaþ hefige byrþene on middan-earde. [14, p.193]

У тебя тяжелое бремя на земле.

Saturnus cwæp: «Sorg biþ swærost byrþen, slæp biþ deaþe gelicost». [6, p.42]

Сатурн сказал: «Скорбь — самое тяжелое бремя, сон подобен смерти».

В вышеприведенных примерах *byrþen* означает бремя забот, тревог, скорби.

Это употребление **hefig** и **swær** можно рассматривать как своего рода «мостик» к некоторым отвлеченным смыслам. Это, прежде всего, значение отрицательной моральной оценки, которые рассматриваемые прилагательные выражают в сочетании с существительными, обозначающими человеческие проступки, греховные деяния. При этом круг сочетаемости **hefig** и **swær** включает существительные со значением греха, преступления — *synn*, *gylt*, *scyld*.

... and ongyten þætte þæt is hefig synn, and him ondæden þone forhtiendan Godes dom, ...[13, p. 70]

... и понимать, что это тяжкий грех, и бояться сурового суда Господа.

Частотны примеры употребления прилагательного **swær** в синтаксической структуре A+N (дат. падеж), где **swær** выступает в качестве препозитивного (реже постпозитивного) атрибута с существительными *gylt* и *scyld* в дательном падеже.

on scyldum swærum [10, p.941]

по серьезной вине

gebundene swærum gyltum [Ibid.]

связанные тяжким грехом

for swærum and hefigtymum gylte [10, p. 528]

из-за серьезного греха

В последнем примере употребление синонимичного прилагательного *hefigtyme* усиливает значение **swær**.

Фактический материал показал, что рассматриваемые прилагательные используются при описании наказания, кары за совершенные грехи и преступления в значении — «строгое, суровое наказание» в сочетании с существительными типа *wite* (наказание):

micle hefigre wite [7, p. 246]

более суровое наказание

geswencean mid swærum witum [10, p. 941]

измучить суровым наказанием

Глагол *geswencean* в последнем примере помогает выявить значение **swær**.

Заслуживает внимания употребление **hefig** и **swær** при описании внутреннего эмоционального состояния лица — «тягостный, гнетущий». Однако данные прилагательные отмечены в сочетаниях с разными существительными:

hefig — с существительными *sorg* (забота), *heort* (сердце).

ælc mon mæg witan hu hefig sorg men beoð seo gemen his bearna. [10, p.415]

Каждый человек может знать, каким тяжким беспокойством для него является забота о своих детях.

Очень распространенным в древнеанглийском языке было сочетание *hefig æt heortan*.

He modsorge wæs hefig æt heortan. [6, p.165]

Ему было тяжело на сердце от душевной печали.

swær — с существительным *gast* (душа).

Nu is min sylfes gast swær geworden. [10, p. 528]

Теперь мне стало тяжело на душе.

Древнеанглийские прилагательные **hefig** и **swær** могли употребляться для характеристики явлений, воспринимаемых органами чувств. Причем **hefig** используется при описании как запахов, так и звуков — «резкий, сильный» — о запахе, «резкий, громкий» — о звуке. Что касается **swær**, были зафиксированы примеры лишь при описании звуков.

Deos wurt hafað hefigne smæc. [10, p. 527]

У этой травы резкий запах.

Ðonne heard gebrec hlud unmæte, swær and swiæplic, sweg-dynna mæst ældum egeslic eawed weorþeð. [6, p.59]

Тогда происходит грохот, сильный и неистовый, ужасный для людей.

Отмечено параллельное употребление рассматриваемых прилагательных в данном значении.

Swære stefn, hefig. [10, p. 527]

Резкий, громкий голос.

Следует отметить, что в этом значении на первый план выходит сема интенсивности признака.

Рассмотренный материал показал, что древнеанглийские прилагательные-синонимы **hefig** и **swær** отличаются высокой частотностью использования и об-

ладают широкими сочетаемостными возможностями. Однако **swær** значительно уступает **hefig** по своей употребительности. Следует отметить, что **hefig** (современное прилагательное *heavy*) на протяжении всей истории

является доминантой синонимического ряда прилагательных со значением «тяжелый». Что касается **swær**, со временем оно утратило свои позиции в английском языке и вышло из употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. — 542 с.
2. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1956. — 450 с.
3. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. — 288с.
4. *Ælfric's Lives of Saints* / ed. by W. W. Skeat. L.: N. Trübner & Co., 1881. — 553 p.
5. *Caedmon. The Junius Manuscript*. Ed. by Kropp G. P. New York: Columbia University Press, 1969. — 247 p.
6. *Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry* / ed. by B. Thorpe. L.: Society of Antiquaries of London, 1842. — 567 p.
7. *King Alfred's West Saxon Gregory's Pastoral Care* / ed. by H. Sweet. L.: N. Trübner & Co., 1871. — 569 p.
8. *Leechdoms, Wortcunung and Starcraft of Early England* / ed. by O. Cockayne. L.: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1864. — 494 p.
9. *The Anglo-Saxon Chronicle*. Ed. by Thorpe B. London, 1861. 354 p.
10. *The Anglo-Saxon Dictionary, Based on the Manuscript Collection of the Late Joseph Bosworth* / ed. by T. N. Toller. Oxford: Oxford University Press, 1898. — 786 p.
11. *The Anglo-Saxon Reader. In Prose and Verse* / ed. by H. Sweet. Oxford: Clarendon Press, 1943. — 310 p.
12. *The Old English Martyrology* / ed. by G. Herzfeld. L.: Early English Text Society, 1900. — 473 p.
13. *The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of English People*. L.: N. Trübner & Co., 1890. — 286 p.
14. *The Old English Version of the Gospels*. L.: Early English Text Society, 1891. — 292 p.

© Паймакова Елена Альбертовна (paimakova_ea@pfur.ru), Максимова Ольга Борисовна (maximova_ob@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

АВТОР В КНИГЕ «СТОЛИЦЫ МИРА» П.Д. БОБОРЫКИНА

AUTHOR IN THE BOOK «CAPITALS OF THE WORLD» BY P.D. BOBORYKIN

T. Popova

Summary. The purpose of the paper is to research the specifics of author's presence and image in the «Capitals of the World» memoirs trilogy by P. D. Boborykin (1836–1921), based on the modern state of author's image theoretics in Russian theory of literature. The analysis of particular chapters allows us to conclude that author's image in the book is being represented in three different forms: author-narrator, author-analytic and author-observer. Besides, we reveal the specifics of author's image in the book in relation to the specifics of author's image in another two books of memoirs trilogy — «The Eternal City (About Rome)» and «During Half-a-Century (About Russia)», what's also very important for the research of the trilogy.

Keywords: author's presence in the text of large form memories; author-narrator, author-analytic; author-observer; «Capitals of the World»; P. D. Boborykin.

Попова Тамара Павловна

*Соискатель, Национальный исследовательский
Томский государственный университет
tomus19@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе современного состояния теории образа автора в отечественном литературоведении исследуются специфика авторского присутствия и образа автора в книге «Столицы мира» мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина (1836–1921). Анализ отдельных глав позволяет сделать вывод о том, что образ автора в книге представлен в трех ипостасях: автор-повествователь, автор-аналитик и автор-обозреватель. Кроме того, выявляется специфика образа автора в книге по отношению к специфике образа автора в двух других книгах мемуарной трилогии — «Вечный город» (о Риме) и «За полвека» (о России), что важно для исследования трилогии в целом.

Ключевые слова: авторское присутствие в тексте воспоминаний крупных форм; автор-повествователь; автор-аналитик; автор-обозреватель; «Столицы мира»; П. Д. Боборыкин.

«Столицы мира» — вторая книга мемуарной трилогии известного писателя и журналиста конца XIX — начала XX века Петра Дмитриевича Боборыкина. Второй том трилогии посвящен Парижу и Лондону. По собственному признанию мемуариста, «Столицы мира» — «вторая половина воспоминаний, оценок, дум и впечатлений <... > — половина заграничная, западная», которая «обнимает период в целых 30 лет: с 1865 по 1895 г.» [4, с. 5]. Цель данной статьи — определить специфику авторского присутствия и образа автора в этой книге [4, с. 8–14].

Благодаря многочисленным трудам отечественных и зарубежных филологов, культурологов, социологов и психологов XX — начала XXI века в современном литературоведении уже устоялся и закрепился в энциклопедиях и учебниках постулат, согласно которому автор как реальная личность не совпадает с автором произведения. Несмотря на близкую связь образа автора с личностью автора в мемуарном жанре, этот вывод справедлив и для воспоминаний крупных форм, в том числе книги «Столицы мира». Описывая многолетнее пребывание в Париже и Лондоне, П. Д. Боборыкин время от времени излагает фрагменты своей творческой биографии, подробности быта и рабочей обстановки, упоминает переезды из города в город, недомогания, воспрепятствовавшие той или иной встрече, описывает прогулки по Парижу

и Лондону, разные по масштабу события, в которых ему довелось принять участие, практически никогда не скрывая своих оценок и взглядов на ту или иную проблему. В то же время обращает на себя внимание отбор и подача фактов личной жизни для мемуаров. Так, из творческой биографии автора в книге присутствуют упоминания о трёх романах П. Д. Боборыкина (иногда с изложением неизвестных фактов из истории их создания), о его книге «Театральное искусство» и двух постановках пьес, даются ссылки на 15 газетных публикаций, главным образом, в российских журналах. Охотно описывает П. Д. Боборыкин свои встречи со знаменитыми людьми и беседы с ними, упоминает, когда и где получил высшее образование, обучался декламации и риторике, в какие центры культуры, образования, науки и т.п. был вхож. Но при этом своих спутников по путешествиям и собеседников по диалогам с типичными представителями той или иной социальной среды он не редко описывает бегло, а то и редуцирует их имена до инициала, акцентируя внимание читателя на авторских описаниях той или иной социальной группы, а также выводах из состоявшегося разговора.

Внимательный биограф может многое взять из книги «Столицы мира» для написания развёрнутой биографии автора, но о совпадении образа автора книги с личностью П. Д. Боборыкина говорить не приходится. Это обусловлено не только спецификой построения текста

в художественной литературе и документалистике [4, с. 23–24], выбором жанра и его особенностями в конце XIX — начале XX века [4, с. 9–13], но и творческой установкой П.Д. Боборыкина-мемуариста. Он сознательно отвергает исповедальность Ж.-Ж. Руссо и Ф.-Р. Шатобриана из-за «неизлечимой возни со своим «я», как пишет об «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо [5, т. 1, с. 40]. Высоко оценивая талант выдающихся мемуаристов прошлого, П.Д. Боборыкин считает устаревшими и мемуары Ф.-Р. Шатобриана — с «той же постоянной возней со своим «я», приданием особенного значения «множеству эпизодов своей жизни, в которых нет для читателей объективного интереса, после того, как они уже достаточно ознакомились с личностью, складом ума, всей психикой автора этих «Замогильных записок» [5, т. 1, с. 40]. О своём желании создать мемуары, которые были бы объективно интересны читателю, П.Д. Боборыкин пишет в трилогии неоднократно. Не стала исключением и книга «Столицы мира», где во введении эта авторская позиция в очередной раз излагается следующим образом: «Но я не позволил бы себе выпускать в свет целый том *личных* (выделено автором — Т.П.) воспоминаний, если бы они не представляли *общего* (выделено автором — Т.П.) интереса [4, с. 6].

Мемуары — жанр документалистики, безусловно включающий соавторство. В то же время исторический период с его традициями повествования накладывает свой отпечаток на образ автора в мемуарах. П.Д. Боборыкин создавал свою трилогию в период резко возрастающей популярности жанра, когда мемуары считались истинным источником информации, в основу которого заложена память автора, выступающая «как носитель истинных знаний» [7, с. 91]. Словно желая подчеркнуть эту особенность жанра, П.Д. Боборыкин не скрывает, что при написании своей трилогии использует не только дневники, но и собственные газетные и журнальные публикации. Соблюден в его трилогии принцип взаимодействия диахронного описания с синхронным, что справедливо считается важным признаком мемуарного жанра [11; 22]. Уже в исследовании мемуаров П.Д. Боборыкина 1988 года диссертант Т.А. Карпеева называет характерным принцип его наррации — «через свободную, разомкнутую композицию мемуаров» [12, с. 13], а также выделяет одну из ипостасей образа автора — автор-корреспондент [12, с. 6]. Дальнейшие исследования образа автора в трилогии позволяют уточнить и расширить представления об образе автора в книгах П.Д. Боборыкина «Вечный город» (о Риме) и «За полвека» (о России): автор-репортёр, автор-аналитик и автор-обозреватель [18; 19]. Анализ структуры книги «Столицы мира» в рамках обозначенных параметров призван дополнить эти исследования.

В книге — краткое вступление «От автора» и 15 глав. Во вступлении очень коротко излагается информа-

ция об издательской судьбе второго тома мемуарной трилогии, указывается точная датировка пребывания автора в Париже и Лондоне, жанр книги с характеристикой ее как «нечто вроде исторического «документа», который «дает читателю законченную картину» [4, с. 6]. Здесь же, обозначив парадигму автор — читатель, П.Д. Боборыкин характеризует себя как автора книги, формулируя это следующим образом: «русский человек второй половины XIX века, который был поставлен в особо благоприятные условия для продолжительных наблюдений и жизненных испытаний на западе» [4, с. 6]. Казалось бы, параметры образа автора заданы: это автор-повествователь, который впредь будет излагать свои суждения о Париже и Лондоне и жизни в этих городах. Но уже первая глава книги позволяет говорить о многомасочности образа автора книги, расширении его заданных теоретически границ и важной характерной особенностью.

Назначение первой главы — задать общие параметры повествованию объёмом в 520 страниц, и мемуарист даёт оценку Парижу и Лондону как культурным центрам Европы, обосновывает свое право на их сравнение, приводит расхожие суждения иностранцев об обеих столицах, то соглашаясь, то оспаривая их, и в итоге, отдав приоритет истинного суждения историкам будущего, предлагает читателям своих мемуаров считать обе столицы «лабораториями человеческого духа, откуда каждый из нас может извлечь драгоценнейшие указания» [4, с. 16]. Собственно повествования о городах в этой главе нет — она представляет собой анализ ряда мнений и суждений о двух столицах. При этом уточняется и представленная во введении самооценка автора: «русский человек второй половины XIX века». С одной стороны, мемуарист выражает благодарность обоим городам как личности, с другой, предлагая оценивать Париж и Лондон «из своего далёка», прибегает к выражению «мы, русские», тем самым исключая заявленную теоретически датировку границ образа автора [4, с. 10]. Более того, по его мнению, «кроме самого себя нужно взять также в расчет мнения и оценки своих сверстников, а затем и тех поколений, какие пришли после нас», чтобы «всё-таки вчитаться и, насколько позволяет свой опыт и свое разумение, вывести среднюю пропорциональную» [4, с. 10]. Иными словами, постулируется установка автора в процессе наррации не столько быть равным самому себе, сколько аккумулировать мнения многих людей, объединённых единством родины, и излагать их в тексте подобно «голосу масс». Именно это и позволит, как считает П.Д. Боборыкин, обеспечить тексту его книги теоретически заявленную объективность. Таким образом, если во вступлении «От автора» с читателем знакомится автор-повествователь, то в первой главе мемуарист предстаёт перед ним как автор-аналитик.

Следующие 13 глав «Столиц мира» — тематические. Согласно канонам мемуаристики XIX века они, как и первая глава, пронумерованы и не имеют заголовков, но зато снабжены развёрнутыми подзаголовками. Перечисление первых фрагментов этих уточнений в тематических главах позволяет представить масштаб описаний, которые П.Д. Боборыкин предлагает своим читателям: раса, история, национальный вклад жизни во Франции и Великобритании; панорама Парижа и Лондона для иностранца; мир знания и мышления в Париже и Лондоне; политическое движение; литературное движение; искусство; театральное дело; печать; социальный вопрос; служилые классы; семейные нравы; молодёжь и ее воспитание; национальное чувство.

Если внимательно проанализировать, к примеру, главу IX, которую мемуарист посвятил печатному делу, то прежде всего обращает на себя внимание перечень подзаголовков: «Печать — Типы парижских журналистов прежде и теперь — Мои личные знакомства и встречи — Характерные черты парижской и лондонской газетной жизни — Общий нравственный уровень писательского класса в Париже и Лондоне — Заработки — Реклама и подкуп — Шантаж — Отношение к публике — Положение среднего литератора по сю и по ту сторону Кана — Дуэли парижских журналистов — Итоги за 30 лет». Согласно этому перечню строится и текст главы. Иногда автор может вернуться к обозначенному прежде пункту или несколько забежать вперед, но изложение в целом не выходит за рамки заявленных тематических параметров — они выступают в тексте как *симптоматичные*. Поскольку в книге сравниваются два города, то каждый из тематических параметров даётся *в сравнении* друг с другом, а иногда и в сравнении с российской действительностью, с аналогичным положением дел в Америке или других странах Европы, а также *в развитии* за 30 лет. При этом в главе много *выразительных деталей, которые придают тексту наглядность*, отражены *взаимосвязи, еще неизвестные аудитории*. Не вызывают сомнений наличие *определенных, устоявшихся стереотипных подходов, алгоритмов отображения действительности*.

Если говорить об авторе этой главы, то несомненно его *высокий уровень компетенции* в избранной теме, стремление *возбуждать интерес аудитории* к предмету своего изображения, *способствовать совершенствованию «личной стратегии» граждан, обнаруживать в явлениях их сущность, показывать противоречия действительности и через выяснение сущностных связей осмысливать ход общественно-го развития*, а также *способствовать практическому решению проблем общества*. При этом мемуарист *имеет собственную позицию и приводит аудиторию к необходимой идее*.

Размер статьи не позволяет подтвердить цитатами определения и

характеристики, выделенные курсивом в предыдущих двух абзацах, хотя это не составляет особого труда и может быть выполнено с максимальной

полнотой. Важнее отметить, что все тематические главы книги сходны по структуре, отличаясь лишь степенью компетентности автора в той или иной теме (что сказывается на размерах главы и перечня ее подзаголовков), а также присутствием в ряде глав еще одного структурного элемента — «сверхидеи». Выделение курсивом обусловлено тем, что все эти определения и характеристики взяты из современного учебника по журналистике — так автор пособия А.А. Тertyчный обрисовывает для начинающих корреспондентов жанр обзора [21]. Выявление всех признаков этого жанра в тематических главах книги «Столицы мира» позволяет сделать вывод о том, что повествование в них ведет автор-обозреватель. Он, как и было заявлено в первой главе книги, выводит для читателя «среднюю пропорциональную», что и полагается делать журналисту-обозревателю, поскольку, как справедливо отмечает современный исследователь А.П. Аржанов, «журналист выступает от имени общества, с учётом типовых социальных ценностей, даже если речь идёт о высказывании профессионального экспертного мнения по тем или иным проблемам общества (экономика, политика, история). Точно так же прочитывается эта авторская позиция адресатом сообщения» [1, с. 5].

В последней главе книги «Столицы мира» образ автора уже иной. Главная задача этой главы — защитить книгу от нападок извне, и повествование вновь передается автору-аналитику. На этот раз, используя жанр полемической статьи [см. 21], он отстаивает ряд выводов из глав книги, не жалея аргументов и фактов, чтобы, подчеркнув когнитивную направленность книги, вновь подвести читателя к основному выводу о том, что необходимо «перерабатывать внутри себя все лучшее, двигательное и культурное, что идет из Франции и Англии и что нашло себя путём многостороннего и яркого исторического развития, выражения в прошедших судьбах и современной жизни обеих столиц мира» [4, с. 516].

Таким образом, являясь мемуарами, а не автобиографией, книга «Столицы мира» может служить источником для написания биографии П.Д. Боборыкина, поскольку в ней точно датируются и описываются многие факты его жизни в период с 1865 по 1895 годы, а иногда и вплоть до выхода книги в свет в 2011 году. Образ автора во второй книге трилогии мемуариста имеет следующие ипостаси: автор-повествователь (введение), автор-аналитик (главы 1 и 15) и автор-обозреватель

(тематические главы). При этом интенциональный образ автора мемуарного текста [3, с. 180] сохраняет целостность, поскольку имеет единую основу — личность автора со всеми реалиями его жизни и представлениями о мире. Это позволяет ипостасям образа автора, организующим текст в пределах глав, в рамках всего повествования использоваться и восприниматься как серия сменяющих друг друга масок [см. 20, т. 1, с. 242–263; 17, с. 141], благодаря которым читатель может судить, в том числе, об образованности и широчайшем кругозоре П. Д. Боборыкина. Кроме того, образ автора в книге «Столицы мира» подчёркивает специфику образа автора в рамках мемуарной трилогии в целом. В от-

личие от первого тома воспоминаний «Вечный город» (о Риме) и третьего тома «За полвека» (о России), в книге «Столицы мира» текст выстраивает главным образом автор-обозреватель. Такое «доверие» ему со стороны автора-повествователя можно объяснить чрезвычайной близостью этих ипостасей автора друг другу, сходной с близостью профессий писателя и журналиста. Помимо сходства словесного и эстетического инструментария их роднит в мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина и функция, которая отсутствует у других ипостасей образа автора. Это диахронное и синхронное повествование, которое закреплено за ними не только как возможность, но и как право.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржанов А. П. Аналитика субъективности журналистского текста. — в кн.: Жанровые особенности публицистики России XXI в. /М-лы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Г. Самара, 13–14 марта 2014. Самара: Порто-Принт, 2014, с. 5–9.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: монография. М.: Инф.-учебный центр гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2014. 270 с.
4. Боборыкин П. Д. Столицы мира. М: Сфинкс, 1911. 520 с.
5. Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2-х т. М: Художественная литература. 1240 с.
6. Богатырёва Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой. Дисс. ... канд филол.н. М.: МПГУ, 2009. 175 с.
7. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 504 с.
8. Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе // Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
9. Дячук Т. В. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX — начала XX вв. Дисс. ... канд. филол. н. СПб, 2005. 208 с.
10. Елизаветина Г. Г. «Былое и думы» Герцена и русская мемуаристика XIX в. Автореферат дисс. ... канд. филол. н. /АН СССР, Ин-т мировой литературы им. М. Горького. М., 1968. 16 с.
11. Иванова Е. И. Проблема автора в мемуарно-автобиографической прозе 50–60-х гг. Дисс. ... канд. филол.н. Воронеж, 1972. 19 с.
12. Карпеева Т. А. Мемуарный жанр в творчестве П. Д. Боборыкина. Автореф. дис. ... канд. филол. н. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1988. 16 с.
13. Кознова Н. Н. Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: концепции истории и типология форм повествования. Дисс. . доктора филол. н. М., МГОУ, 2011. 492 с.
14. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы /предисл. и составл. В. И. Чулкова. Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 1992. 236 с.
15. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб: Искусство-СПб, 1998. 285 с.
16. Манн Ю. В. Автор и повествование // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. Т. 50 — № 1–1991. С. 3–19.
17. Марьянчик В. А. Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста // Вестник Новосибирского гос. ун-та, сер. История, филология. Новосибирск: НГУ, 2010. Т. 9, № 6, с. 138–144.
18. Попова Т. П. Образ автора в мемуарах П. Д. Боборыкина «За полвека» // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей IV Международных филологических чтений им. проф. Р. Т. Гриб. Вып. 4. Красноярск: изд. СФУ, 2013, с. 207–213.
19. Попова Т. П. Образ автора в книге П. Д. Боборыкина «Вечный город» // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей V Международных филологических чтений им. проф. Р. Т. Гриб. Вып. 5. Красноярск: изд. СФУ, 2014, с. 117–123.
20. Теория литературы. В 2 т. /под ред. Тамарченко Н. Д. М., 2004. Т. 1–512 с., т. 2–368 с.
21. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати. М.: «Аспект пресс», 2006. 312 с.
22. Фрайман И. Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы // <http://www.ruthenia.ru/document/422973.html>.
23. Хализев В. Е. Теория литературы, 6-е изд., испр. М.: Академия, 2013. 432 с.
24. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

© Попова Тамара Павловна (tomus19@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ДЕЛОВОГО ОБОРОТА И ЯЗЫКА ДОКУМЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ПОРТУГАЛЬСКОГО ГАРАНТИЙНОГО ПИСЬМА

FEATURES OF MODERN WORKFLOW AND DOCUMENT LANGUAGE ON EXAMPLE OF RUSSIAN AND PORTUGUESE GUARANTY LETTERS

**G. Pudikova
D. Murtazina**

Summary. The article deals with the features of modern document language. Special attention is paid to the official style of language, since it plays an irreplaceable role in drafting of any documents. The general features and requirements of the official style of language, as well as its differences from the point of view of vocabulary, phraseology, syntax and application in the practice of commercial activity and business communication are considered. Specific examples of the Russian and Portuguese guaranty letters are given, as well as their general characteristics and main differences. It was concluded that the form of the business document is determined by the summary of its requisites, the content-composition scheme and the language content of the document. In document language special meaning belongs to the bureaucratic and procedural lexicon, which are rarely used in oral speech.

Keywords: official style of language, workflow, business correspondence, modern business letter.

Система документооборота и ведение деловой переписки — как его составная часть — выступают важнейшими элементами ведения бизнеса и формирования его документальных основ. Оценивая особенности современной деловой переписки необходимо учитывать, что в силу развития информационных технологий, глобализации бизнеса, существования различных бизнес-моделей и ряда других причин в деловой оборот могут быть вовлечены различные категории исполнителей — руководители, специалисты, технические работники. При этом различием является характер и особенности работы с документами данных категорий персонала.

Важно учитывать, что технология организации работы с документами и качество создаваемых документов непосредственно влияют не только на оперативность и эффективность принимаемых управленческих решений, но и экономические результаты деятельности организации.

В практике делового оборота преимущественно используется официально-деловой стиль речи. Диапазон

Пудикова Галина Николаевна
Российский университет дружбы народов
pudikova.g.n@gmail.com

Муртазина Диляра Ахнафовна
Нижнекамский химико-технологический институт
Казанский национальный исследовательский
технологический университет
sha-dilyara@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современного языка документов. Особое внимание уделено официально-деловому стилю речи, так как именно он играет незаменимую роль при составлении любого документа. Рассмотрены общие особенности и требования официально-делового стиля речи, а также его отличия с точки зрения лексики, фразеологии, синтаксиса и применения в практике коммерческой деятельности и делового общения. Наведены конкретные примеры русского и португальского гарантийного письма, дана их общая характеристика и проанализированы их основные отличия. Сделано заключение, что форму делового документа определяют совокупность его реквизитов, содержательно-композиционная схема и языковое наполнение документа. В языке документов особое значение принадлежит канцеляризмам и процедурной лексике, которые редко используются в устной речи.

Ключевые слова: официально-деловой стиль речи, документооборот, деловая переписка, современное деловое письмо.

письменных жанров официально-делового стиля значителен и охватывает огромный спектр различных документов от нормативных правовых актов (например, Указы Президента РФ, федеральные законы, законы субъекта федерации) до различных видов деловых документов, используемых в деятельности организаций различной правовой формы.

1. Общая характеристика официально-делового стиля речи

По сравнению с другими стилями речи, в официально-деловом стиле диапазон используемых лексических средств значительно сокращен, а отдельные лексические формы нормативного характера имеют высокую степень повторяемости. В современном деловом письме существуют нормы, определяющие основные требования к составлению документов. В частности, это текстовые нормы, которые регулируют структуру текста и его отдельных частей, и языковые — накладывают ограничения на употребление языковых единиц в контексте документа.

Рис. 1. Основные реквизиты делового документа [5, с. 463]

Рис. 2. Лингвистические особенности делового документа [5, с. 463]

Обычно официально-деловой стиль разделяют на два основных подстиля:

- ◆ Канцелярский (язык деловых документов) — используется различными организациями и предпринимателями, не наделенными государственной властью и соответствующими полномочиями.
- ◆ Нормативный (законодательный) — используется для официальных (государственных, муниципальных) документов [7, с. 288].

Любой деловой документ может быть рассмотрен как совокупность определенных элементов содержания — реквизитов (Рисунок 1). Форму делового документа определяют совокупность его реквизитов, содержательно-композиционная схема и языковое наполнение документа.

В языке документов лексические единицы должны употребляться с учетом их стилистической окраски, что связано с определенной «закрепленностью» самостоятельной лексической единицы за той или иной сферой использования языка, за тем или иным функциональным стилем. Яркая стилистическая окраска принадлежит канцеляризмам и процедурной лексике, которые редко используются в устной речи. В некоторых случаях разговорная лексика способна проникать в текст делового документа — чаще всего потому, что автор документа не может в полной мере разделить разговорные обороты и профессионализмы (выражения и отдельные термины, использование которых ограничено сферой определенной деятельности, отрасли, профессии и т.п.).

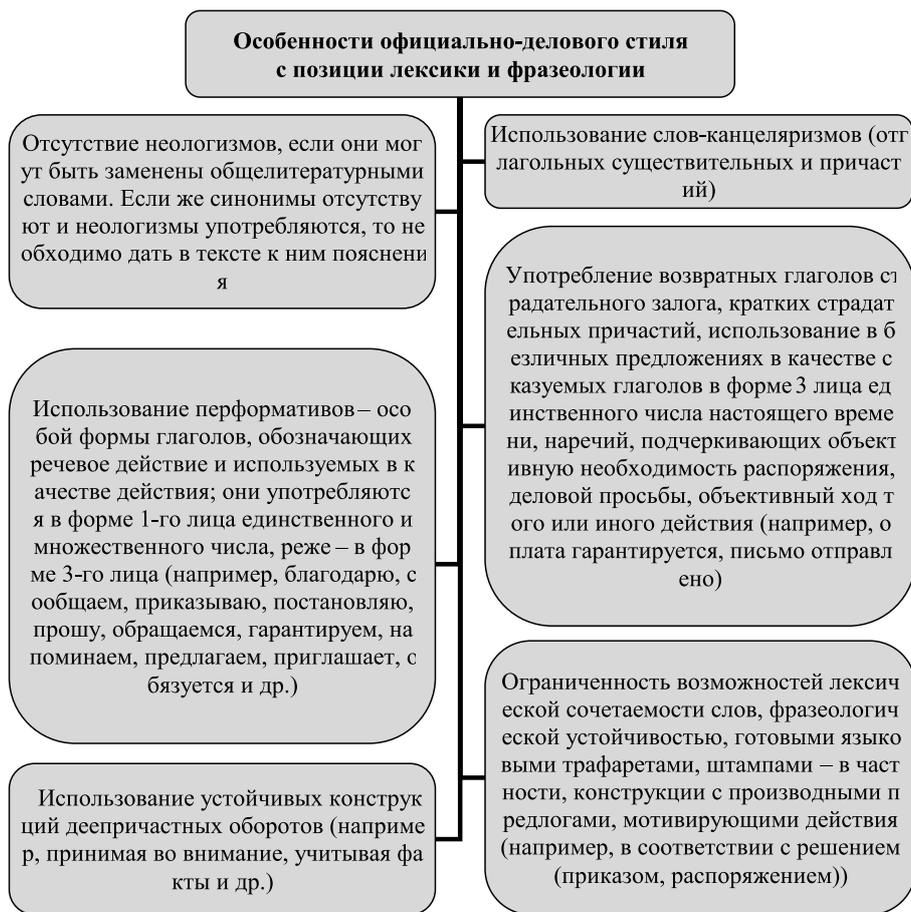

Рис. 3. Особенности официально-делового стиля с позиции лексики и фразеологии [5, с. 463]

Рис. 4. Особенности официально-делового стиля с позиции синтаксиса [5, с. 463]

Основное требование к деловой речи заключается в том, что она должна обеспечивать эффективность делового общения, а значит она должна быть грамотной (как с нормативных и юридических позиций, так и лексических) и понятной всем участникам делового оборота. Для этого в официально-деловом стиле (официальном деловом общении) участниками используются определенные формы кодифицированной письменной речи, т.к. только их соблюдение может обеспечить высокую точность передачи информации.

В делопроизводстве существуют также единые требования и правила оформления деловых документов, установленные нормативными правовыми актами [1, с. 47]. Их выполнение обеспечивает:

- ◆ юридическую силу документа, а значит и правоприменение в деловом обороте (юридически ничтожный документ не может являться элементом делового оборота);
- ◆ оперативную подготовку документа;
- ◆ своевременное и качественное исполнение документа;
- ◆ организацию быстрого поиска документов;
- ◆ возможность использования электронных (автоматизированных) систем документооборота и хранилищ документов.

Важно отметить, что официально-деловой стиль речи, используемый в практике коммерческой деятельности и делового общения имеет свои лингвистические особенности (Рисунок 2).

С позиции лексики и фразеологии, в официально-деловом стиле также возможно выделить ряд отличий (Рисунок 3).

Для синтаксиса официально-делового стиля речи характерны также некоторые особенности (Рисунок 4).

В качестве морфологических особенностей делового стиля Е. П. Ращевская выделяет:

- ◆ Высокую долю использования существительных по сравнению с глаголами (на каждую 1000 словоупотреблений приходится примерно 420 существительных при 60 глаголах), что, вероятно, связано с необходимостью в деловой переписке перечислять наименования товаров и услуг.
- ◆ Употребление относительных прилагательных (до 85%), что обусловлено безэмоциональностью определений, их конкретным смыслом, (например, бумага глянцевая, плитка керамическая, краска вододисперсионная и др.) [15, с. 184].

Заключение

Таким образом, в практике делового оборота используется официально-деловой стиль речи, особенностью которого по сравнению с другими стилями речи выступает значительное сокращение диапазона используемых лексических средств и высокая степень повторяемости отдельных лексических единиц, прежде всего, имеющих нормативный характер. Форму делового документа определяют совокупность его реквизитов, содержательно-композиционная схема и языковое наполнение документа. В языке документов особое значение принадлежит канцеляризмам и процедурной лексике, которые редко используются в устной речи. Письменный официально-деловой стиль имеет свои особенности с позиции лексики, фразеологии и синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М.: ФГУП «Стандартинформ», 2014.
2. Быков А. Н. Вариативность употребления суффиксов оценки в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
3. Гренадерова О. Л. Полифункциональность предлога: на материале португальского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
4. Гуревич, Д. Л. Речевые слова в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
5. Делопроизводство: образцы, документы. Организация и технология работы. Более 120 документов. 4-е изд., перераб. и доп. / В. В. Галахов, И. К. Корнеев и др.; под ред. И. К. Корнеева, В. А. Кудряева. М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2014.
6. Красноперова Л. С. Функционирование имени собственного в современном португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
7. Кузнецов С. Л. Современные технологии документационного обеспечения управления / С. Л. Кузнецов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТЕРМИКА, 2014.
8. Кушнерук С. П. Документная лингвистика: [электронный ресурс] учебное пособие / С. П. Кушнерук — 7-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
9. Мартынов Е. В. Функционально-семантическая характеристика пропозициональных структур с модальным значением необходимости: на материале португальского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
10. Нечаева К. К. Категориальное значение числа в системе функционально-семантических полей португальского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. —
11. Орличенко Е. В. Сложноподчиненные предложения с придаточным следствия в испанском и португальском языках: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.
12. Паневчик, В. В. Деловое письмо [Текст]: практ. пособие / В. В. Паневчик. — Минск: Амалфея, 2010.
13. Платонова Е. Е. Междометие в португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

14. Праченко О. В. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках: дис. . . канд. филол. наук. Казань, 2004.
15. Ращевская Е. П. Деловой русский язык: учебное пособие / Е. П. Ращевская. Кострома: Изд-во Костромского гос. технол. ун-та, 2012.
16. Репина, Т. А. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский) [Текст] / Т. А. Репина; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — СПб.: [б.в.], 2016.
17. Степаненко К. А. Категория лица в функционально-семантическом аспекте: на материале русского и португальского языков: дис. . . канд. филол. наук. М., 2009. — 183 с.
18. Правила оформления гарантийного письма // Яндекс.директ [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://yandex.ru/support/direct/required-docs-rules/letter-of-guarantee.xml?lang=ru#legal>.

© Пудикова Галина Николаевна (pudikova.g.n@gmail.com), Муртазина Диляра Ахнафовна (sha-dilyara@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

СТИЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СУПЕРГЕРОЙСКИХ КОМИКСАХ (НА ПРИМЕРЕ КОМИКСА «ИНОК»)¹

STYLIZATION OF CONTEMPORARY RUSSIAN SUPERHERO COMICS (CASE STUDY OF FRIAR)

R. Saduov

Summary. This research looks into the stylization of contemporary Russian superhero comics exemplified by Friar. The author singles out two major ways of stylization: historical-social and genre. The most frequently linguistic manifestations are the archaisms proper and slang. The researcher concludes that despite the significant efforts of the authors, the comics needs systemic stylization to achieve better effect.

Keywords: comics, stylization, stylistics, imitation, archaization.

Садуов Руслан Талгатович

Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Ruslan.Saduov@gmail.com

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются вопросы стилизации в современных российских супергеройских комиксах на примере комикса «Инок». В частности, автором выделяются два основных способа стилизации — историко-социальный и жанровый. Наиболее часто используемые языковые средства имитации — собственно архаизмы и просторечные формы. Исследователь приходит к выводу о том, что комиксу не хватает системной стилизации для создания большего эффекта.

Ключевые слова: комикс, стилизация, стилистика, имитация, архаизация.

Введение

Современный российский комикс — сложный и малоизученный феномен отечественной литературы. Отрицательное отношение к жанру в советское время, когда он считался примитивным буржуазным искусством, а также подорванная из-за низкого качества изданий репутация в перестроечный период не позволили комиксу стать популярной разновидностью литературы. Немаловажным фактором также является тот факт, что комикс считается детской литературой, в то время как, в действительности это не так: «Если подсчитать соотношение юмористических комиксов в мире к другим комиксам, то оно будет едва ли не как 20 к 80-ти процентам. Комиксы могут быть как юмористическими, так и серьезными, трагическими» [11].

Несмотря на неблагоприятные для жанра культурно-исторические предпосылки, в последнее десятилетие комикс сумел приобрести популярность среди молодежи — во многом благодаря голливудским экранизациям североамериканских комиксов и энтузиазму издателей [14]. В результате, отечественный комикс постепенно превращается в индустрию — существуют специализированные магазины, проводятся фестивали, приглашаются именитые авторы. С другой стороны,

сравнивать популярность комикса в России с североамериканскими традициями, европейскими или японскими не приходится — доля комиксов на книжном рынке чрезвычайно мала.

Вместе с тем, «запаздывание» российской комикс-индустрии предопределило ее многоликость и многоаспектность — с одной стороны, существует тенденция к подражанию западным (впрочем, как и восточным) образцам, с другой, издатели учитывают ошибки заокеанских первопроходцев, а также предпочтения отечественной читательской аудитории. Это приводит к определенной гибридизации современного российского комикса как жанра.

Одним из флагманов российской комикс-индустрии является компания «Bubble», которая известна собственными супергеройскими комиксами. Их опыт можно назвать уникальным, поскольку предшествующие попытки развить собственных «русских» супергероев не удалась. Очевидно, что «Bubble» во многом следуют североамериканским образцам: издатель создал единую вселенную комиксов (shared universe), использует кроссоверы (пересечение сюжетов разных комиксов), супергеройскую стилистику. Тем не менее, комиксы «Bubble» написаны на русском языке и уходят корнями именно в отечественную культуру. В связи с этим

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Лингвокультурная и ценностная идентичность в современном российском комиксе» № 17-04-00061-ОГН.

представляется интересным исследовать языковые характеристики комиксов. Одной из таких особенностей является стилизация текста под определенные языковые жанры, социальные нормы и временные эпохи. Соответственно, возникает предмет исследования настоящей статьи — языковая стилизация в российском супергеройском комиксе «Иное», в то время как цель работы — выявление особенностей данной стилизации. Исследование призвано ответить на следующие вопросы:

1. Какие типы стилизации используют авторы комикса?
2. Насколько часто авторы комиксов прибегают к стилизации?
3. Каковы языковые средства, используемые для целей стилизации?
4. Насколько системной и удачной можно назвать стилизацию в супергеройском комиксе «Инок»?

Материалом исследования был выбран супергеройский комикс «Bubble» под названием «Инок» в объеме 50 выпусков (по 25–30 страниц каждый), в виду того, что его сюжетная линия предоставляет широкие возможности для использования стилизации: персонаж переносится в разные исторические эпохи, а также в русские народные сказки.

Стилизация как средство художественной выразительности

Под стилизацией принято понимать «воспроизведение писателем манеры повествования, характерной для какого-либо жанра, эпохи, социальной среды и т.д., с целью создания у читателя впечатления подлинности описываемых событий» [17, с. 45]. При этом необходимо подчеркнуть сознательное, последовательное и целенаправленное воспроизведение данной манеры.

В.Е. Чернявская добавляет к этому еще одну важную деталь: «Стилизация — сознательное изображение характерных черт «не своего» стиля, имитация чужого слова» [16, с. 98]. Автор, будучи творцом собственного текста, для целей стилизации вынужден использовать чужое слово, чтобы приблизиться к достижению художественной цели своего произведения.

А.В. Кубасов, соглашаясь с мыслью В.Е. Чернявской, уточняет, что для стилизации важны дистанция и условность, которые «позволяют нам утверждать, что в стилизации мы имеем дело не просто с чужим языком, а именно образом чужого языка, не просто с чужим стилем, а с образом чужого стиля ... обобщенным и удаленным от уст автора» [12, с. 6]. Данный комментарий представляется особенно важным, поскольку стилизация не подразумевает полного уподобления

чужому стилю. Наоборот, с помощью системного подхода автор стилизованного текста привносит лишь отдельные элементы, заимствованные им из чужой речи, при этом сохраняя свой собственный голос. В этом смысле показателен пример А.К. Толстого, известного мастера стилизации. Исследование его текстов доказывает, что именно системный подход к использованию средств стилизации помогает добиться желаемой цели, в то время как, например, непосредственно заимствованных единиц (например, собственно архаизмов) в текстах автора немного. [3, с. 15]. Очевидно, что даже небольшого количества заимствованных элементов чужой речи достаточно для создания ее образа при условии, что они употреблены системно.

Говоря о стилизации, важно отделить ее от схожего понятия — пародии, поскольку обоим, как писал М.М. Бахтин, «присуща одна общая черта: слово здесь имеет двоякое направление — и на предмет речи как обычное слово и на другое слово, на чужую речь [1, с. 215]. Несмотря на то, что в некоторых случаях стилизация и пародия трудно различимы, В.Е. Чернявская указывает на одну важную особенность: «В стилизации ... чужое слово служит средством изображения действительности, а в пародии само чужое слово (чужой текст) становится объектом изображения» [16, с. 106]. Более того, «в противоположность стилизации, подражающей чужому стилю, пародия, своеобразно воспроизводя чужой стиль, дискредитирует, сатирически и комически разоблачает его» [13].

Важным аспектом стилизации является ее ориентированность на конкретную художественную цель — воспроизвести определенную историческую эпоху, сделать текст схожим с каким-либо жанром, либо заставить персонажа звучать как типичный представитель социального класса. В связи с этим выделяют разные типы стилизации. Жанровая состоит в «воспроизведении типичных приемов, способов выражения, характеристик для того или иного литературного жанра» [17, с. 45]; историческая — «в воспроизведении языковых средств и способов выражения, характерных для исторической эпохи, в которой происходит действие произведения» [там же]. А.И. Ефимов также выделяет стилизацию социально-речевых стилей [10].

Не менее важно упомянуть о языковых средствах стилизации. Исследователями выделяются многочисленные приемы: стилистические, лексические, синтаксические, морфологические, фонетические и т.д. Иными словами, стилизация актуализирует речевые средства, свойственные «речевому обиходу определенной социальной среды, группы, исторической эпохи, которые избираются в качестве объекта имитации» [2, с. 674].

Таблица 1. Языковые средства стилизации в комиксе «Инок».

Тип стилизации	Социально-историческая		Жанровая	
	Лексич.	Синтаксич.	Лексич.	Синтаксич.
Яз-ые средства	Лексич.	Синтаксич.	Лексич.	Синтаксич.
Кол-во единиц	230	8	108	16

Оговоримся также, что стилизация — это прием, распространенный не только в литературе, но также и в других видах искусства. Несмотря на то, что комикс представляет собой гибридный код, и стилизация проявляется также в рисунке, данное исследование ограничивается только его вербальной составляющей.

Стилизация в современном российском супергеройском комиксе

Материалом анализа, как указывалось ранее, стал супергеройский комикс «Инок», главный герой которого является хранителем волшебного креста, инкрустированного так называемыми «камнями силы», которые наделяют их владельца сверхъестественными способностями — силой, выносливостью, скоростью и т.д. В целом, «Инок» следует традициям типичных североамериканских супергеройских комиксов. При этом, однако, сюжет произведения опирается на исторический контекст России, что делает его неотъемлемой частью отечественной культуры.

«Инок» представляет собой значительный интерес для исследования стилизации, поскольку его сюжет предполагает частую смену эпох и достаточно богатый набор социальных пластов в рамках каждой эпохи. Например, попадая на Ледовое побоище, герой общается как с князем, так и с простыми дружинниками. То же самое происходит и в эпоху наполеоновских войн, и во время осады Плевны. Поскольку комикс не подразумевает наличия авторской речи, сюжет разворачивается благодаря диалогам между персонажами и заставляет авторов комикса искать средства выражения социального статуса действующих лиц и их принадлежности эпохе. Впоследствии герой попадает в другие миры и даже в славянские сказки о Кошче Бессмертном, что также отражается на языковом материале.

Разнообразие сюжетных линий комикса влечет за собой многообразие речевых форм, вкладываемых в уста персонажей. Задача авторов — отразить языковой колорит каждой изображаемой эпохи — была решена с помощью стилизации. Всего можно выделить три ее типа, задействованные в комиксе: историческая,

жанровая для отражения языковых характеристик имитируемого жанра и социально-речевая для изображения социальной принадлежности персонажей. При этом стоит оговориться, что первый тип включает в себя также третий в виду природы анализируемого материала. Текст в комиксе составлен из реплик персонажей. Соответственно, в тех случаях, когда авторы стремятся к исторической стилизации, они также вынуждены принимать во внимание социальное происхождение персонажа, чтобы отразить не только эпоху, в которой он проживал, но и его статус, в виду чего социально-речевая стилизация всегда исторически обусловлена и наоборот. Следовательно, в рамках данной работы мы говорим о двух типах стилизации — жанровой и социально-исторической.

Проведенный анализ позволил выявить доминирование социально-исторической стилизации (230 примеров) над жанровой (108 примеров). Данное распределение объясняется, в первую очередь, сюжетом комикса: практически единственным имитируемым жанром является сказка, в то время как исторических эпох и вымышленных миров, в которые попадает персонаж, значительно больше. В это связи, приведенные числовые значения выглядят закономерными.

Языковые средства стилизации в комиксе «Инок»

Стилизация как инструмент имитации находит реализацию в языковом материале. Анализ текста комикса «Инок» выявил, что авторы использовали преимущественно лексические средства стилизации, что видно из Таблицы 1.

При этом необходимо учитывать тот факт, что данное разделение на лексический и синтаксический уровни является условным — все без исключения примеры синтаксических средств стилизации используются совместно с лексическими.

Говоря о лексических средствах социально-исторической стилизации, необходимо обратить внимание на то, что самой многочисленной группой выявленных единиц оказались просторечия в количестве 113 еди-

ниц, в число которых входит 20 устойчивых выражений и 17 вульгаризмов. Просторечия содержатся в высказываниях персонажей нашего времени — используя их, авторы имитируют разговорную речь наших соотечественников. При этом в рамках данной категории есть определенные стилистические отличия: так, речь положительных персонажей гораздо менее насыщена сниженными лексическими единицами, нежели высказывания представителей современных преступных группировок, для которых авторы не стесняются в выборе языковых средств выражения: «Ты совсем на башку поехавший что ли?» [15, с. 9].

Второй не менее значимой по объему группой являются собственно архаизмы в количестве 73 единиц, которые используются для создания исторического колорита во время путешествий главного героя во времени. При этом для каждой эпохи подобран собственный набор устаревшей лексики. Так, например, княжеская Русь изобилует такими единицами, как «старче», «ратник», «хула», «верховодить» и т.д., в то время как эпоха наполеоновских войн более близка современнику: «милостивый государь», «неприятель», «посеять суматоху», «атаковать всем числом» и проч.

Встречаются также другие типы лексической стилизации. Например, были выявлены лексико-семантические архаизмы, то есть слова с различными устаревшими смысловыми значениями, в количестве 13 единиц: «всякий» (в значении «каждый»), «совладать» (в значении «одержать победу»), «постоять» (в значении «защитить», например, Родину). Найденные в количестве 22 единиц лексико-словообразовательные архаизмы придают языку оттенок старины, но доступны для понимания читателя: «свершиться», «воспротивиться», «вражий» и т.д. В комиксе были также использованы девять устаревших устойчивых словосочетаний, например, «не хвались, на рать идучи».

Синтаксические способы стилизации представлены преимущественно инверсиями на уровне предложения и словосочетания. В первом случае подлежащее и сказуемое меняются местами либо подлежащее полностью опускается: «Знаю твою горячность, Михаил Дмитриевич, поэтому всякую инициативу запрещаю» [6, с. 7]. Во втором случае инверсия не распространяется на главные члены предложения, например «...со спокойной душой за родину постоим» [7, с. 16].

Таким образом, несмотря на небольшое разнообразие синтаксических средств стилизации, лексическая стилизация представлена достаточно широко. Исторические эпохи воссоздаются с помощью характерной лексики, в то время как речевая характеристика персонажей нашего времени достигается с помощью просторечий.

Систематичность стилизации в комиксе «Инок»

Одним из критериев успешности стилизации является ее систематичность. Только продуманное и взвешенное управление процессом имитации той или иной эпохи позволяет грамотно и естественно передать ее колорит, увлечь читателя и создать иллюзию нахождения в той эпохе, которую изображает автор.

На первый взгляд, авторы комикса умело пользуются приемами стилизации. Кажется, что она успешно применяется в тех случаях, когда оправдана и необходима. Кроме того, предпринимаются попытки дифференцировать «глубину» стилизации с помощью лексических средств. Так, речь персонажей 10 века отличается большим количеством архаизмов: «Не смей перечить, старче ... Пожелаешь ратным делом овладеть — жду в Киеве» [5, с. 3]. В то же время, герои из 19 века говорят более близким современнику, но все же стилизованным языком: «Барклай на соединение с Багратионом торопится, а Бонапартию этого соединения не надобно» [8, с. 12]. Авторы также пользуются просторечными выражениями для создания социального образа персонажа, например, малограмотной старушки в метро: «У-у-у, наркоманы проклятые! Обколются в подъездах, а потом шастают, людей пугают!» [4, с. 9].

Тем не менее, более пристальный анализ показывает отсутствие системного подхода к стилизации. Так, например, в комиксе «Инок» речь одного и того же персонажа может быть стилизована, а может быть дана без каких-либо элементов имитации. Сравним два примера — реплики русского полководца Михаила Скобелева. В первом очевидны обороты речи — инверсии и архаизмы — свойственные для 18 века: «Потеснили войско турецкое, обратив неприятеля в бегство и посеяв суматоху в его рядах. Покуда неприятель в смятении, вижу возможность для решительного наступления и взятия города» [9, с. 14]. Во втором примере стилизация практически незаметна: «До третьей осады Плевны я был молод, а оттуда вышел стариком!» [9, с. 24]. В этом же эпизоде комикса речь прочих персонажей не подлежит стилизации вовсе. Так, главнокомандующий русской армии спокойно реагирует на письмо Скобелева: «Это значит, что Осман не выдержал осады и готовит прорыв. Скоро мы будем в Плевне» [6, с. 9]. Речь Осман-Паши, турецкого полководца, также ничем не примечательна в языковом плане: «Он там, у русских. Теперь если он и попадет сюда, то только вместе с русской армией» [6, с. 5]. При этом необходимо отдать автором должное: в речи исторических персонажей отсутствуют единицы стиля, которые бы грубо не соответствовали описываемой эпохе.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что проанализированный комикс предоставляет широкое поле для языковой дифференциации персонажей — а значит, для стилизации. Известные писатели, например, Дж. Толкиен или братья Стругацкие, создавая свои миры, населенные различными персонажами, принимали попытки стилизации речи персонажей — а в некоторых случаях даже придумывали новые языки. В аналогичных ситуациях авторы комикса часто предпочитают нивелировать возможные стилистические различия между персонажами, принадлежащими разным мирам. Так, например, герои «Инока» попадают не только в исторические эпохи, но и в параллельные миры, где речь местных жителей почти ничем не отличается от речи наших современников. Можно заключить, что далеко не всегда авторы комиксов пользуются возможностями стилизации с целью разнообразить вербальную составляющую комикса. Стилизация происходит только в том случае, если существуют литературные источники, откуда можно заимствовать соответствующий языковой материал. В противном случае, авторы игнорируют возможности стилизации.

Обращает на себя внимание тот факт, что синтаксических средств стилизации заметно меньше, чем лексических (см. Таблицу 1), и используются они неравномерно. Синтаксическая стилизация речи одного и того же персонажа может использоваться очень плотно, а может, наоборот, разреженно. Плотность синтаксической стилизации персонажей в рамках одной исторической эпохи также различается. В то же время, представляется, что полноценная лексическая стилизация невозможна без соответствующей синтаксической.

Выводы

Предметом настоящего исследования была выбрана стилизация в современных российских супергеройских комиксах на примере комикса «Инок» ком-

пании «Bubble». В работе были рассмотрены способы использования данного средства художественной выразительности, поскольку умение «стилизовать» текст во многом говорит о мастерстве (или его отсутствии) сценариста комикса. В рамках исследования были даны ответы на поставленные во введении вопросы.

Так, было выявлено, что авторы комикса использовали две разновидности стилизации — историко-социальную и жанровую, и частотность ее использования достаточно высока — в общей сложности 362 единицы на 50 выпусков. Наиболее распространенными языковыми средствами стилизации стали просторечные высказывания и архаизмы, хотя их использование нельзя назвать системным — персонажи одной и той же исторической эпохи могут быть стилизованы по-разному. При этом отмечается также превалирование лексических средств стилизации над синтаксическими.

Таким образом, можно заключить, что авторы супергеройского комикса «Инок» использовали стилизацию, сделав язык персонажей более колоритным и индивидуальным, поскольку сюжет располагает к использованию стилизации как художественного средства, которое помогает дифференцировать персонажей на языковом уровне. Тем не менее, стилизацию в данном комиксе, несмотря на значительные усилия авторов, следует признать успешной лишь отчасти.

По итогам исследования можно сделать вывод, что стилизация современного российского супергеройского комикса «Инок» не отличается системностью, но и не вызывает строгих нареканий. В дальнейшем представляется перспективным распространить исследование стилизации на другие современные российские комиксы, как супергеройские так и авторские. Не менее интересным представляется исследование способов передачи стилизации в комиксах, переведенных на русский с иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М.: Сов. Россия, 1979. — 318 с.
2. Бельчиков Ю. А. Стилизация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. — М., 2003 — С. 674–676.
3. Вороничев О. Е. Средства языковой исторической стилизации в драматической трилогии А. К. Толстого. — Орел: Орлов. гос. пед. ун-т. — 24 с.
4. Габрелянов А., Глебов К. Инок. — Вып. 14. — М.: Bubble, 2013. — 58 с.
5. Гравицкий А. Инок. — Вып. 1. — М.: Bubble, 2012. — 32 с.
6. Гравицкий А., Габрелянов А. Инок. — Вып. 5. — М.: Bubble, 2013. — 23 с.
7. Гравицкий А., Габрелянов А. Инок. — Вып. 8. — М.: Bubble, 2013. — 25 с.
8. Гравицкий А., Габрелянов А. Инок. — Вып. 6. — М.: Bubble, 2013. — 25 с.
9. Гравицкий А., Габрелянов А. Инок. — Вып. 3. — М.: Bubble, 2012. — 25 с.
10. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. — М.: 1969. — 233 с.
11. Колгарев И. Игорь Колгарев: Комиксы могут быть серьезными / Беседа вел О. Шорсткин // Газета «До и после Рождества Христова». URL: <http://www.doposle.ru/?id=1618>.

12. Кубасов А. Я. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации: Монография. — Екатеринбург: Урал, гос. пед. ун-т., 1998. — 399 с.
13. Пародия // Литературная энциклопедия. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/>.
14. Серебрянский С. Бум комиксов в России. Что говорят издатели // Мир фантастики. URL: <https://www.mirf.ru/book/comics/bum-komiksov-v-rossii-izdateli/3>.
15. Федоров Е., Котков Р. Инок. — Вып. 50. — М.: Bubble, 2016. — 39 с.
16. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.
17. Шерешевская Е. Б. Особенности стилизации и пародирования в прозе И. А. Крылова // Фактуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. II / Отв. ред. К. А. Тимофеев. — Новосибирск: НГУ, 1973. — С. 45–55.

© Садуов Руслан Талгатович (Ruslan.Saduov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Башкирский государственный университет

ПОЛИСЕМИОТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ «РОМАНА-ФИЛЬМА» Б. АКУНИНА «СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ» И ЕГО РОЛЬ В СМЕНЕ КОННОТАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

THE PRINCIPAL ROLE OF THE POLY SEMIOTIC TEXT OF «NOVEL-FILM» BY BORIS ACUNIN «DEATH ON DRUDERSCHUFT DRINK FOR THE FORMING A SENSE OF HISTORICAL DISCOURSE

N. Samosyuk

Summary. The meaning implicit arising because of correlation between verbal and visual component of poly semiotic text is in the focus of this science research. Explaining functions of stylistic elements indicate the creation of interactive feature in a precedent of «novel-film» by Boris Acunin. The aim of this sort of a precedent text is an actualization of the didactic intentions. It's necessary for the forming a sense of historical discourse, which is represented in documentary photographs. Using of science fiction genre provides access to mass-readers to correct the connotation in historical discourse.

Keywords: semiotic text, visual component, retro style, documentary photographs, historical discourse.

Самосюк Наталья Львовна

*К.филол.н., доцент, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва
s.n.l@rambler.ru*

Аннотация. В центре исследования анализ проявлений имплицитных значений, возникающих благодаря корреляции вербального и визуального компонента в рамках полисемиотического текста. Выявленные функции стилистически маркированных «под кино» элементов в романах-фильмах позволяют говорить о создании прецедента интерактивного текста, целью которого является актуализация дидактических интенций, направленных на формирование восприятия исторического дискурса. Жанр массовой литературы в данном случае используется автором как формат, обеспечивающий облегченный доступ к массовому читателю, чьи стереотипы в восприятии помогают корректировать коннотации в историческом дискурсе.

Ключевые слова: полисемиотический текст, визуальный элемент, ретро стиль, фотография, исторический дискурс.

Цикл романов Б. Акунина «Смерть на брудершафт» представляет собой пример полисемиотического текста, взаимосвязь вербального и визуального компонентов которого, позволяет говорить о появлении у художественных образов имплицитных значений, формирующих особый модус восприятия исторического дискурса. Использование в литературном произведении элементов, составляющих особенность кинонаррации (интертитров, монтаж как прием организации внутритекстовых отношений, документальных фотографий, фигуры тапера) актуализирует в тексте феномен перформативности, который требует от читателя иной степени включенности в новую для него форму повествования.

Одним из результатов подобного преобразования в структуре текста является создание релевантных отношений между вербальным и визуальным компонентом, которые начинают влиять на восприятие исторического дискурса, представленного, прежде всего, документальными фотографиями в конце каждого романа-фильма. Сопряжение игрового и документального перераспределяет коннотации в восприятии

фотографий, актуализируя для читателя массовой литературы, свойства последней как особой формы взаимоотношения реального прошлого и условного настоящего.

Особенности смысловых корреляций в полисемиотических текстах были в центре внимания семиотики. Р. Барт в своей знаменитой работе «Риторика образа», вошедшей в сборник эссе «Мифологии» (1957) указывал на возникновение корреляционных отношений между разнородными по способу восприятия элементами, составляющими единство текста. Анализируя рекламное объявление, он выделял функцию сообщения в полисемиотическом тексте: «перед нами изображение, несущее в себе четыре знака; очевидно, эти знаки образуют некую связную совокупность, ибо все они дискретны, требуют определенных культурных знаний и отсылают к глобальным означаемым» [1].

Вслед за Ю. М. Лотманом, который также исследовал процесс возникновения знака можно говорить о приобретении текстом дополнительных имплицитных значений, которые были бы не выявлены, без ме-

тогда семиотического анализа. Ю.М. Лотман говорил о реализации множественности пространств, представленных в тексте художественного произведения следующее: «Если при выделении какого-либо определенного признака образуется множество непрерывно примыкающих друг к другу элементов, то мы можем говорить об абстрактном пространстве по этому признаку. Так можно говорить об этическом, цветовом, мифологическом и других пространствах. В этом смысле пространственное моделирование становится языком, на котором могут выражаться непосредственные представления» [2. 276].

Следовательно, привнесение стилистически маркированных элементов в структуру семиотического пространства романа говорит о необходимости определения их места в концепции автора, особенно при факте сопряжения исторического дискурса с вымышленным сюжетом, ориентированным на массового читателя.

Актуальной также для исследования будет работа Сьюзен Сонтаг «О фотографии», где она рассматривает сущностные свойства документальных снимков, соотношения изображения и действительности, а также процессы изменения в восприятии реальности при обращении к ее изображениям.

Находясь в рамках стилистическо-смыслового единства, которым является текст цикла, средства визуализации приобретают характер семиотического знака и вступают в парадигматические отношения с другими элементами текста. Исходя из теории текста, которая утверждает наличие «семантического пространства текста» [3. 202] можно утверждать, что введение визуального компонента расширяет привычные границы хронотопа, ориентируя читателя на интерактивный характер восприятия. Привлечение же кинематографических элементов в качестве стилистических средств позволяет усложнить семиотическое пространство романа, формируя игровое пространство, в которое на правах равноправного компонента, представленного документальными фотографиями, включается исторический дискурс.

Объективная историческая данность и вымышленный сюжет оказываются элементами единого художественного пространства, стилизованного под развлекательный «киношный» стиль. Перворнатив, понимаемый как действие, «но действие, совершенное в определенное время, в определенном месте, в определенных обстоятельствах, что означает, вместе с тем, закрепление за действием некоей повторяемости, необходимой для его закрепления, ритуального характера» [4] возникает за счет создания единообразия в оформлении текстов, составляющих цикл «Смерть на брудершафт».

Стилистически маркированные иллюстрации: рисунки в стиле комикс, интертитры, поддерживающие иллюзию кинонаррации как элемента временной формы искусства, в совокупности с иллюстрациями, содержащими нотный ряд, акцентирует внимание читателя на процессуальности действия, совпадающей во временной координате с реальным временем читателя.

Они обозначают принципиально игровой характер повествования, цель которого создать контекстуальные условия для восприятия романа-фильма во временной перспективе ретро кинематографа.

Стилистика высказываний в небольших отрывках текста, которые обладают сходством со стилистикой интертитров — текстовых заставок в немом кино, — необходимы для пояснения к сюжету, как замена звучащей речи в условиях технического несовершенства оборудования в период зарождения кинематографа. Например: «Миновало шесть дней» [5.101], «В Царском Селе» [5.58], «Четвертью часа ранее на близлежащей даче» [5.30], «Дождь усиливался» [5.182], «Это он!» [5.140].

Во время монтажа фильма интертитрами пользовались в качестве монтажных стыков, для того чтобы скрыть контрастный переход от одной сцены к другой. Автор цикла романов «Смерть на брудершафт» использует интертитры в качестве игрового механизма, вызывающего у читателя усиление ассоциативных связей, работающих на остранение текста, так как ассоциация связывает процесс прочтения текста с процессом просмотра кинофильма.

Роль интертитров в соотношении с основным текстом романов многообразна. Они координируют временную последовательность событий, происходящих в сюжете. «Прошло еще несколько минут» [5. 188] «Пока господин поглядывал» [5. 104]. «Петроградский август» [5.192]. Интертитры формируют модальность восприятия того или иного сюжетного хода, вводят читателя в исторический контекст событий.

Таким образом, создается эффект своеобразного «стерео» видения, при котором, историческое и художественное время уравниваются в своем значении. Безусловная разница между текстами «Июль 1914 года Эрцгерцог убит. Мировая война начнется со дня на день. Но пока это понимают лишь профессионалы» [5. 3] и «Прошло еще несколько минут» [5. 188] существует.

Не существовуй этого перехода в иную сферу художественной образности, текст интертитров имел бы определенную избыточность, поскольку сюжетные линии, которые они комментируют, не настолько сложны, что-

бы читателю требовались дополнительные подсказки в понимании сюжетных коллизий.

Еще одним средством визуализации информации служит использование иллюстраций, в которых автор прибегает к музыкальным символам и словам из знаменитых песен того времени. «Звуковое сопровождение» в романах-фильмах возникает за счет использования прецедентных текстов, которые наряду с текстом ассоциируются и с мелодией исполнения.

Этот элемент носит характер имитации работы тапера, чья игра на музыкальном инструменте, чаще всего это было пианино, сопровождала кадры немого кино

Большинство прецедентных текстов, приведенных в качестве иллюстрации к событиям романа, взяты из массовой культуры того времени. «Крутится, вертится шар голубой», «День-день день, колокольчик звенит, с молодою женой мой соперник сидит» «Знает только рожь высокая, как поладили они» [5.103] и так далее. Соотношение событий сюжета и прецедентных текстов имеет ярко выраженный ироничный характер, что снова проявляется, на наш взгляд, в уподоблении стилю немого кино как особому наивному взгляду на жизненные ситуации, в которые попадают герои романов цикла.

На наш взгляд, одна из причин использования стилистико-визуального кодирования текста ориентированного на киновосприятие заключается в создании особой нарративной стратегии. Тапер, имеющий авторскую атрибуцию, занимает промежуточное положение между историческим дискурсом, представленным в фотографиях и в сюжетах романов, время действие которых относится к драматическому периоду жизни страны, и современным массовым читателем.

Сродни балаганному артисту рассказчик фиксирует внешнюю сторону документальных кадров, данных в ряде фотографий к каждому роману, точно так же как фиксирует и выдуманные события сюжетов. Однако благодаря приемам остранения фиктивных и документальных элементов читатель оказывается в ситуации перформативной включенности в процесс мобилизации восприятия всех элементов полисемиотического текста.

Рассказчик-тапер соотносится с историческим временем на правах интерактивного героя, функционирующего в роли сопровождающего в исторический дискурс. Он существует и в условном настоящем, к которому относятся сюжеты романов-фильмы, являясь героем-повествователем выдуманных историй. Но вместе с тем авторская атрибуция, в «титрах» указано, что

тапером является автор Б. Акунины, создает определенный контекст и для восприятия исторического дискурса, представленного документальной фотографией.

Вследствие уподобления автора-тапера участнику события-прочтения формируется иронический подтекст, который зеркально отражает образ самого читателя массовой литературы, как невзыскательного интерпретатора исторического дискурса.

Наличие рисунков-комиксов свидетельствует об ориентации цикла «Смерть на брудершафт» на молодежную аудиторию и нацелены также на интерактивный характер восприятия. Сюжет романов представляет собой «дуэль» двух разведывательных управлений накануне, а затем во время Первой мировой войны, вплоть до защиты Зимнего дворца в октябре 1917. Успех каждой операции зависит не только от ряда случайностей, но и человеческих качеств каждого из персонажей. Однако в скрытом противостоянии двух политических противников высокогуманные качества не всегда приводят к желаемым результатам. В романе «Летающий слон» главный герой Алексей Романов собственноручно выстрелом в голову добывает раненного друга и молодого неопытного сотрудника контразведки, имитируя тем самым на глазах у немецкого шпиона расправу над предателем. В борьбе за доверие этот акт воспринимается как стремление помочь немецкой стороне выиграть преимущества в борьбе за воздух. Фактически этот поступок привел главного героя романа к успеху секретной миссии, что обеспечило достижение российских войск на театре военных действий в знаменитом Брусиловском прорыве. В тоже время это перевернуло представление Алексея Романова о цене человеческой жизни в условиях исторического процесса. В сюжете роман «Операция «Транзит» утверждается идея о влиянии человеческого фактора на значимые события истории. Сюжет повествует о сложной системе провокаций, проводимых с одной и с другой стороны для того, чтобы доставить главу большевистской партии В.И. Ленина в Россию. Успех оказывается на стороне тех, кто способен наиболее глубоко проникнуть в психологию зачастую случайных участников событий, убедить их принять необходимую сторону в борьбе за идею.

В совокупности с определенными моралите, которые обязательно присутствует в каждом сюжете, весь цикл романов изобилует дидактическими интенции, что соответствует знаменитой формуле Оскара Уайльда «Цель искусства- поучать, развлекаая».

Все эти элементы стилистических заимствований, взятые из немого кинематографа, имеют четкую ориентацию на массовое восприятие как в отношении кинематографа

матографической, так и литературной формы. В романах, в которых так последовательно воспроизводится ситуация просмотра немого кино, возникает еще один образ — образ массового зрителя, к которому обращены интертитры, музыкальные сопровождения и кадры фотохроники. Историческая эпохальная составляющая событий превращается в элемент игры, формулу стилистического эксперимента. Представленная в формате документальной фотографии, она уравнивается в отчуждении взгляда на события прошлого, который возникает как результат восприятия реальной трагедии в формате экранных образов, а также в качестве исторического фона в развлекательном жанре.

Это приводит к изменению отношения читателя к временной дистанции, которая учитывается при создании историографических материалов. Семиотически выделенным фактором фотографий является именно их документальность, то есть фактическое отражение элементов реальности, выполняющих информативную функцию, которую Р. Барт означил как *stadium*.

Появление фотографий в таком сложном контексте семиотического пространства предполагает два пути интерпретации взаимоотношения визуального элемента с текстом всего романа. Утилитарная роль фотографий заключается в их познавательной функции. На фотографии представлены реалии, о которых написано в сюжетах. Это могут быть фотографии футбольной команды российской империи 1914 года или модели самолетов, принятых на вооружение российским командованием в 1915 году, фотографии персоналий: Николая II, Распутина, Ленина, фотоснимки мест, имеющих отношения к событиям, описанным в сюжетах: Цюрих, Петроград.

Поддержание стилистической игры через визуализацию самого понятия документальной истории создает своеобразный момент интеллектуального напряжения, в котором смешное и серьезное открывают путь к пониманию проблематики исторической правды.

Сочетание исторического дискурса и мира художественных образов создают особое семиотическое пространство, в котором факты истории включаются в процесс актуализации в условно настоящем времени и соответственно десемантизации, которая была им присуща в контексте идеологической ангажированности в период советской историографии. В установление зависимости между положительными героями романа-фильма и документальными фотографиями можно обнаружить политический подтекст смены коннотативных значений относительно русской военной формы начала XX века, фигуры императора Николая II и так далее.

Быстрый переход от исторического к развлекательному и наоборот, от выдуманных сюжетов к документальным кадрам свидетельствует о дидактических целях автора, ориентированного на современный тип восприятия, для которого в условиях интенсивности информационного потока, визуализация позволяет экономить время, фактор перформативности гарантирует повышенную степень включенности в игровой момент стилизации.

История страны, представленная в фотографиях, говорит о серьезных вопросах исторического самоопределения в один из кризисных моментов XX столетия. Хроника формирует достоверный образ настоящего для вымышленных героев новелл и одновременно является объектом изучения прошлого для современного читателя. Оказавшись в едином пространстве художественного произведения, фотографии свидетельствуют о невозможности легкомысленного отношения к трагическим страницам истории, провоцируют на поиски причин тех ошибок в понимании трагедии, от которых так легкомысленно отрекались современники событий, для которых история была чередой фактов, запечатленных в кинохронике.

Это происходит благодаря внесению сущностных характеристик фотографии в систему художественной образности произведения Б. Акунина. Драматические коллизии выдуманных сюжетов заостряются при соотношении с образами реальных исторических трагедий. С той разницей, что выдуманные истории имеют свойство к воспроизведению, фотография свидетельствует о жизни людей, которые к моменту восприятия их образа уже мертвы. Об этом феномене фотографии сказано в работе Р. Барта «Camera Lucida». «В 1865 году молодой человек, Льюис Поэн, покушался на убийство американского государственного секретаря У.Х. Сьюарда. Александер Гарднер сфотографировал его в одиночной камере, в ожидании исполнения приговора (смерть через повешение). ... Я одновременно читаю: это случится и это уже случилось, — и с ужасом рассматриваю предшествующее будущее время, ставкой в котором является смерть» [6.119].

На наш взгляд, все стилистические компоненты в полисемиотических текстах цикла «Смерть на брудершафт» направлены на актуализацию коннотаций необходимых для восприятия исторического дискурса. Дидактическая интенция, проявленная в ориентации на молодую аудиторию, свидетельствует о заинтересованности автора в формировании поколения, воспринимającego историю с опорой на документальный *stadium* фотографий, откликаясь при этом на переживания людей, оказавшихся волею судьбы в центре драматических событий истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://old.libfl.ru/mimesis/txt/barthes>
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000
3. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Б. А. Успенский. Семиотика искусства. М., 1995
4. <https://www.hse.ru/ma/visual/perform>
5. Акунин Б. Смерть на брудершафт: роман-кино/ Борис Акунин. — М.: АСТ МОСКВА, 2008. — 461. Содерж.: Младенец и черт: фильма первая. Мука разбитого сердца: фильма вторая. С. 101
6. Барт Р. Camera lucida. Комментарии к фотографии / Ролан Барт. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016.

© Самосюк Наталья Львовна (s.n.l@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ И ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ ШАЙХИ АРСАНУКАЕВА

Хазуева Барият Абусупьяновна

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный педагогический университет»
baretk@mail.ru

THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF LOVE AND TIME IN SHAYKHI ARSANUKAYEV'S LYRICS

B. Hazuyeva

Summary. In the article the specifics of philosophical concepts of love and time in the poetry of the famous Chechen poet S. A. Arsanukayev is studied. The love perspective for the poet has his own comprehensively developed dramatic art, with certain lyrical subject-matters and plots, conflicts and collisions, characters, a peculiar intrigue ...

The subject of time develops in the symbolical images marking the passing time and creating the coloration consisting of the tropes connected with various options and forms of comprehension, physical and artistic measurements of time: moments, minutes, hours, days, days; morning, day, evening; time of human life, historical era, eternity ...

The article sets the purpose of studying of the main modifications of the artistic solutions by the poet of the interaction problems of the identity.

The plurality of time forms in Sh. A. Arsanukayev's understanding through integration, first of all, through images of loneliness, quarrel, separation and misunderstanding is characterized. The conclusion about importance and need of artistic understanding of definitions of love and time in the author's literary and esthetic concept and for the artistic world of his creativity in general is drawn.

Keywords: high heat poetry, a lyrical hero, national esthetics, intimate lyrics, the conflict of emotional and rational outsets, attitude.

Аннотация. В статье исследуется специфика философской концепции любви и времени в поэзии известного чеченского поэта Ш. А. Арсанукаева. Любовная проблематика у поэта имеет свою собственную всесторонне разработанную драматургию, с определенными лирическими сюжетами и фабулами, конфликтами и коллизиями, характерами, своеобразной интригой. ...

Тема *времени* развивается в символических образах, маркирующих уходящее время и создающих колорит, состоящий из тропов, связанных с различными вариантами и формами постижения, физического и художественного измерения времени: мгновения, минуты, часы, дни, сутки; утро, день, вечер; время человеческой жизни, историческая эпоха, вечность... Ставится цель изучения основных модификаций художественного решения поэтом проблем взаимодействия личности.

Характеризуется множественность ипостасей времени в понимании Ш. А. Арсанукаева через интеграцию, прежде всего, с образами одиночества, размолвки, разлуки и непонимания. Делается вывод о важности и необходимости художественного осмысления дефиниций *любви и времени* для авторской литературно-эстетической концепции и художественного мира его творчества в целом.

Ключевые слова: поэзия высокого накала, лирический герой, народная эстетика, интимная лирика, конфликт эмоционального и рационального начал, мироощущение.

В лирике Шайхи Арсанукаева на первом месте стоит проблема человеческой личности, индивидуальности, их эмоциональных состояний и межличностных отношений. Чаще всего данная проблематика в его поэзии многопланово и разнообразно преломляется через тему большого и малого *времени*, которое выступает у поэта всегда по-разному, в разных контекстах и ипостасях.

В лирике поэта мы видим самые различные варианты и формы постижения, физического и художественного измерения времени: мгновения, минуты, часы, дни, сутки; утро, день, вечер; время человеческой жизни, историческая эпоха, вечность...

Интересно, что именно в этом контексте в поэзии Шайхи Арсанукаева занимает определенно значимое

место и тема любви — то, что называется интимной лирикой, очень тесно связанная также и с философским преломлением мотивов и образов в человеческих судьбах.

Традиция интимной лирики не принадлежит к числу наиболее разработанных в чеченской поэзии, как народной, так и профессиональной, в силу некоторых особенностей национального менталитета и этикета, заключающихся в сдержанности, скромности и строгости в выражении чувств. «Тонкие наблюдения над гендерной спецификой чеченской народной лирики, влиявшей и на профессиональную чеченскую поэзию, отмечены в работе М. М. Ахмадова «Философия и эстетика М. Мамакаева» [4, с. 382–383]. Как отмечает М. М. Ахмадов, «в чеченских девичьих любовных песнях... нет каких-либо ограничений, девушкам-горянкам народная

эстетика разрешала прилюдно высказывать свои сокровенные чувства», в то время как мужчинам приходилось «довольствоваться общеизвестной лексикой, говорить о своих сокровенных мыслях (особенно связанных с любовными переживаниями) только намёками, инсказаниями...» [5, с. 16]. Лирические герои чеченских поэтов старшего поколения М. Мамакаева, А. Мамакаева, Н. Музаева и др., «обладающие высоким чувством такта, не могли лицом к лицу, глядя прямо в глаза, говорить о своих сокровенных чувствах с возлюбленными, потому они... часто изливали их роднику — свидетелю их волнительных встреч» [4, с. 383]. По верному замечанию М. М. Ахмадова, «ограничения чеченской эстетики, связанные с любовными переживаниями, в своих стихах легко «преодолели» поэты новой волны, так называемые «шестидесятники» (М. Сулаев, А. Сулейманов, М. Дикаев, С. Гацаев и др.), пришедшие в чеченскую литературу после Магомета Мамакаева. Надо отметить, что вслед за ними чеченские поэтессы — Раисы Ахматова («Откровение», 1979; «Откровение», 1981), Баны Гайтукаевой («Поэзия света», 2003), Лулы Жумалаевой («Гнездо на ветру», 2010) расширило тематический и мотивный диапазон лирики в пользу усиления искренности и углубления именно поэзии индивидуального чувства — по преимуществу чувства любви. Это чувство в лирике, как и в реальной жизни, включает в себя множество дополнительных переходных эмоционально-психологических состояний, зачастую образующих и бинарные оппозиции, такие, как: радость и печаль; веселье и боль, тревога, волнение, переживание и огорчение; встреча и разлука; благодарность и обида; доверие и непонимание; ожидание и вознаграждение; светлое и мрачное; жизнеутверждающее и трагедийное; оптимистическое и пессимистическое...

Тема любви глубоко вписана у Шайхи Арсанукаева в общеполитический, общебытийный контекст, что очень чётко и убедительно, метафорично и гиперболизированно провозглашено им самим в стихотворении «О вечном».

*Говорят: ничто не вечно,
Время горы разрушает,
Вечность море иссушает,
Жизнь людская быстротечна.*

[1, с. 8].

Шайхи Арсанукаев намечает здесь основные базовые в его представлении категории и понятия человеческого существования, бытия, точнее, взаимосуществования человека и окружающего его мира, реального и аллегорического космоса, по-особому сориентированные во времени и в пространстве. Любовная проблематика у поэта имеет свою собственную всесторонне разработанную драматургию, с определенным лирическим сю-

жетом и фабулой, конфликтами и коллизиями, характерами, своеобразной интригой...

*Ах, природа! Мудрый знахарь —
Смерть она рожденьем лечит,
Каждый подвиг мысли вечен,
Вечен Труд и вечен Пахарь.*

[1, с. 8].

Здесь варьируется зафиксированная в фольклорных мифах и священных текстах разных конфессий глубоко философская мысль о природе как о вечно возрождающемся и возобновляемом даре Вселенной, в контекст которой органично входит уже антропологическая, человеческая парадигма, конкретизированная в теме мудрого *целительства*, созидающего *Труда* и в образе *Пахаря*. И уже на этом фоне у Шайхи Арсанукаева создается тема высшего творческого, духовного, этического и эстетического проявления человеческой сущности, объединенная темой любви и поэзии, которые и обладают способностью к бессмертию:

*И Любовь, и Песня — вечны.
Человек несёт бессмертно
Всё, что истинно бессмертно,
Что вовеки человечно!*

[1, с. 8].

В данном стихотворении звучат высокие сентенции, выраженные в афористической форме. Его патетический настрой создаётся путём использования риторических обращений, лексических повторов, восклицательных предложений.

Совершенно противоположным по смысловому наполнению и стилистическому, образному воплощению выглядит другое, глубоко элегическое стихотворение Шайхи Арсанукаева, обладающее некоторой недоговоренностью, интригой, и в то же время разрешающейся неожиданно светлым и легким финалом:

*В сыром саду осеннем — тишина,
Деревья — словно чёрные скелеты.
Нас двое.
Я — один.
И ты — одна.
И мы невольно думаем про это.*

[1, с. 22].

Мотивы одиночества и тревоги высоко художественно, очень зримо и ощутимо реализуются здесь автором через метафорические зрительные («Деревья — словно чёрные скелеты»), слуховые («тишина»), осязательные («В сыром саду осеннем...») образы.

*Мы думаем,
Но каждый — о себе.
Сердца стучат
Задумчиво и редко.*

[1, с. 22].

У читателя здесь возникает естественное ощущение тонко переданного горького «одиночества вдвоем», когда двое близких людей вдруг перестают друг друга понимать, когда их внешнее единство уже остается лишь внешним. Но здесь у Шайхи Арсанукаева внезапно лирический герой раскрывает инкогнито своего «визави». Им оказывается не женщина, а светлое существо из мира природы, образ которого, идущий в унисон с психологическим состоянием автора, смягчает и наполняет теплом элегическое настроение автора, заставляющее вспомнить пушкинское «мне грустно и легко, печаль моя светла»:

*И каждый плачет
О своей судьбе.
Я — на скамье,
А воробей — на ветке!*

[1, с. 22].

Ярко выраженной философской проблематикой отличается и стихотворение Шайхи Арсанукаева «Прошлое действительно в жизненной драме». В нём присутствует та идея большого Времени в контексте историзма и диалектического единства человеческого бытия, непрерывной преемственности разных периодов его существования и развития, неоднократно сформулированная мыслителями и поэтами прежних эпох.

Здесь образно выражены мысли о бренности и быстротечности бытия, образующего некую «реку времен», вызывающие ассоциации также с идеями одноименного стихотворения Г.Р. Державина, созданного за считанные дни до его смерти, фактически ставшее его завещанием:

*«Река времён в своём стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей».
(Г.Р. Державин, <6 июля 1816>)
У Шайхи Арсанукаева читаем следующее:
Пусть то, что было,
Как будто мимо,
Будто бы тщетно куда-то несло, —
Прошлое неистребимо,
Хранимо
Всем, что теперь из него разрослось.*

[3, с. 9–10].

И вновь у Шайхи Арсанукаева воплощается идея вечного движения, которая реализуется автором посред-

ством глаголов движения, сравнений с неуловимостью и быстротечностью дыма и сна и, одновременно, таких констант, как «наша почва, любовь, постоянство»:

*Прошлое не улетает в пространство,
Будто бы дым или сон, но — живёт,
В нём наша почва, любовь, постоянство,
И без него мы — ни шагу вперед...*

[3, с. 10].

Прошлое для поэта-философа Шайхи Арсанукаева — это многоуровневое, противоречивое, взыскательное, трудное и выстраданное явление, залог справедливости и объективности, критерий истины, вечности и красоты:

*Прошлое может быть строгим судьёю,
Ношей, обузою, но и — звездой,
Силою, поводырём и землёю
В наших грядущих сраженьях с бедой.*

[3, с. 10].

Именно прошлое, его уроки, позволяют поэту Шайхи Арсанукаеву осмыслить судьбы своего народа и конкретного человека, увидеть великие озарения. Подобные стихотворные строки звучат как лирический комментарий поэта к его эпическим произведениям на историческую тему — «Меч Тимура», «Ханкала».

Иные и новые вариации темы прошлого, увиденные через призму индивидуального человеческого чувства, сложных взаимоотношений близких и одновременно далеких людей, раскрываются в стихотворении Шайхи Арсанукаева «Встреча», относящемся к интимной лирике. В нём всесторонне и откровенно, исповедально переданы все переходы и состояния человеческой души, её эмоционального мира через мучительные трансформации — от драматизма состояния долгой размолвки, разлуки и непонимания — до светлого сознания нераздельности и счастья бытия через употребление соответствующих стилистических и синтаксических конструкций — анафор, восклицательных предложений, прямой речи, разного рода отрицаний и противопоставлений:

*И ждать не ждал,
И думать позабыл...*

[1, с. 22].

Глаголы с ярко выраженной отрицательной коннотацией изначально придают этому стихотворению Шайхи Арсанукаева внешне всё более негативную семантическую окраску. Одновременно лирический герой очень смущён. Он как бы оправдывается по поводу того, что все его титанические усилия забыть то, для него дороже всего на свете, не увенчались успехом.

*А повстречал — и весь мой труд напрасен.
Но я ж простил,
Отрекся,
Позабыл!
Я сжёг мосты и память обезгласил.*

[1, с. 22].

В строках этого стихотворения Шайхи Арсанукаева имеет место глубоко скрытая самоирония. Признания лирического героя приобретают, казалось бы, все большую бескомпромиссность, категоричность, обличительность, императивность в борьбе с объектом своих тревог и волнений и с собственными эмоциями. Лирический герой борется со своей мнимой слабостью, но на самом деле в этом стихотворении утверждается сила и непобедимость человеческих чувств и отношений, их всепобеждающее начало.

*Я приказал рассудку: «Замолчи!
Она мертва, ушла бесплотной тенью».*

[1, с. 23].

Метафорическое обращение к собственному рассудку, его критичность и самокритичность демонстрирует извечный конфликт в душе лирического героя между чувством и разумом, любовью и силой воли, конфликт эмоционального и рационального начал.

*Перетерпи.
Не мне тебя учить.
Нерадостному мужеству забвенья.*

Герою лирики Шайхи Арсанукаева удаётся преодолеть свою мнимую твёрдость и гордыню, которая, как он все больше начинает понимать, является проявлением не силы его, а слабости. Поэт убедительно демонстрирует силу и полноту именно душевных качеств и сторон человеческого естества, силу возрождения чувств, силу прощения, великодушия, преодоления своих и чужих ошибок, преодоления отчуждения и непонимания, антагонизма, показывая всю несостоятельность расхожих рационалистических приличий, догм и суждений:

*Но вот стою — и горькие года
Не властны над восторженностью прежней.*

[1, с. 23].

Именно способность быть объективным приводит лирического героя Шайхи Арсанукаева к освобождению от злопамятства, от упорства в своём необоснованном отчуждении и мстительности. Он оказывается в силах и в состоянии признать «правоту» юношеской восторженности, истинную высоту и морально-психологическую победу любимой женщины над его суетливостью, мелочностью и, скорее всего, мнительностью и подозрительностью:

*А ты —
Несуетлива и горда,
И смотришь
Веселей и безмятежней.*

[1, с. 23].

Здесь звучит искреннее восхищение лирического героя женской мудростью и спокойствием, благородством и жизнелюбием, которые вызывают в сердце героя ответные чувства глубоко философской оценки сложившейся ситуации:

*Будь счастлива:
Моя печаль не в счет.
Нас время полюбовно рассудило.
Пускай оно.
По-старому течет:
Ты — в сердце,
Ты вовек не уходила.*

[1, с. 23–24].

Последняя строфа этого стихотворения Шайхи Арсанукаева является высоко оптимистическим завершающим аккордом. Здесь вновь наблюдаются интертекстуальные переключки с великими предшественниками, а именно, с А. С. Пушкиным:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

1829

У Шайхи Арсанукаева, как и у А. С. Пушкина, в этом стихотворении отчетливо звучит тема, мотив *времени*, которое помогает многое в разных сферах жизни осмыслить и пересмотреть, на многое открыть глаза, прозреть, многое ставит на свои места.

Тема *времени* развивается в других ракурсах и аспектах также и в стихотворении Шайхи Арсанукаева «Время не ждёт». Оно начинается с нескольких символических образов, маркирующих уходящее время и создающих колорит, состоящий из тропов, связанных с семантикой осени через образы-сравнения и метафоры. Главные среди них — цветовой зрительный образ, связанный с брэнностью и тлением — пожухлая медь и образ листов отрывного календаря, уподобляемого неотвратимо опадающей осенней листве:

*Как пожухлая медь,
Осыпаются дни нашей жизни —
Отрывной календарь.
Невезений и редких удач.*

[2, с. 149].

Оригинален зрительный образ и метафора пожухлой меди, своеобразный оксюморон, в котором сочетается несочетаемое — образ-символ меди — осязаемой, имеющей прочность и весомость материи-металла и одновременно эпитет «пожухлая», закономерно относящийся к чему-то живому, хрупкому, подверженному увяданию и тлению, чаще всего имеющему растительное происхождение.

Семантика осени и тления в стихотворении Шайхи Арсанукаева невольно вызывает ассоциации с неизбежными неотвратимыми потерями, где каждый улетающий в небытие календарный листок (прожитый день) — это безвозвратно и неотвратимо уходящий день, потеря которого вновь вызывает элегическое настроение:

*Вот уходит один –
Ты лицо заслони в укоризне,
Отлетает другой –
Ты его, словно друга, оплачь.*

[2, с. 154].

Это настроение подкрепляется у Шайхи Арсанукаева столь же соответствующей элегической лексикой и фразеологией — «уходит один», «заслони в укоризне», «словно друга, оплачь». Вслед за этим здесь наблюдается контраст, антитеза по отношению к негативизму эмоций, связанных с неотвратимостью потери и ухода каждого жизненного эпизода в прошлое. В анализируемом стихотворении быстротекущая и непрестанно изменчивая функция *времени* уподобляется уходящему закату, теряющему огни. В данном элегическом произведении сфокусировано несколько временных планов – от времени настоящего, синхронного с временем его написания, до прошедшего, ретроспективного, и перспективного, связанного с будущим временем. Этот диалог времён придает особую тонкую и зыбкую динамичность лирическому хронотопу произведения.

Кроме того, следует заметить, что во многих морально-этических системах высоко оценивается сама по себе категория страдания, способность человека достойно переносить переживания и лишения, в результате чего формируется, выстраивается и шлифуется человеческая душа:

*И, хоть до слез.
Упущенного жаль,
Не мне винить
В утраченном кого-то.
И самому себе читать мораль.*

[2, с. 152].

В этом стихотворении, как и в других стихах Шайхи Арсанукаева, нигде нет упрощения и облегчения слож-

ной психологической ситуации межличностных отношений, нет ни тени упрека, досады, тем более осуждения или обвинения, но есть сдержанность и благородство, ненавязчивость настоящего мужчины при подчеркнутой скромности и непритязательности его внешнего поведения:

*Но кто, о чем,
А я опять про то же –
Опять судьбу
Листаю наизусть.*

[2, с. 152–153].

Здесь за внешней непритязательностью — подлинная бытийная глубина в образе-символе наизусть перелистываемой судьбы, которая вновь сменяется подчеркнутой будничностью и, казалось бы, обыденностью произносимых слов, составляющих неполные синтаксические конструкции, характерные для устной разговорной, прерывистой от напряжения и волнения речи. К тому же, словом делу не поможешь:

*Не надоел?
Но я не засижусь.
Уже пора...*

[2, с. 153].

За внешней робостью и нерешительностью стоит глубокая внутренняя деликатность и нравственная высота, честность и чистота лирического героя. Несмотря на томительность и даже психологическую мучительность и безысходность ситуации произведению свойственно светлое духовное начало:

*Спасибо за молчанье.
Я непривычно много говорю?
Да вот устал, и годы за плечами...
Но разрешишь,
Я снова закурю?.*

[2, с. 153].

Лирика Шайхи Арсанукаева за внешней простотой и «камерностью» содержания пронизывает глубокое духовно-нравственное начало, обращенное к разным уровням и сферам человеческого существования. Ему присуще отражение остроты нравственных ситуаций, мотивов трудного психологического и нравственного выбора, образно говоря, передача состояния живого психологического нерва человеческих переживаний и чувств, пульсации реального времени. При этом лирическое и поэтическое выражение мироощущения поэта в его стихах происходит в гармоническом балансе национального и общечеловеческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсанукаев Ш. А. Вершины. Стихи. Перевод с чеченского И. Озеровой. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977. 88 с
2. Арсанукаев Ш. А. Преодоление. Стихи и поэмы. Перевод с чеченского. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. 208 с.
3. Арсанукаев Ш. А. Роща любви. Стихотворения и поэмы. Перевод с чеченского. М.: Советская Россия, 1988. 112 с.
4. Ахмадов М.М. О философии и эстетике М. Мамакаева //М.М. Ахмадов / Собр. соч. в 5-ти тт. Т. IV. Грозный: Дош, 2012. С. 382–383.
5. Джамбеков О.А Роль фольклора и традиционной народной культуры в художественной системе романа М. Мамакаева «Зелимхан» // О. А. Джамбеков. Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2016. 141 с.

© Хазуева Барият Абусупьяновна (baretk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПОЛОГИЯ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ» К. КИЗИ)

TYPOLOGY OF FORMS OF ARTISTIC TIME AND SPACE IN A LITERARY WORK (BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL «ONE FLEW OVER THE CUCKOO'S NEST» BY KEN KESEY)

S. Khomyakov

Summary. This article discusses the features of artistic time and space on the example of the novel «over the cuckoo's nest» by K. kizi. The forms of linear and cyclic time, physical, historical, perceptual and oneiric time, as well as the forms of horizontal and vertical, open and closed, external and internal, visual and non-visual are distinguished of the space. The emphasis is made on geographical and temporal references, significant for the space-time organization of Tex. All these forms allow us to talk about the chronotope of the madhouse as the main plot — and the genre-forming unit of the novel.

Keywords: «One flew over the cuckoo's nest», chronotope, space and time, chronotope of madhouse.

Хомяков Сергей Александрович

Старший преподаватель, Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова
khomjakov.sergey@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности художественного времени и пространства на примере романа «Над кукушкиным гнездом» К. Кизи. Выделяются формы линейного и циклического времени, физического, исторического, перцептуального и онейрического времени, а также формы горизонтального и вертикального, открытого и закрытого, внешнего и внутреннего, визуального и невизуального пространства. Сделан акцент на географических и темпоральных отсылках, значимых для пространственно-временной организации текста. Все эти формы позволяют говорить о хронотопе сумасшедшего дома как о главной сюжетно- и жанровообразующей единице романа.

Ключевые слова: «Над кукушкиным гнездом», хронотоп, время и пространство, хронотоп сумасшедшего дома.

Время и пространство, изображенные в литературном произведении, являются своеобразными координатами, благодаря которым автор воссоздает огромный художественный мир. М.М. Бахтин, рассматривая эти категории в различных романах, назвал их единство хронотопом [1, с. 176]. По мере изменения литературы, смещения акцентов менялись и формы времени и пространства, писатели и поэты по-своему «переигрывают» их, чем и обусловлено большое количество работ, посвященных не только различными формам хронотопа, но и каждой категории — время или пространство — в отдельности. Выделяются черты «мира горнего» и «мира дольного» [23, с. 86], наблюдается противопоставление «верха и низа», замкнутого или разомкнутого [16]; горизонтального и вертикального пространства [7, с. 144] как статичного, рассматриваются «горизонтальные» и «вертикальные» [22] перемещения, могут происходить различные трансформации художественного пространства, которое может, например, «сужаться до тесных границ одной комнаты» [15, с. 629], а «о событии можно сообщить, осведомить, <...> дать точные указания о *месте* <...> его свершения [курсив мой.— С.Х.]» [2, с. 282] — все это позволило филологам исследовать художественные произведения на различных уровнях и выявить особенности волшебного, косми-

ческого, фантастического, астрального или infernalного миров. З.Я. Тураева, характеризуя пространство в произведении, называет его формой «бытия идеального мира эстетической действительности» и формой «существования сюжета, пространственно-временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума» [21, с. 20]. Художественное пространство также может выполнять коннотативную функцию: конкретный топос предстает значимым именно из-за событий, произошедших в нем, начинает характеризоваться временем, утрачивая пространственные границы. Этим обусловлен интерес литературоведов к более сложным пространственным структурам: «петербургский текст» [20, с. 319], а также по аналогии — «итальянский» [11], «крымский» [18] сверткесты.

Художественное время метафорично и аллегорично, менее всего привязано к конкретным топосам, поэтому логично выделение огромного количества форм и разновидностей данной категории: линейное и циклическое (биологическое и природное), историческое (тесно связано с понятием ретроспекции), социальное (продолжительность жизни определенных государств и народов), объективное и субъективное (индивидуаль-

но, зависимо от восприятия человека), физическое (час, месяц, год и т.д.) и бытовое (определенные циклы жизни человека) [17], фантастическое и онейрическое. Время может характеризоваться такими характеристиками, как дискретность, многомерность, ускоренность и замедленность, наполненность, параллелизм и ретроспекция.

В последние десятилетия внимание литературоведов привлекают более мелкие единства *времени и пространства* (встречи, дороги, комнаты, порога [13]), хотя в то же время присутствуют работы, посвященные хронотопу самоубийства [8, с. 640], коммунальной квартиры [3], дома [14], детства [19], усадьбы [5], или исследования хронотопа применительно ко всему творчеству писателя («блоковский хронотоп» при анализе «структуры образа Прекрасной Дамы» [10, с. 13] или «ахматовский хронотоп» при рассмотрении «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой как итогового произведения [25, с. 209]. Кроме того, исследователи отмечают, что предметы могут обладать хротопическими чертами (например, часы, река, тень [4, с. 224]). Таким образом, в ряду указанных хронотопов уместно говорить и о хронотопе сумасшедшего дома как об определенном концепте в романе «Над кукушкиным гнездом» К. Кизи.

В этом произведении психиатрическая больница расположена в одном из южных штатов Америки, который ранее был местом поселения индейских племен. Не случайно главный герой Бромден (Вождь, или Швабра) многократно вспоминал родные места и реку, где жило его племя. Образ воды, как символ жизни, часто появляется при описании детства Бромдена (например, «водопад» [9, с. 225]) как предмет, обладающий хронотопическими чертами. Психиатрическая больница является основным местом (во всех четырех частях), где пребывают душевнобольные (более 50 человек).

Развитие основного действия связано с появлением «осенним днем» [9, с. 16] в лечебнице Макмерфи. Большинство больных, пребывающих в клинике и неспособных преодолеть собственные страхи, добровольно остаются в больнице, терпя издевательства старшей сестры. Несмотря на ограниченность пространства стенами и решетками, которые лишней раз указывают на мотив несвободы, в романе дается описание более мелких пространств (например, чулан, где прячется глухонемой Бромден). Границу нескольких пространств пересекают санитары, старшая сестра, врачи и — однажды — две проститутки, приглашенные Макмерфи. Удивительно, но замкнутое пространство является характеристикой не только образа жизни персонажей, пребывающих в больнице, но и их внутреннего состояния. При этом каждый вид пространства, обладая атрибутивной функцией, оказывается самостоятельным, целостным, завершенным, характеризующим своего хозяина и несущим

определенную информацию о нем. К тому же ограниченное пространство оказывает психологическое давление на больных. Неоднократно проводится параллель между внутренним миром душевнобольных и устройством самой больницы. Таким образом, каждый персонаж представляет собой замкнутое пространство, не соприкасающееся с другими, рядом находящимися. Физическое время не воспринимается сумасшедшими, о нем просто сообщается, создается подобие цикличности времени — «искусственного» времени, потому что внутри лечебницы оно подчиняется своим, «особенным» законам.

Макмерфи сам рассказывает больным или «острым» [9, с. 18], которые «еще достаточно больны, чтобы лечить» [9, с. 19], причины своего появления в лечебнице, тем самым становится известно об определенных пространствах («исправительная ферма» [9, с. 19], «лесные делянки Северо-Запада» [9, с. 27], «гороховая ферма» [9, с. 27], «лесоразработки» [9, с. 28], «армия» [9, с. 28], «тюрьмы в малых городах» [9, с. 28]), которые предстают отдельными, несвязанными. Во время собрания доктор повторяет факты из биографии Макмерфи, отмечая, что «переведен органами штата из пендлтонской сельскохозяйственной исправительной колонии для обследования и возможного лечения» [9, с. 55]. Однако эти периферийные пространства не так важны и служат для обоснования жизненного пути главного героя. Временные векторы намечены в рассказах Вождя Бромдена, который дольше всех остальных пребывает в клинике — и именно это становится точкой отсчета для цепочки последующих событий.

Хроники Бромден (Швабра) Чесвик, Билли Биббит, Мартини, Эллис, Ракли, полковник Маттерсон, Хардинг, старик Пит, Сефелт, мистер Тейбер — для них пространство клиники воспринимается как дом, несмотря на то что «воздух сжат стенами» [9, с. 60], — замкнутое и ограниченное пространство, сопоставимое с замкнутыми мирами душевнобольных людей. Оказавшись вне больницы, они испытывают страх, чувствуют свою беспомощность — желают вернуться в больницу, однако, прибыв назад вечером, воспринимают это место как что-то чуждое, неприятное — их внутренние миры оказываются открытыми, так как больные побороли свои страхи.

Отсутствие границ бытового времени, связанного непосредственно с конкретным персонажем, достигается такими фразами, как «сколько-то лет назад», «несколько лет назад» [9, с. 21], «за минуту» [9, с. 24], «в полдень» [9, с. 27], «при нынешнем подходе», «несколько лет назад» [9, с. 34], «годами» [9, с. 36], «изо дня в день» [9, с. 36], «год за годом» [9, с. 37], «в другие дни» [9, с. 40] «за последние десять лет» [9, с. 122] — и в этом безвременье описываются страдания и мучения, которым подвергались пациенты именно в клинике. Часто акцент дела-

ется на выражении лица или каких-то особенных деталях, которые предстают цепью определенных событий: «Привезли его [Ракли.— С.Х.] *через две недели* обрито-го, вместо лба жирный лиловый *синяк*, и над глазами вшито по пробочке размером с пуговку. По глазам было видно, как его *выжгли внутри*: глаза *задымленные, серые и опустелые*, как перегоревшие предохранители. Теперь он *целый день* только тем и занят, что держит перед своим *выжженным* лицом *старую фотокарточку*, вертит, вертит ее в холодных пальцах, а карточка *давно замусолилась*, с обеих сторон *стала серой*, как его глаза, не поймешь, *что* на ней *было* [курсив мой.— С.Х.]. О персонаже — пациентах или санитарях, у которых сложные судьбы,— сообщается, будто прочитана информация из «личного дела», где события из жизни выражаются конкретными словами, а также фразами или понятиями, обладающими темпоральной семантикой, цикличность событий дополняется временем повествования — прошедшим — и лексическими повторами или употреблением однокоренных слов. Жизнь в психиатрической больнице пятидесятилетнего Пита, попытавшегося всем открыть глаза на действия старшей сестры, сравнивается со «старинными часами, которые времени не показывают, но все еще ходят, стрелки согнуты бог знает как, цифры на циферблате стерлись, звонок заглох от ржавчины,— старинные ненужные часы, они еще тикают и хрипят, но без всякого смысла» [9, с. 69].

В романе присутствуют формы линейного (связанного со временем повествования) и циклического (обусловлено назначением старшей сестрой распорядком) времени («шесть тридцать» [9, с. 39] — подъем, «шесть сорок пять» [9, с. 40] — умывание, «семь» [9, с. 40] — открытие столовой, «семь тридцать» [9, с. 41] — сбор в дневной комнате, «восемь часов» [9, с. 42] — принятие лекарства, «восемь двадцать» [9, с. 43] — игры в карты, «девять часов» — разговор с врачами-стажерами, «девять пятьдесят» [9, с. 45] — уход молодых врачей, «десять часов» [9, с. 46] — получение почты, «десять сорок, сорок пять, пятьдесят, больные входят и выходят — на ЭТ, на ТТ, на ФТ, на процедуры в разных комнатах» [9, с. 47], «в час» [9, с. 52] приход доктора. Также присутствуют формы циклично-периодического времени: ночные дежурства санитаров (например, мистер Теркл «дежурит долгую ночную смену с одиннадцати до семи» [9, с. 111]). Пациенты клиники ощущают свою зависимость от старшей сестры и во временном отношении: она «может пускать стенные часы с такой скоростью, как ей надо: захотелось ей ускорить жизнь, она пускает их быстрее... — быстрые смены освещения, утро, день, ночь — бешено мелькают свет и темнота. <...> Она любит включить скорость в те дни <...>, когда охота задержаться и растянуть удовольствие. Вот тут она включает на полный ход. Но чаще — наоборот, замедляет. <...> Отдыхаем мы от этого управления временем, пожалуй, только в тумане;

не; тогда время ничего не значит» [9, с. 94–96]. Макмерфи, в отличие от других пациентов, сможет покинуть больницу только по решению старшей сестры, то есть она «распоряжается» и его временем.

Различные трансформации в восприятии времени присутствуют при обычном распорядке: «Санитар наконец дошел до нее, это отняло два часа» [9, с. 120]; «Часы на стене столовой показывают четверть восьмого, врут, что сидим здесь только пятнадцать минут, ясно ведь, что просидели не меньше часа» [9, с. 126]; «У нас осталось сорок восемь минут» [9, с. 134] — физическое время постепенно превращается из точного, в измененное, но подконтрольное старшей сестре, хотя при описании событий, происходящих в больнице, используются дни недели — постепенно выстраивается хронология событий относительно друг друга («...это тоже было в пятницу, через три недели после того, как мы голосовали насчет телевизора» [9, с. 219]).

В начале произведения линейное время предстает обособленным и «зажатым» из-за власти Гнусен, однако в конце произведения искусственно созданное время разрушается, как и пространство дневной комнаты, а следовательно, и мира Комбината и старшей сестры, ведь на протяжении многих лет «все, что люди подумают, сделают, скажут, расчислено на несколько месяцев вперед по заметкам, сделанным старшей сестрой» [9, с. 39]. К концу романа образы времени — конца жизни — выражаются в переносных, метафоричных значениях: «Они укладывают Бластика на носилки и уносят под простыней, обращаются со стариком так бережно, как при жизни с ним не обращались» [9, с. 111]; «Дверь открывается, всасывает первого» [9, с. 327]; «А за окном воробьи, дымясь, падают с провода» [9, с. 329]; организация «прощальной вечеринки» [9, с. 339] перед побегом или гибелью [9, с. 364], напророченная Хардингом, и, как следствие всего — «лоботомия» [9, с. 376], сделанная «рыжему бунтарю». Бромден, убив Макмерфи ночью, когда «в окне стояла холодная луна и лила в спальню свет, похожий на снятое молоко» [9, с. 379], и, выломав решетку, через которую «протискивался лунный свет», выбрался из больницы «под лунный свет» [9, с. 380], сел в грузовик и направился в Канаду, также в его планах Колумбия, окрестности Портленда (место смерти его отца), реки Худ и Даллз-Сити, чтобы встретиться с еще не спившимися индейцами.

Пространство психиатрической больницы предстает как «сумма» помещений («дневная комната» [9, с. 19], «мозгобойная комната» [9, с. 21] (кабинет шоковой терапии), «главный коридор» [9, с. 27], «стеклянный пост» [9, с. 33] — или «стеклянный ящик» [9, с. 45] — и «спальня» [9, с. 113], выходящая в коридор, «столовая» [9, с. 126], душ, «кабинет доктора» [9, с. 129], «лаборатория» [9, с. 365],

«изоляция в конце коридора» [9, с. 336], «комната для персонала», которую «открывают только на время совещаний» [9, с. 178]), которые располагаются на разных этажах, могут быть заперты и не всегда описывается их интерьер. Однако точность и наполненность этих пространств зависит от старшей сестры («Под ее руководством внутренний мир — отделение — почти всегда находится в полном соответствии». Она «стремится привести в соответствие внешний мир так же, как приведен внутренний». «Старшая сестра — настоящий ветеран этого дела, занимается им бог знает сколько лет: давным-давно, когда я поступил к ним из внешнего мира, она уже была старшей сестрой на прежнем месте» [9, с. 35]). Эффект «пространства в пространстве» [24] как открытого, так и закрытого, достигается и в горизонтальном, и в вертикальном плане: основной этаж, где прибывают больные, и следующий этаж, где проводят различные терапии.

Горизонтальные перемещения характерны в основном для больных, санитаров, старшая же сестра Гнусен, находясь в своем кабинете, смотрит на больных как бы сверху: во-первых, она презрительно относится к ним, во-вторых, чувствует власть над теми, кто попадает под психологическую зависимость от нее. «Я все еще приклеен к стулу. <...> Сижу, подтянув колени к груди, обхватив их руками, уставился в одну точку, как глухой...» [9, с. 30] — таким предстает Бромден — большой и крепкий физически индеец, с которым Макмерфи знакомится последним и которого «рыжий бунтарь» увидит перед смертью. Именно благодаря Макмерфи Бромден, преодолев «туман» Комбината, увидел, что наполняет пространство спальни: «В первый раз с тех пор, как попал в больницу, <...> эта большая спальня, заставленная кроватями, где спят сорок взрослых мужчин, всегда была наполнена сотнями липких запахов <...>, но никогда прежде, до его появления, не пахло здесь мужским запахом грязи и пыли с широких полей, потной работы» [9, с. 124] — закрытое, маленькое, тесное пространство спальни противопоставляется безграничным просторам. Спустя «почти неделю» [9, с. 146] после появления Макмерфи происходит «разрушение» границ больницы — просмотр финального матча по телевизору и попытка сломать решетку (физическое разрушение пространства) на окне, посещение бассейна [9, с. 199], а почти через месяц после появления «необыкновенного человека» [9, с. 184] Бромден «первый раз увидел, что больница за городом» [9, с. 193], куда отправился с Макмерфи на рыбалку.

По пути с рыбалки Макмерфи заехал в город, «где прошло его детство» [9, с. 298]. Пространство клиники становится не значимым — на первый план выходят воспоминания о детстве, родителях, первой любви, «кабацких битвах» [9, с. 300]. Мотив тоски и ностальгии становится главным, что дополняется известием о смерти отца и ма-

тери главного героя. Именно это пространство может охарактеризовать Макмерфи как ветреного, непостоянного и пошлого человека. Этот эпизод, помещенный в конце третьей части, — как бы исповедь главного героя, охарактеризованная рассказчиком одним словом «как прошлое, куда мы смогли бы вметать себя» [9, с. 300]. Для Макмерфи не существует такого понятия, как дом, потому что это ограничивает его свободу — он не переносит закрытых пространств, где превращается в «загнанного человека» [9, с. 317]. В четвертой части одной ночью полностью происходит «разрушение» пространства отделения, которым руководит мисс Гнусен: Макмерфи устраивает свидание Билли и Кэнди, которая попала в лечебное заведение через незапертое окно, и проникает в комнату для персонала, разбрасывая папки с личными делами и устраивая погром. Время уже не выглядит цикличным, а «ускоряется», когда речь заходит о побеге: «Прищурясь, поглядел на тусклый циферблат часов. — Скоро пять. <...> Дневная смена придет только через два часа. <...> Я оторвусь часов в шесть» [9, с. 360]. План побега сорвался из-за сильнейшего алкогольного опьянения: «Так и застали их в половине седьмого санитары, когда пришли зажигать в спальне свет» [9, с. 361].

При рассмотрении художественных особенностей романа значимы пространственные отсылки, указывающие на точные географические места: Пендлтон [9, с. 28], где Макмерфи провел целый год и растерял навыки игры в карты; Германия, куда отправили Бромдена, а также армейский учебный лагерь, в котором Вождь был электриком; Калифорния, в которую школьная команда Бромдена прилетела на матч «с местной командой» [9, с. 47]; Колумбия, о шуме водопада в которой вспоминает Бромден; горы «Очокос возле Пейнвилла» [9, с. 153] во время зимы; аэродромы в Европе [9, с. 155], на которых служил Бромден; Уилламит [9, с. 252], крупная река на северо-западе США, приток реки Колумбии, в одном из ущелий [9, с. 253] которой родился Бромден; Юджин [9, с. 252] (второй по численности город в штате Орегон), где работал Макмерфи, собирая бобы. Татуировки Макмерфи сделаны в Сингапуре. Монте-Карло — район Монако, известный своими казино, Гавайи — штат США, расположенный на островах в центральной части Тихого океана; Канада, Тихуана (город в Мексике) или города Рино и Карсон-Сити штата Невада [9, с. 357], расположенного на западе США — места, куда Макмерфи смогут отвезти после побега и которые останутся недостижимой мечтой.

Такая географическая «карта» связана с главными героями, однако детальной «географической» характеристике также подвергаются только две девушки, которые не являются пациентами клиники: Бивертон — город Арти Гилфилиана — мужа Сенди, а Кэнди — из штата Орегон, в котором самый большой город — Портленд (многократно упоминается в произведении). Девиз это-

го города «Летит на собственных крыльях» соотносится с названием романа.

Определенное значение имеют временные отсылки: беседа зимним утром с сестрой защитника из противоположной команды — эта девушка вспоминается Бромдену при взгляде на «отделение — фабрику в Комбинате» [9, с. 49]; история про дядю Халлахана, фамилию которого «коверкали» женщины [9, с. 59]; жестокость кур на ферме; женщина-инспектор и мисс Гнусен «в тридцатые годы служили сестрами в армии» [9, с. 78], шоковая терапия, которой подвергся Вождь в самом начале; воспоминания о туристах с Восточного побережья и их отношении к индейцам; Линкор «Мэн» [9, с. 307], подорванный в 1898 года и ставший поводом к началу американо-испанской войны; «Четвертое июля» [9, с. 307] — День независимости Америки, о котором говорят больные, и во второй раз — в сознании Бромдена [9, с. 334] после шоковой терапии.

Время в романе «уплотняется», что сопряжено с большим количеством событий, происходящих в короткий временной промежуток, и воспоминаний Бромдана, которые образуют самостоятельный онейрический хронотоп. Пространство, предстающее как сумма более мелких единиц, ограничено стенами сумасшедшего дома, однако замкнутость пространства постепенно преодолевается: сначала на уровне воображения и воспоминаний (подробное описание событий из прошлого), а потом — двух дней (посещение бассейна, катание на лодке). Окончательное изменение пространства и его наполненности происходит в конце произведения накануне побега главного героя. Художественное пространство становится частью хронотопа сумасшедшего дома, потому что происходит соединение в одной точке пространства клиники, биографического прошлого (Бромден и Макмерфи из штата Орегон) и времени — разомкнутого сюжетного (любовная драма и самоубийство Билли).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Эпос и роман. СПб., Азбука, 2000. С. 176.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 282.
3. Бурдина С. В., Полякова Н. А. Хронотоп коммунальной квартиры // Вестник пермск. ун-та. 2011. Вып. 2 (14). С. 154–159.
4. Гей Н. К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст-74: литерат.-теоретические исследования. М., 1975. С. 224.
5. Глазкова М. В. Русская усадьба в мифологическом аспекте («Обрыв» И. А. Гончарова и «Новь» И. С. Тургенева) // Филологические науки. 2007. № 2. С. 92–99.
6. Иванцов В. В. Концепт «дом» в пространственно-временной структуре повести В. С. Маканина «Безотцовщина» // Вестн. СПбГУ. Сер.9. 2007. Вып. 1. Ч.1. С. 11–14.
7. Карасев Л. В. Вертикаль «Фауста» // Человек. 2003. № 1. С. 144.
8. Карякин Ю. Новый хронотоп // Достоевский и канун XXI века. М., 1989. С. 640.
9. Кизи К. «Над кукушкиным гнездом». М.: Издательство «Э», 2015.
10. Клинг О. А. Александр Блок: структура «романа в стихах». М., 2000. С. 13.
11. Константинова С. Л. «Итальянский текст» В. Ф. Одоевского // Текст в гуманитарном сознании: Материалы межвузовской научной конференции 22–24 апреля 1997 г. М., 1997. С. 113–127.
12. Кривонос В. Ш. Порог и «пороговый» герой в поэме «Мертвые души» // Известия РАН. Сер.лит-ры и яз. 2008. Т. 67. № 3. С. 33–39.
13. Кривонос В. Ш. Порог и «пороговый» герой в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия РАН. Сер.лит-ры и яз. 2008. Т. 67. № 3. С. 33–39.
14. Куляпин А. И. Концепт «дом» в прозе В. М. Шукшина // От текста к контексту. 2013. № 1. С. 73–77.
15. Лихачев Д. С. Художественное пространство словесного произведения // Указ. соч. С. 629.
16. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 273–278.
17. Лупандин В. И., Сурнина О. Е. Субъективные шкалы пространства и времени. Свердловск, 1991.
18. Люсьи А. П. Крымский текст в русской литературе. М., 2003.
19. Неверович Г. А. Хронотоп детства в деревенской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. 2016. № 2 (56). Ч. 1. С. 49–51.
20. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Он же. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 319.
21. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986. С. 20.
22. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988.
23. Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 86.
24. Хомяков С. А. «Пространство в пространстве» в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 157–160.
25. Хомяков С. А. Пространство и время в художественном произведении (заметки о хронотопе «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Филология». 2010. № 3. С. 208–212.

«ВРЕМЯ ВО ВРЕМЕНИ» В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» А. А. АХМАТОВОЙ

«TIME IN TIME» IN THE
«POEM WITHOUT A HERO»
A. A. AKHMATOVA

S. Khomjakov

Summary. This article discusses the features of the artistic time in the «Poem without a hero», which consist in the genre features of the work of A. A. Akhmatova. The author examines in detail such forms of artistic time as biological, physical, oneiric, historical, literary, eschatological, which are dominant in the chronotope «Poems without a hero». The paper identifies the time features (including grammatical) of each part separately and in relation to other elements of the text, and also pays attention to the pace of the narrative in the poem. The novelty of the work consists in a detailed analysis of the time component of the final work of A. A. Akhmatova and the classification of various forms of time presented in the poem, and the concept of «metaphorical time» as characteristic for the lyrics.

Keywords: «Poem without a hero», Akhmatova, chronotope, time, space, lyrics, epic.

Хомяков Сергей Александрович

Старший преподаватель, Московский медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова
khomjakov.sergey@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика художественного времени в «Поэме без героя», которая заключается в жанровых особенностях произведения А. А. Ахматовой. Автор подробно рассматривает такие формы художественного времени, как биологическое, физическое, онейрическое, историческое, литературное, эсхатологическое, которые являются доминантой в хронотопе «Поэмы без героя». В работе выявляются временные особенности (в том числе и грамматические) каждой части в отдельности и в соотношении с другими элементами текста, а также уделено внимание темпу повествования в поэме. Новизна работы заключается в подробном анализе временной составляющей итогового произведения А. А. Ахматовой и классификации различных форм времени, представленных в поэме. В статье использовано понятие «метафорическое время» как характерного для произведения А. А. Ахматовой.

Ключевые слова: «Поэма без героя», Ахматова, хронотоп, время, пространство, лирика, эпос.

«Поэма без героя» предстает интересной с точки зрения классификации форм художественного времени, представленных в произведении [10, 5]. Наличие большого количества форм времени обусловлено родовой принадлежностью произведения. В «Поэме без героя» А. А. Ахматовой сочетаются эпика, лирика и даже драма, а ведь каждый из этих родов литературы по-своему осваивает время. Автор «смотрит» «из «года сорокового» [1, с. 170], глядит в год «девятьсот тринадцатый» [1, с. 171], и такая «временная точка зрения» (доминирующая и в повествовании, и в медитации) способствует постижению связей прошлого и настоящего («Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет / — Страшный праздник мертвой листвы» [1, с. 174]). Разветвленный рамочный текст (вместе с «Прозой о поэме») знакомит с творческой историей поэмы и, таким образом, удлиняет время. «Поэма без героя» насыщена цитатами [20], реминисценциями, аллюзиями [4, с. 293], которые в основном и рамочном тексте погружает читателя в поистине бездонный мир культуры, в котором сосуществуют Пушкин [18] и Байрон, Шекспир и Достоевский [21], ветхий Завет и античная мифология [19]. Анализ всех перечисленных особенностей произведения с точки зрения художественного времени (в том числе и хронотопа [25]) лег в основу данной статьи.

В каждом роде литературы время и пространство — координаты художественного мира произве-

дения — проявляются по-разному. В эпических жанрах время чаще всего воспроизводится реалистично и правдоподобно (указание точных дат и времен года; использование деталей, указывающих на цикличность человеческого бытия и т.д.), что часто достигается оперированием к *настоящему, прошлому и будущему* героя. Место, относящееся к природе, описывается достоверно, акцент может делаться на физических параметрах топоса (открытого или замкнутого, вертикального или горизонтального [17, с. 273–278]), его наполненности событиями [15, с. 269], протекающих в нем. В драматургических жанрах есть *время воспроизведенное* драматургом, воспринимаемое как цепь развернувшихся событий (не может ни ускоряться, ни замедляться), и время действия, напрямую соотносимое с репликами персонажей и предстоящее *настоящим* [27, с. 58]. Место, указанное в авторских ремарках, предстает несущественным и неспособным к существенным изменениям, потому что внимание приковывается к разворачивающимся событиям или судьбам героев. Драматург в этом случае ограничен в выборе изобразительных средств, потому что невозможно «перенести художественно реальное (а не подразумеваемое) действие за эти пределы» [16, с. 422].

Объектом изображения в лирике становится человеческое состояние (размышления, переживания, радость, грусть, впечатления и т.д.), поэтому, несмотря на после-

довательность определенных *событий*, представленных в словесном произведении, порой они не поддаются точной детализации. Время и пространство, выполняя номинативную функции, отходя на второй план, позволяют лирическому герою или рассказать («Шепот, робкое дыхание...» А.А.Фета), или описать («Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским на даче» В. Маяковского), находясь в состоянии сильно-го — положительного или отрицательного — душевного состояния (психологизм и медитация), поэтому ритмика, художественные средства выразительности, особенности языка и синтаксиса, «семантико-фонетические эффекты» [13, с. 84] заслуживают особого внимания.

В «Поэме без героя» А.А.Ахматова воссоздала не только трагическое событие («его [Всеволода.— С.Х.] самоубийство было так похоже на ... катастрофу. Вторая картина, <...> это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (+ 1913). «Это где-то у стены»,— сказала Ольга, но найти не могла» [1, с. 217]), воспринимавшееся точкой смены эпох, а также в духе начала XX века указала на начало «не календарного» [1, с. 186] столетия, что достигается в том числе и на уровне композиции. Во-первых, временная дистанция (взгляд сверху вниз), указанная во «Вступлении» («Из года сорокового, / Как с башни на все гляжу» [1, с. 170]) и в «Части первой» (подзаголовок «Девятьсот тринадцатый год» [1, с. 171]), определяет два пространства [23]. Во-вторых, семантика ушедшего прошлого достигается при помощи лексики («хрусталь» [1, с. 171], «Дапертутто» [1, с. 172], «смрадный» [1, с. 173], «в глубине залы [курсив мой.— С.Х.]» [1, с. 178], «любви» [1, с. 179], «ланиты», «мятель» [1, с. 185, 187], «заклятый» и «бесноватый» [1, с. 185], «питерщик и гуляка» [1, с. 186]) стилистики, повторов («Двадцатый век» в «Третьем и последнем» [1, с. 169] посвящении и «Главе третьей» [1, с. 186]; «старый город Питер» [1, с. 180] во «Главе второй» и «старый питерщик» [1, с. 186] в «Главе третьей»; «Петербургская повесть» в «Первой части» [1, с. 171] и в ремарке «Решки» [1, с. 190]); фонетических средств (ассонанс в начале «Главы третьей» [6]), ритмики (позаимствованная А.А.Ахматовой у М. Кузмина из сборника «Форель разбивает лед» [14]), автозаимствований («Новогодний праздник длится пышно. / Влажны стебли новогодних роз [1, с. 171]; «И вино, как отравы, жжет» [1, с. 171]). Однако, наследуя различные темы, образы, к которым прибегали предшественники-символисты (М. Кузмин, Вс. Князев, А. Блок и др.), А.Ахматова переворачивает любовную фабулу их произведений («Выпьем первый любовный бокал в Новый год, / За пионы, за розы... за встречи!» [8] («1 января 1913 года» Вс. Князева) и «Входит в двери белокурый, / Сумасшедший Новый год!» [12, с. 293] («Форель разбивает лед» М. Кузмина)), заставляет время повернуться вспять, разрушая его физические свойства: «И с тобой, ко мне не пришедшим, / Сорок первый встречаю год» [1,

с. 171], а также в «Части первой» появляется строка, обращенная к «теням»: «Откроем собранье / В новогодний торжественный день», что явно не соотносится с началом вышеуказанной части произведения.

Для того чтобы сократить временную дистанцию (интервал составляет 27 лет), А.Ахматова прибегает к метафоричным переносам («В хрустале утонуло пламя» [1, с. 171] (1940 год) и «Город в свой уходил туман, / И выглядывал вновь из мрака / Старый питерщик и гуляка!» [1, с. 185–186] (1913 год)), потому что в темноте граница между двумя временными точками, сокращаясь, становится невидимой. Однако световая символика появляется после «теней из тринадцатого года» [1, с. 171], которая сопровождается движением и трансформацией пространства («А для них распахнулись стены, / Вспыхнул свет, завывали сирены» [1, с. 72]), позволяя заполнить огромное пространство «белого зеркального зала» [1, с. 171]. Именно световая символика («факелы гаснут» [1, с. 177] — во второй ремарке «Главы первой») способствует перемещениям «автора» [1, с. 177], а также становится возможным присутствие «Коломбины десятых годов» [1, с. 183] до тех пор, пока «пустая рама до света / На стене тебя будет ждать» [1, с. 182].

В «Части второй» о событиях «девятьсот тринадцатого года», ставших уже объектом истории [7, с. 6], только упоминается в ремарке: «Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчалиницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок» [1, с. 190]. В «Части второй», в которой рассказывается о создании поэмы, темпоральная составляющая — это прошедшее время, А.А.Ахматова, в отличие от «Части первой», не «спускается» в прошлое, а находится в настоящем, повествуя о том, как создавалась поэма. Время эпоса «Части третьей» — настоящее, лирическая героиня видит это как бы в данный момент («И сжимая уста, Россия / предо мною шла на восток» [1, с. 202]). Это достигается благодаря выбранной «точке зрения» (временной), потому что именно лирической героине («первичный субъект речи» [9, с. 262]) А.А.Ахматовой отводится роль повествователя (нарратора), не давая другим персонажам рассказывать о событиях и оставляя одну единственную «точку зрения» [22] — поэтому закономерны появление ремарок, знакомящих читателя с местом действия, топосов в основном тексте и передача высказываний других персонажей. Этим обусловлен различный повествовательный темп в трех частях «Поэмы без героя» А.А.Ахматовой: в «Части первой» время замедляется (множество описаний, рассказов, деталей, а речь лирической героини — монологична, все становится «предметом» ее «самосознания» [2, с. 55]), в «Части второй» — ускоряется на время благодаря вводу диалога, состоявшегося между автором поэмы и редактором, однако доминирующее положение

занимает речь лирической героини (описание основного конфликта из «Части первой», философские рассуждения, пространственно-временные и литературные отсылки), которая сознательно разрушает привычную временную иерархию, что также наблюдается в «Части третьей», когда «сокращается пространственная дистанция» («Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, производит» [1, с. 199]).

Эффект замедленного времени достигается при помощи повторов одних и тех же элементов или конструкций в разных компонентах структуры и композиции («бесноватый» [1, с. 185], «сирень» [1, с. 185] в «Главе третьей» и «бесноватой», «сирени» [1, с. 196] в «Решке»; «могил» [1, с. 185, 201] в «Главе второй» и «Части третьей»; «И вино, как отравы, жжет» [1, с. 171] в «Главе первой» и «Как отравленное вино» [1, с. 202] в «Части третьей», «рокового хора» [1, с. 182] в «Главе второй» и «безмолвным хором» [1, с. 198] в «Решке»), то есть это повторяющиеся описания («интератив» [26, с. 397]), не влияющие на сюжет, однако их интенсивность, количество, а также повторы синтаксических параллелизмов («Что одна я из них жива?» [1, с. 173] в «Главе первой» и «Что во всем виновата я?»; «Разве я других виноватей?» [1, с. 194, 195] в «Решке»; «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет» [1, с. 174] в «Главе первой» и «Только зеркало зеркалу снится, / Тишина тишину сторожит» [1, с. 193] в «Решке») уже являют собой сюжет, оттеняя гибель «мальчика» («двадцать лет» (о влюбленном юноше) [1, с. 191] и «двадцать лет» (о славе) [1, с. 197]) и отводя самоубийство на второй план.

Событие — самоубийство «глупого мальчика» [1, с. 188] — является центральным, сюжетообразующим элементом для хронотопа первой части, однако по отношению к историческому времени — это повтор, к которому спустя 27 лет прибегает А. Ахматова в качестве символа той эпохи.

Особого внимания с темпоральной точки зрения заслуживают посвящения как элементы рамочного текста. В первом «Посвящении» (это некролог) нет никакого указания на виды времени, только даются грамматические формы (прошедшее и настоящее). Во «Втором посвящении» время — настоящее, однако с указанием на будущее («завтра» [1, с. 168]), что и подводит к трагедии, о которой рассказывается в «Части первой». Посвящение не только адресовано Глебовой-Судейкиной, но и рассказывает о жизни автора, поэтому наблюдается смешение форм грамматического и художественного времени: с одной стороны, обращение к Глебовой-Судейкиной (настоящее время), а с другой — героиня указывает на прошлое, которое «просыпается». Этого эффекта удастся добиться при помощи односоставного предложения («Сплю» [1, с. 168]), которое дважды повторяется и выступает в роли

междометия, привлекающего внимание). К схожему приему А. А. Ахматова обращается в «Главе первой», используя союз «но» и строки из своего стихотворения («И вино, как отравы, жжет» [1, с. 171]), чтобы соединить два временных периода (Вспомним А. С. Пушкина и «Медного всадника» [24], когда с помощью противительной конструкции «а нынче», соединяется прошлое и настоящее (линейность), в «Поэме без героя» настоящее уходит в прошлое («вывихнутое время» [3]). При этом во «Втором посвящении» использована форма грамматического будущего — «отдам», что явно вступает в противоречие с другими элементами текста. Адресат «Второго посвящения» — О. Глебова-Судейкина, умершая 19 января 1945 года, — остается для лирической героини еще живой 25 мая 1945 года, потому что она одна из участников любовного конфликта, приведшего к самоубийству юного поэта в 1913 году. «Глава вторая», в ремарке которой (использованы формы настоящего времени) говорится об интерьере «спальни героини» [1, с. 180] предстает единым целым с точки зрения особенностей художественного времени.

В «Третьем и последнем» посвящении присутствуют формы двух грамматических времен — прошедшего и будущего. Удивительно, но в лирике обычно время повествования — настоящее или прошедшее, А. А. Ахматова же добавляет на временной шкале еще один вектор — возможного будущего. Примечательно также, что только в ремарке «Главы первой» использовано прошедшее время, хотя во всех других ремарках «Части первой» использованы в основном грамматические формы настоящего, позволяющее проявиться, стать зримыми событиям далекого 1913 года.

В «Поэме без героя» огромное количество различных форм художественного времени, среди которых можно выделить следующие типы:

1) субъективное восприятие времени: «А часы все еще не бьют» [1, с. 172], «Вон он, бой крепостных часов» [1, с. 184], «Завтра утро меня разбудит» [1, с. 173], «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет» [1, с. 174] (вспомнить повторы у белого!);

2) метафоричное время: «Крик петушиный нам только снится» [1, с. 176], «Ночь бездонна и длится, длится» [1, с. 176], «шутки ль месяца молодого», «сроки» [1, с. 175], «праздник мертвой листвы» [1, с. 174], «неоплаканный час» [1, с. 176], «одна минута покоя» [1, с. 177], «безумья срок» [1, с. 178], «подходит расплата» [1, с. 180], «Ведь сегодня такая ночь, / Когда нужно платить по счету» [1, с. 183], «с улыбкой жертвы вечерней» [1, с. 184], «бой крепостных часов» [1, с. 184], «в зеркале страшной ночи» [1, с. 186], «На него беспощадно наводит / Тусклый луч угловой фонарь» [1, с. 187], «Злую полночь твою награжу» [1, с. 197], «Белых ноченек хоровод» [1, с. 201];

3) временные метаморфозы: «Что смутится Двадцатый Век» [1, с. 169] (5 января 1956) и «Приближался не календарный — Настоящий Двадцатый Век» [1, с. 186] (время эпоса — 1913 год); «Город в свой уходил туман» [1, с. 185], «Он мгновенье последнее тратит» [1, с. 188], «Первых он не стерпел обид» [1, с. 188], «И тогда из грядущего века / Незнакомого человека / Пусть посмотрят дерзко глаза» [1, с. 196];

4) историческое время (одна из форм линейного времени, которое в поэме предстает как сюжетобразующим, так и фоном для определенных исторических событий, которые «вплетаются» А. Ахматовой в ткань произведения): «во время осады» [1, с. 185], «Карнавальная полночь римской / И не пахнет» [1, с. 193], «Пытки, ссылки и казни» [1, с. 193];

5) биологическое, природное (повторяющиеся процессы природы): «осенью», «ночью туманной» [1, с. 169], «месяц молодой» [1, с. 177], «рассвет» [1, с. 181], «иссиня-белый снег» [1, с. 181], «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл» [1, с. 185], «пахла сирень» [1, с. 185], «в духоте морозной» [1, с. 186], «ледяной сад» [1, с. 186], «оснеженный клен» [1, с. 190], «охапка мокрой сирени» [1, с. 196], «вечерняя истома» [1, с. 199], «на закате и на рассвете» [1, с. 199];

6) социальное время (жизнь государств, обществ, цивилизаций): «черно-желтый стяг» [1, с. 181], «античный локон» [1, с. 182], «И царицей Авдотьей заклый» [1, с. 185];

7) фольклорное (мифологическое): «Ты, Иванушка древней сказки» [1, с. 179], «С мертвым сердцем и мертвым взором» [1, с. 182], «По ту сторону ада мы» [1, с. 198];

8) литературное (культурное): «золотого века виденье» [1, с. 183], «над серебряным веком» [1, с. 185], «Достоевский <...> город» [1, с. 185], «Калиостро» [1, с. 192], «Подорожник» [1, с. 194], «Белая стая» [1, с. 194], «Софокл» [1, с. 194], «Шекспир» [1, с. 194], «Эль Греко» [1, с. 195], «Шелли» [1, с. 197], «Пушкин» [1, с. 204], «Георг» [1, с. 197], «Клара Газуль» [1, с. 197], «Обезумевшие Гекубы / И Кассандры из Чухломы» [1, с. 198], «поэма «1913 год»» [1, с. 190] (произведение самой Ахматовой), «Реквием» [1, с. 190];

9) время жизни персонажа: «Третий прожил лишь двадцать лет» [1, с. 191], «А твоей двусмысленной славе, / Двадцать лет лежавшей в канаве» [1, с. 197], «ровно десять лет» [1, с. 200], «С детство ряженных я боялась» [1, с. 174], «На Исакиевской ровно в шесть» [1, с. 177]; «в тот холодный и темный день последней ленинградской зимы» [1, с. 165], «давно» [1, с. 170];

10) физическое (даты, минуты, месяц и т.д.): «в ночь на 27 декабря 1940» [1, с. 165], «в начале января» [1,

с. 165], «из года сорокового» [1, с. 170], «тринадцатый год» [1, с. 171], «ровно в шесть» [1, с. 177], «попадание авиабомбы в 1942 году» [1, с. 187], «5 января 1941 года» [1, с. 190], «24 июня 1942 года» [1, с. 199];

11) бытовое (категории быта человека): «Новогодний вечер» [1, с. 171], «вечер» [1, с. 171], «сорок первый год» [1, с. 171], «сегодня» [1, с. 172, 191], «ужин» [1, с. 173], «завтра» [1, с. 173], «ночь» [1, с. 187], «за полночь» [1, с. 187], «Новогодний торжественный день!» [1, с. 175];

12) онерийское: «сплю», «снится молодость» [1, с. 168], «он будет упрямо сниться» [1, с. 181], «или все это было сном?» [1, с. 182], «дурманящая дремота» [1, с. 183], «А во сне все казалось...» [1, с. 192], «А ведь сон — это тоже вещица» [1, с. 192], «Только зеркало зеркалу снится, / Тишина тишину сторожит» [1, с. 193], «Вижу, что ни ночь, во сне» [1, с. 193], «Из заветного сна Эль Греко» [1, с. 195];

13) пространство, обладающее временной семантикой: Ташкент [1, с. 202];

14) время, соотносимое с вечностью, замершее: «на память» [1, с. 168]; «А часы все еще не бьют» [1, с. 171], «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет» [1, с. 174], «Как вне времени были вы» [1, с. 182], «грозный хаос давних дней» [1, с. 183], «навек забыть» [1, с. 187], «они столетиям достались» [1, с. 191], «проходят десятилетия» [1, с. 193], «На пороге стоит — Судьба» [1, с. 194], «посланец давнего века» [1, с. 195], «Пусть теперь остановится время / На тобою данных часах» [1, с. 200], «Над безмолвьем братских могил» [1, с. 201];

15) эсхатологическое: «Крещенский вечер» [1, с. 169], «венчальные свечи» [1, с. 183], «святые» [1, с. 184], «были святки» [1, с. 185], «удары колокольного звона» [1, с. 187], «свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок» [1, с. 190], «сам изящный сатана» [1, с. 192], «Напев Херувимской / У закрытых церковей дрожит» [1, с. 193], «Диадема с мертвого лба» [1, с. 194], «гроб несут», «Как была я ему запретней / Всех семи смертельных грехов», «И был долгов путь погребальный» [1, с. 202].

В заключение нужно отметить, что «Поэма без героя» А. А. Ахматовой характеризуется различными формами времени, что позволило выстроить их классификацию. Особого внимания заслуживает использованный Ахматовой прием: в «Части первой» практически нет слов, указывающих на определенные формы времени, но при этом, используя слова «вечер», «сорок первый год» [1, с. 171], «сегодня» [1, с. 172], «завтра» [1, с. 173], выстраивает временную градацию в той части произведения, которая максимально приближена к драме (например, «Глава вторая»), ограниченной «во временных» возможностях. В «Послесловии», которое как бы обрамляет вместе с пре-

дисловием «Часть первую» (любовный сюжет) и в котором говорится о «рожденной» поэме, отсутствуют какие-либо указания на время (исключая настоящее грамматическое), однако этот фрагмент произведения, благодаря некой градации в последних двух строках («Клокотание, стон и клекот — / И виденье скрещенных рук?» [1, с. 189]), имеет свою временную организацию, характерную для эпических жанров. К похожему приему — градация — А. А. Ахматова прибегает в «Части третьей» («Эпilogue»), ускоряя время: «Ты, крамольный, опальный, милы, / Побледнел, помертвел, затиш» [1, с. 201]. В «Решке» трансформации времени (онейрическое и литературное — основные виды) становятся возможными благодаря состоянию сна, в котором пребывает лирической героини.

Различные формы времени, не представляющие однозначными, проявляют семантику других темпоральных форм: например, в строках «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл» [1, с. 185] на уровне средств выразительности (лексический повтор, эпитет и парафраза) создается *гиперпространство* времени, которое усиливается отсылками к другому временно-му стратуму — прошлому («Достоевскому» и «царице Авдотье» [1, с. 185]) и конкретному месту — Петербургу [11]. Время в «Поэме без героя» можно определить как «прошлое в прошлом» или «прошлое о прошлом», что и указано А. А. Ахматовой («Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет / — Страшный праздник мертвой листвы» [1, с. 174]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 3.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 55.
3. Выготский Л. С. Легкое дыхание // Психология искусства. М., 1987. С. 140–156.
4. Кихней Л. Г.: «Родословная» «Поэмы без героя» Анны Ахматовой: к мотивации интертекстов // Некалендарный XX век. М., 2011. С. 290–314.
5. Кихней Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997. — 145 с.
6. Клинг О. А. Борис Пастернак и символизм // Вопросы литературы. М., 2002, № 2.
7. Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010. — 356 с.
8. Князев Вс. «1 января 1913 года» // <http://slova.org.ru/knjazev/pervoejanvarja>
9. Корман Б. О. Принципы анализа художественных произведений и построение единой системы литературоведческих понятий // Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 262.
10. Кормилов С. И. Поэтическое творчество Анны Ахматовой. М., 1998. — 127 с.
11. Кормилов С. И. Города в поэзии Ахматовой // Stefanos: Сб. научн. работ памяти А. Г. Соколова. М., 2008. С. 131–165.
12. Кузмин М. «Форель разбивает лед» // Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., комментарии А. Лаврова, Р. Тименчика. Л., 1990. С. 293.
13. Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи (семантические этюды) // Эстетика слова и языка писателя: Избр. статьи. Л., 1974. С. 84.
14. Лиснянская И. Тайна музыки «Поэмы без героя» // Дружба народов. 1991. № 7. С. 235–251.
15. Лихачев Д. Художественное время словесного произведения // Он же. Избранные работы: В 3-х т. Ленинград, 1987. Т. 1. С. 490.
16. Лотман Ю. М. Проблемы художественного пространства в прозе Гоголя. // Избранные статьи: В 3-х томах. Таллинн, 1992–1993. Т. 1. С. 422.
17. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 273–278.
18. Мусатов В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. От Анненского до Пастернака. М., 1992.
19. Табориская Е. М. Театр исторических теней А. А. Ахматовой // Печать и слово Санкт-Петербурга: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2009. С. 124–138.
20. Тименчик Р. Д. Чужое слово у Ахматовой // Русская речь. 1989. № 3.
21. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
22. Успенский Б. А. Поэтика композиции. С.-Петербург, 2000.
23. Хомяков С. А. «Пространство в пространстве» в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 157–160.
24. Хомяков С. А. Петербург — Петроград — Ленинград (Заметки о художественном городе А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, А. Ахматовой) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 6.
25. Хомяков С. А. Пространство и время в художественном произведении (заметки о хронотопе «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Филология». 2010. № 3.
26. Чернец Л. В. О темпах повествования в эпических произведениях // Труды и дни. Памяти В. Е. Хализева: сборник / по ред. О. А. Клинга и др. М., 2017.
27. Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 58.

© Хомяков Сергей Александрович (khomjakov.sergey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРЕМ В СОСТАВЕ МОРФЕМ (НА ПРИМЕРЕ МОРФЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛОКАЛИЗАЦИИ)

TRANSLATION OF CULTUREME IN THE MORPHEME (ON THE EXAMPLE OF MORPHEME WITH THE MEANING OF LOCALIZATION)

Hu Yeshuang

Summary. The morpheme of the Chinese language differs from the morpheme of alphabetic languages, since it mainly consists of one syllable and corresponds to the shape of a hieroglyph. For translation, this is particularly important: on the one hand, it can be a hint of meaning for translators, on the other — an incentive to the literal translation, which sometimes leads to a loss of meaning. To show the function of the morpheme in the cultural translation, we chose, based on the characteristics of the Chinese language, for the analysis of the morpheme with the meaning of localization. In this article we try to open rules of differentiation of morphemes and words with meaning of localization, we analyze three types of cultural meanings which need to be transferred in cultural translation; using translation facts to show one of the reasons of wrong translation — non-identification of morphemes and words. Based on the evidence provided, we emphasize the role of morpheme in cultural translation from Chinese into foreign languages as a unit of cultural translation.

Keywords: cultural translation, cultural meaning, the morpheme with the meaning of localization, a unit of cultural translation.

Hu Yeshuang

*Шанхайский университет иностранных языков,
Институт России, Восточной Европы и Центральной
Азии; г. Шанхай (КНР)
417970608@qq.com*

Аннотация. Морфема китайского языка отличается от морфемы буквенных языков, так как она в основном состоит из одного слога и соответствует по форме иероглифу. Для перевода это имеет особо важное значение: с одной стороны, это может быть подсказкой смысла для переводчиков, с другой — побуждением к дословному переводу, что иногда ведет к утрате смысла. Чтобы показать функцию морфемы в культурном переводе, мы выбрали, исходя из особенностей китайского языка, для анализа морфемы со значением локализации. В данной статье мы пытаемся раскрыть правила разграничения морфем и слов со значением локализации, анализируем три вида культурного значения, которые необходимо передать в культурном переводе; используя переводческие факты, показываем одну из причин неправильного перевода — неразличение морфем и слов. Основываясь на приведенных доказательствах, подчеркиваем роль морфемы в культурном переводе с китайского на иностранные языки как единицы культурного перевода.

Ключевые слова: культурный перевод, культурное значение, морфема со значением локализации, единица культурного перевода.

Локализация в мышлении людей никогда не была чисто пространственной характеристикой, она всегда была связана с мышлением, религиозными воззрениями, традициями и обычаями, повседневной жизнью. Китайский язык имеет свою уникальную особенность, гуманитарный характер которой, проявляется в изоморфизме его структуры и культуры, поэтому словообразование часто отражает традиции обозначения локализации. Поясним сказанное на примере морфемы «восток». В составе слова «поле» есть морфема «восток», обозначающая сельскохозяйственные работы, в составе слова «зять» наблюдается морфема «восток», обозначающая мужчину, в состав слова хозяин входит морфема «восток» со значением «владелец» и т.д. Они демонстрируют ассоциативные связи языка с культурой общества.

Как сказал Casagrande в 1954 году, «Перевод является переводом не языка, а культуры» (Цит. по:[13, с. 6]). Передать культуру исходного языка языком перевода, достичь цели культурного общения — сложная задача,

потому что, по сравнению с языком, культуру освоить значительно сложнее. Однако по мнению Катфорда, перевод является операцией с языком — процессом замены текста на одном языке текстом на языке перевода (Цит. по:[10, с. 1]). Поскольку перевод является операцией, то, что включает эта операция? Бархударов писал: «Самая важная задача для переводчика — найти наименьшие единицы в исходном языке, или так называемые единицы перевода» [1, с. 174]. В таком случае что же является такой наименьшей культурно-информативной единицей в переводе? Как отметил Ян Шичжан, такой наименьшей единицей, способной нести культурную информацию, является слово [14, с. 76].

В отличие от других индоевропейских языков, как свою графическую систему китайский язык использует иероглифы со значениями. В случаях перевода с китайского на другие языки, иероглифы часто подсознательно используются как единицы перевода. Когда мы говорим о способе перевода слово в слово или дословного перевода, нам представляется, что это неправильно. Эта

операция переводится как поиероглифный перевод. На самом деле, поиероглифный перевод является по-морфемным переводом, потому что не все иероглифы имеют самостоятельные значения. При этом будет ошибочным рассматривать морфемы как слова, поскольку это приведет к неточности перевода. Например, слово 东边 содержит два иероглифа: первый «восток», второй «сторона»; если переводчик берет один из этих иероглифов со значением «восток», упускается значение «сторона», в таком случае утрачивается смысл фразы. *Он находится на востоке* — в китайском переводится дословно как *он находится на восточной стороне*. А если упущена вторая морфема, то получится *он находится на восточной*. Другая ошибка в переводе может быть связана с традиционными значениями слова. Например, значения уважения, преклонения. Дворец принца по-китайски — «восточный дворец 东宫». Если упущена культурема, то дословный перевод даст «дворец, находящийся на востоке».

Следует обратить внимание на то, что, когда говорим о единицах культурного перевода, то, кроме поиска их соответствий в переводном языке, мы должны учитывать направление перевода. Если это перевод с китайского языка на другие языки, то значимыми являются особенности именно китайского языка. В данной работе мы пытаемся решить проблему перевода морфем со значением локализации и обсудить вопрос принятия морфемы как единицы культурного перевода. Выбираем морфемы со значением локализации по двум причинам: во-первых, эти морфемы богаты культурными значениями и отражены во многих литературных примерах; во-вторых, они по форме совпадают с иероглифами, что упрощает их анализ.

В китайском языке интернациональный термин «морфема» переводится словом 语素 Юйсу. Как считает Люй Шусян, «Минимальная грамматическая единица — это морфема. Ее можно определить как наименьшее единство формы и содержания». Морфемы Юйсу делятся на две группы: имеющие достаточное значение и недостаточное значение [11, с.15].

По вопросу выделения морфемы с локальным значением и слова с локальным значением было много споров: одни считают такие слова лексическими единицами со значением локализации [15, с. 59], другие называют морфемами с локальным значением [16, с.277–278]. Между тем, морфемы в индоевропейских языках выделяются в составе слов, в китайском же языке они могут находиться как в составе слова, так и в составе словосочетания. И тогда возникает вопрос: являются ли они морфемами в последнем случае? Ученые сходятся во мнении, что не являются, поскольку в такой ситуации они функционируют как слова.

Жэнь Сюаньчжи выдвинул два принципа для разграничения слова и морфемы с локальным значением: 1) слова с локальным значением являются существительными, в обычной структуре имеют свободные формы, обычно могут заменяться словами с подобными локальными значениями. А если это морфемы, то в структуре они прикреплены друг к другу и не взаимозаменяемы. Поэтому если слово можно заменить другим словом, то это лексическая единица, а если нет, то это морфема. 2) Лексемы с локальным значением сочетаются с единицами со значением стороны или части света. Если же такие единицы добавить невозможно, то это морфемы. Проиллюстрируем сказанное примерами: в китайском языке можно сказать «на столе, под столом, на верхней стороне стола». Это значит, что данные единицы являются словами, а не морфемами [12, с.86]. Но слова «восток», «север», «юг», «запад» имеют не только локальные значения, а еще и ассоциативные. Например, «весенний ветер» — восточный ветер (весна — это пробуждение жизни). Мы часто желаем пожилым долголетия, используя выражение «Живите, как южная гора» (мифическая гора, обозначающая долголетие). Эти единицы непроницаемы, а значит, они являются морфемами.

В китайском языке граница между словами и словосочетаниями очень нечеткая. Выше мы описали, как разграничить слова и морфемы с локальными значениями, а сейчас мы обратимся к практике разграничения слов и словосочетаний.

Различие между типичными сложносоставными словами и словосочетаниями сравнительно четкое. Как считает Цао Вей, с точки зрения семантической слитности, значение слова представлено как организованное единство, а значение словосочетания рыхлое, потому что оно является суммой значений компонентов [9, с.48–49]. С точки зрения структуры, структура слова непроницаема, а структура словосочетания, в силу его рыхлости, проницаема. Поэтому в рассмотренных выше примерах при наличии локальных элементов с ассоциативным значением и непроницаемой структурой анализируемые единицы являются словами, а не словосочетаниями. В других случаях, когда структура является проницаемой, но общее значение не равно сумме значений элементов, анализируемые единицы являются также словами, но сложносоставными. В китайском языке они носят название «раздельно-слитные слова 离合词». Например, значение первой единицы в слове 做东 ZUODONG — «стать/быть», второй единицы — «восток» в значении «хозяин». Общее значение данного слова — «угощать», закрепленное культурной традицией китайского языка.

Учитывая вышесказанное, в данной статье рассматриваются сложносоставные слова с элементами, имеющими ассоциативные значения, и общий смысл которых

не равен сумме этих значений, а закреплён культурной традицией.

Как доказано, язык имеет национальность. Это проявляется не только в грамматике, фонетике, но и в семантике. Разные народы живут в разных географических условиях, обществах, имеют разную историю, и эти различия обуславливают отличия в мировосприятии, а соответственно, создают свою особую языковую картину мира, в которой языковой элемент при сходной форме имеет свои особые ассоциативные значения, закрепляющие и отражающие культурные традиции. Например, «западный ветер» в восприятии китайцев ассоциируется с суровым, холодным, неприятным ветром, поскольку в Китае именно западный ветер характеризуется такими чертами. А английский поэт Шелли воспевал этот западный ветер в своей «Оде к западному ветру». Это свидетельствует о том, что для англичан этот западный ветер — согревающий, тёплый, ласковый.

Согласно Е.И. Воробьевой, в семантической структуре номинативных единиц языка присутствует экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. Эта часть значения слова, восходящая к истории, географии, традициям, фольклору — иначе говоря, к культуре страны, — называется национально-культурным компонентом [4, 1990]. Поэтому определение культурного значения начинается с выявления особенностей мировосприятия народов-носителей языка. Этими различиями обуславливаются полные или частичные несовпадения значений единиц. Если понятие, обозначаемое лексической единицей, существует в одном языке и отсутствует в другом, то можно говорить о национальной специфике языка, например, 西王母 Си-ван-му (богиня в китайской мифологии. Первый иероглиф этого слова обозначает запад, но ассоциативное значение его — женщина).

Второй вид культурного значения — ассоциативные лакуны. Как отмечает В.С. Виноградов, «Ассоциативные реалии не нашли своего отражения в специальных словах, в безэквивалентной лексике, а «закрепились» в словах самых обычных» [2, с. 36]. Дальше он приводит примеры слов «солнце», «луна», «море», которые имеют разные ассоциативные значения в произведениях разных языков.

Надо отметить, что ассоциативные лакуны отличаются от случайных лакун. «Мы имеем в виду те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [1, с. 95]. Например, слово «сутки»

не имеет соответствующего эквивалента в китайском языке, но это не значит, что у китайцев нет такого понятия. Эти феномены мы не рассматриваем как культурные значения, потому что это лишь разные традиции выражения.

Вышеназванные два вида ассоциаций являются культурными элементами в словах. Третий вид регламентируется правилами использования единиц в речи. Например, китайцы в речи заменяют слово «четыре», которое по произношению сходно со словом «умирать», другой единицей «Ши».

На самом деле многие советские теоретики переводоведения затрагивали вопрос перевода морфем. Но эта дискуссия была основана на материале русского языка. В русском языке морфема может быть длинной или короткой, состоять из одного слога или нескольких слогов. А в китайском языке каждая морфема состоит из одного слога и облекается в форму иероглифа [11, с.16] Это имеет очень важное значение для перевода. Если не различать морфемы и слова локального значения, то культурный компонент может быть утрачен при переводе. Например,

(1) 密书十六字曰：»欲破曹公，宜用火攻；万事具备，只欠东风。» (罗贯中《三国演义》)

译文：На бумаге было написано всего шестнадцать слов: «Чтобы разбить Цао Цао, нужно при нападении применить огонь. Все уже готово, не хватает лишь **восточного ветра**» (перевод В.А. Панасюка, И.В. Миримского).

В примере (1) в сочетании «восточный ветер» иероглиф 东 — это слово, буквально означает «ветер с востока». Это всем известное понятие не содержит культурного элемента.

(2) 贾母不时吩咐尤氏等让风丫头坐在上面，你们好生替我待东，难为他一年到头辛苦。(曹雪芹、高鹗《红楼梦》)

译文：Вскоре матушка Цзя позвала госпожу Ю и сказала: — Пусть Фэнцзе сядет на возвышение, а ты ей прислуживай, не ленись! **Обязанности хозяйки возьмишь на себя**, Фэнцзе надо отдохнуть — круглый год она трудится изо всех сил (перевод В.А. Панасюка, И.А. Голубева).

В русском переводе полностью отсутствует сема «восток», которую наблюдаем в слове 待东 и которая привносит ассоциативное значение «хозяйин». Это свидетельствует о том, что переводчик правильно передал ассоциативное значение этой морфемы (хозяйка).

В лингвистике считается, что единицы перевода тесно связаны с понятием эквивалентности, при этом необходимо отметить, что единицы культурного перевода могут быть неэквивалентными. Как считал Ян Шичжан, на первый взгляд эквивалентные единицы перевода могут нести абсолютно неэквивалентную информацию, обусловленную культурой народа, поэтому при переводе не всегда удается их сохранить: часто происходит их замена, даже удаление. Таким образом, текст формально становится неэквивалентным исходному, зато сохраняет большую часть культурной информации, поскольку перевод является средством межкультурного общения, а его цель — обеспечить пути наиболее успешной коммуникации, следовательно, обмена информацией, в том числе и культурной [14, с.75]. Это значит, что переводчик должен стараться сохранить все культуремы исходного текста. Напомним, что под культуремой понимается «межуровневые единицы, форму которых составляет единство знака и языкового значения, а содержание — единство языкового значения и культурного смысла» [3, с.44]. Приведем пример неудачного перевода с утратой культурной информации.

(3) 鸳鸯冷笑道: »老太太在一日, 我一日不离这里; 若是老太太归西去了, 他横竖还有三年的孝呢, 没个娘才死了他先纳小老婆的! (曹雪芹、高鹗《红楼梦》)

译文: — *Сколько проживет старая госпожа, столько я буду ей служить, — с холодной усмешкой ответила Юаньян, — а когда она умрет, старший господин должен будет целых три года соблюдать траур! Не посмеет же он взять наложницу сразу после смерти матери (перевод В. А. Панасюка, И. А. Голубева)!*

В китайской традиции слова с прямым значением смерти табуированы по нескольким причинам: 1) слова, указывающие на смерть, например глагол «умирать», имя «смерть», заменяются в китайской традиции эвфемизмами, например «уйти на запад», «уйти в другой мир»; 2) по традиции буддизма, человек и после смерти продолжает жить, только в другом мире. Этот мир находится на западе (в Индии), откуда пришел буддизм; 3) представители низшего сословия, каковой является служанка, вообще не имели права говорить о смерти господ. А переводчик выбрал простой лексический экви-

валент, не обратив внимания на такую важную культурную деталь.

Поскольку межкультурное общение является диалогом, а в диалоге общий коммуникативный фон тоже важен, то можно было бы сохранить культурную информацию, обратившись к фразеологическим сочетаниям-эвфемизмам «прийти к закату жизни» или «отойти в мир иной», характерным и для славянской традиции.

Как считал Бархударов, «Необходимо иметь в виду, что, говоря о единице перевода, мы имеем в виду единицы исходного языка» [1, с. 180]. Поэтому установление единиц перевода должно базироваться на учете особенностей исходного языка. По мнению китайского лингвиста Люй Шусяна, если говорим о грамматике западных языков, то слово и предложение действительно являются важнейшими элементами, а морфемы, словосочетания и однословные предложения становятся второстепенными. А если речь идет о китайской грамматике, то по историческим причинам морфемы и словосочетания не уступают по важности словам, а однокомпонентные предложения являются настолько же важными, как и полные предложения [11, с. 14].

Несомненно, слово как минимальная самостоятельная единица в переводческой практике имеет больше преимуществ. По замечанию В. М. Солнцева, в китайском языке значение прилагает к каждому слогу (каждый слог наделен значением), это формирует определенное языковое сознание: китайцы всегда пытаются выявить значение каждого слога, а русскоговорящие не имеют такого навыка (Цит. по:[10, с.36]).

Таким образом, учитывая то, что в китайском языке почти все морфы равны слогу, определить морфемы как единицы культурного перевода очень важно; хотя при переводе далеко не все культурные значения, заложенные в морфемах, должны эксплицироваться, это не помешает нам рассматривать морфемы, содержащие культуремы, как единицы культурного перевода. Как сказано выше, если переводчик не различает морфемы и слова, то очень часто наблюдаются такие ошибки, как «дословный перевод», поэтому единица культурного перевода не является постоянной единицей — она меняется в зависимости от задач перевода и необходимости передать ту или иную культурную информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. М.: Международные отношения, 1975. 240с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. М.: Российский университет дружбы народов, 1997. 331с.

4. Воробьева Е. И. Содержание и структура понятия «лингвострановедческая компетенция учителя иностранного языка» [Электрон.ресурс] / Е. И. Воробьева. — 1990. — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/4224891/>
5. Ло Гуань-чжун. Троецарствие / Пер. с кит. В. А. Панасюка, И. В. Миримского. М.: ГИХЛ, 1954. 839с.
6. Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме (в 3-томах) / Пер. с кит. В. А. Панасюка, И. А. Голубева. М.: Художественная литература, Ладомир, 1995. 1496с.
7. Чэн-энь У. Путешествие на запад: Том 1 / Пер. с кит. И. А. Голубева. Рига: Полярис, 1994. 1957с.
8. J.C. 卡特福德. 翻译的语言学理论 / J.C. 卡特福德. 穆雷译. 北京: 旅游教育出版社, 1991.
9. 曹炜. 现代汉语词义学 / 曹炜. 上海: 学林出版社, 2001.
10. 林春泽. 俄语语素研究 / 林春泽. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2007.
11. 吕叔湘. 汉语语法分析问题 / 吕叔湘. 北京: 商务印书馆, 1979.
12. 任宣知. 方位词组与含有方位语素名词的划界问题[J]. 语言教学与研究, 1986 (1) : 85–89页。
13. 孙艺风. 文化翻译的困惑与挑战[J]. 中国翻译, 2016 (3) : 5–14页。
14. 杨仕章. 文化翻译单位研究[J]. 中国俄语教学, 2015 (4) : 74–78页。
15. 张世祿. 先秦汉语方位词的语法功能[J]. 河北大学学报 (哲学社会科学版), 1996 (1) : 59–65页。
16. 赵元任. 汉语口语语法 / 赵元任. 北京: 商务印书馆, 1979.

© Ху Ешун (417970608@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Шанхай, КНР

УДОВОЛЬСТВИЕ И РАДОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЯЗЫКА ЭМОЦИЙ

PLEASURE AND JOY AS UNITS OF EMOTIVE LANGUAGE

L. Chalova

Summary. Linguistics investigates language mechanisms denoting emotions. Their differentiation is observed through their nature or through the development of the outer expression. Positive emotional state appears on the basis of satisfaction from favorite activity, from the joy when the desirable aim is reached. People's emotions are represented in the fiction much more colorful. Linguistic observation and stylistic analysis of O. Henry stories from the cycle «The Gentle Grafter» (1908) demonstrates the high degree of emotiveness both the personages and the narration itself. Priority belongs to the positive emotions — pleasure and joy — regardless the diversity of examples implying the fundamental ones.

Keywords: positive emotional state, text stylistics, O. Henry stories, figures of speech, comicalness.

Чалова Лариса Владимировна

К.псх.н., доцент, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М. В. Ломоносова»
laro4@yandex.ru

Аннотация. Лингвистика исследует языковые механизмы обозначения эмоций. Различия эмоций рассматриваются через их природу, в развитии их внешнего выражения. Положительное эмоциональное состояние появляется от удовлетворения любимым занятием, от радости достижения желанной цели. Отображение эмоций человека колоритнее всего представлены в художественной литературе. Лингвистическое наблюдение и стилистический анализ рассказов О. Генри из цикла «The Gentle Grafter» («Благородный жулик», 1908) показали высокую степень эмотивности и героев, и собственно повествования. При многообразии примеров, отображающих фундаментальные эмоции, первенство закреплено за позитивными — «удовольствие» и «радость».

Ключевые слова: положительное эмоциональное состояние, стилистика текста, рассказы О. Генри, фигуры речи, комизм.

Опыт человечества в познании мира, эмоций его наполняющих, закреплён в вокабуляре. Значит, существуют определённые эмоциональные слова в этом вокабуляре, которые отображают известные эмоции. Эмоция (фр. *émotion* от лат. *emovere* «возбуждать, волновать») — одна из форм отображения мира, которая обозначает душевные переживания и/или волнения. Психологическая наука нацелена на исследование эмоций в деятельности человека. Лингвистика исследует языковые механизмы обозначения эмоций. Они только тогда приобретают значение для лингвиста, когда выражены собственно языковыми средствами. Здесь можно говорить о языке описания эмоций и о языке выражения эмоций. «На определенном этапе стало необходимо как-то разграничить лексику, в разной степени эмоционально заряженную, с целью исследования различной природы выражения эмоциональных смыслов. Появилось терминологическое разграничение: «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика». Выделение двух типов эмотивной лексики учитывает различную функциональную природу этих слов: лексика эмоций сориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции). Таким образом, лексика эмоций включает слова, предметно-логическое значение которых составляет понятия об эмоциях.

К эмоциональной лексике относят эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон» [1, с. 283]. Следует, однако, согласиться, что лексика того и другого множества участвует в отображении эмоций человека. Она соотносится с миром эмоций и отображает его.

Различия эмоций формулируются в дифференциации их природы и качеств, в развитии урегулирования их внешнего выражения. Так, можно говорить об эмоциях, перечень которых отражает опыт осмысления человеческой деятельности. Вслед за К.Э Изард рассмотрим отличительные черты «фундаментальных» [2, с. 69] эмоций, определяющие все остальные. *Радость* — положительное эмоциональное состояние, связанное с переживанием результата удовлетворения некоторой личной потребности в широком смысле. Характерная ситуация, приводящая к радости — достижение желанной цели. *Гнев* — отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое неожиданным возникновением препятствия на пути удовлетворения важных для субъекта потребностей; нередко протекает в форме аффекта. *Удовольствие* — положительное эмоциональное состояние, появляющееся от удовлетворения любимым занятием, от приятных ощущений и переживаний, от радости развлечений и забав. *Презрение* — отрицательное эмоциональное состояние, порождаемое несогласованием жизненных позиций субъекта и объекта; проявляется в межличностных отношениях, где пред-

ставляются субъекту как низменные, не соответствующие нравственным нормам и эстетическим критериям. *Страх* — отрицательное эмоциональное состояние, возникающее при получении информации об угрозе жизни, об опасности. Располагая лишь вероятным, часто преувеличенным, прогнозом возможного неблагоприятного действия субъекта блокируют важнейшие его потребности. *Гордость* — удовлетворение от достигнутых успехов, от сознания важности, значительности деятельности — с одной стороны; с другой — преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежительное отношение к другим, ощущение своего превосходства в чем-либо. Эмоциональное состояние, указывающее на полярные внутренние противоречия субъекта от собственного достоинства и самоуважения до противопоставления себя Богу и миру, корень всякого греха.

Отображение эмоций человека колоритнее всего представлены в художественной литературе, где используются различные обозначения фундаментальных универсальных эмоций. Проза О. Генри является богатным материалом для изысканий в названной области. О. Генри — известный американский прозаик, признанный мастер короткого рассказа. Его произведения узнаваемы среди других, они характеризуются неподражаемым индивидуальным стилем, тонким искрометным юмором, неременным вниманием к деталям, обязательным описанием различных эмоций своих многочисленных персонажей.

Для настоящего исследования выбраны 6 рассказов цикла «The Gentle Gifter» («Благородный жулик», 1908). Цель — выявить контексты, описывающие эмоции и языковые средства, их выражающие. При помощи лингвистического наблюдения и стилистического анализа контекстов обнаружено большое количество примеров, указывающих на высокую степень эмотивности и героев, и собственно повествования. Вместе с тем, интересным оказался тот факт, что в корпусе эмотивных контекстов при многообразии примеров, отображающих практически все фундаментальные эмоции, первенство закреплено за позитивными — «удовольствие» и «радость».

Повествование в названных рассказах ведётся от имени одного из главных персонажей по имени Джеффри Питерс. Этот «благородный жулик» весьма ходовая фигура в американском фольклоре, его плутовство окружено сочувствием, а изворотливые махинации вызывают восхищение. Все действия Питерса и его партнёра Энди Таккера напоминают ловкую игру, порой напоминающую лицедейство. Причём они получают очевидное удовольствие от этой игры. Автор сохранил и грамматические, и синтаксические особенности говора для дополнительной речевой характеристики своих героев. Так, усечённые формы *'em* использованы

вместо местоимения в объектном падеже *them*; вместо корректных форм сказуемого *are/were/was* для всех лиц подлежащего использован просторечный вариант *ain't*; синтаксическая норма — (1) имя собственное + (2) местоимение в объектном падеже — нарушена: (2) *Me and* (1) *Andy*, она встречается чаще; обнаружены примеры двойного отрицания *ain't illegible*, частица *not* и префикс *il-* отрицательной коннотации; все эти примеры указывают на низкий уровень грамотности говорящего. Вместе с тем, рассказчик, не смущаясь, щедро делится своими эмоциями. Например: *You are a man of learning and education, besides having knowledge and information concerning not only rudiments but facts and attainments (HRW).* — Ты — человек учения и образования, к тому же имеешь знания и информацию, касательно не только основ, но и фактов и достижений (Здесь и далее перевод авторский — Ч.Л.). Так называемые книжные слова — редкое явление в вокабуляре рассказчика. Их использование приятно будоражить его воображение. *Rudiments, facts, attainments* не синонимы в указанной фразе, это семантически разнородные существительные, объединённые одним сказуемым, они создают комический эффект благодаря зевгме. Комплимент, однако, удался; положительное эмоциональное состояние достигнуто.

Положительное эмоциональное состояние часто передаётся директивно. Например: *Andy was pleased to hear that I remember him. He was a good street man; and he was more than that — he respected his profession, and he was satisfied with 300 per cent. profit (JPPM).* — Энди был доволен, что я его помню. Он был добропорядочный уличный бродяга и даже больше — он уважал свою профессию, получая удовольствие от 300% прибыли. Лексемы позитивной коннотации *pleased, respected, satisfied* прямо передают радужное состояние человека. В другом примере удовольствие двойное, от легального бизнеса и от качественного алкоголя: *... legitimate business of selling walking canes. If you unscrewed the head of one and turns it up to your mouth a half pint of good rye whiskey would go trickling down your throat to reward you for your act of intelligence (HRW).* — ... законная продажа прогулочных тростей. Если открутить набалдашник и приложить его к губам, полпинты хорошего пшеничного виски польётся тонкой струйкой вам в горло, и вы получите награду за свою сообразительность. Венцом удовольствия выступает особое поощрение, что увеличивает размеры приятных ощущений.

Описание положительного эмоционального состояния сопряжено с использованием различных фигур речи. Рассмотрим примеры с образным сравнением: *Me and Andy put up at the hotel that was built like something between a roof-garden and a sectional bookcase (OM).* —

Мы разместились в гостинице, конструкция которой напоминала не то сад на крыше, не то сборный книжный шкаф. После долгих скитаний двое друзей готовы были остановиться и отдохнуть в маленьком городке. Сравнение сборной мебели с жилым помещением не гарантирует большого комфорта жилищу, однако удовольствие от покоя в этом пристанище не испортил даже проливной дождь, который начался в день их приезда. Другой пример с использованием квази-тождества: *This Mrs. Avery was a solace and a balm to the eyesight. She had hair the color of the back of a twenty dollar gold certificate, blue eyes and a system of beauty that would make the girl on the cover of a July magazine look like a cook on a Monongahela coal barge (HRW).* — Эта миссис Эвери была утешение и бальзам для взора. Её волосы были такого же цвета, как оборотная сторона двадцатидолларовой золотой облигации, глаза голубые, а система её красоты такая, что девушка на обложке июльского журнала выглядит рядом с ней, как повариха на угольной барже, что плавает по реке Мононгахиле. Любование и нескрываемое обожание женщиной сначала настраивает на романтический лад. В предвкушении приятных переживаний мы наблюдаем и голубые глаза, и золотой цвет волос, пропускаем канцеляризм *system* в качестве атрибута для лексемы *beauty* потому, что немаркированное сравнение *Mrs. Avery was a solace and a balm* заставляет поверить в красоту женщины, сулит приятные переживания. Но опять в роскошную романтическую палитру врывается неромантическое сравнение с облигацией, поварихой на угольной барже. Непременное внимание к мелким деталям, которые замечает О. Генри, есть основа тонкого искрометного юмора, такого необходимого в описании положительных эмоций.

На смену мелким деталям приходят панорамные виды обширных территорий. Например: *It (little town) was in the foothills, and mitigated with trees and flowers and about 2,000 head of cordial and dilatory inhabitants. Nature had not contaminated it with many railroads, fleas or Eastern tourists (CP).* — Этот маленький городок расположен у подножий горы, он украшен деревьями, цветами и примерно двумя тысячами приветливых, сонных жителей. Природа так и не заразила его железными дорогами, блохами и туристами с востока. Удовольствие от созерцания окружающей природы распространяется и на людей, и на окрестности, которые радуют глаз. Однако соединение семантически неравных дополнений — *trees and flowers* (растения) и *inhabitants* (люди); *railroads* (строения), *fleas* (насекомые), *tourists* (люди) — создаёт зевгму, троп неравенства. Комизм ситуации мешает наслаждаться природой. Но читатель не собирается «винить» ни рассказчика, ни автора. Абсурдность описания увеличивается из-за нарушения синтаксических

норм. Не природу, а природа *had not contaminated it* (так и не заразила!) всё вокруг. Использование глагола в Past Perfect tense указывает на совершённое действие, тем самым усиливая «обидный факт». Вновь соединение несоединимых дополнений (дороги, блохи, туристы) подтверждает наличие зевгмы; комичность ситуации множит положительные эмоции.

Удовлетворение от любимого занятия также приносит удовольствие. В следующем примере мы наблюдаем двойное развлечение горе-бизнесменов. *«Great», says Andy. «And now that your conscience is appeased as to the tangibility and proximity of the bait, and leaving mutton aside, suppose we revenoo a noo fish» (ESM).* — «Отлично», — говорит Энди. — «Теперь, когда твоя совесть успокоилась относительно реальности и соблазнительности наживки, не принимая во внимание её немолодой возраст, полагаю, мы можем приступить к рыбалке». Во-первых, Джефф и Энди обожают рыбалку и, коверкая слова от радости, произносят не *revenue* ['rev(ə)nju:] (доход) и *new* ['nju:] (новый), а *revenoo* и *noo* — лексемы, которых нет в английском вокабуляре. Во-вторых, организовав брачную контору, эти двое решили увеличить свой капитал за счёт симпатичной вдовы, которая пожелала вторично выйти замуж. Вводное предложение — *leaving mutton aside* — передаёт иносказательное утверждение о преклонных годах вдовы Троттер, той самой невесты. Буквально «*mutton dressed as lamb*» означает «пожилая женщина, одевающаяся как молодая девушка». Таким образом, метафоричное высказывание об успехе на рыбалке красочно рисует дерзкую забаву двух предпринимателей в деле, лишь отдалённо напоминающем рыбную ловлю. Читатель отчётливо видит, с каким удовольствием Энди потирает руки в ожидании финансового дохода.

Приятные переживания не заставили себя долго ждать: *There you see the simple beauty of the scheme. About 90 per cent. <...> Except that me and Andy complained an amount being put to the trouble of slicing open them envelopes and taking the money out (ESM).* — Полюбуйтесь на простую красоту этой схемы. Примерно 90% прибыли. <...> Правда мы с Энди жаловались на объём работ: открывание конвертов и вытаскивание оттуда денег. Радость передана здесь при помощи иронии, фигуры контраста: предполагаемое удовольствие *beauty of the scheme* (красота схемы) имеет противоположную номинацию *complained* (выражали недовольство).

Заигравшись, эти артистичные лицедеи могли забыть о своей великодушной цели. Но мысль о благотворительности всегда приходит в голову каждому жулику. Решение о возврате части награбленного возникло весьма неожиданно. Привычная логика развития сюжета

нарушается, и мы становимся участниками новой игры, предугадать исход которой трудно. Открытие лучшего в мире бесплатного учебного заведения такими предпринимателями как Таккер и Питерс — вот новый головокружительный поворот их карьеры. Помимо самого необходимого — электрические лампочки, фланельки для вытирания перьев и статуи чугунного пса — нужны профессора. *They (the come-ones = professors) were mostly young, spectacled, and red-headed, with sentiments divided between ambition and food (CP).* — Все они (прибывающие новички — профессора) были, в основном, молодые шатены в очках, их эмоции варьировались между честолюбивыми замыслами и едой. Замечательными видятся здесь критерии отбора педагогического состава: возраст, наличие очков и цвет волос. Обращают на себя внимание эмоции самих новичков, прибывающих пачками: высокое стремление к научным вершинам соседствует с низменной гастрономической склонностью. Излюбленный приём О. Генри безудержный балагур, доведённый до абсурда — соединение в одну синтагму элементов, находящиеся в семантическом конфликте — зевгма. Цель, однако, достигнута: университет открыт, лекции там читают сами «отцы-создатели» Таккер и Питерс. Благородные цели не ограничены единственным, пусть не совсем удачным проектом.

От благотворительности к медицине направил свои помыслы благородный жулик Питерс, изменив своё имя на загадочное «доктор Воф-Ху». Рассмотрим результаты удовлетворения личной потребности в признании и обогащении: *Life began to look rosy again after I got in my hotel room with the water running from the tap, and the Resurrection Bitters lining up on the table by the dozen (JPPM).* — Жизнь вновь представлялась мне в розовом свете, как только я получил комнату в гостинице с горячей водой и бутылки с горькой настойкой «Воскрешение из мёртвых» дюжинами выстраивались в ряд прямо на столе. Узнаваемая и характерная ситуация для любого удачливого жулика — получать прибыль без видимых затрат, здесь из проточ-

ной воды. Комическая гипербола — *water running from the tap* — представляет не бытовые условия комфортной жизни в гостинице, а рядами выстроенные бутылки и нескончаемую прибыль от задуманной аферы.

Положительное эмоциональное состояние, связанное с переживанием за новое начинание, показывает неистощимый запас идей, которыми полны друзья. Например: *This little turn in bug juice is, verily, all to the Skibo (OM).* — Поистине этот крохотный вираж в сторону виски оказался очень хорош. Лингвистическое наблюдение указывает на низкое качество алкогольной продукции (*bug juice*), которое сравнивается с фильмами (*all to the Skibo*), просмотр которых был организован в 1930-е годы; фильмы имели награды Академии Кино. Вновь фигура контраста демонстрирует абсурдность, неясность конкретной оценки. С одной стороны, наблюдается удачное решение, которое привело к достижению желанной финансовой прибыли, с другой — любовь «благородных жуликов» к высокому искусству кино. Комизм ситуации увеличивает радостные выводы предпринимателей.

Другая характерная ситуация, которая вызывает радость, удовлетворение некоторой личной потребности в широком смысле. Например: *So they began <...> to throw down dollars on the bar till it sounded like a selection on the xylophone (OM).* — Затем они стали <...> в спешке бросать доллары на стойку бара, этот звук напоминал специально подобранные мелодии на ксилофоне. Положительный результат любой деятельности приводит к удовлетворению и радости. Звук танцующих долларов незадачливые жулики сравнивают с музыкальным попури в баре Птичьего Города. Желанная цель достигнута.

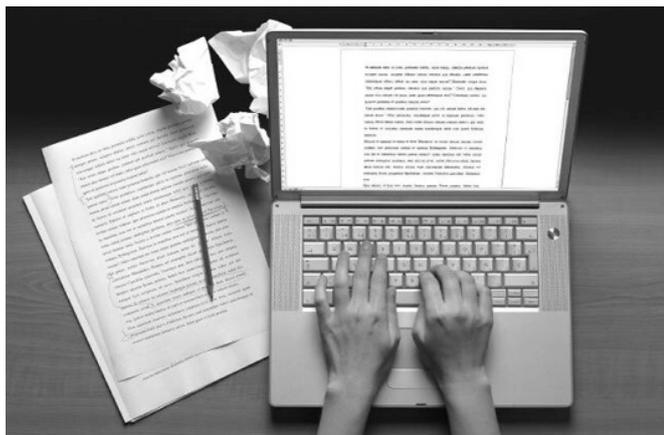
Неожиданная развязка сюжетов рассказов О. Генри весьма популярна. Он, проницательный наблюдатель, раскрывает эмоции своих персонажей, используя насмешку и юмор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чалова Л. В. Лексика эмоций и эмоциональная лексика // Актуальные проблемы науки и гуманитарного образования: Межвузовский сборник научных трудов/под ред. проф. В. В. Рыжова. — Выпуск 17. — М.: Изд-во Русско-американского института, 2011. — С. 279–285.
2. Изард К. Э. Психология эмоций. [Пер. с англ. А. Татлыбаева] — СПб.: Питер, 1999. — 460 с.
3. O. Henry «The Octopus Marooned» (OM), «Jeff Peters as a Personal Magnet» (JPPM), «Modern Rural Sports» (MRS), «The Chair of Philanthromathematics» (CP), «The Hand that Riles the World» (HRW), «The Exact Science of Matrimony» (ESM) [Электронный ресурс]. URL: <https://americanliterature.com/author/o-henry/short-story/> (дата обращения: 15.07.2018 год).

© Чалова Лариса Владимировна (laro4@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Bamatgireeva M. — Candidate of philology, associate Professor, FSBEI HE «Chechen state pedagogical University»
mbamatgireeva@yandex.ru

Belous L. — PhD in Philology, Associate professor, Federal State Budgetary Educational University of Higher Education «North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov»
nosu@nosu.ru

Belova L. — Candidate of Philology, Associate Professor, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
telems74@rambler.ru

Bragina T. — Senior Lecturer, MGIMO University (Moscow, Russia)

Burceva A. — Candidate of pedagogical sciences, Ass. Professor of the Murmansk Arctic State University
alexandraburtseva@yandex.ru

Bystray E. — Doctor of pedagogical sciences, professor, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
bistraieb@cspu.ru

Chalova L. — Candidate of Psychological Sciences, associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
laro4@yandex.ru

Chernova N. — Nizhny Novgorod engineering and economic University, Vorotynets, Russia
NinaChernova090359@yandex.ru

Fedoseeva, Z. — State Budget Institution of Additional Professional Education «Chelyabinsk Institute of Vocational Education Development»
fedoseeva.zinaida@mail.ru

Glotkina A. — Senior teacher, Moscow Aviation Institute (National Research University)
glotkina@gmail.com

Gorushkina A. — Post-graduate student of the Cherepovets State University
anette1993@mail.ru

Goryuschenko D. — Cherepovets State University

Hazuyeva B. — Senior lecturer, Chechen state pedagogical University
baretk@mail.ru

Hu Yeshuang — Shanghai International Studies University, School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai, China
417970608@qq.com

Inozemtseva E. — Senior Lecturer, MGIMO University (Moscow, Russia)

Ivashchenko N. — Post-graduate student, Armavir State Pedagogical University
missis.nata.87@mail.ru

Ivinskaya M. — Candidate of pedagogical sciences, senior lecturer, Odintsovo University for the Humanities
Marina.obolenskaya@gmail.com

Kazakova A. — Post graduate student, The Herzen State Pedagogical University of Russia
1211alla@mail.ru

Khazykova T. — Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk state University
tschazikova@yandex.ru

Khomyakov S. — Senior Lecturer, Moscow State Medical-Stomatological University. A.I. Evdokimova
khomjakov.sergey@mail.ru

Kilabova M. — Senior lecturer, Chechen state pedagogical University
ganaeva86@mail.ru

Korolev I. — Kuban State University (Krasnodar)
grkrly@gmail.com

Kozubovskaja L. — Associate Professor of Perm National Research Polytechnical University

Labaeva T. — Nizhny Novgorod engineering-economic University, Vorotynets, Russia
tatalabaeva@yandex.ru

Levitsky N. — Candidate of Philology, Associate Professor of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
nellya7@mail.ru

Maximova O. — Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)
maximova_ob@pfur.ru

Mekleeva V. — Post-graduate student of the B.B. Gorodovikov Kalmyk state University
mekleeva-vm@mail.ru

Minets D. — PhD in Philology, associate professor of the Cherepovets State University
dv.minets@gmail.com

Murtazina D. — Nizhnekamsk Chemical Technology Institute Kazan National Research Technological University
sha-dilyara@yandex.ru

Osnovina T. — Nizhny Tagil state socio-pedagogical Institute (branch) of the Federal state Autonomous educational institution of higher education «Russian state vocational pedagogical University»
podakatr@yandex.ru

Pan'kin Arkadii B. — Doctor of Pedagogy, Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
connotation@mail.ru

Paymakova E. — Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)
paymakova_ea@pfur.ru

Polyakov V. — Nizhny Novgorod engineering and economic University, N. Novgorod, Russia
walpol@yandex.ru

Popova T. — PhD student, National Research Tomsk State University
tomus19@mail.ru

Pudikova G. — Peoples' Friendship University of Russia
pudikova.g.n@gmail.com

Pushkina A. — RUDN University (Moscow)
pushkina4@yandex.ru

Ren Yanyan — Shanghai International Studies University (Shanghai)
1938792893@qq.com

Rudometova L. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North-Eastern State University
secret-79@mail.ru

Ryazantsev A. — Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering
strunya@mail.ru

Rychkova T. — Candidate of philological sciences, Ass. Professor of the Murmansk Arctic State University
rychkovata@yandex.ru

Saduov R. — Bashkir State University (Ufa)
Ruslan.Saduov@gmail.com

Samorodova E. — LD, Assistant Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)
samorodova.ekaterina.78@mail.ru

Samosyuk N. — Candidate of Philological Sciences, Docent, Military Technical Institute in Military delivery and transport Academy named after general army A.V. Hrulev
s.n.l@rambler.ru

Sentebova E. — Associate Professor of Perm National Research Polytechnical University
Lena-sentebova@yandex.ru

Shagaeva N. — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
natalya-shagaeva@yandex.ru

Shlangman M. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North-Eastern State University
29353@mail.ru

Sichinsky E. — State Budget Institution of Additional Professional Education «Chelyabinsk Institute of Vocational Education Development»
esichinski@rambler.ru

Stashkevich I. — State Budget Institution of Additional Professional Education «Chelyabinsk Institute of Vocational Education Development»
stashkevichiren@mail.ru

Tlekkabylova D. — Senior lecturer, Makhambet Utemisov West Kazakhstan state university
dinar_06@list.ru

Volobueva O. — Industrial University of Tyumen
volobueva-olga-n@yandex.ru

Wang Qian — Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia
wqukr@126.com

Wu Jin — Postgraduate, Russian State Pedagogical University of Russia
Wujin20160826@163.com

Xie Yiping — Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia
msu1755@vip.qq.com

Yan Jie — Postgraduate, Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen
185743175@qq.com

Zasedateleva M. — Candidate of Philology, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
zasedateleva@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

